

№ 20 (191) 2014
Выпуск 23

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин,

ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,

проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,

профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук, профессор

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

А. П. Короченский,

декан факультета журналистики
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

Заместители главного редактора:

И. А. Нагорный,

профессор кафедры русского языка
и методики преподавания
историко-филологического факультета
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

О. Н. Прохорова, директор Института
межкультурной коммуникации и между-
народных отношений НИУ «БелГУ»,
доктор филологических наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy

Psychology

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Коммуникативно-прагматические функции междометий в китайском и русском языках **Ван Синсинь 5**

Структурно-семантические особенности составных наименований лиц по профессии или роду деятельности в прозе В. Токаревой **Ю.Н. Киреева,**

Л.И. Плотникова 12

Пресуппозитивный слой смысла в высказываниях с модально-персуазивными частицами **И. А. Нагорный 20**

Библиезмы как стилистические маркеры лирикопрозаического текста

Е. Г. Озерова 28

Функции словообразования в процессе языковой коммуникации

Л. Л. Присная, О. Н. Рукавицына 35

«Личностное знание» в пространстве акусматической культуры

В. К. Харченко 42

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Локальное словообразование как способ формирования и функционирования фразеологических африканизмов **Ж. Багана 50**

Реклама в массовых печатных изданиях США и Великобритании: национальные особенности становления и развития **Ю. С. Богданова, Е. В. Лукьянова 58**

Аспект коммуникативного членения в семиологическом анализе конструкций с экстраполированным компонентом **Н. И. Гайдюкова 63**

Синергичный эффект прагма-когнитивной мульти-имплицитивности метафор в английском политическом дискурсе **Н. В. Козырева 68**

Соматизм «сердце» в составе фразеологических единиц с позиции антропоцентрического подхода (на материале английского и русского языков) **О. Н. Кравченко, И. М. Субботина 74**

Функциональная категоризация английских глаголов прикосновения

О. В. Федотова 79

Закономерности прагматического эффекта английских, русских и немецких фразеологизмов с общим значением «нечестное поведение в торговой сделке»

И. Э. Федюнина 89

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Организация перспективных направлений туризма в России с участием средств массовой информации **Э. А. М. Абдель Вахед 95**

Ценностные ориентиры в творчестве телевизионного критика Славы Тарошиной **Р. П. Баканов 102**

«Стратегия цифры» и «стратегия бумаги» в журнальном бизнесе: корреляция положительная и отрицательная **Е. А. Зверева 121**

Социальные сети на службе демократии в Африке **Антони Капель Тремаса 128**

Ментальные семантико-речевые оппозиции в структуре текстовой референт-ситуации с концептами «Россия» и «большевизм» **Т. И. Краснова 133**

Типы и функции интертекста в журналистском тексте **А. А. Махова 142**

И. Ф. Исаев,
доктор педагогических наук, профессор,
НИУ «БелГУ»

В. В. Гребнева, заведующая кафедрой
психологии педагогического факуль-
тета НИУ «БелГУ», кандидат психоло-
гических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, Катовице
(Польша)

К. Жиро,
доктор философии, профессор Барселон-
ского Автономного университета, директор
Департамента средств массовой информации,
коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университе-
та, член-корреспондент Академии педаго-
гических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертычный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А. В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрог-
ского государственного педагогического
института, президент Российской
ассоциации медиапедагогика

Консультант

Е. А. Кожемякин,
заведующий кафедрой коммуникативи-
стики, рекламы и связей с общественно-
стью факультета журналистики Белгород-
ского государственного национального
исследовательского университета,
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

И. И. Карпенко,
доцент факультета журналистики
Белгородского государственного
национального исследовательского
университета, кандидат
филологических наук

Оригинал-макет *И. И. Карпенко*,
Н.А. Гапоненко

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 29.09.2014
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 28,83
Тираж 1000 экз.
Заказ 247

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81470

Оригинал-макет тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Социально-историческая типология человека в публицистике П. Н. Ткачева
В. Ю. Меринов 150

Особенности журналистских текстов, развернутых с помощью метафор
К. С. Филатов 155

ПЕДАГОГИКА

Особенности анимационной деятельности с подростками: поиск новых техноло-
гий **П. А. Зверев 165**

Феноменология педагогического сопровождения профессионального самоопре-
деления выпускников общеобразовательных организаций
В. Н. Кормакова 172

Роль технического и профессионального образования в экономической конку-
рентоспособности государства: опыт Финляндии **Г. А. Краснова 183**

Духовно-нравственная культура учителя в контексте современности
О. Е. Кучерова 189

Особенности проявления эстетического в жизнедеятельности современного об-
щества и его роль в формировании эстетического восприятия у будущих учителей
изобразительного искусства **Л. В. Лисунова 196**

О крупном деятеле народного образования юга России Александре Федоровиче
Комарове (1842 – 1918) **В. М. Московкин 204**

Проектирование технологии мониторинга формирования компетенций будущих
специалистов в процессе реализации образовательных программ иноязычной
подготовки **А. П. Пересыткин, Ю. Ю. Генкин, В. А. Филоненко 212**

ПСИХОЛОГИЯ

Сравнительный анализ учебной мотивации студентов вуза **Н. Н. Доронина**,
В.Н. Ткачев 217

Изучение психологической культуры преподавателя технического вуза на основе
анализа аудиторного занятия **Н. И. Смаковская 225**

Взаимосвязь межличностных отношений супругов с процессом принятия соци-
альной роли родителей на этапе беременности и трех месяцев ребенка
А. В. Темерева, И. А. Симоненко 232

Сведения об авторах **240**

Информация для авторов **243**

№ 20 (191) 2014

Issue 23

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «BelgorodNationalResearchUniversity»

Publisher:

BelgorodNationalResearchUniversity.

BelgorodNationalResearchUniversity Press.

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of BelgorodNational ResearchUniversity, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of BelgorodNationalResearchUniversity, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of BelgorodNationalResearchUniversity, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of BelgorodNationalResearchUniversity, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,

Dean of Faculty of Journalism, Doctor of Philological Sciences, Professor (BelgorodNational ResearchUniversity)

Deputies of chief editor:

I. A. Nagorniy,

Faculty of History and Philology, Department of Russian Language and Teaching, Doctor of Philological Sciences, Professor (BelgorodNational ResearchUniversity)

Belgorod State University

Scientific bulletin

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

Communicative and pragmatic Functions of Interjections in the Chinese and Russian Languages. **Van Sinsin 5**

Structural and semantic features of composite Names of a Person according to professional Activity in Texts by V. Tokareva **Y.N. Kireeva, L.I. Plotnikova 12**

Presuppositions Sense in Statements with modal-persuasiveness Particles

I. A. Nagornyy 20

Biblical Expression as stylistic Markers of lyric prosaic Text **E. G. Ozerova 28**

The functions of word Formation in the Process of language Communication

L. L. Prsnaya, O. N. Rukavitsina 35

«Private Knowledge» at the Space of acusmatics Culture **V. K. Kharchenko 42**

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

Local word formation as a method of forming and functioning of phraseological Africanisms **J. Baghana 50**

Mass Advertising in the USA and the UK: national Features of Formation and Development **J. S. Bogdanova, E. V. Lukyanova 58**

Communicative aspect of semiological analysis of constructions with extrapolated component **N. I. Gaidukova 63**

Synergy of pragmatic and cognitive multi-implicative Impact of the English political Metaphors **N. V. Kozyreva 68**

Somatism "Heart" as the Component of the phraseological Units singled out Anthropologically **O. N. Kravchenko, I. M. Subbotina 74**

Functional Categorization of the English Verbs of Touch **O. V. Fedotova 79**

Russian, English and German Idioms for Deception in a business Deal: the pragmatic Impact **I. E. Fedyunina 89**

JOURNALISM AND PR

Organizing the promising directions of tourism in Russia with mass media

E. A. M. Abdel Vahed 95

Value Manifestations in the Writings of television Critic Slava Taroschina

R. P. Bakanov 102

«Digital Strategy» and «Paper Strategy» in the Magazine Business: Correlation of positive and negative Features **E. A. Zvereva 121**

Social Networks serving the Democracy in Africa **Castel Tremosa, Antoni 128**

Mental-voice of the Opposition in the semantic Structure of a text Reference the Concepts of "Russia" and "Bolshevism" **T. I. Krasnova 133**

Types and Functions of Intertext in journalistic Texts **A. A. Makhova 142**

A social historical Typology of Man in Tkachev's Publicism **V. Yu. Merinov 150**

The features of journalistic texts Explicated by Metaphors **K. S. Filatov 155**

PEDAGOGICS

Peculiarities of entertainment Activity with Teenagers: in search for new Technologies

P. A. Zverev 165

O. N. Prohorova,
Director of Institute of Intercultural
Communication and International Relations,
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Belgorod National Research University)

I. F. Isaev,
Faculty of Psychology, Head of Department
of Pedagogics Doctor of Pedagogical Scienc-
es, Professor (Belgorod National
Research University)

V. V. Grebneva, Head of Department of
Psychology, Faculty of Pedagogy, Professor
(Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,
Doctor of Humanities, professor
of Silesian University, Katowice, professor
of High School of Humanities, Sosnowiec
(Poland)

X. Giro,
PhD, professor of Autonomous University
of Barcelona, director of Department
of Mass Media, Communication and
Culture (Spain)

V. I. Lozovaya
Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov Na-
tional University, member of Academy
of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,
Doctor of Philology, professor
of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor of Faculty of Journalism
of Moscow State University

A. V. Fedorov,
Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector
of Taganrog State Pedagogical Institute,
president of Russian Association
of Media Pedagogy

Consultant:

E. A. Kozhemyakin,
Faculty of Journalism, Head
of Department of Communication Studies,
Advertising and Public Relations,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor (Belgorod National Research
University)

Responsible secretary:

I. I. Karpenko,
Associate Professor of the Faculty
of Journalism (Belgorod National
Research University)

Dummy layout by *I. I. Karpenko*,
N. A. Gaponenko
e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing 29.09.2014
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 28,83
Circulation 1000 copies
Order 247

Subscription reference in Rospechat' agency
catalogue – 81470

Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Publishing
house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

Phenomenology of pedagogical Support of graduate Students' professional Self-
Determination **V. N. Kormakova 172**

The role of technological and national Education in the economic Competitiveness of the
State: Finland Experience **G. A. Krasnova 183**

Spiritual and moral Culture of Teachers in the Context of Modernity
O. E. Kucherova 189

Aesthetic features Presentation in the Life of modern Society and its Role in shaping
aesthetic Perception of future Teachers of Arts **L. V. Lisunova 196**

Alexander Fedorovich Komarov (1842 –1918) as an outstanding Figure of public Educa-
tion of Soylth of Russia **V. M. Moskovkin 204**

Competence building monitoring Technology design of the future Professionals while
implementing various foreign Language training educational Programs
A. P. Peresyphkin, Yu. Yu. Genkin, V. A. Filonenko 212

PSYCHOLOGY

Comparative analysis of educational Motivation of University Students
N. N. Doronina, V. N. Tkachev 217

Psychological Culture of the technical University Professors (the Case of a Class Exer-
cise) **N. I. Smakovskaya 225**

Correlation of interpersonal Relations of Spouses and the Processes of
social parental Role Admission during Pregnancy and 3-months Child's Life
A. V. Temereva, I. A. Simonenko 232

Information about Authors **240**

Information for Authors **243**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕЖДОМЕТИЙ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ван Синсинь*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:**wangxingxin250024@yandex.ru*

В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические функции междометий в китайском и русском языках. Сопоставляются семантические и классификационные характеристики русских и китайских междометий. Междометия, несущие важную коммуникативно-прагматическую функциональную нагрузку в высказывании, описываются как особый класс слов, до сих пор не имеющий строгой грамматической классификации как в китайистике, так и в русистике.

Ключевые слова: междометие, коммуникативно-прагматические функции, китайский язык, классификация, семантика.

Введение

Актуальность функционального описания междометий основывается на недостаточной изученности данного грамматического класса слов как в китайской, так и в российской лингвистике. Кроме того, и китайским, и русским междометиям присущи сходные и дифференциальные функциональные характеристики, проследить которые – задача немаловажная. В силу своего промежуточного положения в общей системе знаменательных и служебных частей речи и русского, и китайского языков, а также достаточно широкого спектра выполняемых коммуникативно-прагматических функций класс междометий не получил пока своего полного определения.

Китайские междометия имеют ряд дифференциальных и интегральных признаков с русскими междометиями. Например, китайские междометия, как и русские, являются репрезенторами определенных чувств, эмоций и волеизъявлений говорящего. Междометия в китайской языковой системе являются неизменяемой частью речи и не выполняют функции члена предложения, всегда интонационно связаны с предложением, к которому примыкают. В этом их явное функциональное и грамматическое сходство с русскими междометиями. В то же время китайские междометия имеют оригинальные функциональные и грамматические характеристики, позволяющие вести речь о дифференциальных параметрах данного разряда слов в классификационном аспекте.

Цель работы

Функциональный подход ориентирует на сопоставление функциональных, семантических и классификационных характеристик китайских междометий различных разрядов. Типологизация междометий в китайском языке позволяет установить, что данные языковые элементы способны быть, как и русские междометия, репрезенторами не только широкого спектра эмоционально-экспрессивных характеристик, но и знаками логических операций субъекта, например, выразителями сомнения, колебания, размышления говорящего, согласия или несогласия автора высказывания с оппонентом, понимания субъектом речевой ситуации общения, короткими ответами

на сказанное, выразителями авторской экспрессии в зависимости от ситуации применения междометий в коммуникативной ситуации общения.

Основная часть

Традиционный лингвистический подход определяет междометия в грамматическом аспекте. В этом плане как китайские, так и русские междометия имеют близкие статусные грамматические характеристики незнаменательных и неслужебных частей речи соответствующих языковых систем, с синтаксической точки зрения не выполняющих в структуре предложения грамматико-структурных функций, то есть не являющихся членами предложения. В силу данных характеристик в лингвистической науке распространенными являются классификации междометий по семантическому признаку. В китаистике такого подхода придерживаются многие лингвисты – Ма Цзяньчжун, Ван Ли, Ли Цзинси и др. МаЦзяньчжун классифицирует междометия согласно их семантическим признакам. Ван Ли, напротив, уделяет больше внимания синтаксическим особенностям китайских междометий. Учёный пишет: «Междометие не входит в структуру предложения, но только передаёт выдох-восклицание, эмоции, такие, как гнев, удивление, грусть и подобные» [1, с. 294]. Обобщая эти две позиции, Ху Мин-ян определяет китайские междометия как выражения, которые используются в устной речи, являются независимыми и не входят в структуру предложения [2, с. 16].

Авторы современных китайских грамматик придерживаются иной позиции, дифференцируя междометия по структурным параметрам. В частности, Ван Эжичан в своей статье «Части речи в основе прототипа системы» описывает междометие как «часть речи, которая не зависит от других слов в предложении, являясь только одним из компонентов этого предложения». Учёный отмечает, что «междометие не имеет синтаксических отношений с другими словами в предложении, зачастую предваряет предложение, иногда вставляется в середину предложения» [3, с. 89]. Например, в предложении 门外传来喂、喂的声音 (*menwaichuanlaiwei, weideshenyin*) – 'За дверью послышалось: «Эй, эй»!' китайское междометие *wei* передает информацию о том, что кто-то находится у двери дома и хочет узнать, есть ли кто-то другой внутри данного объекта. При этом словосочетание *за дверью послышалось* служит для усиления высказывания, для обрамления основной информации дополнительными смысловыми оттенками.

В китайском языке междометия наделяются следующими грамматическими свойствами:

а) междометия употребляются согласно определенным правилам сочетаемости единиц данного языка;

б) в некоторых китайских предложениях возможно ограничение перемещения междометия в пределах конструкции;

в) у междометий существует собственное лексическое окружение, в возможности которого входит своеобразие грамматической оформленности данной части речи;

г) междометия в редких случаях могут функционировать в качестве члена предложения;

д) междометия имеют возможность сочетаться со словами 的 (*de*) – 'да', 起来 (*qilai*) – 'понимать', 着 (*zhuo*) – 'оформляет сказуемое повелительного предложения, требующего постоянного (неоднократного) действия', 了 (*le*);

е) междометия способны редуцироваться. Отметим, что редупликация является одним из способов образования новых междометий и в русском, и в китайском языках. Например, в русском языке междометие *ох* служит средством выражения вздоха, стоны: *Сказал бы: ох! да не велит Бог*. В результате процесса редуплицирования появляется междометие *ох-ох-ох*, которое несет такое же значение, что и *ох*, но выражает более глубокие чувства: *Ох-ох-ох, кабы денег дал Бог: купил бы село*,

да и жил бы весело! (Ср.: в китайском языке: 嘻, 不错. (*xi, bicusio*) – 'Хи, ничего так' и 嘻嘻嘻嘻, 太好了! (*xixixi, taihaole!*) – 'Хи-хи-хи, очень хорошо!').

Рассмотрим функциональные характеристики китайских междометий более детально.

В китайском языке междометие является особой частью речи, не относящейся ни к знаменательным, ни служебным, а также не имеющей конкретного грамматического и лексического значения. Между тем практически все китайские междометия несут в себе определенный, коммуникативно обусловленный смысл, поэтому семантика междометия, как правило, тесно связана с контекстуальной семантикой предложения:

啊! 这是怎么回事?(*a! Zheshizenmehuishhi?*) – 'А! что это такое?'

В китайском языке, как и в русском, междометия чаще всего занимают позицию начала предложения, а после междометия по правилам китайской пунктуации ставится запятая или (реже) какой-либо другой пунктуационный знак. Кроме того, междометия могут фиксироваться как в середине, так и в конце предложения, что даёт возможность изменения значения употребляемого междометия, а также делает возможным употребление одного и того же междометия в различных контекстах, например:

这是谁的东西, 啊?(*zheshishei de dong xi, a?*) – 'Чьи это вещи, а?' (в данном предложении междометие *a* употреблено в значении вопроса, в контексте вопросительного предложения);

啊! 我想起来了!(*a! Woxiangqilaile!*) – 'А! Я вспомнил!' (в семантической структуре предложения междометие *a* выражает восклицание);

这些小猫儿, 哎呀! 真有个意思. (*zhexixiaomaer, aiya! Zhenyougeyisi*) – 'Эти котята, эй-я! очень прелестные' (в данном предложении междометие *эй-я* находится в середине и выражает чувство умиления говорящего);

哎呀! 你又把你的手机弄坏了!(*aiya! Ni you bani de shoujinonghuai le!*) – 'Эй-я! Ты снова сломал свой телефон!' (в этом случае междометие *эй-я* располагается в начале предложения и репрезентирует сожаление автора высказывания о разбитом телефоне).

К ярким функциональным характеристикам китайских междометий относится передача чувственной сложности. В китайском языке, как и в русском, существует огромное количество междометий, однако аналогичные междометия в различных речевых ситуациях могут выражать различные эмоции субъекта-говорящего. Это имеет прямую зависимость от той интонации, с которой произносится междометие. Например, междометия 啊 (*a*) – 'а', 哎呀 (*aiya*) – 'эй-я', 哦 (*o*) – 'о' могут использоваться в китайском языке как для выражения вопроса, так и для выражения удивления и недоумения:

啊, 你说什么?(*a, nishuoshen me?*) – 'А? Ты о чем?' (выражение чувства удивления);

啊, 原来是这样!(*a, yuanlaishizheyang!*) – 'А, вот оно что!' (выражение понимания говорящим предмета разговора или коммуникативной ситуации в целом);

啊, 就这么办呢!(*a, juzhemebanne!*) – 'А, так и будет' (выражение согласия с мнением оппонента).

В составе предложения китайские междометия способны выполнять разнообразные коммуникативно-прагматические, а в редких случаях даже грамматические функции. Рассмотрим функции междометий более детально:

1. Иллокутивная функция. Китайское междометие при выполнении данной функции приобретает силу самостоятельного высказывания и автономный интонационный рисунок. Данная функция свойственна подавляющему большинству междометий китайского языка:

喂, 你可别忘了!(*wei, nikebiewangle!*) – 'Послушай-ка, только ты не забудь!';

他说：“你看，**尽管这样！你难道认识他？**”。(ta shuo: nikan, jin ran zhe yang! Ninandaorenshita?) – 'Вот тебе на! – сказал он. – А ты разве знаешь его?';

呕！我明白了，明白了！(o! Wo mingbai le, mingbai le!) – 'О, я понял, понял!'

2. Экспрессивная функция. Выполнение данной функции придает китайскому предложению с междометием определенную эмоциональную или даже экспрессивную окраску:

啊，多么宏伟雄壮的南京长江大桥呀！(a, duomehongweixiongzhuangdenanjinchangjiangdaqiaoya!) – 'Ох, как величествен и могуч Большой Нанкинский мост через Янцзы!';

唉，你没跟我们一块儿去，太可惜了！(ai, nimeigenwomenuyikuaiierqu, taikexile!) – 'Ах, как жаль, что тебя не было с нами!';

我们队赢了！乌拉！(wo men dui ying le! Wula!) – 'Наша команда взяла верх! Ура!'

3. Акцентологическая функция. Данная функция китайского междометия направлена на усиление значения, выраженного в предложении знаменательной частью речи:

嗨，你真行！(he, nizhenxing!) – 'Ого, какой ты молодец!';

– **哦！**– 他轻声喊道打了个寒噤 – 请原谅我，明亮的玛戈皇后！我弄错了。(o! Taqingshenghandadalegehanchan, qingyuanliangwo, mingliangdemagehuanghou!) – 'Ой! – тихо воскликнул он и вздрогнул, – простите великодушно, светлая королева Марго! Я обознался';

– **回声！**– 他说 – 再次，你在我们的地区！从哪里来神带来了什么？(hui sheng! Ta shuozai ci, nizai wo men de di qu! Cong na li laishendailai le shen me?) – 'Эхе! – сказал он, – опять ты в нашем краю! Отколе бог принёс?'

4. Собственно грамматическая функция (структурная функция члена предложения). Данная функция является достаточно редкой и присуща лишь небольшому количеству китайских междометий. Данная функция обычно реализуется на основании замещения междометным словом словоформы:

宝玉听了 “**出嫁**” 二字，不禁又害了两声。(baoyutingle «chujia» erzi, bujinyouhaileliangsheng) – 'Бао-юй, услышав слова «выходит замуж», невольно ахнул несколько раз';

哎呀，但光是“**哎呀**”还不够。(aiya, danguangshiaiyahaibugou) – 'Ах, но одного аха не достаточно';

我讨厌这些啊呀和哎呀。(wotaoyanzhexie a yaheaiya) – 'Мне надоели эти охи да ахи!'

Исследование междометий современного китайского языка, их семантических свойств и разнообразных текстовых и речевых функций помогает проследить становление класса междометий среди других частей речи в китайском языке. Междометия отличаются от других языковых единиц китайской языковой системы своими оригинальными функциональными, грамматическими, а также текстовыми характеристиками. Кроме того, для междометий в китайском языке характерны некоторые особенности в фонетическом оформлении и реализации специфической речевой функции.

В аспекте словообразовательной структуры китайские междометия подразделяются на следующие группы:

1. Междометия односложной структуры: **啊** (a) – 'а', **咦** (yi) – 'и', **嘿** (hei) – 'хэй', **嗨** (hai) – 'хай' и т.п. Например:

啊，你说什么？(a, nishuoshenme?) – 'А, что ты сказал?';

嘿，终于让我们找到了！(hei, zhongyurangwomenzhaodaole!) – 'Хэй, наконец мы нашли!';

嗨，真不走运！(hai, zhenbuzouyun!) – 'Хай, вообще не повезло!'

2. Междометия двусложной структуры: 嘻嘻 (xixi) – 'хихи', 哈哈 (haha) – 'хаха', 哎呦 (aiyou) – 'эй-ю' и др. Например:

大家都在认真工作, 而她却嘻嘻哈哈。(dajiadouzairenzhengongzuo, ertaquexixihaha) – 'Все серьезно работают, а она – хи-хи-хи да ха-ха-ха';

– 哎呦, 不, 不! 任何人任何时候都不要用力抓我。(ai you, bu, bu! Ren he renren he shihoudoubuyao Yong li zhua wo) – 'Эй-ю, нет, нет! Никто и никогда не мог удерживать меня насильно'.

3. Междометия многосложной структуры: 哎呀呀 (aiyaya) – 'эй-я-я', 偶吼吼 (ouhouhou) – 'о-хо-хо' и пр. Например: 哎呀呀, – 警务人员说: 这似乎是坏人干的! (aiyaya, – jingwuren yuanshuo: zhesihushihuairengande!) – 'Эй-я-я, – сказал полицейский, – дело, кажется, скверное!'

В функционально-семантическом аспекте китайские междометия подразделяются на два общих семантических разряда:

1. Междометия, служащие для выражения эмоций говорящего:

哈哈, 真好笑! (haha, zhenhaoxiao!) – 'Ха-ха, очень смешно!';

哎呦, 你来了! (aiyou, nilaila!) – 'Эй-ю, ты пришла!'.

2. Междометия, передающие разного рода обращения к лицу (субъекту):

喂, 行。就照你说的办吧。(ai, xing. Jiu zhaonishuo de ban ba) – 'Ай, ладно. Делай, как ты сказала';

停, 我说了! (ting, woshuole!) – 'Ша, я сказал!'.

В рамках указанных разрядов китайские междометия с функционально-семантической точки зрения можно условно разделить на следующие группы:

1. Междометия, выражающие удивление, изумление, восхищение: 啊 (ai) – 'а', 咦 (yi) – 'ий', 嘿 (hei) – 'хэй', 嗨 (hai) – 'хай', 嚯 (huo) – 'хуо', 吓 (he) – 'хе', 呕 (ou) – 'оу', 哟 (you) – 'йю'.

Например:

咦? 还要我来教你?(yi? Hai yao wo laijiaoni?) – 'Ий! Неужели я должна тебя учить?';

嘿! 怕什么? 他见的世面多了! (hei! Pa shen me? Ta jian de shimian duo le!) – 'Хэй! Да ладно, чего ты боишься? Он всё знает!';

哟, 还挺厉害啊! (you, haitinglihaia!) – 'Йю, ты такая молодец!';

嚯, 你小子还真行啊! (huo, nixiaozihazhenxinga!) – 'Ух, ты крутой!';

呕, 原来是你呀。对不起, 让你久等了。(o, yuan laishiniya. dui bu qi, rang nijiu-deng le) – 'Оу, это ты! Извини, ты меня долго ждала?'.

2. Междометия, выражающие в одних случаях радость, а в других – иронию и сарказм: 哈哈 (haha) – 'ха-ха', 嘻嘻 (xixi) – 'хи-хи', 呵呵 (hehe) – 'хе-хе'.

Например:

哈哈, 我终于学会开车啦! (haha, wozhongyuxuehuikaichela!) – 'Ха-ха, я научилась водить машину!';

呵呵, 他也能考上大学?(hehe, tayenengkaoshangdaxue?) – 'Хе-хе, это он-то поступил в университет?'.

3. Междометия, выражающие сожаление субъекта по поводу чего-либо: 唉(ai) – 'эх', 哎呀(aiya) – 'эй-я', 嗨(hai) – 'хэй'.

Например:

唉, 要是当时听你的话该多好哇! (ai, yaoshidangshitingnidehuagaiduohaowa!) – 'Эх, если бы тогда я тебя послушала!';

唉, 病了两个月, 把工作都耽误了。(ai, binglelianggeyue, bagongzuodoudanwule) – 'Эх, два месяца проболел, запустил дела на работе!';

哎呀！我可真不知道他是为了这事儿呀！（*aiya, wokezhenbuzhidaotashiweizheshiya!*）– 'Эй-я, я совсем не знала что обидела его!';

嗨，你可好糊涂哇！（*hai, nikehaohutuwa!*）– 'Хэй, какой же ты дурачок!'

4. Междометия, выражающие возмущение субъекта относительно чего(кого)-либо или презрение к чему(кому)-либо: 呸 (*pei*) – 'тьфу', 啐 (*cui*) – 'ну', 哼 (*heng*) – 'хм', 吓 (*he*) – 'ах'.

Например:

呸！你胡说八道！（*pei, nihushuobaidao!*）– 'Тьфу, что за чушь ты несёшь!';

哼，你竟然相信他的话？（*heng, nijingranxianghede?*）– 'Хм, и ты веришь тому, что он сказал?';

啐，他走到今天这地步完全是咎由自取！

（*cui, tazoudaojintianzhedibuwanquanshijiuyouziqu!*）– 'Ну, это он сам виноват!'

5. Междометия, выражающие недовольство, несогласие говорящего: 唉 (*ai*) – 'эй', 嗨 (*hai*) – 'хэй', 嚯 (*huo*) – 'хуо', 吓 (*he*) – 'ах'.

Например:

唉，他的意见我还就是不同意！（*ai, tadeyijianwohaijiushibutongyi!*）– 'Эй, всё равно я не могла согласиться с ним!';

吓，你怎么能这样说话呢？（*xia, nizenmenengzheyangshuohuane?*）– 'Ах, как ты можешь так говорить!'

6. Междометия, выражающие понимание говорящим ситуации, служащие знаком осмысления события: 呕 (*ou*) – 'о'.

Например:

呕，我知道了。（*ou, wozhidaole*）– 'О, я знаю!';

呕，原来你也是山东人。（*ou, yuanlainiyeshishandongren*）– 'О, так вы тоже из провинции Шаньдун!'

7. Междометия-обращения: 喂 (*wei*) – 'вэй', 唉 (*ai*) – 'эй', 啊 (*a*) – 'а'.

Например:

喂，你是哪位？（*wei, nishinawei?*）– 'Вэй, кто это?';

唉，透露透露，最近有什么内部消息？（*ai, toulutoulu, zuijinyoushenmeneibuxiaoxi?*）– 'Эй, ты поделишься своей информацией?'

8. Междометия-ответы: 唔 (*wu*) – 'ух', 唉 (*ai*) – 'эй', 哎 (*ai*) – 'эй', 啊 (*a*) – 'а', 呕 (*ou*) – 'о', 哦 (*o*) – 'о', 哎呀 (*ai-ya*) – 'эй-я'.

Например:

啊，啊，好吧。（*a, a, haoba*）– 'А, а, хорошо!';

哦，我想起来了。（*o, woxiangqilaile*）– 'О, я запомнила!';

唔，我不知道。（*wu, wobuzhidaole*）– 'Ух, я не знаю!'

哎呀！我居然不知道这件事！（*aiya, wojuranbuzhidaozhejianshi!*）– 'Эй-я, про это я не знала!'

Выделенные группы междометий коммуникативно обусловлены функциональной нагрузкой рассматриваемых языковых элементов в речевом процессе, а также их текстовыми характеристиками. Уточним, что список указанных групп не является конечным, поскольку нередко в функционально-семантическом аспекте китайские междометия способны репрезентировать целый комплекс эмоций или логических операций говорящего.

Выводы

Подведём некоторые итоги. В китайском языке, как в русском, междометия играют особую коммуникативно-прагматическую, семантическую и общественно-культурную роль, несут важную функционально-смысловую нагрузку в коммуникативном процессе. Китайские междометия, выражая эмоции, ощущения, экспрессив-

ные реакции субъекта на что-либо, употребляются в разнообразных речевых ситуациях, выполняют при этом целый комплекс коммуникативно-прагматических функций. Последние могут служить в перспективе основой для прагмалингвистической типологизации междометий в китайском и русском языках.

В заключение еще раз отметим, что китайские и русские междометия имеют между собой много общего. Однако различные языковые картины мира этносов, специфические особенности организации русского и китайского языков, специфика русской и китайской культурных традиций являются основой того, что междометия в русском и китайском языках имеют не только явные семантические и функциональные сходства, но и весьма существенные отличия и в семантическом, и в структурном планах.

Список литературы

1. 王力中国语法理论 (Wanglizhongguoyufalilun – Теория китайской грамматики) . – Тайбэй, 1987. – 374 с.
2. 胡明阳俄汉语感叹词对比 (Huminyang – Контраст русского и китайского междометия). – Ляонин, 1996. – 225 с.
3. 王自强现代汉语虚词词典 (Wangzhiqiangxiandaihanyuxucidian – Современный китайский словарь служебных слов). – Шанхай, 1998. – 324 с.
4. 王超辰主编高级汉语 (Wangchaochengaojihanyu – Китайский язык). – Тяньцзинь, 1990. – 132 с.
5. 高彦梅汉英感叹词对比研究 (Gaoyanmeihanyinggantanciduibianjiu – Сравнительное изучение китайского и английского междометия). – Шаньдун, 2000.
6. 李德津外国人实用汉语语法 (Lidejinwaiguorenshiyonghanyuyufa – Практическая китайская грамматика для иностранцев). – Пекин, 2008. – 399 с.
7. 赵元任中国话的文法 (Zhaoyuanrenzhongguohuadewenfa – Грамматика разговорного китайского языка). – Тайбэй, 1971. – 330 с.
8. 杜道流现代汉语感叹句研究 (Dudaoliuxiandaihanyugantanjuanyanjiu – Исследование восклицательных предложений современного китайского языка). – Аньхой, 1970. – 227 с.
9. 黎锦熙新著国语法 (Lijinxixinzhuguooyufam – Новая китайская грамматика). – Пекин, 1992. – 443 с.
10. 辞海 (cihai – Ци хай). – Пекин, 2002. – 5972 с.
11. 诗经 (shijin – Ши цзин). – Пекин, 2008. – 363 с.

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC FUNCTIONS OF INTERJECTIONS IN THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES

Van Sinsin

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
wangxingxin250024@yandex.ru*

The article considers the discourse-pragmatic functions of interjections in Chinese. Compared semantic classification and characteristics of Russian and Chinese interjections. Interjection is described as a special group of words, still not having a strict grammatical classification in Sinology, and in Rusistics, but carrying an important communicative-pragmatic functional load in the utterance.

Keywords: interjection-pragmatic functions, Chinese, classification, semantics.

УДК 811.161.1:39

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ ИЛИ РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЗЕ В. ТОКАРЕВОЙ

Ю. Н. Киреева
Л. И. Плотникова

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
Neverreplay@rambler.ru

Статья посвящена анализу структурно-семантических особенностей составных наименований лиц по профессии в прозе В. Токаревой. Исследуемые единицы несут социально значимую информацию о персонаже, могут обладать отрицательной или положительной коннотацией и служить важной деталью при создании необычных образов и ситуаций. Отдельные наименования содержат заимствованные элементы, что обусловлено рядом экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: составные наименования, лексикография, базовый компонент, актуализирующий компонент, наименование лиц по профессии.

Введение

Лингвистический статус составных наименований

В художественных текстах автор с той или иной целью довольно часто дает сведения о месте работы и должности своего персонажа. От профессии в значительной мере зависят особенности мировосприятия, круг интересов, культурный уровень, материальный достаток героя произведения. Профессия определяет социальную активность человека, степень ответственности перед членами общества, дает возможность любоваться результатом затраты физических или духовных сил. Для многих людей профессия становится главным наполнителем жизни, средством самовыражения и существования. Как отмечает М. М. Покровский, слова не только называют представителей профессии (учитель, врач, адвокат и т. д.), но и обозначают действие, исходящее от определенного субъекта, распространяющееся на определенный объект и совершающееся в определенных условиях [Цит. по: 1, с. 191]. Категория профессионального деятеля способна выступать ярким средством характеристики личности как на уровне социальных стереотипов, так и с учетом авторского мировосприятия: *Зарплата **врача** без степени – это пособие по безработице. Как им платят, так они и работают* (2, с. 124); *Но она была **актриса** в принципе своем. В ней жила потребность лицедейства и самовыражения* (14, с. 218); ***Бандиты** и **бизнесмены** одинаково пакут деньги. Значит, **бизнесмены** – тоже немножечко **бандиты*** (11, с. 378) и др.

Современные условия рынка труда, развитие экономических, политических связей, межкультурная коммуникация обусловили появление большого количества информативно насыщенных составных наименований, например: *продавец-консультант, контент-менеджер, инженер-технолог, сортировщик-сборщик* и др. Е. С. Кубрякова отмечает, что когнитивному усложнению мира и его познанию соответствует у современного человека когнитивное усложнение содержания и структуры языковых обозначений и языковых форм [2]. Использование номинативных единиц подобного рода объясняется стремлением обозначить узкопрофессиональную или многопрофильную деятельность человека. Данные наименования отражены в выпусках «Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих», но, как правило, не зафиксированы в толковых словарях.

В современной лингвистической литературе отмечается многообразие подходов при изучении данных наименований, что подтверждает сложность явления. Кроме того, об интересе лингвистов к конструкциям подобного рода свидетельствует разнообразие используемых терминов: *билексемы, биномины, гибриды, композиты, ап-*

позитивные конструкции, апозитивные сочетания, сложные слова, сложносоставные слова и др. Е. В. Сенько называет данные наименования *субстантивно-субстантивными образованиями* [3]. М. В. Костромина использует термин *биномин*, под которым понимает наименование, состоящее из двух компонентов, представляющих собой самостоятельно употребляющиеся в русском языке слова или омонимичные им единицы [4, с. 1 – 2]. Термины *биномин*, *комполит*, *составное наименование* используются в ее работе как синонимичные.

Исследователи ставят задачу разграничить сложные слова и сочетания существительного с приложением. Основное отличие цельнооформленных единиц от нецельнооформленных в природе номинации: составное наименование имеет один(общий) денотат, сочетание существительного с приложением – отдельный денотат для каждого компонента. «Биномины, вмещающая значение компонентов, одновременно покрывают их качественно новой смысловой нагрузкой, что и позволяет данным единицам самостоятельно функционировать в лексической системе языка» [5, с. 89].

Н. А. Янко-Триницкая объединения подобного рода относит к номинативным единицам, граничащим со сложными словами и словосочетаниями существительного с приложением. По ряду признаков данные наименования могут сближаться с определенной группой: при наличии неизменяемого первого компонента наименования представляют собой сложное слово, при склонении двух частей – существительное с приложением [6, с. 361].

В трудах по лингвистике представлены разные типологии составных наименований, нет единого мнения и о способе их образования. Слова типа *автор-персонаж*, *артист-любитель* рассматриваются как в рамках чистого сложения [7, с. 169], так и в качестве отдельных слов с приложениями.

Мы рассматриваем данные речевые явления как составные наименования (в том числе индивидуально-авторские), образованные способом разнословного сложения и выполняющие номинативную, конструктивную, компрессивную и экспрессивную функции. Номинативную функцию составное наименование выполняет в расчлененном виде.

Вслед за М. А. Дрога [8] в структуре составных наименований мы выделяем главный компонент – базовый – соответствует тематической части высказывания, актуализирующий компонент – сообщает новую информацию о предмете.

Основная часть

Исходя из структурных и семантических особенностей составных наименований, мы классифицировали языковой материал, извлеченный методом сплошной выборки из текстов В. Токаревой, на следующие группы:

- составные наименования с базовым компонентом, обозначающим род деятельности или профессию;
- составные наименования с актуализирующим компонентом, обозначающим род деятельности или профессию;
- составные наименования, обозначающие сложные названия профессий, специализацию.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что составные наименования первой группы позволяют писателю дать оценку профессиональной деятельности героя, например: *Батюшка был старый, неряшливый и грубый. Застойный батюшка. Поп-бюрократ* (2, с. 34). В данном примере отмечается явная ирония автора по отношению к священнику, формально исполняющему свои обязанности. В толковых словарях отмечена негативная коннотация актуализирующего компонента *бюрократ*. Пренебрежение к персонажу прослеживается в следующем примере: *Пузатый*

вышибала, режиссер-неудачник, которого никто и никогда не видел трезвым, превратился в мощного бизнесмена, продюсера, официального миллионера (4, с. 295).

В анализируемых текстах довольно часто в качестве второго компонента составного наименования выступает агентивное существительное *любитель*, которое характеризует субъект по склонности или привязанности к чему-либо/кому-либо, например: *В его прежнюю квартиру переселился фотограф-любитель* (4, с. 235). В данном примере компонент *любитель* указывает на занятие фотографией без должной подготовки. Следует отметить, что в отдельных контекстах существительное *любитель* может проявлять способность к энантиосемии: *Провести переаттестацию, оставить только дефектологов, никакого дилетантства, никаких любителей* (9, с. 167); *Он был повар по призванию. В этой профессии любители превосходят профессионалов* (11, с. 224). В первом примере *любитель* приравнивается к дилетанту (в этом слове с середины XIX века развивается оттенок презрения), а во втором предложении *любитель* – человек, полностью отдающий себя какому-либо делу.

Зафиксированы отдельные примеры составных наименований с компонентом *дилетант*. В единицах подобного рода явно проступает оттенок пренебрежения, ср.: *Если бы самый плохонький воршика-дилетант, то получил бы точную инструкцию: ключи под ковриком* (4, с. 195). Автор использует словообразовательные средства выражения иронии: суффикс существительного *-ишк(а)*, вносящий уменьшительно-пренебрежительное значение в слово *вор*, и суффикс прилагательного *-оньк(ий)*, добавляющий уничижительное значение. Являясь продуктом лингвокреативного мышления, составное наименование позволяет автору ярко выразить свое отношение к изображаемому явлению.

Языковой материал свидетельствует, что в роли второго компонента наименования могут выступать слова, указывающие на национальность героя произведения. Как правило, в таких случаях автор создает определенные стереотипные образы: *Купит новую квартиру или снимет где-нибудь в Измайлове, это будет другая квартира с пьющими соседями и дворниками-татарами* (5, с. 139).

Составные наименования с актуализирующим компонентом, указывающим на род деятельности или профессию, как отмечает М.В. Костромина, чаще относят к сочетанию существительного с приложением. Самостоятельность компонентов может подчеркивать вставная конструкция или согласованное определение, относящиеся к одному из компонентов наименования, например: *Старушка-анималистка (рисовала животных для наглядных пособий и для детского лото) потеряла паспорт и начала его искать* (1, с. 232); *Легкий итальянец-фотограф прыгнул на корму и щелкнул* (1, с. 250). Согласованное определение *легкий* относится только к первому компоненту и отражает общепринятые представления о свободолюбивых, общительных и жизнерадостных итальянцах.

Зафиксированные нами примеры позволяют заключить, что в качестве главного компонента составного наименования могут выступать слова *женщина, мужчина*, которые указывают на половую принадлежность персонажа: *Женщина-администратор странно глянула на него из своего вагончика* (2, с. 253); *Похвалила женщина-врач, окончив осмотр* (2, с. 82); *Мягко, но настойчиво спросила женщина-заседатель, как бы наводя «Ромашку» на нужный ответ* (6, с. 102). В ассоциативном словаре на слово *женщина* зафиксированы следующие реакции: материнство, молодость, красота, доброта, на слово *заседатель* – присяжный, судебный, кислый и др. Благодаря составному наименованию В. Токарева успешно создает образ, сочетающий женскую мягкость и доброту со строгостью и требовательностью судебного работника. Эти противоречия в характере поддерживаются на лексическом уровне антонимами *мягко – настойчиво*, характеризующими речевые особенности персонажа.

Профессии, нетипичные для женщин, могут также служить основой составного наименования, например: *Пару раз они попали в комнату милиции, и женщина-милиционер терпеливо с ними возилась, ожидая прихода отца* (7, с. 143). В даль-

нейшем контексте наблюдаем авторскую замену главного компонента: *Когда Максим являлся в великом смущении, мальчики не хотели уходить от **тети-милиционера*** (7, с. 143). Можно говорить о том, что первый компонент в данном случае свидетельствует об особом отношении героини к детям и, в свою очередь, об уважении и доверии детей.

Фактический материал показывает, что составные наименования могут включать компонент, обозначающий родственные связи (*муж, жена, отец, бабушка* и др.), например: *Картер в сравнении с ними – недалекий человек, хоть и сидит сейчас в парламенте, а они идут по зимнему лесу за своими **женами-учительницами*** (9, с. 55); *Опять лихачит! – крикнула Фрося **мужу-начальнику*** (6, с. 141); *Ее **муж-летчик** исчез при невыясненных обстоятельствах* (11, с. 16); *Были приглашены: Нина с **мужем-архитектором**, Нэля, Борис с мамашей, Ксения, само собой, и американец, снимающий вторую квартиру* (11, с. 103); *Марина кинулась к Рустаму. Рустам – к **отцу-генералу*** (11, с. 187) и др.

Можно говорить, что обозначение профессии определяет степень влияния данного лица на членов семьи. Властная женщина, осуществляющая в доме координацию и общее руководство (10, с. 91), названа автором составным словом: *По этому торжественному случаю к Володе из Минска приехала **бабушка-профессорша*** (10, с. 91). Завершающим штрихом при создании образа становится повтор наречия *строго* при описании глаголов мысли и говорения, например: ***строго** спросила, **строго** сказала* (10, с. 91) и др. Отмечен и другой пример составного наименования с компонентом *профессорша*: ***Мать-профессорша** слегка страдала оттого, что ее сын женился на деревенской, на простой. Но что же делать* (3, с. 8). Контекст употребления составного наименования свидетельствует о явной отрицательной коннотации. Необходимо отметить, что ассоциативный словарь, фиксирующий экспрессивные реакции на слово *профессор*, также отражает отрицательные коннотации в отдельных случаях употребления данного слова.

Установлено, что наименование лица по профессии в определенном контексте указывает не столько на профессиональную деятельность персонажа, сколько на его образ жизни и взаимоотношение с близкими. Е. С. Голованова по этому поводу пишет: «В ментальном и языковом пространстве социума категория профессионального деятеля выступает в качестве инструмента познания мира и человека в этом мире» [9, с. 7]. Так, неизбежные профессиональные отъезды и репетиции оказывают огромное влияние на личную жизнь героини, отдаляют ее от родных: ***Жена-артистка** – это чужая жена* (5, с. 27).

Нередко с помощью составных наименований автору удается подчеркнуть тот или иной жизненный успех персонажа. Так, о героине, сумевшей устроить личную жизнь, автор пишет: *И второе: у нее был **друг-банкир**, который содержал ее и бабушку и, кажется, обоих родителей с их новыми семьями* (13, с. 87). Престижная профессия друга выступает не дополнительной информацией, а важным моментом в отношениях. Наименование лица по профессии указывает на жизненные приоритеты героини: богатство, высшее общество, выгода. О стремлении к наживе свидетельствует глагол *содержать*, который вызывает негативные ассоциации со словом *содержанка*.

Явное неодобрение выражено в следующем примере: *Все Верины **подружки-актерки**, с которыми училась и работала, как-то устроили свою жизнь. Одни вышли замуж за своих сокурсников, другие отбили богатых мужиков у законных жен* (3, с. 14). Здесь *актерка* – женщина, проявляющая определенные моральные качества. Она живет в такой среде, в которой все вынуждены скрывать мысли и чувства, идти на обман ради желаемого: *После войны шла жесткая борьба за женскую выживаемость* (3, с. 14).

Главным компонентом составных наименований может выступать имя собственное: *В прошлом месяце за **Васькой-шофером** погнался, в баню его застал* (2, с. 280); *Принцип **Тюшкина-режиссера** состоял в том, чтобы интересно*

рассказать интересную историю (12, с. 15) и др. Отметим следующий пример: *Ее звали **Томка-золотоискатель**, потому что она **искала золотые крупицы судеб, тем, проблем*** (9, с. 244). Актуализирующий компонент выражен функциональным именем, называющим лицо по действию, которое оно выполняет – буквально «ищет золото». Оригинальность составного наименования основана на метафоризации второго сложного компонента *золотоискатель*. Слова *золото* входит в состав многих русских пословиц, в которых оно обозначает что-то ценное и значимое, ср.: *Богатство – грязь, ум – золото; Бывает, что молчание – золото, а слово – серебро, бывает и слово – золото, а молчание – серебро; В терпении скрыто золото* и др. В контексте В. Токаревой словом *золото* обозначены интересные человеческие судьбы и жизненные истории. Наименование *Томка-золотоискатель* определяет добросовестное отношение героини к работе, желание найти хороший материал, стремление донести интересный сюжет.

Языковой материал свидетельствует об активном употреблении стилистически окрашенных компонентов с суффиксами *-ш(а)*, *-к(а)*: *В кабинете директора сидела **девушка-секретарша** и тихо разговаривала по телефону* (14, с. 48); *Егоров был похож одновременно на барина и мужика, будто **девка-кухарка** родила от молодого помещика* (2, с. 111); *Лариска забрала ребенка и ушла домой, к папе-министру и маме-министерше* (3, с. 24); *Живем вместе с хозяйкой, **вдовой-генеральшей*** (13, с. 41) и др. Суффикс *-ш(а)* довольно часто встречаем в словах, обозначающих родственные связи: *Неожиданно явился **папаша-министр*** (3, с. 22); *В Эфиопии произошёл переворот, и **папаша-король** сбежал во Францию вместе с семьей и деньгами* (1, с. 316). Негативное отношение к бывшему главе государства подчеркивается не только составным наименованием со стилистически окрашенным суффиксом, но и глаголом *сбежал*, обозначающим тайный уход от преследователей.

Среди многочисленных примеров отмечены окказиональные случаи сложения компонентов, объединяющих разные виды профессиональной деятельности: *Марина никому не завидовала, кроме семьи **профессора-повара*** (11, с. 224). Контекст позволяет определить особенности, характеризующие всесторонние интересы персонажа: пожилой профессор в свободное время с удовольствием готовил вкусные блюда.

Примером метафорического разнословного сложения может послужить следующий: *И **домохозяйка-пилот** тоже ни при чем* (1, с. 46). Определить значение данного составного наименования вне контекста не представляется возможным. Объединения подобного рода зависят от «произвола вкуса и фантазии автора» [10, с. 96]. Данное наименование обладает огромной силой выразительности, так как «соположение далекого (создание сходства) – один из важных принципов построения художественной речи» [11, с. 19 – 20]. Наименование отражает иронию автора по поводу нового изобретения неудачливого Шлепы – «духотворенного варианта» мясорубки в виде самолета.

Третья группа составных наименований называет сложные профессии, совмещающие разные профессиональные обязанности, например: ***Инженер-строитель** Алексей Коржиков все время мерз и хотел есть* (10, с. 121); *Если бы вы были **слесарь-водопроводчик**, то, возможно, требования к вам бы повысились* (10, с. 121); *Раздумывать больше некогда, иначе мне поставят двойку, не переведут в девятый класс, и я буду **токарь-наладчик** или буду **швея-мотористка*** (3, с. 202); *Три месяца назад у Лены умер муж Андрей Новожилов – **художник-постановщик*** (14, с. 137) и др.

Эта группа наименований в меньшей степени выражает авторскую оценку, однако среди данного фактического материала отмечены интересные примеры. Так, особое отношение автора к сложной и творческой профессии художника-гримера выражается в следующем примере: *Катя не просто **гримерша**, а **художник-гример**. Может из Достоевского сделать Маяковского и наоборот* (2, с. 308). В. Токарева говорит о разных уровнях мастерства и таланта: *гримерша* – посредственный представитель, *художник-гример* – талантливый человек.

Довольно часто составные наименования могут выступать средством создания иронии: *Что он умеет? Жить и радоваться жизни. Но таких должностей нет, разве только **массовик-затейник** в санатории* (11, с. 359). В данном примере *массовиком-затейником* называют человека, умеющего поддержать компанию и вызывающего общий интерес и восхищение. Составное наименование в данном случае используется для характеристики определенной позиции персонажа.

В отдельных случаях компоненты наименования указывают на довольно широкие профессиональные обязанности, что приводит к определенному недопониманию: *Ваша работа называется **редактор-организатор**, а не «золотая рыбка»* (8, с. 114). В большинстве случаев наименования помогают точно определить профессиональные задачи.

Писатель вводит в художественное произведение название профессии, получившей популярность с 1960-х гг.: *Если бы я был известный **летчик-космонавт**, то путешествовал бы сейчас по всему земному шару, фотографировался бы рядом с королевой, вернее, королева рядом со мной* (10, с. 224). *Летчик-космонавт* – редкая, но почетная профессия, ставшая предметом мечтания и гордости целого поколения. Составное наименование в данном контексте обозначает первого человека, совершившего полет в космическом пространстве. Несмотря на отсутствие имен, читатель понимает, что герой произведения описывает известную встречу Ю. А. Гагарина с английской королевой Елизаветой II.

В художественных произведениях В. Токаревой нами отмечены составные наименования суточняющим постпозитивным компонентом. К данной группе относим следующие примеры: *Она со мной так разговаривает и держится, как будто это я спекулянтка, а она **ученый-физик*** (1, с. 106); *Знакомый **врач-психиатр**, тот самый, что напугал, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Жены алкоголиков»* (9, с. 245); *Журналист-международник, средство массовой информации; Подошел **художник-плакатист** Юкин* (1, с. 239); *Жизнь иногда предлагает такие сюжеты, что никакому **писателю-фантасту** не придумать* (12, с. 52); *Любочка Кузьмина, **актриса-трагедистки**, худенькая, как подросток* (3, с. 16); *Далее ведущий извинялся и говорил, что это все-таки ученый, **физик-теоретик**, основатель какой-то теории, и просил всмотреться еще раз* (10, с. 40); *Он был **филолог-славист**, изучал славянские языки* (11, с. 106). Зачастую в контексте присутствуют однокоренные для уточняющего компонента слова, например: *славист – славянские, теоретик – теория*.

Единицы подобного рода могут служить важным штрихом для передачи процесса самоанализа, глубоких размышлений персонажа над своей жизнью. Как отмечено в новых исследованиях творчества В. Токаревой, «психологический анализ идет параллельно с повествованием и доминирует в повестях и рассказах над фабулой» [12, с. 161]. Душевные переживания, выходящие на первый план, требуют тщательного и точного словесного выражения. Героиня, пытаясь разрешить личные проблемы, примеряет новые роли: *Я часто заводила беседы сама с собой, была одновременно и пациенткой, и **врачом-психоаналитиком** в одном лице* (3, с. 193). *Врач-психоаналитик* – это не профессия персонажа, а уровень освоения собственного Я, способ существования.

Интересным, на наш взгляд, можно считать следующий пример: *Это шло в комплексе: Татьяна – в свой семейный склеп, а **врач-фронтвичка** в тюрьму* (9, с. 35). В данном случае составное наименование не уточняет специфику работы (фронтовой врач), а передает внешнее сходство и особенности характера медицинского работника, ср.: *Врач – немолодая, высокая женщина, **производила впечатление фронтového хирурга**. Хотя откуда фронт? Война кончилась пятьдесят лет назад. Другое дело: **болезнь всегда фронт**, и **врач всегда на передовой*** (9, с. 34). Данный контекст мотивирует создание составного наименования, обозначающего специалиста-медика.

Составные наименования могут включать заимствованные элементы, которые употребляются как самостоятельные слова, например: *бизнес-*, *интернет-*. В составе сложного наименования заимствованные элементы «приобретают атрибутивную семантику, регулярность воспроизведения в однотипных словах и продуктивность, обуславливающие их свободное соединение с разными основами» [13, с. 68]. В текстах В. Токаревой отмечены примеры: *В ней не было ничего от «деловой женщины», или, как они называются, бизнес-вумен* (11, с. 279). Автор употребляет не модное наименование *бизнес-вумен*, а русскоязычную альтернативу-словосочетание *деловая женщина*. Таким же значением обладает другое составное наименование с компонентом *бизнес*: *Она хотела заделаться бизнес-фрау и несколько раз произносила нараспев: «Бизнес-фрау...»* (11, с. 24).

Анализ нового фактического материала выявил случаи создания оксюморона. Данный прием основан на нарушении логических связей, так как одному и тому же лицу или предмету приписываются взаимоисключающие свойства, ср.: *Так, наверное, сидел в поле у костра продрогший молодой пастух-прадед* (2, с. 33). В создании подобного рода приемов и оборотов подчеркивается своеобразие авторского стиля.

Заключение

Активное использование составных наименований является одной из стилистических особенностей прозы В. Токаревой. Составные наименования лиц по профессии и роду деятельности, отмеченные нами в художественных текстах В. Токаревой, разнообразны по структуре и значению. Это позволило провести классификацию зафиксированного материала. Появление в художественных текстах подобного рода слов объясняется способностью выступать средством классификации персонажа в социальной структуре общества. В некоторых случаях данные имена не только отражают определенный фрагмент внеязыковой действительности, связанный с профессиональной деятельностью, но и служат образным средством: они позволяют емко охарактеризовать влияние профессии на личные качества, круг знакомств, увлечения и жизненные приоритеты.

Составные наименования лиц по профессии или роду деятельности обладают экспрессивным потенциалом, позволяющим не только максимально точно выражать авторское отношение к персонажу, но и участвовать в создании таких экспрессивно-образных средств, как метафора и оксюморон.

Список литературы

1. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1978. – 367 с.
2. Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура: материалы междунар. конф. – Тамбов, 1999. – С. 6 – 13.
3. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект: монография / Е. В. Сенько. – СПб.: Наука, 2007. – 354 с.
4. Костромина М. В. Биномины в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Орфография: автореф. ... канд. фил. наук. / М. В. Костромина. – М., 1992. 23 с.
5. Костромина М. В. Оботличиях составных существительных от сочетаний с приложениями (к природе денотации) / М. В. Костромина // Русский язык за рубежом. – 1992. – № 4. – С. 87 – 92.
6. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.
7. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. – М.: Высшая школа, 1984. – 255 с.
8. Дрога М. А. Составные наименования в русском языке: ономазиологический и функциональный аспекты: диссертация ... канд. фил. наук / М. А. Дрога. – Белгород, 2010. – 174 с.

9. Голованова Е. С. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ): автореф. ... доктора фил. наук. – Челябинск, 2004. – 52 с.
10. Сапрыкина И. Г. Аппозитивные словосочетания и сложные слова английского языка / И. . Сапрыкина // Ученые записки Горьковского пединститута иностранных языков. – Горький, 1967. – Вып. 34. – С. 64 – 101.
11. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.
12. Тертычная Н. Н. Психологизм прозы В. Токаревой (О некоторых аспектах проблемы) / Н.Н. Тертычная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9 – 1 (27). – С. 161 – 165.
13. Котова М. Д. Переходные явления в области словообразования (на материале сложных и составных слов) / М.Д. Котова // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С. 66 – 70.

Список источников

1. Токарева В. С. Банкетный зал / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 316 с.
2. Токарева В. С. Гладкое личико / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 397 с.
3. Токарева В. С. Дерево на крыше / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2012. – 349 с.
4. Токарева В. С. Звезда в тумане / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 348 с.
5. Токарева В. С. Короткие гудки / В. С. Токарева. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. – 240 с.
6. Токарева В. С. Лиловый костюм / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 315 с.
7. Токарева В. С. Между небом и землей [Текст] / В.С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 315 с.
8. Токарева В. С. Первая попытка / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 284 с.
9. Токарева В. С. Перелом / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2004. – 315 с.
10. Токарева В. С. Просто свободный вечер / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 299 с.
11. Токарева В. С. Птица счастья / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 380 с.
12. Токарева В. С. Сальто-мортале / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 318 с.
13. Токарева В. С. Террор любовью / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 318 с.
14. Токарева В. С. Этот лучший из миров / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2011. – 316 с.

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF COMPOSITE NAMES OF A PERSON ACCORDING TO PROFESSIONAL ACTIVITY (IN TEXTS BY V. TOKAREVA)

Y. N. Kireeva
L. I. Plotnikova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Neverreplay@rambler.ru*

This article is devoted to the analysis of cognitive and communicative characteristics of names of a person according to professional activity. It is noted that the words under study possess, as a rule, a negative or positive connotation. Some of them are elements of foreign culture, the borrowing of such terms is determined by some extralinguistic factors.

Keywords: component names, base component, additional component, names of a person according to professional activity, lexicography, contextual analysis, semantics, connotation.

УДК 811.161.1

ПРЕСУППОЗИТИВНЫЙ СЛОЙ СМЫСЛА В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С МОДАЛЬНО-ПЕРСУАЗИВНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

И. А. Нагорный

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru

В статье анализируются модально-персуазивные частицы как репрезентаторы особого уровня смысла в высказывании – пресуппозитивного, указывающего на существование в действительности предусловий (причин), способствующих или препятствующих осуществлению ситуации в действительности. Отмеченный уровень смысла рассматривается как один из составляющих речевой пресуппозиции.

Ключевые слова: модально-персуазивные частицы, пресуппозиция, мотивационные условия, высказывание, коммуникативно-прагматические функции, семантика.

Введение

Фиксируемые частицами в высказывании предусловия [1] составляют смысловую основу особой пресуппозиции – речевой [2]. Кроме предусловий в данную пресуппозицию включаются нелингвистические знания участников речевого акта, представления их о мире, экстралингвистические факторы, межличностные отношения, в которых находятся между собой говорящий и реципиент, гарантирующие уместность и понятность высказывания.

Речевая пресуппозиция обязательна для высказываний. Она соотносит высказывание с внеречевыми знаниями (пресуппозитивным фондом) говорящего. Итогом является экспликация в речевом высказывании позиции говорящего относительно того, что, на его взгляд, может быть квалифицировано как истинное или ложное. Именно такой взгляд на действительность автора сообщения и обуславливает создание при помощи модально-персуазивных частиц (*едва ли, вряд ли, чай, авось, небось, вроде, словно, точно, разве, неужели, якобы, дескать* и т.п.) квалификативного высказывания: *– Как будто симпатичный парень, – шепнул сдержанный Карась Шервинскому (М. Булгаков); Литературный институт – едва ли не единственный не эвакуировавшийся из столицы (газет.текст); Вряд ли мы имеем право ограничивать чужую жизнь рамками стереотипных определений (В. Головачев).*

Основная часть

Любая пресуппозиция – это условия. Не исключение в этом плане и речевая пресуппозиция. Условия речевой пресуппозиции являются основой для уместности того или иного высказывания, эффективности воплощения в высказывании коммуникативных интенций говорящего, правильного понимания высказывания адресатом [3, с. 220 – 221]. Строя модально-квалификативное высказывание, говорящий стремится удовлетворить эти условия для правильного истолкования реципиентом собственной точки зрения. Выполнение этих условий является базой для возникновения в высказывании дополнительного смыслового слоя, который и является частью речевой пресуппозиции.

Актуализируя в высказывании речевую пресуппозицию, модально-персуазивные частицы косвенно указывают на ее соответствие ряду важных критериев. В речевом образовании фактом введения модально-персуазивной частицы подтверждается указание на то, что у коммуникантов имеется общая тема речевого общения, которая, по мнению говорящего, важна как для него, так и для адресата. Именно это способствует производимой при помощи частицы модальной квалификации события, попытке донести говорящим собственную точку зрения до адресата, показать ему

ее значимость. Адресат должен, однако, владеть комплексом пресуппозитивных знаний, которые позволили бы ему правильно раскодировать и перцептивировать предлагаемую говорящим квалификацию события. Именно этот набор знаний и определяет критерий уместности применяемой говорящим модальной квалификации события. В основе данного критерия находится принцип понятности, которому должно соответствовать речевое высказывание [4].

Речевая пресуппозиция в высказываниях с модально-персуазивными частицами рассчитана на то, что адресат окажется способным соотнести известные ему факты с предлагаемой модальной квалификацией и «переложить» это на уже известную ему (или аналогизируемую) ситуацию через моделирование последней на пресуппозитивном уровне. При несоответствии высказывания принципу понятности речевая пресуппозиция останется не воспринятой реципиентом, что повлечет за собой невыполнение говорящим его коммуникативной задачи, которой было подчинено создание модально-квалификативного высказывания, – коммуникативно-прагматическому воздействию на адресата.

Для адресата модально-персуазивные частицы являются знаками пресуппозитивного знания говорящего, знаками того, что говорящий оперирует этим знанием в интересах успешности коммуникативного акта: *-Пусть вратарем будет Олег, – решили все. -Вряд ли он придет сегодня, – сказал Антон (Г. Соколова); Порфирыч не торопясь вытаскивает свой револьвер. -Ах т-ты, идол эдакой, подо что подвел! Небось опять красную? (Г.Успенский)*. Из этого следует, что пропозиция в рассматриваемых высказываниях всегда имеет конкретную речевую базу, включающую комплекс информативных знаний говорящего и адресата об условиях, либо способствующих, либо препятствующих осуществлению ситуации в действительности.

В высказываниях с модально-персуазивными частицами речевая пресуппозиция – как система предварительных знаний коммуникантов о предмете речи – проявляется в качестве смысловой основы итогового допущения более одного возможного результата. Последний реализуется на базе того знания (степени осведомленности) о событии, которое и выступает основой модальной квалификации данного события. Ср.: *Лететь как будто оставалось не более трех часов (Ю. Семенов); Вряд ли эта встреча будет доброй (Ю. Тулицын); Можно сразу же заметить, что из перечисленных функторов едва ли не большинство нельзя счесть предикатами, если следовать соглашениям, введенным выше. (В.Касевич)*.

Допущение более одного возможного результата характеризуется как условное предварительное «соглашение» между говорящим и адресатом. Последний, по мнению говорящего, либо не обладает необходимым объемом знаний о предусловиях осуществления ситуации (и поэтому не в состоянии судить о правильности примененной квалификации события), либо обладает таким объемом знаний, но в этом случае модальная квалификация, примененная говорящим, должна показать адресату, что существует какая-то причина (о которой, возможно, тот не знает), обусловившая именно такой способ представления события. И в первом, и во втором случае точка зрения говорящего окажется для адресата соотнесенной со степенью авторской уверенности в сообщаемом, которая характеризуется как субъективный фактор, возникший на основе каких-то объективных знаний о событии. Данный фактор потребует эмпирической проверки в том случае, если фонд пресуппозитивных знаний адресата не обеспечит ему необходимого уровня осведомленности в предлагаемой квалификации события.

В идеале интенция говорящего должна совпасть с правильным пониманием ее адресатом адресата. Только тогда модальная квалификация события будет воспринята последним так, как это необходимо говорящему. Правильное развитие речевой ситуации базируется на правильном понимании речевой пресуппозиции, включающей владение информацией об условиях осуществления или неосуществления события в действительности. Речевая же пресуппозиция воспринимается в том числе и через фор-

мальные средства ее экспликации, к которым относятся модально-персуазивные частицы. В процессе речемыслительной деятельности и говорящий, и адресат оперируют модально-персуазивными частицами как знаком речевых пресуппозитивных отношений. Из частицы-знака адресатом извлекается намного больше информации, чем содержится в нем как индексальном элементе, точно также, как говорящий вкладывает намного больше информации в этот знак [5].

Заметим, что модально-персуазивные частицы не являются фиксаторами лингвистических пресуппозитивных так, как они являются, скажем, фиксаторами логического суждения. Это обусловлено в том числе и скрытостью, латентностью пресуппозитивного слоя смысла в предложении. Однако дело здесь не в импликационных свойствах пресуппозитивности, а в языковом ранге самих модальных частиц как знаков служебного уровня. Функции частиц в семантической структуре предложения достаточно аморфны, особенно на пресуппозитивном уровне диктума, там, где речь идет о языковых, а не о речевых пресуппозитивностях. Прерогатива обозначения лингвистических пресуппозитивных отдана в предложении компонентам собственно пропозитивного, а не служебного уровня, поэтому формально лингвистические пресуппозитивности как в модально-осложненном, так и в модально-неосложненном предложении эксплицируются предикатно-актантным комплексом [6; 7; 8]. Модально-персуазивные частицы могут лишь ослаблять языковые и логические пресуппозитивности указанием на факт существования в объективной действительности условий, позволяющих субъекту (или вынуждающих его) модально квалифицировать событие: – *К нам-то это небось не относится (Г. Гуревич); -Вьюга-то к ночи поднялась... Чай, помнишь, как Агафья-то прибежала, еще телка в ту пору (Г. Успенский); Шутливые реплики вряд ли долетают до Заболотного, который как раз стоит поодаль с двумя служащими аэропорта, ведет с ними, видимо, деловые какие-то переговоры (О. Гончар).*

Одной из наиболее интересных функций модально-персуазивных частиц в этом плане является сближение пресуппозитивных в высказывании, что в итоге приводит к подчинению речевой пресуппозитивности прочих пресуппозитивных. Детализируем сказанное.

В первую очередь, актуализируя данную проблему, необходимо решить вопрос об иерархии пресуппозитивных. Высказывания с модальными частицами – это речевые образования, поэтому естественным оказывается тот факт, что перспективное развитие получают здесь те пресуппозитивности, которые обусловлены коммуникативным заданием говорящего. Однако это не значит, что другие пресуппозитивности перестают выделяться в семантической структуре рассматриваемых высказываний. Но их ранг как неречевых пресуппозитивных существенно снижен по сравнению с рангом речевой пресуппозитивности, которая в данных высказываниях является главной, ведущей пресуппозитивностью. Модально-персуазивные частицы в этом случае могут быть определены как один из ее «фокусов» [9]. Для говорящего на данном этапе речевого общения наиболее существенным оказывается не столько обозначить собственно событие как таковое, сколько сориентировать адресата на актуальную пресуппозитивность, важную (с точки зрения говорящего) для успешности выполнения коммуникативного задания. В этом аспекте неречевые пресуппозитивности отодвигаются на второй план, как бы «затемняются», подчиняются речевой пресуппозитивности. Последняя позволяет это сделать, так как использование модально-персуазивной частицы налагает, как уже говорилось, ряд требований к объему пресуппозитивного фонда знаний адресата. Предполагается, что он в какой-то мере ориентирован на имеющие место в высказывании логические, экзистенциальные, синтагматические, коммуникативные пресуппозитивности [10], оперирует (или имеет возможность оперировать) ими.

Рассмотрим это на примере конструкта *Вряд ли он там это видел*.

Данный конструкт предполагает выделение логической пресуппозитивности «есть нечто в определенном месте», которая может быть развернута следующим образом: «если он это видел, то он там был, если нет, то либо он там не был, либо того, что он должен был увидеть, там не было». Нетрудно заметить, что данная пресуппозитивность со-

отнесена с условиями, обозначаемыми модально-персуазивной частицей. Модальная квалификация предполагает развитие вербализованных логической пресуппозицией связей и отношений, которые вкуче с условиями положены в основу относительно истинного суждения. Установление истинности/ложности логической пресуппозиции тоже важно, однако предполагает уже следующий этап постижения действительных связей и отношений и адресатом, и говорящим, если предположение последнего расходится с реально существующими условиями, влияющими на степень вероятности осуществления события в действительности (потенциальным стимулом к развитию темы может быть, например, экспликация вопроса: *Почему? Зачем?* и т. п.). На данном же этапе важнее оказывается не установление истинности/ложности указанных связей и отношений (это производится на пропозитивном уровне смысла предложения), а репрезентация модальной квалификации события, для чего, собственно, и создается в большинстве случаев речевое высказывание с модально-персуазивной частицей.

Еще одна немаловажная проблема – это возможность репрезентации модальной частицей логической пресуппозиции. Логические пресуппозиции в отличие от речевых универсальны. Содержание логической пресуппозиции – суждение, которое осознается необходимым логическим условием высказывания, в котором оно имплицитно представлено, и включает уже известный объем информации.

Данное суждение составляет часть семантического представления, которое «является структурой, содержащей всю существующую информацию, характеризующую смысл предложения» [11, с. 43]. Это именно та часть смысла, которая представляет означаемое предложения, то, что осмысливается как истинное, чтобы предложение могло быть осмыслено как истинное или ложное [12, с. 396]. Логические пресуппозиции всегда проявляются в предложении на языковом уровне, т. е. воплощаются в грамматической форме, что дает законное основание многим исследователям считать логическую пресуппозицию не только мыслительным, но и языковым фактором [6]. Поддерживая данную точку зрения, отметим, что логическая пресуппозиция соединяет в себе и «логическое», и «лингвистическое». С одной стороны, ее универсальные логические параметры, опора на внелингвистическое знание создают немало оснований для того, чтобы рассматривать логическую пресуппозицию внелингвистически, на абстрактно-логическом уровне. С другой стороны, несомненна языковая ориентация такой пресуппозиции, вытекающая из обязательности ее присутствия на имплицитном уровне в предложении. Последний фактор, вероятно, должен быть воспринят как весомый, так как логические свойства пресуппозиции – это только основа, база для включения данного смыслового слоя в семантическую структуру предложения, которое соотносится таким образом с истинностными параметрами.

Итак, логическая пресуппозиция предполагает выделение в предложении смыслового компонента, равного логическому суждению, которое должно быть истинным для того, чтобы предложение имело истинностное значение, т.е. было либо истинным, либо ложным. В высказываниях с модально-персуазивными частицами выражено относительно лишь истинное суждение, которое перспективно может быть охарактеризовано как истинное или ложное. Этим обусловлен ряд особенностей, которые приписываются логическим пресуппозициям такого высказывания. Логические пресуппозиции, актуализируемые в высказываниях с модально-персуазивными частицами, бывают достаточно широки, допускают большую степень вариативности в их осмыслении и использовании, так как сфокусированы не на обозначении единичной, конкретной ситуации, а на актуализации условий, способствующих или препятствующих ее осуществлению в действительности: *Вот хоть бы Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего (А. Островский); И он показал мне этот плакат: «Едва ли где-нибудь на земле, есть дети, которые живут в таких же суровых условиях, как*

вы, но будущей вашей работой вы сделаете всех детей земли такими же гордыми смельчаками» (В. Каверин).

Известно, что чем более широка логическая пресуппозиция, тем более свободно воспринимается адресатом употребление разного рода квалификаторов [4], в том числе и модально-персуазивных. Однако широта пресуппозиции в предложениях с рассматриваемыми частицами ограничена естественностью связей и отношений между предметами и явлениями действительности. Хотя рефлексия персуазивных отношений допустима по отношению к довольно обширному количеству элементов, образующих ситуации, но заранее неправомерными и нелингвистическими (исключая, естественно, специально оговоренные, особые ситуации) представляются конструкции, базирующиеся на «пустых», т.е. бессмысленных в аспекте их обыденности логических пресуппозициях [3, с. 234] (Ср.: **Будто бы** нашу планету окружает атмосфера; **Вода как будто** текучая; **Вряд ли** человек - это "гомо сапиенс" и т.п.). Естественно, что пресуппозиция не должна находиться в противоречии со смыслом предложения-высказывания.

Кроме того, необходимо учитывать следующее. Во-первых, признание высказывания с модально-персуазивными частицами, выражающими истинное или ложное суждение, основано на установлении степени осведомленности говорящего и адресата. Во-вторых, факт введения модально-персуазивного квалификатора указывает на то, что степень осведомленности говорящего не соответствует тому, чтобы однозначно (констатационно) охарактеризовать высказывание либо как истинное, либо как ложное. Это в свою очередь соотносится с существованием неких внеязыковых причин, которые обусловили такую неоднозначную квалификацию события. В-третьих, оказывается невозможным в рассматриваемых высказываниях четко определить именно ту пресуппозицию, которая явилась логическим условием реализации пропозиции (Ср., например: в конструкте *Ведь ты же **вроде** знаешь об этом* выделяется ведущая логическая пресуппозиция «произошло нечто», которая соотнесена с комплексом возможных экзистенциальных пресуппозиций: «существование субъекта», «существование определенного места», «существование события», «нахождение субъекта в определенном месте», «нахождение субъекта в другом месте», «контакты субъекта с другими субъектами»).

Таким образом, хотя модально-персуазивные частицы и не могут фиксировать логическую пресуппозицию, однако они определенным образом «соприкасаются» с ней, частично вуалируя ее проявление в предложении. Такое вуалирование осуществляется не спонтанно, а системно, в том числе через обозначение модально-персуазивными частицами связи логической и экзистенциальных пресуппозиций в предложении на основе актуализации отношений соответствия/несоответствия экзистенциальных пресуппозиций критерию истинности/ложности.

Рассмотрим далее, каким образом в предложении с модально-персуазивной частицей соотносятся речевая и экзистенциальная пресуппозиции.

Выделенные во взятом нами для анализа конструкте **Вряд ли он там это видел** экзистенциальные пресуппозиции «существование субъекта», «существование объекта восприятия», «существование места» обозначаются не модально-персуазивными частицами. Это очевидно. Данный тип пресуппозиций не может быть зафиксирован индексальным знаком, цель применения которого заключается не в номинации внеязыковой ситуации, а в экспликации отношений ее развертывания. Экзистенциальная пресуппозиция выводится обычно из объективного смысла, приписываемого пропозиции, а не отдельному элементу. Модально-персуазивные частицы не эксплицируют данную пресуппозицию, они лишь указывают на наличие предусловий, соотнесенных с ней, и тем сближают речевую и языковую пресуппозиции, обозначая объективное существование в действительности чего-то, что заставляет говорящего сомневаться, предполагать и т.д. относительно конечного результата

события, но не собственно факта наличия события как такового, что зафиксировано экзистенциальной пресуппозицией.

Именно наличие предусловий квалифицируется говорящим как важный фактор, с одной стороны, препятствующий констатирующему утверждению достоверности сообщаемого, а с другой стороны, – подтверждающий наличие конкретной экзистенциальной пресуппозиции в высказывании, существование которой и есть условие факта развертывания предусловий. Основой для этого является нахождение субъекта (S) в определенное время (t) в определенном месте (L), что способствует выделению в семантической структуре предложения самостоятельного пресуппозитивного смыслового слоя, подчиненного в коммуникативном аспекте смысловому слою, составляющему речевую пресуппозицию.

Данный слой оказывается базовым для развертывания логической пресуппозиции. Развернутая логическая пресуппозиция «он там не был, значит, не видел» устанавливает причинно-следственные отношения между собственно пресуппозитивным смысловым компонентом («он там не был») и компонентом пропозитивного уровня («не видел») на основе вышеуказанных экзистенциальных пресуппозиций. Пресуппозиция небытия S в L отвергает пропозицию восприятия, полностью нивелирует возможность перцепции субъектом объекта восприятия. Другая развернутая логическая пресуппозиция «он там был, но было нечто, что могло ему помешать это видеть», тоже базируясь на экзистенциальных пресуппозициях, напротив, оставляет возможность перцепции объекта восприятия субъектом. Модально-персуазивные частицы в данном случае служат средством разрешения конфликта между возможными логическими пресуппозициями. Они однозначно указывают на то, что в предложении реализована вторая логическая пресуппозиция, так как в противном случае говорящий использовал бы в пропозиции элемент негации (Ср.: «не был»).

Экзистенциальные пресуппозиции не претерпевают таких трансформаций. Они стабильны, так как они истинны. Это их основное качество. Модально-персуазивные частицы не имеют возможности их уточнять, изменять и т.д., потому что функционируют на уровне, соотносимом с логическими, а не с экзистенциальными пресуппозициями. Другие пресуппозиции, скажем, прагматическая (предполагающая учет факторов, способствующих успешности речевого акта) и коммуникативная (включающая установление степени осведомленности реципиента) оказываются также подчиненными речевой пресуппозиции.

Можно резюмировать, что в высказываниях с модально-персуазивными частицами не получают развития те пресуппозиции, которые не обусловлены коммуникативным заданием говорящего. Те же, которые развиваются, так или иначе оказываются соотношенными с речевой пресуппозицией и, следовательно, с предусловиями, на существование которых указывают модально-персуазивные частицы. В этом случае частицы характеризуются как средство, ограничивающее (по критерию фиксации) избыточность информации, то есть как локализатор информативного фона высказывания на задачах, которые коммуникативно обусловлены. Решению данных задач подчинен конечный отбор языковых средств субъектом, поэтому модально-персуазивные частицы оказываются введенными в высказывание говорящим не случайно, а намеренно, в качестве одного из инструментов решения этих задач. Данные частицы всегда включены в «фокус», соотношенный с логической пресуппозицией [9]. Они указывают на существование логической пресуппозиции (Ср.: не было бы условий развертывания события – не было бы события – не могли бы реализоваться предусловия его модальной квалификации), однако не являются элементом логической пресуппозиции, так как не предназначены для выражения логического (истинного или ложного) утверждения, за исключением модального утверждения – констатации того, что утверждается сам факт модальной квалификации. Тем не менее именно логическое утверждение является пресуппозитивной базой для утверждения речевого высказывания как истинного. В этом смысле модально-персуазивные частицы, конечно, не мо-

гут определять логическую пресуппозицию, поэтому в двучленной формуле Н.Хомского «фокус – пресуппозиция» они однозначно примыкают к «фокусу». Модально-персуазивные частицы лишь ориентируют адресата на то, какую из множества имеющихся пресуппозиций он должен использовать для правильного понимания высказывания. В высказываниях с указанными частицами это речевая пресуппозиция. Таким образом, модальные частицы – элемент, проявляющий главную на данный момент («здесь» и «сейчас») для речевого акта пресуппозицию, обусловленную коммуникативным заданием говорящего.

Применительно к анализируемым высказываниям под коммуникативным заданием следует понимать выражение модальной квалификации события с целью интенционального воздействия на адресата. При этом модально-персуазивные частицы являются «фокусом» этого задания: *А сам Сашка, чай, наврал, – сказала Аксинья, угадав его мысли (А. Чехов); И едва ли случайно обрывается многоточием на середине строфы “счастливая” перспектива... (З. Рез); -Благая какая-то и все как будто очень меня боялась и нимало меня не веселила. По мужу, что ли, она скучала, или так к сердцу ей что-то подступало. (Н.Лесков); Он небось сходит в кино, поглядит про деревню – и пойдет выпьет (В. Шукшин).* В основе этого процесса находится модель, отражающая денотативную ситуацию, относительно которой и реализуется модальная квалификация. Последняя включает осмысление (переосмысление) двух возможных результатов осуществления ситуации в действительности, что приводит в итоге к необходимости выбора говорящим одного из вариантов выражения собственной мысли: *Вряд ли стал бы кто слушать его «армянское радио» и, уж наверное, никто сейчас не сел бы с ним забивать козла (О. Гончар); Прежде чем проститься, он, уже в униформе, взволнованный тем, что ему предстояло совершить, спросил едва ли не стуча зубами... (Ю. Медведев); Всякий раз, когда начинали ссылаться на чрезвычайные обстоятельства, позволяющие якобы отбросить мораль, право и писанные законы, получалось совсем скверно (А. Бушков); Хорошо, – думаю, – теперь ты сюда небось в другой раз на моих голубят не пойдешь (Н.Лесков).* Включение предложений в модальную парадигму в данном случае представляется обусловленным дифференциацией тех пресуппозиций, которые не могут быть истолкованы «здесь» и «сейчас» ни как истинные, ни как ложные. Модально-персуазивная квалификация фокусирует в себе значимые компоненты совокупного смысла, реализуемого в предложении. Коммуникативный «фокус», концентрирующий в себе коннотативные (но не модельные) смыслы, выдвигается как ведущий фактор квалификации события, перспективно (прагматически) сориентированный говорящим.

Выводы

Поведем некоторые итоги. Модально-персуазивные частицы репрезентируют в высказывании особый уровень смысла – пресуппозитивный, указывающий на существование в действительности предусловий (причин), способствующих или препятствующих осуществлению ситуации в действительности. Отмеченный уровень смысла является одним из составляющих речевой пресуппозиции. Последняя регулярно проявляется в высказываниях с модально-персуазивными частицами, соотносится с логической пресуппозицией в плане удовлетворения условий, способствующих модальной квалификации события. Речевая пресуппозиция в высказываниях с модально-персуазивными частицами характеризуется как ведущая в коммуникативном аспекте, концентрирующая в своем семантическом поле комплекс подчиненных пресуппозиции смыслов. Связь предусловий и логической пресуппозиции в высказываниях с модальными частицами обусловлена тем, что под влиянием действия предусловий логическая пресуппозиция «затемняется» в аспекте ее соответствия критерию истинности/ложности. Это происходит потому, что в данных высказываниях сам факт существования некоторых пресуппозиций весьма сомнителен и обусловлен речевой пресуппозицией. В этом плане модально-персуазивные частицы являются знаком для адре-

сата. Говорящий при помощи модального средства дает адресату знать, что имеются причины, существование которых заставило его отказаться от констатационного способа изложения собственной точки зрения, избрать другую, более гибкую форму выражения мысли. Данные причины в качестве речевой пресуппозиции включаются в модально-кваликативное высказывание, факт их существования доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется на эти мотивационные условия.

Думается, актуализированные в статье проблемы являются перспективно важными для установления коммуникативно-прагматического статуса модальных частиц в языке и речи.

Список литературы

1. Нагорный И. А. Речевая пресуппозиция в предложениях с предположительными частями / И. А. Нагорный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – Выпуск 1. – № 11 (51). – 2008. – С. 26 – 33.
2. Lakoff G. Presupposition and Relative Well-Formedness / G. Lakoff // *Semantics. An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology*. – Cambridge, 1971. – P. 329 – 340.
3. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М.: МГУ, 1976. – 306с.
4. Lakoff G. *Linguistics and Natural Logic* / G. Lakoff // *Synthese*. – 1970. – V.22. – Nos 1/2. – p.151-271.
5. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский. – М.: Прогресс, 1973. – 288с.
6. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // *Известия АН СССР. СЛЯ*. – 1973. – Т.32. – № 1 – С. 84 – 89.
7. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369 – 495.
8. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 156с.
9. Хомский Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М.: МГУ, 1972. – 121с.
10. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 271с.
11. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л.: ЛГУ, 1977. – 204 с.
12. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

PRESUPPOSITIONS SENSE IN STATEMENTS WITH MODAL-PERSUASIVENESS PARTICLES

I. A. Nagorny

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The article analyzes the modal particles as alleged representation special levels of meaning in the saying, i.e. presupposition indicating the existence in fact preconditions (causes) that promote or hinder the implementation of the situation in reality. This level of meaning is regarded as one of the components of speech presuppositions.

Keywords: modal-suggestive particles, presupposition, motivational conditions, saying, pragmatic function semantics.

УДК 81'42

БИБЛЕИЗМЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

Е. Г. Озерова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Ozerova@bsu.edu.ru*

Национально-культурная архитектоника библеизмов в дискурсе русской лирической прозы обусловлена тем, что их функционирование предопределяется народной философией жизнесмыслов, которая порождает особый стиль художественного мышления. Библеизмы рассматриваются как важнейшее средство репрезентации тех духовных концептов, которые проецируют когнитивно-прагматическую сущность всего дискурса лирической прозы.

Ключевые слова: библеизмы, лирикопрозаический текст, этнокультурное сознание.

Введение

Активное использование библеизмов в русских лирикопрозаических текстах не просто интертекстуальный и стилистический приём, расширяющий образное и смысловое содержание художественно-литературного дискурса. Слова и выражения библейского происхождения служат важнейшим средством репрезентации тех духовных концептов, которые проецируют когнитивно-прагматическую сущность всего дискурса лирической прозы. Это объясняется тем, что язык Библии в целом, как отмечает В. М. Мокиенко в предисловии Толкового словаря библейских выражений и слов, – это своеобразный духовный код [1, с. 8]. Библеизм – языковой знак, характеризующийся рядом отличительных признаков: смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, часто принадлежностью к книжному слою лексики) [1, с. 9]. Особенности функционирования библеизмов в различных типах дискурсов исследовали С. Л. Андреева, Е. Н. Бетехтина, В. Г. Гак, К. Н. Дубровина, Г. А. Лилич, Г. А. Макарова, В. М. Мокиенко, С. Оноприенко, О. И. Трофимкина и др. Однако их роль в формировании ценностно-смыслового пространства русской лирической прозы всё ещё остаётся на периферии лингвистического поиска. Национально-культурная специфика библеизмов в дискурсе русской лирической прозы обуславливается тем, что их функционирование предопределяется специфической народной философией жизнесмыслов, которая служит своего рода камертоном православного мировосприятия, порождающим особый стиль художественного мышления. В художественном тексте как феномене культуры библеизмы репрезентируют обобщённый способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать, характерную для определённой эпохи, семантическую матрицу, предопределяющую смысловые реакции культурных субъектов.

Основная часть

Взаимодействие языка и культуры в лирической прозе наиболее ярко отражается в текстообразующей функции библейских концептов «Святость» и «Святой», которые В. Н. Топоров называет центральными знаками-символами русской культуры. Конструктивная значимость этих знаков-символов для формирования концептосферы лирической прозы во многом обуславливается архитипичностью их первичного десигната, сущность которого раскрывается главным образом с помощью этимологического анализа слов, репрезентирующих эти концепты. «Без учёта «архаического» слоя

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания НИУ БелГУ (код проекта № 241).

в слове *svet-* проблема семантической реконструкции, т.е. выявление внутренней формы слова и, следовательно, определение его семантической мотивировки («принципа называния»), конечно, не может быть решена» [2, с. 433].

Особенностью отражения национального характера в русском лирикопрозаическом тексте является наложение православного **этноязыкового сознания** на **лирическое сознание** автора: *А и вправду... с солнышка крестики играют словно! Речка кажется мне святой. И кругом все – святое* (Шмелев, «Богомолье»), в результате чего лирические прозаические тексты «перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры *артефакты* – языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества [3, с. 150 – 151].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля **святой** – духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; всё, что относится к Боже-ству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный. Святой Дух, третья ипостась, выражающая деятельность Божественную.

День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него ни одного человека (Гоголь, Выбранные места из переписки с друзьями).

Боже, владычествуешь и небесными, и земными, – носимый херувимски на престоле, Господь серафимов и Царь Израилев, Единый Свят и во святых почитающийся, то молю Тебя, Единого Благаго, воззри на меня, грешного и непотребного раба Твоего, очисти мою душу и сердце от совести лукавья и удовли меня, облеченного благодатью священства, удовли меня силою Твоего Святаго Духа предстать Святой Твоей Трапезе и священнодействовать Святое и Пречистое Твое Тело и Честную Кровь! (Гоголь, «Размышления о Божественной Литургии»).

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами, рассыпано на святой, благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли (Гоголь, «Мёртвые души»).

Трудно бывает проникнуть во святая святых человека! (Гоголь, «Войтельница»).

В Толковом словаре библейских выражений и слов В. М. Мокиенко находим:

Святая святых. Книжн. высок. О чём-л. самом важном, заветном, оберегаемом от непосвящённых, от посягательств.

Выражение из Ветхого Завета, где оно обозначает центральную часть иерусалимского храма, куда мог входить только первосвященник.

2 Пар. 3,1,8: И начал Соломон строить дом Господень в Иерусалиме, на горе Мориа, <...> и сделал Святое святых: длина его по широте дома, в двадцать локтей, и покрыл его лучшим золотом, на шестьсот талантов [1, с. 420].

Библеизмы в дискурсе русской лирической прозы представляют особую реалию отражения действительности, так как человек, по утверждению А.Р. Лурия, имеет двойной мир: мир непосредственно отражаемых предметов и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые отражаются словами [4, с. 37].

С этим убеждением я вошел в мир, с ним уйду из него и, уходя, буду непоколебимо верить, что когда-то мир признает: Святая святых – человек! (Горький, «В людях»).

Трудно бывает проникнуть во святая святых человека! (Лесков, «Войтельница»).

Они благословенны, эти чувства! Они – святая святых нашего несовершенного мира! (Паустовский, «Золотая роза»).

Святость, подчёркивает В.В. Колесов, эмоциональна и чувствительна, обнажённо непосредственна: *чувство сложное, похожее на то, какое испытал он когда-то ... при взгляде на реликвию одной святой* (Бунин «Грамматика любви»). В основе славянской святости лежит идея служения идеалу вплоть до отречения от личного, это вхождение в тайну, состояние души. «Святость у русских – религиозное чувство поклонения тому, что даёт избавление, спасает и защищает – подчас незаметно обыденное служение осуществлённой **идее**, т.е. не личная, как на Западе, а соборная святость, которую чтят» [5, с. 149 – 150].

Библеизмы «Святой» и «Святость» в лирической прозе расширяют своё когнитивное поле, что явствует из контекстуального анализа, свидетельствующего о смысловых приращениях соответствующих слов и коннотативном пространстве их семантической структуры. В результате таких метаморфоз слова, репрезентирующие концепты «Святой» и «Святость», приобретают символические смыслы. Становясь народными символами, они насыщаются новыми смыслами, связанными с ментализацией в процессе усвоения христианской культуры. Однако ментализация и смысловые приращения слова относятся к разным аспектам речемыслительной деятельности человека. Ментализация, отмечает В. В. Колесов, осуществляется в слове, а сгущение смыслового содержания концепта «Святость» – в деле. Проследим, как ментализация осуществляется в лексемах с внутренней формой 'свят'.

Основа *свят-* в лирической прозе является не только знаковым средством ценностно-смыслового восприятия действительности, но и эксплицирует в этноязыковой картине мира типичный образ русского человека. Основа *свят-* является достаточно частотным элементом православного сознания как высшей ипостаси русской духовности. В то же время она представляет образ реального мира, так как «...этноязыковая картина мира не только опредмечивает (при помощи семиотических систем не обязательно собственно языковой природы) когнитивное сознание, но и переводит его в «автоматический режим», то есть на уровень подсознания. Это достигается [...] в процессе объективирования концептуальной картины мира (его денотативно-сигнификативного образа) в семантическое пространство естественного языка.

«Русская святость – символ совести, это путь к свету (Семён Франк); «внутренний путь духа в душевном труде совести» (Владимир Соловьёв); каждому «мало быть честным, мало быть добрым, нужно быть чистым, нужно быть святым» (Николай Страхов). Сама по себе святость не может стать внутренней энергией личности, поскольку святость – это знак совести, которая и есть такая энергия; «гении творили, но недостаточно были – святые были, но недостаточно творили», – заметил Бердяев.

В Святых Воротах, с Угодниками, заходим в монастырскую лавку, купить из святостей (Шмелев, «Богомолье»).

В Толковом словаре библейских выражений и слов В.М. Мокиенко находим: Святость. *Книжн. высок.* Свойство по значению прилагательного **святой**.

Ср. 1 Фес. 4. 7: Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости. Еф. 4,24: И облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины [1, с. 421].

Русская святость – народное рождение народного духа и окормление личной души. Это свобода в духе, которая выше свободы тела. Этот «идеал веками питал народную жизнь, – писал Георгий Федотов. – У их огня вся Русь зажигала свои лампадки».

Ангели поют на не-бе-си-и... Таинственный свет, святой. В зале лампадка только (Шмелев, «Лето Господне»).

«Воскресение Твое Христе Спасе... Ангели поют на небеси...» И я хожу с ним. На Душе у меня радостное и тихое, и хочется отчего-то плакать. Смотрю на него, как становится он на стул, к иконе, и почему-то приходит в мысли: неужели и он умрет!.. Он ставит рядом лампадки на жестяном подносе и зажигает, напевая священное. Их очень много, и все, кроме одной, пунцовые. Малиновые огоньки спят – не шелохнутся. И только одна, из детской, – розовая, с белыми глазками, – сит-

цевая будто. Ну, до чего красиво! Смотрю на сонные огоньки и думаю: а это **свя-тая** иллюминация, Боженькина (Шмелев, «Лето Господне»).

Вот погоди, косатик, придет **Святая**, мы с тобой в Кремль поедem, покажу тебе все **святыньки...** и Гвоздь Господень, и все соборы наши издревни, и Царя-Колокола покажу, и потрезвоним, поликуем тогда с тобой... (Шмелев, «Лето Господне»).

Деминутивная мотивема **святыньки** показывает, насколько прочно мотиватор свят закреплен в этноязыковом сознании. Под этноязыковым сознанием мы понимаем ценностные когнитивно-эмотивные кластеры, национальная маркированность которых обеспечивает их воспроизводимость.

В. М. Мокиенко в «Толковом словаре библейских выражений и слов» отмечает: **Святыня. Книжн. высок.** То же, что **святость**.

В этом значении слово употребляется в Библии. Ср. Пс. 29,5: Пойте Господу, святые Его, славьте память святыни Его [1, с. 421].

Как показывает анализ лирикопрозаических текстов, в русской святости можно найти ключ, объясняющий многое в явлениях и современной русской культуры. Социально значимая активность лингвокультурологических единиц, подчёркивает, обусловливается прежде всего их репрезентативно-прагматической сущностью, ориентированной на выполнение различного рода директивных, воздействующих и экспрессивно-оценочных функций в зависимости от речевых интенций коммуникантов. «Система порождаемых смыслов является содержательной основой языкового сознания. Реальная практическая деятельность человека, отражаясь в сознании и закрепляясь в языке, преобразуется во внутреннюю отражённую модель мира» [3, с. 151-152].

Еще больше полюбил благолепную тишину, тихий говор и **святые** на стенах **лики** (Шмелев, «Неупиваемая чаша»).

Мерцает позолота и серебро, проглядывают **святые лики**, пылают пуки свечей (Шмелев, «Богомолье»).

Смысл слова свят связан с обозначением мощи в сиянии, которое «разрастается изнутри под напором духовной силы личности» [5, с. 150], поэтому **святой лик** в этнокультурном пространстве лирической прозы – это не только источник святости, но и языковая экспликация духовной жизни народа.

У меня горячо на сердце: над всеми прошла Она, и все мы теперь – под Нею. ... **Пресвятая Богородице...** спаси на-ас! .. Пылают пуки свечей, густо клубится ладан, звенят кадила, дрожит синеватый воздух, и чудится мне в блистаньи, что Она начинает возноситься (И. С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Для лирикопрозаических текстов И.С. Шмелёва характерным является наполнение символизмом звука, при помощи которого гласная протягивается, «символизм звука застаёт готовым не только звук, но и слово с его внутреннею формою», если «хотят выразить высокую степень качества» [6, с. 98]. Звук в словах имитирует церковные песнопения и помогает воспроизвести в памяти ценностно-смысловое наполнение лирической прозы. Ср.:

О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами... И теперь ещё слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в **разду-мьи** голос – Ангели поют на **не-бе-си-и...**

Поют народом – **Пресвятая Богородице.** спаси на-ас. Горкин руками водит, чтобы складнее пели (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Меня заливают и радостью, и грустью, хочется мне чудесного, и утреннее поёт во мне – ... **Пресвятая Богородице...** спаси на-ас! (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»). Православная архитектура повествования сконцентрирована 1) на воспоминаниях о духовном бытии, которые характеризуются антонимичным совмещением лексем в пределах рассматриваемого контекста (*Меня заливают и радостью, и грустью*), 2) на чувственном вербально-невербальном восприятии звуков (*И теперь ещё слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в разду-мьи голос – Ангели поют на не-бе-си-и...*) и жестов (*Горкин руками водит* (дирижирует – Е.О.), чтобы

кладнее пели), 3) на композиции лирикопрозаического контекста, в контаминированной форме представляющего оппозицию:

- Свет – *О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами;*
- Пение – *... утреннее поёт во мне – ... Пресвятая Богородице... спаси на-ас!*

В пространстве лирикопрозаического текста актуализирующие лексемы *свет, звук и песнопения* имплицитно символизируют икону. Символ в лирикопрозаическом тексте эксплицирует не только ту информацию, которая заключена в тексте, но и позволяет актуализировать имплицитные составляющие, связанные с этим символом. Являясь важным механизмом памяти культуры, отмечает Ю.М. Лотман, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного её пласта в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизма единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты [7, с. 241].

Богородица голубков в церковь носила, по Её так и повелось.

И всего у нас запасено будет, ухитимся потепле, а над нами Владычица, Покровом своим укроет... под Её покровом и живём.

Под самую карету катится белая «дорожка». ... Пресвятая Богородице... спаси на-ас...

Матушка... Царица Небесная... Иверская Заступница (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Всё звал простым детским языком Богородицу: «Благодетельница, матушка, голубушка, заступись за меня!» (Н.С. Лесков, «Темняк»).

Характерным для лирикопрозаического текста является деминутивное употребление *Матушка* вместо *Матерь*. В словаре синонимов В.Н. Тришина (2009) кодифицировано 12 эквивалентов, что свидетельствует о ценностно-культурном значении этого фразеологизма для русского человека: *Богоматерь, Богородительница, Богородица, Божья Матерь, Владычица, Дева Мария, Матерь, Пресвятая Дева, Пречистая Богородица, Пречистая Дева, Приснодева, Царица Небесная*. Также в лирикопрозаическом тексте Н.С. Лескова находим номинацию, не зафиксированную в словаре синонимов, – *Благодетельница*, это позволяет заключить, что фразеологическое значение формируется субъектом лирикопрозаического текста (Ср. в стихотворении «Молитва» М.Ю. Лермонтов Пресвятую Богородицу называет *Тёплой заступницей мира холодного*).

В лирикопрозаическом тексте символический характер библеизмов является центром лирического повествования. Символ, отмечает Ю.М. Лотман, и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст, то есть обладает некоторым единым замкнутым в себе значением и отчётливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста [7, с. 240 – 241]. В дискурсе лирикопрозаического текста символ и в плане выражения, и в плане содержания выступает как синергетическое свойство, которое имплицитно расширяет семиотическое пространство контекста. Ср.: *и все воспоют... и певчие чудовские, и монахи донские, и весь крестный ход – «Царю Небесный...» а потом – «Богородице Дево, радуйся...»!* *И все-то хоругви, и Святые, и Праздники, в золоте-серебре, в цветочках... все преклонятся перед Пречистой...* (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»). Помимо использования интертекстуальных музыкальных фрагментов, которые также способствуют приращению смыслов, лирикопрозаический контекст выходит за пределы воспринимаемого смыслового содержания номинации в историко-культурную ситуацию: *Святые, Праздники, Пречистая*. Украшение иконы *в золоте-серебре, в цветочках...* также имеет имплицитный духовный смысл: выражение христианской любви; присутствие рая на земле, символом которого являются цветы.

Народная культура, по мнению В. В. Колесова, ценит в слове образ, христианская – символ, наложение символа на образ славянского слова в лирикопрозаическом тексте позволяет вычлени в тексте необходимые смыслы (см.: [5, с. 44]. Языковой образ библеизма *Пресвятая Богородица* накладывается на чувственно-предметный образ, которые при взаимодействии, «соприкоснувшись с другими образами дискурса, тут же сливаются в единую целостную и модально окрашенную картину, требующую ассоциативно-вербального воплощения в лаконичном сочетании ключевых для данного дискурса слов-концептов, которые активизируют создание номинаций вторичного семиозиса, «в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (это слова, обозначающие реалии материальной культуры или же концепты духовной культуры), и единицы, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения» [8, с. 235].

Лингвостилистический анализ библеизмов в художественном тексте направлен на разграничение собственно смыслового содержания языковых единиц и тех эмоционально-окрашенных, экспрессивно-оценочных значений, которые на них наслаиваются, и позволяет рассматривать библеизмы с точки зрения их коммуникативных свойств и коммуникативно-прагматической значимости в целостно-смысловом содержании всего лирикопрозаического текста. Именно в интерпретации и соединении таких понятий, как коммуникативная стилистика и когнитивная лингвопоэтика возможно постичь образно-смысловые истоки идейно-эстетического замысла автора, раскрыть когнитивно-прагматический подтекст произведения, его имплицитное содержание. Специфику этнокультуры определяет структурированная совокупность основных духовных ценностей, традиций и обычаев, закодированных в художественных текстах.

Библеизмы, таким образом, являясь стилистическим маркером лирикопрозаического текста, не только отражают систему ценностей, сформированную православными истоками славянской духовности, но и формируют особое русское языковое сознание на всех его уровнях языка: семантическом, словообразовательном, когнитивно-коннотативном и лингвокультурном. Ценностно-смысловое своеобразие библеизмов в текстах лирической прозы определяется нравственными приоритетами и лирико-эстетическими размышлениями автора о вечных ценностях человеческого бытия, репрезентацией языковой личности писателя. Данная триада эксплицирует особенности взаимодействия в лирикопрозаическом тексте лирически возвышенного языка и когнитивной аргументации прозаических жизнесмыслов. Эготоп является центральной креативной константой всей архитектоники дискурса лирикопрозаического текста с постоянно обновляемой динамикой ценностно-смысловых представлений автора, отражающихся в синергетическом пространстве реальных и воображаемых событий. Кроме субстанциальной роли, такого рода события составляют ещё и содержательную основу культурной памяти лирической прозы, в которой переживаемое прошлое переплетено с личностным восприятием действительности. Центральным понятием эготопа является авторское Я, эксплицирующее культурную память [9, с. 329] художественной речи – всё то, из чего формируется интенциональный посыл читателю. Объект и субъект эготопа являются интегративным синтезом интертекстуальных интенций автора, благодаря которым библеизмы в лирикопрозаических текстах способны гармонически фокусировать в себе разнообразные философские, ценностно-смысловые, духовно-нравственные смыслы, порождаемые процессом познания и преломлённые через призму авторского Я.

Список литературы

1. Мокиенко В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.
2. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. Т. 1. Первый век христианства на Руси – М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.

3. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
4. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
5. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. – 240 с.
6. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
9. Озерова Е. Г. Ментальное пространство русского лирикопрозаического текста / Е. Г. Озерова // Когнитивные исследования языка – 2014. – №18. – С. 329 – 332.

BIBLICAL EXPRESSION AS STYLISTIC MARKERS OF LYRIC PROSAIC TEXT

E. G. Ozerova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Ozerova@bsu.edu.ru*

National cultural specificity of biblical expressions in the discourse of lyric prose is conditioned by the national purport of life philosophy which serves as a camertone of orthodox mentality and creates a particular style of artistic thinking. Biblical expressions are seen important means of the spiritual concepts which project cognitive pragmatic essence of the whole discourse of lyric prose.

Keywords: biblical expression, lyric prosaic texts, ethnocultural consciousness.

УДК811.161'.37

ФУНКЦИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л. Л. Присная¹
О. Н. Рукавицына²

*1) Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*2) Военно-морская академия,
г. Санкт-Петербург*

*e-mail:
prisnaja@bsu.edu.ru
lazebnaja_74@mail.ru*

Исследованию подвергнуты функциональные особенности единиц словообразовательного уровня в процессе языковой коммуникации. Выделены четыре функции, выполняемые словообразованием: уплотнение информации, семантическая конденсация, культурная идентификация, выражение этноязыковой культуры в этикетных формах.

Ключевые слова: словообразование, процесс коммуникации, информация, семантическая конденсация, этноязыковая культура, этикет.

Введение

В последние десятилетия происходит «обращение к живому функционированию языка», «прагматизация лингвистических исследований», являющаяся следствием стремления «учитывать «человеческий фактор» в речевой деятельности» [1].

Этот постулат в самой большой степени касается использования носителем языка словообразовательных средств в процессе языковой коммуникации.

Порождение нового слова (акт словопроизводства) происходит в процессе речевой деятельности, как и порождение любой другой единицы языковой системы, (В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Ф. де Соссюр, М. М. Бахтин, Т. Г. Винокур, Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, и др.), осуществляется в соответствии с ее законами, носит деятельностный характер.

Для осуществления акта словопроизводства должна возникнуть коммуникативная ситуация, в контексте которой возникнет потребность (мотивы) для обозначения какого-либо нового знания с помощью лексической единицы, то есть коммуникативная ситуация породит ситуацию ономаσιологическую, один из коммуникантов будет включен в ономаσιологический контекст (С. М. Васильченко, О. А. Габинская, М. С. Малеева, И. С. Торопцев, И. А. Устименко). Коммуниканты только используют способность языка через минимум средств к «достаточно дифференцированной и точной репрезентации бесконечно разнообразного при помощи ограниченного набора конвенций и соответствующих языковых образований (в новых ситуациях) [2, с. 72]. Дж. Гринберг справедливо замечает, что некоторые слова для носителя языка с очевидностью «являются расчленимыми в том смысле, что они составлены тем или иным регулярным образом с помощью сложения или деривации из более мелких единиц, встречающихся либо изолированно, либо в других сочетаниях» [6, с. 61].

Динамическое, процессуальное словообразование, словопроизводство, деривация описаны 1) с точки зрения деятельностного подхода [7] как вид деятельности по созданию лексической единицы с помощью средств словообразования; 2) с ономаσιологической, психолингвистической точки зрения: И. С. Торопцевым [11] предложена структура общезыковой словопроизводственной модели, которой интуитивно, на бессознательном уровне пользуется носитель языка при необходимости образовать новое слово, обозначить новое знание с помощью производной лексической единицы; 3) представителями когнитивной лингвистики (А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова

и др.) с точки зрения кодирования и декодирования информации в ходе коммуникативного акта.

Е.А. Земской [7] выделены 5 функций словообразования в языке: номинативная, конструктивная, компрессивная, экспрессивная, стилистическая; Л. А. Варакиным [4] рассмотрены словообразовательные средства, обслуживающие эти функции. Все эти функции И.Б. Голуб рассматривает со стилистической точки зрения на примере анализа литературных текстов, авторского словообразования [5].

Цель настоящей статьи – рассмотреть, какие функции выполняет словообразование в акте языковой коммуникации, как словообразование характеризует коммуникантов с точки зрения их отношения к родному языку и своей речи. По нашему мнению, учитывать данные проведённого исследования особенно важно при обучении русскому языку иностранных студентов.

Функция уплотнения информации

Коммуникативный акт совершается во времени, коммуниканты этим временем ограничены. Постоянно увеличивающийся поток информации приводит к поискам наиболее экономных средств передачи информации, которые позволили бы в минимальную единицу времени передать максимальный семантический объем информации. Передача информации через предикативные синтаксические единицы оказывается наименее экономным способом, та же информация может быть передана с помощью словообразовательных моделей путём свёртывания, стяжения синтаксической формы выражения, сокращения материальной части коммуникативного процесса до номинативного. Стяжение материальной оболочки используется прежде всего для сокращения временных параметров потока речи и проходит, как правило, несколько этапов, этап деривации – последний. Ярким примером подобного «ступенчатого» сокращения является возникновение слова *автогражданка*, созданного ведущими (и сразу несколькими) телевизионных новостных программ¹²: *обязательное страхование гражданской ответственности владельца автомобильного транспорта* – *автогражданская ответственность* – *автогражданка*. Это случай стяжения материальной оболочки, казалось бы, против всяких правил: *автогражданская ответственность* – это ответственность владельца или автомобиля? Тем не менее, слово принято уже на этой ступени, и содержание слова *автогражданка* одинаково было понято и принято всеми носителями языка. Однако стилистически маркированное как разговорное, слово не могло войти в официальный документ – Закон об обязательном страховании гражданской ответственности владельца автомобильного транспорта. Потребовался нейтральный, а то и маркированный официально-деловым стилем термин – возникла «на наших глазах» аббревиатура *ОСАГО*, которая и была использована при создании Закона. С одной и той же целью использованы два разных способа создания нового слова: с одной стороны это суффиксальное образование, употребление которого ограничено разговорным стилем, с другой стороны – аббревиация, способ также стилистически маркированный, но на этот раз принадлежащий к официально-деловому стилю. Уплотнение информации часто осуществляется в акте коммуникации с помощью сокращений слов, особенно в речи молодёжи: *зам, комп, нал, преп, уд, неуд, фан, чел* и под. Эта функция, в сущности, по Е. А. Земской, – компрессивная, однако и стилистическая.

Л.А. Варакин относит эти явления к компрессивному словообразованию. Сюда же он включает и семантические конденсаты, или универбаты, или компрессывы [3; 4]. Однако явление семантической конденсации имеет, на наш взгляд, иные

¹ Мнения разные – от отмены автогражданки до её немедленного введения. ОРТ, 14.10.2003. Дума рассматривает вопрос об автогражданской ответственности. Что будет с автогражданкой – неизвестно. РТР, 15.10.2003.

корни, и это явление мы предпочитаем рассмотреть как отдельную функцию словообразования в процессе языковой коммуникации.

Функция семантической конденсации

Уже на приведённом примере мы заметили, что содержание созданной носителем языка производной единицы может быть шире её морфемного состава, и единица, созданная в процессе коммуникативного акта, в этом случае может быть понята только в контексте этого акта. К таким явлениям принадлежит конденсация плана содержания в процессе словопроизводства, связанная с мотивировкой всем содержанием при выборе в качестве производящего одного из компонентов мотивирующего словосочетания: *нефтяная промышленность – нефтянка, социальная сфера – социалка* и под.

Е. Д. Поливанов видел основной фактор, причину подобных явлений в уменьшении расхода трудовой энергии, которая «склонна осуществляться... лишь до тех пор, пока сокращение энергии не угрожает бесплодностью всего данного трудового процесса...», «пружина этого механизма» есть, по образному выражению автора, «лень человеческая» или – что то же – стремление к экономии трудовой энергии» [9, с. 81] и может проявляться в виде экономии психической деятельности: сюда относится экономия мыслительных (конструирующих синтаксический и грамматический состав фразы) процессов во время речи [9, с. 83 – 84]. А. В. Исаченко считает закон экономии усилий «одним из основных законов развития лексики вообще» [8, с. 139].

Н. М. Шанский видит проявление принципа «экономии усилий» в устранении названий с расчлененной формой и универбации, в «сжатии в слово номинативных словосочетаний целостной семантики и частого употребления» [13, с. 158], то есть в явлении семантической конденсации и формальной стяженности.

О продуктивности «приема конденсации» свидетельствует то, что в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» зафиксировано более двухсот семантических конденсатов, отмечается и их многозначность. Так, для слова *отказник* словарь дает четыре значения: 1. В советск. время: тот, кому отказано в праве выезда за границу. ...он не описал ...еврейских «отказников» ...[Огонек, 1992, 10]; 2. Тот, кто отказывается повиноваться властям, администрации и т.п. в знак протеста против чего-л. ...зек А1-452... ставит задачу: что легче – работать или, став «отказником», сидеть в карцере. [Огонек, 1991, 3]; 3. Призывник, отказавшийся от службы в армии по идеологическим, религиозным и др. причинам; 4. Ребенок, оставленный на попечение государства в результате отказа от него родителей (или одного из них); отказной ребенок. Только последнее значение фиксируется впервые. На основании материалов СМИ можно выделить и 5 значение: 'отказавшийся от лидера, отступивший от него, предавший его'. Появились новые «отказники» – от Ельцина [Из выступления В. Распутина в Белгороде, 1999]. В «Словаре семантических конденсатов русского языка» И. А. Устименко (2004) зафиксировано более 2500 семантических конденсатов. Значение конденсатов все более абстрагируется, все более приближаясь к обычному словообразовательному типу со значением «характеризующийся действием, названным глаголом», «тот, кто отказался» – *отказник*.

Значение семантического конденсата всегда контекстуально обусловлено и продиктовано коммуникативным контекстом, ситуацией общения. Так, конденсат *кассетник* зафиксирован словарями со значением «кассетный магнитофон» (ТСРК, с. 289). Информанты в возрасте от 17 до 22 лет в проведенном [12] эксперименте дали для этого слова следующие значения: 1. Место в магнитофоне, куда вставляется кассета; 2. Футляр, контейнер для кассеты; 3. Стойка для кассет; кассетная стойка; 4. Человек, торгующий кассетами. 5. Коробок из-под кассет. 6. Человек, увлекающийся музыкой; Две последние реакции были единичными, но они говорят о том, что при всей «понятности» конденсата и образование и понимание его субъективны, а во вто-

ром случае – метафоричны, что, как утверждал А. А. Потебня, свойственно человеческому сознанию [10]. Понимание слова *кассетник* обусловлено также социальным и возрастным фактором – новое поколение уже не знает другого магнитофона, катушечного, вышедшего из употребления за последние двадцать лет, для них магнитофон – это звуковоспроизводящий прибор, снимающий звук с кассеты. Возможно, следующее поколение будет знать только дисковый магнитофон и создаст новый семантический конденсат. Конденсат *военка*, истолкованный в книге «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка» (1968, с. 72) как ‘военное бюро’, в словаре «Новые слова и значения» (1973, с. 106) отмечено со значением ‘военная служба’, опрошенные нами носители языка дали следующие толкования значения слова *военка*: 1. Военная служба; 2. Военная форма; 3. Военное училище; 4. Военная кафедра при институте; 5. Кафедра военной медицины в медицинском институте. Очевидно, что в определенной коммуникативной ситуации, любой из носителей языка мог бы включить в ономаσιологический контекст предложенный им вариант мотивировки семантического конденсата, а на выходе всегда было бы одно и то же слово – *военка*. Следовательно, адекватная дешифровка конденсата для носителя языка возможна только в контексте его возникновения или в синтаксическом контексте, которые дополняют семантику конденсата. Релевантными становятся в процессе декодирования побочные ассоциации и чувствования. В конденсате, взятом вне контекста, эксплицированными оказываются только семы словообразовательного характера, коммуникативные семы дополняются носителем языка на основе его лингвистического, социального и коммуникативного опыта.

Вновь возникшее идеальное содержание проходит две ступени формального стяжения, семантическая конденсация возникает только на одной из ступеней, как правило – на второй. В просторечии можно наблюдать на фоне второй и третью ступень формального стяжения, отличающуюся известной экспрессивностью. На этой ступени происходит сокращение основы производного слова, степень же семантической конденсации остается прежней, возрастает степень стилистической ограниченности, эмоциональной окрашенности и экспрессивности. Сравните: «*преступник, которого заключили под стражу*» – *заключенный (под стражу) преступник* – *заключенный* – *зэк* – семантическая конденсация существует только на второй ступени формальной стяженности – *заключенный*, представленной субстантивированным существительным, на третьей ступени (*зэк*) семантической конденсации нет, есть только формальное стяжение, то есть уплотнение информационного поля в плане выражения, семантическая конденсация прослеживается в сравнении со второй ступенью формального стяжения (*заключенный преступник*). Причем семантическая конденсация существует в том случае, если новое образование субстантиват (*заключенный, задержанный, расконвоированный, осужденный, вольнонаемный*) или получено суффиксальным способом (*бесконвойка, вольнонаемник, кассационник, кассационка, вольняшки, уголовник*), но отсутствует, если новое образование – сложное или сложносокращенное слово (*нарсуд, допрзак, зампред, работодатель*), а также аббревиатура (*НЛО* – ‘неопознанный летающий объект’, *ГИБДД* – ‘государственная инспекция безопасности дорожного движения’, в этом случае мы наблюдаем уплотнение информации без семантической конденсации. Семантическая конденсация хорошо прослеживается в результатах эллиптического сжатия словосочетания: *слушания по делу* – *слушания*; *решение суда* – *решение*; *народные заседатели* – *заседатели*; *кассационная жалоба* – *жалоба, уголовное дело* – *дело*.

Функция культурной идентификации

В коммуникативном процессе обязательно присутствует эмоциональная составляющая, которая выражается в особой экспрессивности речи коммуникантов. Эмоции снижают рациональный контроль коммуникантов и «обнажают» культурную составляющую диалога, что отражается и на словообразовательном уровне.

О низком уровне коммуникативной культуры, как и общей культуры человека, на наш взгляд, свидетельствуют образования с помощью суффикса *-н-я* от слов просторечного характера: *фигня, чихня, солдатня, матросня* и под., глаголы типа *тормознуть, спекульнуть, намаячиться, дёргаться, выпендриться* и под., образованные по продуктивным словообразовательным моделям.

Напротив, человек, употребляющий в речи абстрактные существительные, образованные с помощью суффикса *-ость (-есть)*: *бестелесность, воздушность, ограниченность, исчерпанность* и под.; с помощью суффиксов *-аний-/-ений*: *обнаружение, осуществление, науцение, притязания, неодобрение, порицание* и под., на наш взгляд, более глубоко и тонко владеет словообразовательной системой языка, обладает более тонким языковым чутьём и вкусом, что свидетельствует о его более высокой речевой и коммуникативной культуре.

Можно было привести множество примеров фактов ситуативного словопроизводства, которые позволили бы судить о речевой культуре говорящего.

Отметим только умение создавать окказиональные образования, свойственное современным журналистам, украшающим свои произведения множеством красноречивых и экспрессивных образований, приведённых Л.А. Вараксиным: *крышевание, перегавкивание, пилёж, растиражированность* и под [3; 4, с. 145].

Функция выражения этноязыковой культуры в этикетных формах

Русский язык на фоне языков мира обладает особенностью, которая не может не сказаться на функционировании словообразовательных единиц в языковой коммуникации. Особенность эта – обилие форм субъективной оценки, их многозначность и многозначительность, а также исключительная частотность употребления в речи в качестве форм смягчения речи и в качестве форм речевого этикета.

Формы субъективной оценки (ФСО) занимают промежуточное положение между слово- и формообразованием, передают различные оттенки значений – от ласкательности, увеличительности, уменьшительности до пренебрежительности, уничижительности, ироничности и сарказма и придают определённую окраску речи. Этой функции словообразования уделяет большое внимание в своей «Стилистике русского языка» И. Б. Голуб [5]. Как отмечает автор, благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов словообразование в русском языке является ярким источником речевой экспрессии. ФСО характерны для всех частей речи, но у разных частей речи оценочность, создаваемая аффиксацией, проявляется по-разному. Наиболее сильной экспрессией, по мнению И. Б. Голуб, обладают суффиксы субъективной оценки существительных. От существительных, нейтральных в эмоционально-экспрессивном отношении, путем аффиксации можно образовать такие, которые имеют яркое оценочное значение: *дом - домик, домишко, домина; брат - братец, браток, братишка, брательник; рука - ручка, рученька, ручонка, ручища; нога - ножка, ноженька, ножщица*. Подобные существительные получают уменьшительно-ласкательное или увеличительное значение, обычно с оттенком положительной или пренебрежительной, негативной оценки. Рядом с такими существительными часто используются оценочные прилагательные: одно слово как бы «заражает» (по выражению А. А. Потебни) другое: *маленький, малюсенький домик, седенький старичок, беленькие ручки, худенькие ручонки, худющий мальчонка*.

ФСО в процессе языковой коммуникации чаще всего образуются от имен собственных. Так, имя Мария принимает формы *Маша, Машенька, Машутка, Машуня, Маня, Маняша, Манечка, Манюшенька*; имя Сергей – *Серёженька, Сергейка, Сергунчик, Серёга* и даже *Серый*. Все они не находят аналогов при переводе на иностранные языки. Эти формы свойственны далеко не только именам собственным.

ФСО употребляются прежде всего в общении с детьми в их исконном уменьшительно-ласкательном значении: *Дай маме ручку; Машенька, возьми куколку; Головка болит?* Ребёнку предлагаются *кашка, молочко, супчик, котлетки*, он садится

на стульчик, ложится в *кроватьку*. Более того, в ситуации общения с детьми формы субъективной оценки образуют междометия и частицы, (*оиньки, аханьки, баиньки, баюшки, баюнюшки, охохонюшки, агушки, агунюшки, аиньки* (частица *а*), *нетушки, спасибочко* и др.), которые приобретают «стилистическую активность» в процессе аффиксации и яркую экспрессивную окраску: К этим эмоционально окрашенным словам примыкают и изолированные формы изменяемых частей речи, трансформированные в результате экспрессивной суффиксации: *спать – спатеньки, спаяюшки, спатки; потягушки, потягушеньки, потягунюшки*. Ребёнка зовут *кушанькать, гулятеньки*. Эти слова употребляются только в устной речи с экспрессией ласкательности, причем обычно при обращении к детям до четырёх-пяти лет.

Однако ФСО часто употребляются в этикетных формах при близких отношениях между коммуникантами и выражают предельно хорошее, доброжелательное отношение к собеседнику, чаще всего к гостю: *Пойдём посидим, попьём чайку с конфетками. У меня плюшечки есть, вкусенькие, с вареньицем, с медком. Сливочек могу предложить, блинчики со сметанкой. Кофейк есть, отличненький, с лимончиком. Тут у нас кухня, там комнатка сыночка*. Эти формы явно нарочиты, излишни. В них чувствуется экспрессия уничижительности, сюсюкания, а иногда и иронического отношения к собеседнику, поскольку «самоуничижение паче гордости».

В обращении врача к больному ФСО могут выражать сочувствие, участие: *Таблеточки принимаете?.. Выпишем пустьрничек, валерьяночку... обязательно прогулочки...* В подобных случаях чувствуется «приторность» речи, в чем, по мнению В. В. Виноградова, сказываются черты «речевого мещанства».

Числительные также могут употребляться в ФСО: *Всего-то тыщонка. А миллиончик не хочешь? Какой-нибудь миллиардик найдётся*. Эти числительные совмещают значение числительных и существительных. Заметно употребление в речи ФСО некоторых местоимений: *ничегошеньки не видел, никогошеньки не знаю*. Не редкость «суффиксальные экспрессивные образования» в составе неопределенно-количественных наречий: *немножко, немножечко, маленько, маленечко, многовато, маловато, столечко, нисколечко*.

Как отмечает И. Б. Голуб, подобные образования характерны и для художественной речи: *В руки яблочко взяла, к алым губкам поднесла, потихоньку прокусила и кусочек проглотила*. В тексте А. С. Пушкина употребление этих форм свидетельствует о положительном, ласковом, даже нежном отношении к героине. В тексте М. Е. Салтыкова-Щедрина те же формы свидетельствуют о лицемерии и лживости, демонстрируют «слащавость, елейность, подчеркивают лицемерие, ханжество» Иудушки Головлёва: *А знаете ли вы, маменька, отчего мы в дворянском званье родились?... Сидели бы теперь в избушечке, да горела бы у нас не свечечка, а лучинушка, а уж насчет чайку да кофейку - об этом думать бы не смели! Сидели бы; я бы лаптишечки ковырял, вы бы щец там каких-нибудь пустыньких поужинать сбিরали...*

Заключение

Наблюдение фактов коммуникации, анализ позиции коммуникантов в отношении явлений словообразования позволили нам сделать вывод о том, что на выбор словообразовательных возможностей языка влияет ряд факторов: 1) желание коммуниканта сократить свою речь и в минимальную единицу времени вложить максимум информации; 2) желание и умение осуществить стяжение словосочетания в одно слово с сохранением идеального содержания всего словосочетания, но с использованием в качестве производящего только одного из членов словосочетания: *нефтянка* – конденсат, *нефтепром* – сложно-сокращенное слово, они выражают одно и то же содержание разными способами: первый – конденсация, второй – уплотнение; 3) выбор способа использования словообразовательного средства в процессе коммуникации для коммуниканта может определяться уровнем его речевой культуры и языковой подготовки; 4) формы русского разговорного речевого этикета допускают широкое употреб-

ление форм субъективной оценки всех частей речи при условии их уместности в данной ситуации общения.

Во всех коммуникативных функциях словообразовательные средства всегда экспрессивны и чаще всего стилистически маркированы, поэтому прав Л.А. Вараксин, когда утверждает, что большая часть рассмотренных нами функциональных особенностей словообразовательных средств в процессе языковой коммуникации совмещает несколько функций - номинативную, компрессивную и стилистическую [4, с. 147].

Исследование коммуникативных функций словообразования может и должно быть продолжено с целью выяснения всех особенностей использования богатств русского словообразования в акте коммуникации и презентации их в учебных целях при изучении русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Булыгина Т. В. Вступительная статья / Т. В. Булыгина, А. А. Леонтьев // Бюлер, Карл. Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. – М.: Прогресс, 2000. – С. I-XXIII.
2. Бюлер Карл. Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. / Общ. ред. и комментарий Т. В. Булыгиной, вступительная статья Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
3. Вараксин Л. А. О типах словообразовательных значений // От текста к контексту. Межвуз. сб. науч. работ. Вып. 4. – Ишим-Белово. – 2004. – С.43-48.
4. Вараксин Л. А. Функции словообразования в языке и типы словообразовательных значений. [Электронный ресурс] <http://www.utmn.rudocs3990.pdf>.
5. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. – М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
6. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: вводный курс / Дж. Гринберг. – М.: Елиториа УРСС, 2004. – 224 с.
7. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 2007. 3-е изд. – 221 с.
8. Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. – *Slavia, ročník XXV11, Zesyt 3. Praha* 1958.
9. Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции? // Статьи по общему языкознанию. Москва, 1968: 75-89.
10. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 616 с.
11. Торопцев И. С. Словопроизводственная модель / И. С. Торопцев. – Воронеж: ВГУ, 1980. – 148 с.
12. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании: пособие к спецкурсу / И. А. Устименко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.
13. Шанский Н. М. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху / Н. М. Шанский // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 155 – 166.

THE FUNCTIONS OF WORD FORMATION IN THE PROCESS OF LANGUAGE COMMUNICATION

L. L. Prsnaya¹
O. N. Rukavitsyna²

*Belgorod State
Research University*

*Naval Academy,
Saint-Petersburg*

*e-mail:
prsnaja@bsu.edu.ru
lazebnaja_74@mail.ru*

The paper discusses the functional peculiarities of units of word-formation level in the process of language communication. The author observes four functions performed by the word: seal information, semantic condensation, cultural identification, expression of ethno-linguistic culture in etiquette forms.

Keywords: word-formation, process of communication, information, semantic condensation, ethno-linguistic culture, etiquette.

УДК 811.114

«ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ АКУСМАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**В. К. Харченко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
wera_kharchenko@mail.ru*

На материале разговорных реплик, зафиксированных в 2012-2014 гг., исследуются особенности сентенций в разговорном дискурсе, их тематика, виды и тропеическое сопровождение.

Ключевые слова: разговорный дискурс, сентенция, акусматическая культура, метафора.

Введение

При всей своей дробности, кажущейся «случайности», непреднамеренности (спонтанности) разговорная речь может выступать полигоном исследования всего того, что, фокусируясь в соответствующих терминах, попадает в исследовательскую сферу такого типа текста, как «рассуждение». Терминами, напрямую относящимися к рассуждению, являются «максима», «афоризм», «сентенция», фокусирующие квинтэссенцию той или иной реплики, хотя рассуждение возможно и без «подведения итога», в таком случае оно приближается к размышлению и обнаруживает свойства фрактала – объекта с весьма причудливыми, размытыми границами. В следующей реплике афоризма как такового нет, но элементы рассуждения присутствуют. [Женщина лет 35 с дочкой лет 6 идут с праздничной площади:] *Приведи в порядок и сделай себя красивой девчонкой. Ты же красивая девчонка!* (09.05.2014).

Изучение афоризмов имеет давнюю традицию, см.: [1, с. 193 – 196]. Особенность этой традиции – обращение к книжной культуре, к художественному и публицистическому дискурсам. Разговорный дискурс в этом отношении изучен недостаточно, поскольку расслышать и почти сразу максимально точно зафиксировать афоризм, прозвучавший в устах попугайчика, прохожего, знакомого, коллеги, не так просто, тем более непросто накопить корпус подобных афористических высказываний, которые в записи принимают облик разговорных афористических миниатюр. По особенностям рассуждения также появились свежие публикации [2, с. 170 – 189; 3]. Значительный объём литературы теоретического характера накоплен современной коллоквиалистикой, при этом тематика исследований разговорного дискурса весьма разнообразна: это метафоры и словотворчество, фразеологизмы и поговорки, междометия и дискурсивные слова. Есть исследования речи школьников, особенно привлекает лингвистов жаргонная составляющая [4], речи студентов, в частности в аспекте словотворчества [5], речи представителей различных профессий, например исследование профессиональных метафор в устах врачей [6]. В лингвистике разговорного дискурса безусловным достижением является выделение как отдельного речевого жанра бытового разговора («разговора по душам») [7; 8]. Исследован речевой жанр «болтовни» у детей младшего школьного возраста [9; 10]. В совокупном корпусе объектов живой разговорной стихии «рассуждения» несколько теряются, если не выделять и не исследовать их отдельно, особо, прицельно, что мы и пытаемся предпринять.

Основная часть

Целью статьи является анализ специфики рассуждений в репликах живой разговорной, то есть спонтанной речи последнего периода (2012 – 2014 гг.). Признаком наличия рассуждения, эксплицитированного или имплицитного, будем считать итоговую формулу – афоризм, максиму, сентенцию. В исследовании эти термины мы используем как

проксонимы, акцентируя их сходство. Живую разговорную речь мы фиксируем в жанре бытового разговора, но не обходим вниманием и реплики «производственного» и «околонаучного» общения, коль скоро в них соблюдено условие спонтанности.

Гипотеза исследования заключается в том, что в разговорном дискурсе таится немало сентенций, которые отличает не только своеобразие формы (порядок слов, включение хезитативов, возможная неполнота синтаксических структур), но также своеобразие содержания. Характеризуя ситуацию, говорящий может предложить формулу, которая в «официальной» книжной культуре или отсутствует, или труднодоступна, неизвестна широкому кругу читающих. Задачей прикладной филологии может стать фиксация, сбор и систематизация таких эвристических разговорных находок. Планируя выявлять своеобразие «спонтанных» рассуждений, сделаем предварительно как минимум три терминологических уточнения.

Применительно к определяемому термину «сентенция» характеризующее терминологическое определение «спонтанный» мы заключаем в кавычки отнюдь не случайно. В спонтанных диалогах носители языка делятся своими соображениями, многие из которых, как правило, ранее лично сформулированы, выстраданы, апробированы. Спонтанна ситуация, но итоговое, может быть, неожиданное для адресата рассуждение спонтанным считать можно с известной долей условности. [Учительница из Краснодара в гостях:] **Если бог послал тебе проблему, значит, ты в состоянии с ней справиться! Лени – это зло. А когда тебя что-то возмущит, то и лени нет!** (07.05.2012).

Следующее уточнение связано с необходимостью терминологизации такого слова, как «болтовня» с его ярко выраженной пейоративной коннотацией. Термины «рассуждение» и «болтовня», на первый взгляд, едва ли не противоречат друг другу. Однако лонгитюдное, на протяжении уже более двадцати лет, изучение разговорной стихии свидетельствует, что не только в публицистическом и художественном дискурсах, но и в обычном общении присутствует немало эвристики, немало открытий, подсказок, сентенций, со стороны адресанта с явным удовольствием передающих их, как эстафету, своему собеседнику, адресату. Такой информативный материал, повторим и подчеркнём, требует фиксации и отдельного анализа. Феномен бытового разговора, болтовни, тем более разговора по душам не исключает приобретения нового знания, коррекции понимания, обоснования более (наиболее!) грамотного выбора, выхода из той или иной сложившейся ситуации. [Доцент коллеге по телефону:] **Но это не самое главное в жизни, скажем так! Самое главное в жизни – это сама жизнь! И надо сделать её приятной!** (26.07.2014).

Ещё одно уточнение касается трактовки терминов «рассуждение» и «сентенция». При исследовании разговорных сентенций приходится ориентироваться на теорию рассуждения, которое изучают и в логико-философском аспекте [2, с. 170 – 180], и в лингвистическом, в частности фонетико-интонационном [3]. «Обычно под рассуждением, – пишет Е.А. Кротков, – имеют в виду умозаключение, или логический вывод. Между тем рассуждать (здорово) – значит формулировать вопрос и искать ответ: объяснить какое-либо непонятное явление, аргументировать свою точку зрения, строить прогноз на будущее etc. Ничего из названных когнитивных фигур в умозаключениях самих по себе нет». Завершается статья следующим тезисом: «В реальном дискурсе (повседневном и научном) фигурируют, как правило, содержательные умозаключения, в которых логическая связь между посылками и заключением специально не отслеживается» [2, с. 170, 179]. В разговорном дискурсе рассуждение присутствует, как правило, в свёрнутом виде. Рассуждение – это логическая цепочка высказываний, тогда как сентенция есть не что иное, как кульминация рассуждения, эксплицируемого или, что чаще, скрытого, рассуждения сиюминутного или, что чаще, сформулированного ранее, неоднократно обдуманного. Например: [На пляже женщина лет 45 и мужчина лет 60:] **Ты дедушкой будешь? – Да я ещё не осознал. Неожиданно всё. Женщина как инстинкт, у неё всё по инстинкту! А будут у нас жить – как мне?** [С грустной улыбкой:] **В трусах по комнате не пройдёшь...** (29.05.2014).

В абсолютном большинстве высказываний с сентенциями «посылки» скрыты, они пребывают в пресуппозиции, образуя импликационал высказывания, но сам речевой жанр сентенции выступает при этом достаточно определённо. В общем корпусе разговорного дискурса этот жанр, необходим как альтернатива использованию готового знания (блоков цитат, пословиц, фразеологизмов). Ставя проблему «Генерирование или трансфер знаний: что важнее?», И. Т. Касавин подчёркивает, что «чистого перцептивного», концептуально стерильного знания не существует вообще [11, с. 51]. Так, восхитившись выражением «*Любовь тренируема!*», от собеседницы мы услышали признание: «*Это не моё, это на лекции говорил один психолог!*» Так что «степень авторства» реплик-откровений бывает весьма условной, но здесь просматриваются три аспекта ценностного характера.

Во-первых, собеседник выступает популяризатором, на его взгляд, слабо артикулируемых умозаключений. [Профессор, женщина 49 л.:] *Оказывается, мы себя программируем на короткую жизнь, и поэтому мы рано умираем. Организм служит мозгу, когда мозг занят будущим. Как только мозг теряет смысл, организм умирает. Мы должны видеть эту картинку!* (05.03.2013).

Во-вторых, автор реплики-сентенции выступает рупором собственных аутологонгов по принципу: помогло мне – поможет и близкому мне человеку (а подчас и незнакомому!). Здесь мы сталкиваемся с феноменом «гносеологической робинзонады» [11, с. 11 – 12], то есть права на индивидуальное знание. [Подруги лет 17 идут по рынку. О покупке новых вещей:] *Надо ещё нарядиться. А это, между прочим, самое сложное!* (29.06.2014).

В-третьих (это следствие «первого» и «второго»), произносящий сентенцию выступает, что немаловажно, но что незаметно и скрыто, ещё и корректором «коллективного бессознательного». [Гостя, учительница из Краснодарского края:] *Мы тоже собираем, когда у кого что (стряслось). И одна говорит: лучше давать, чем просить. Все мы под Богом ходим. Моя мама говорит: Чем старше становишься, тем больше боишься слово сказать. А у нас: «Я чуть с ума не сошла!», «Да иди ты!»...* (07.05.2012). В приведённой реплике контактируют «чужое слово» (*И одна говорит...; Мама говорит...*), паремия (*Все мы под Богом ходим*) и новое наблюдение психологического характера (*Чем старше становишься, тем больше боишься слово сказать*), вполне претендующее на миниуправление коллективным бессознательным.

Чтобы воздействие, управление состоялось, нужна эвристика и содержания рассуждения, и самой формы. «Гносеологическая робинзонада» проявляется в таком содержательном признаке афоризма, как его парадоксальность. Парадоксальность равно свойственна и книжным, и изустным, акусматическим сентенциям как ведущий признак микрожанра. Оказывается (пример выше!), самое сложное – нарядиться! Оказывается, квартира не дом, а жизнь – это несоответствия! [Профессор на защите дипломных работ:] *В дворянских семьях раньше было библиотека наследует (sic!) правнукам-переправнукам. Наследуется! Дома нет! Наши квартиры не дом!* (25.06.2014). [Доцент перед публичным чтением своих стихов:] *Я расскажу о своих несоответствиях. Потому что жизнь – это несоответствия. Когда всё симметрично, жизни нет* (19.11.2013).

Что касается формы выражения и передачи «личностного знания», то в ней тоже нередко отмечается логический сбой во имя яркости передаваемой мысли: *ходить ногами, надо хохотаться*. [Сотрудник финансового управления секретарю, забывая подписанную бумагу:] *Так что лучше ногами ходить? – Да. – Так мы всегда ходим ногами* (сами всё относим), *а всё равно оказывается, что не зарегистрировано!* (20.06.2014). [Радиожурналист и оператор, готовясь к интервью, о знакомом и о ценности юмора:] *Он, вообще-то, сухарёк такой. Заходит, а мы смеёмся! Да, надо хохотаться, как у нас один говорил!* (04.07.2014).

Разумеется, любого исследователя больше интересует своеобразие мысли и слова применительно к изучаемому дискурсу ли, жанру, идиостилю. Однако в тех же разговорных предложениях проявляются и общие характеристики национального менталитета. [Вахтёр и комендант общежития:] *Такое сало вкусное! Я, наверное, Вам подарю! – Вера Тихоновна! Ну нельзя ему сало! – Татьяна Васильевна! Можно всего немножко! – Но «немножко» у нас не понимают!* (28.12.2013). [На рынке мужчина лет 68 и продавщица лет 40:] *Филе грудинки! – Побольше? Поменьше? – Побольше! Брат так уж брат! – Гулять так гулять!* (продавщица подхватывает реплику, смеётся) (31.08.2014). Признаком национального менталитета россиян является не только размах желаний и действий, о которых минуту назад ещё не помышляли, но и боязнь сглазить вдруг обнаруженное хорошее. На лицо более чем осторожное обращение с позитивом, даже нежелание фиксировать его, расценивая как «нормальное». [На перроне женщина лет 45 с мужем здоровается с путём:] *Как ты? – Нормально!* [Отошли, женщина говорит мужу:] *Нормально – это уже хорошо!* (видимо, тот человек страдает алкоголизмом) (23.04.2012).

Обратимся теперь к специфике исследования материала, влияющей на интерпретацию самого материала. Трудность сбора материала, обнаружения «личностного знания», выведенного говорящим «опытным путём» заключается в трёх следующих обстоятельствах.

Во-первых, предложения пластично включены в разговорный ряд, не сразу бросаются в глаза, они не очень заметны, поскольку наставление адресуется собеседнику, а это этически тонкий момент, без подчёркивания сильной позиции «советчика». Эта пластика проявляется в наличии слов-хезитативов (*короче, вот, это, это самое*), междометий (*жесть, опа-на, ой*), проявляется в паузировании, в неполноте реплик, то есть в явном или интуитивном, неявном стремлении каким-либо образом приглушить, скрыть «поучительность». Незатейливое, непринуждённое контекстуальное окружение, сбой в синтаксисе парадоксально высвечивают всю актуальность и всю глубину высказанного наблюдения, сомнения, обобщения. [Мужчина лет 80 двум женщинам-ровесницам, гуляя по парку, о молодёжи и компьютерах:] *Я думаю, всё в порядке! Кто в электронике в этой побыл – значит человека нет уже!* (06.11.2013).

Во-вторых, «личностное знание» предполагает «интим», потаённость, оно идёт по ведомству «разговора по душам». Этот речевой жанр в последнее десятилетие, повторяем, стал исследоваться, однако закрытость львиной доли самого материала и, соответственно, закрытость особенностей информирования создают серьёзные препятствия пополнению фонда. Например, записав следующую реплику, «схватив», сохранив её, мы не владем ситуацией, что именно подразумевалось под словами: *Грамотный не в ту сторону*. [Работники РЭУ лет 50 по дороге о ком-то:] *Все его хва-алят! Расхоро-оший такой, грамотный! – Грамотный не в ту сторону!* (21.06.2014).

В-третьих, ставя проблему личностного знания, мы сталкиваемся с феноменом «чужого слова». Здесь надо учитывать и литературоцентричность российского менталитета, и словоцентричность. Автор высказывания нередко цитирует то, что читал, но также и то, что слышал от других, что сохранил в памяти как ценное и интересное. В этом плане само по себе подключение пословицы может рассматриваться как пример рассуждения, хотя наличие пословиц может затмевать для собирателя материала лично выведенные рядовым носителем языка формулы, а именно они, в нашем случае, особенно интересны. В своей монографии мы предприняли попытку наложить некоторые предложения разговорного дискурса на аналоги из книжной культуры, обосновав метод, обозначенный как метод семантической ротации [12, с. 54 – 64]. Однако ещё больший интерес представляют предложения, прозвучавшие в разговорной речи, которым мы (пока ещё!) не нашли аналогов в книжной культуре. Не исключено, что рано или поздно такие аналоги обнаружатся, однако кажущееся их отсутствие как раз и делает предложение неожиданной, даже эвристической в режиме будто бы обычной «болтовни», обычного разговора. [Молодой человек лет 28 матери по дороге

на речку:] *Сказали, что я держался за каждое слово <...> **Счастливого человека трудно оскорбить, счастливого человека только можно рассмешить!*** (16.08.2013); [О подготовке песни к юбилею факультета:] *Они говорят <...> «Что мы, клоуны, что ли?» **Да мы, преподаватели, и должны быть клоуны! Ведь шутит над собой только тот, кто уверен в себе!*** (29.10.2013).

По своему содержательному наполнению разговорные сентенции охватывают самые различные темы.

Образование: [Доцент:] *Она говорит: «Я каждый раз что-то новое!» Нет, ты не учитель! Потому что **методика – это не разнообразие, а однообразие!** Если я каждый день буду учить одно слово, то что я буду помнить? ДНК до сих пор расшифровать никто не может. Децилнуклеино... (смеётся) Не выучено!* (26.07.2012). [Открытое занятие. Профессор студентам и присутствующим коллегам:] *Конечно, это убожество. **А убожество оформления сказывается на качестве знания!*** (22.05.2013); [Учительница-словесник о враче:] *...Из паралича вытянул два года назад! У него в кабинете книги, книги, книги. Мне поликолы сказали: руку заговорили. Он мне сказал: это область неизученного. Он из звёздочек! Он говорит: «**Мозгом можно всё!** Я ведь кончил Курский мед» (неважно, где учился, а важно, как)* (01.07.2013).

Наука: [Тверь, на защите диссертации, член совета, подготовивший два вопроса, председателю:] *Если можно, я б два раза встал. Потому что **когда задаёшь два вопроса, то один страдает*** (29.10.2013). [По телефону профессор об отмене надбавок за научные успехи:] *Мы не остановимся уже! **И чем больше пишешь, тем больше знаешь, о чём писать!** Бесплатно нигде сейчас не публикуют...* (12.05.2014). [На защите женщина-профессор:] *«**Комплексный подход**» – это как **дежурное слово!*** (17.06.2014).

Политика: [Доцент о бывших работниках парткомов:] ***Комсомолец комсомольца не оставит, где-нибудь да пристроит!*** (03.05.2012); [Профессор в лифте коллеге:] *А Вы заплатили? **Демократия – это когда работают только за деньги! Сначала заплати, а потом объясняй, что надо!*** (16.05.2012).

Экономика: [Мужчина лет 75 в троллейбусе громко:] ***Раньше рабочий класс работал, крестьяне работали, и государство процветало!** А сейчас все поют! Раньше только один Марк Бернес пел, а все работали!* (27.11.2013).

Этика: [Бывший музыковед 58 лет, разговор о дочери:] *Какая она красивая, Вика! Я видела издали! – **Красота – это её культура.** Вы, когда её дома увидите – это не маска!* (29.07.2012); [В троллейбусе кондуктор лет 62 и пассажир женщина лет 40:] *Зонт положила! – Это с окна капает! – А что, это преступление – зонт положить? Кому надо – вытрут! – А мне что, ходить с тряпкой, вытирать? – Это, в конце концов, Ваш троллейбус! – У меня каждый день другой троллейбус! – **Но человеком вы остаётесь каждый день!*** (11.10.2012).

Старость: [Продавщица покрывал, подушек покупательнице сердито:] *Да что восемьдесят, что семнадцать! **Да какая разница, сколько лет человеку!** А то с утра приходят и начинают: Ой! Дайте для бабульки! – А сами вы? – Вы правы, у меня трое внуков!* (13.07.2012); [О наблюдениях над француженками во время давней поездки в Канны и Ниццу:] ***После пятидесяти пяти – это картинка каждая!** До 55-и – это как мы, замухрыленные, даже иногда и с сумками в двух руках! У них такой принцип: **Чем ты старше, тем больше ты должен компенсировать своей внешностью!*** (13.08.2012).

Здоровье: [Профессор о муже:] *Он лекарства не признаёт. Говорит: **от внешних болезней – зелёнка, от внутренних болезней – уголь, а от всех болезней – бег!*** (25.05.2012). [Профессор кафедры акушерства и гинекологии, в коридоре вуза:] *К нам пришли с проверкой: где новые технологии? А я говорю: Акушерство – это самая консервативная область медицины! **Чем меньше в акушерстве будет новых технологий, тем здоровее будет нация!** ЭКО? Извините, мы не можем сады в пробирке выращивать! Потому что это медикализованные дети* (08.11.2013).

В пресуппозиции всех приведённых высказываний, к какой бы области они ни относились, присутствует идея управления, причём управления далеко не только пониманием адресата, но и в целом коллективным бессознательным. Об этом свидетельствует презумпция обобщения, заложенная в самой структуре многих сентенций. В следующей реплике спонтанного диалога говорится о кошке, но мысль легко может быть спроецирована и на поведение человека: [Разговор с учительницей о дворовом коте:] *Мы сначала думали, что это кошка. А это кот. Марс! Кот, который понял, что надо выживать, а чтобы выживать, надо нравиться людям. Но он и по природе такой добрый и ласковый* (07.08.2012). В другом высказывании речь идёт о членах диссертационного совета, но проецируется это на семейные и служебные отношения. [По телефону профессор о дис.советах:] *Я понимаю, что внутри там не всё гладко. Но внутри отношения всегда сложнее, чем внешние!* (01.06.2013).

Когда содержательная часть итоговых реплик совпадает, то интересно рассматривать многообразие их языкового воплощения. [Прощаются у поезда. Женщина лет 48 мужчине лет 60, дотрагиваясь до руки и с широкой улыбкой:] *А внушки, девочки, они слаще!* (24.07.2014). [Доцент 55 л., поздравляя:] *Всё-таки девочка лучше! Ожидание какое-то... Надежда, что поймёт тебя. Всё-таки девочка есть девочка!* (11.09.2012).

Особенность спонтанных рассуждений заключается не только в том, что они инкрустированы в пространство будто бы обычной болтовни, но и в том, что они включают в себя не только «когниции», но и эмоции (см. выше: *Это картинка каждая!*), и перцепции. Так, в следующем примере осязательная перцепция предшествует рождению (зарождению) сентенции. [Тверь, жена с приятельницей, обеим за 60, говорят о машинах. Входит муж:] *Ой, девушки, какие вам машины? Диван пошире, одеялку помягче: чем больше дома, тем дольше живёшь!* (28.10.2012). Приведём ещё ряд примеров сентенций, построенных на сенсорике (зрительный, обонятельный модусы). [Женщина лет 40 с улыбкой сказала комплимент реализатору:] *Сам собой довольный! Никто ему не нужен!* [Заметила, что тот, похоже, обиделся] *Да я не против! Так прикольно со стороны смотреть!* (06.07.2014). [Женщины-реализаторы лет 38:] *Я вот делаю: 80 г соли и лимонная кислота. И вот это – огурцы! Откроешь – не надыхнешься прямо!* (12.06.2014).

Рассмотрим теперь, что представляют собой по форме сентенции разговорного дискурса. Разумеется, говорящие нередко прибегают к общеязыковым сентенциям, например через использование бисубстантивной модели: А есть А [13, с. 5] (*Жизнь есть жизнь!*) в её психотерапевтической функции или к предельным обобщениям: *Всех понять можно!*

[Профессор из Азербайджана, женщина, на конференции в Казани:] *Лихачёв перевёл византийские, греческие тексты и приписал русской литературе. В МГУ плевались! <...> У нас Драйзера с русского (!) переводят на азербайджанский язык! Двенадцать томов. Но корректность есть корректность! Это не факт азербайджанской литературы!* (29.06.2012); [Женщина реализатор лет 36 о покупателях:] *Спят ещё! Сделали б выходной! В среду, например, все ларьки закрыты. Мы б отдохнули. Выходной значит выходной!* (06.10.2012); [Мужчины лет 50 на перроне:] *Его понять можно: сердечко не выдержало. – Всех понять можно. Зарплата, деньги...* (12.08.2012). [На планёрке:] *К 8 ноября пришлите, как наши исследования развивать в плане антропологии. Шекспир он и в Африке Шекспир! Через язык тоже хорошо ложится!* (22.10.2013). В полуспонтанной речи, то есть в выступлениях на совещаниях, встречаются сентенции, построенные по «опрокидывающейся» модели: А – это В, В – это А. Полагаем, это одна из разновидностей бисубстантивных предложений с контактной меной темы и ремы. [Ректор:] *Я пришёл сюда, чтобы намертво завязать этот узел: и с администрацией, и с предприятиями. Губернатор меня напутствовал: Университет – это область! Область – это университет! Я с ним полностью согласен! Нам надо выстраивать перспективы суперобразования!* (07.06.2012).

Среди разговорных сентенций немало вторичных, цитатных. Здесь важна интонация уважительности при транслировании полюбившейся мысли. «Но осмыслено только то, что осмыслено заново; восприятие смысла – всегда интерпретация, творчество, конструирование, создание нового, осмысление мира на свой лад; всякое смыслообразование есть иносказание» [11, с. 53]. Говорящий, как правило, не просто цитирует чью-либо сентенцию, но при этом выражает и своё к ней отношение, «продолжает» мысль, как далее в примере: труды и болезни. [Юбиляр, доцент, 80 л.:] *Я выросла без мамы, были две мачехи, это хорошая закалка. Мачеха мне говорила очень строго: «Твоё настроение никому не нужно!» Вы когда-нибудь видели моё плохое настроение?* (25.05.2012). [Доцент по телефону:] *Как в старину говаривали: до 70 лет – жизнь, после 70 – труды и болезни, но «болезни» – синоним труда, такое было значение!* (09.09.2012).

Большой интерес представляют метафорические сентенции, в которых образная новизна делает мысль запоминающейся, через обновлённую образную интерпретацию придаёт эвристичность самому рассуждению. [Учительница из Краснодарского края в гостях:] *Муж мне говорит: Ну, ты, такая училка, зануда! – А мы уже не видим себя! Опылились друг о друга!* (07.05.2012). Не менее выразительной, чем метафора, может стать и синекдоха, см. выше: **Мозгом можно всё!** В разговорных сентенциях наблюдаются следы такого тропа, как олицетворение. [Ученый секретарь подытоживает, успокаивая коллегу:] *«Аз есмь Бог, и аз воздам!» Мы переживаем, а небеса своё дело делают!* (25.11.2013).

Метафоры, олицетворения, гиперболы, эпитеты, сравнения, градации, сентенции-цитаты, «внешние» алогизмы и бисубстантивные предложения – всё это свидетельства, безусловно, влияния книжной культуры, свидетельство сохраняющейся литературоцентричности нации. В.В. Колесов предельно точно обрисовал процедуру рождения нового знания. «Но может ли философ говорить «понятно»? Услышав тишину, он должен сказать, а уж **понимать** – это наше дело. Схватить сознанием текущие образы и оправить их в содержательные формы, извлечь предметный смысл из представленных символов и выплавить из всего этого **понятие** и **термин** – вот что должен сделать каждый, кто серьёзно относится к своей профессии» [14, с. 126]. Носители языка не выплавляют из своих наблюдений понятий и терминов, но, как показывает собранный материал, они осуществляют интерпретацию системных событий, формулируя свои собственные умозаключения.

Выводы

Подведём некоторые итоги исследования «личностного знания», проявляющегося в изустной (акусматической) национальной культуре:

1. В разговорном дискурсе реплики-сентенции характеризуются свойствами парадоксальности, эвристичности, образности, тем самым соответствуя общему жанру афоризмов и афористических миниатюр;

2. Разговорные сентенции отражают черты национального менталитета и соответствующей профессиональной страты, на них накладываются гендерные и возрастные приметы. Вместе с тем разговорные максимы обнаруживают своеобразие в содержательном плане: подчиняясь диктату момента «здесь и сейчас», разговорные афоризмы даруют весьма неожиданные, актуальные выводы-указания, влияющие на понимание ситуации, направляемое от адресанта к адресату;

3. Разговорные итоговые заключения носят печать спонтанности, включая междометия, слова – заполнители пауз (хезитаты), недоговорённость, неполноту структуры;

4. Как и в художественных текстах, разговорная афористика весьма образна, она содержит метафоры и олицетворения, эпитеты и сравнения, многие из которых проходят по ведомству индивидуально-авторских;

5. Сложность сбора материала касается закрытости «разговора по душам», что пробуждает довольствоваться случайно услышанными репликами, во-первых, записями в ситуациях полуспонтанной речи (выступления, реплики на собраниях, на

процедуре защиты, на планёрках), во-вторых, и, в-третьих, шире использовать ситуации, когда участником диалога становится сам исследователь;

6. В период ослабленного влияния книжной культуры и ухода общения в сети Интернета исследовательское внимание к изустной, акустической культуре исключительно важно. Об этом свидетельствуют и сами носители языка, столь часто, как показало исследование, сохраняющие и, как эстафету, передающие своим собеседникам значимые и актуальные для того или иного момента сентенции и свои собственные, и своих знакомых;

7. Разговорная афористика требует не только сбора материала и его изучения, но и обязательного лексикографирования, в том числе в режиме электронных баз данных, поскольку этот материал по своей природе исчезающий, невосполнимый, вытесняемый новыми тенденциями и сентенциями живой жизни.

Список литературы

1. Харченко В. К. Как рождается афоризм? / В. К. Харченко // Литературная учёба – 1986. – № 4. – С. 193 – 196.
2. Кротков Е. А. О рассуждении как методе познания // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С.170 – 180.
3. Сошников А.О. Специфика структурно-семантической организации спонтанных текстов повествования и рассуждения: Автореф. дис. ... канд.филол.наук / А. О. Сошников. – Тверь, 2013. – 22 с.
4. Тарасенко Т. П. Словарь жаргона краснодарских школьников / Т. П. Тарасенко // Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. – 220 с.
5. Шаталова Ю. Н. Словотворчество в повествовательной речи (структурно-семантический и функциональный аспекты): дис. ... канд.филол.наук / Ю.Н. Шаталова // Белгород, 2013. – 200 с.
6. Зубкова О. С. Лингвосемиотика профессиональной метафоры: дис. ... д-ра филол. наук / О. С. Зубкова.– Курск, 2011. – 460 с.
7. Дементьев В. В. Основы теории непрямой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Дементьев. – Саратов, 2001. – 42 с.
8. Седов К. Ф. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. – 320 с.
9. Лемяскина Н. А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника: Монография / Н.А. Лемяскина. – Воронеж, 2004. – 330 с.
10. Толмачёва С. Ю. Речевые жанры младшего школьника: Дис. ...канд. филол. наук / Толмачёва. – Воронеж, 2009. – 200 с.
11. Касавин И. Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии / И. Т. Касавин // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 46 – 57.
12. Харченко В. К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний / В. К Харченко. – М., 2013. – 192 с.
13. Асланова О. А. Бисубстантивные предложения как средство выражения авторской характеристики типа персонажа в мемуарном тексте: автореф. дис. ...канд.филол.наук / О. А. Асланова. – М., 2013. – 25 с.
14. Колесов В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб., 2002. – 448 с.

«PRIVATE KNOWLEDGE» AT THE SPACE OF ACUSMATICS CULTURE

V. K. Kharchenko

*Belgorod State National
Research University*

e-mail:

wera_kharchenko@mail.ru

The article deals with the mechanism of rarely used expressiveness measures of the modern spontaneous speech based on the material of colloquial utterances recorded in 2012-2014. The author puts emphasis on the impact of fiction works on colloquial discourse reflected in some models of maxims in a form of reasoning.

Keywords: colloquial discourse, speech genres, talk, acusmatics culture, metaphor.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.432

ЛОКАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АФРИКАНИЗМОВ

Ж. Багана

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

baghana@yandex.ru

В данной статье рассматриваются словообразовательные процессы, затрагивающие фразеологические африканизмы французского языка Африки, описываются основные способы словообразования (аффиксальная деривация и словосложение), характерные для фразеологических африканизмов, приводятся грамматические и графические особенности словосложения при создании фразеологических африканизмов. Данный анализ раскрывает специфику африканской фразеологии и дает представление о путях ее реализации на данный момент и возможностях дальнейшего развития.

Ключевые слова: фразеологизмы, африканизмы, французский язык, словообразование, аффиксальная деривация, словосложение, Африка

Локальная вариантность на уровне словообразования связана с неодинаковым соотношением различных способов создания означающих и с различной активностью словопроизводящих формантов в зависимости от ареала, что является еще одним доказательством неравномерности развития отдельных подсистем диатопного литературного языка. Процессы словообразования в африканских языках могут рассматриваться как с точки зрения изучения внутреннего сочетания элементов словообразовательной модели, так и с точки зрения увеличения словарного состава за счет использования номинативных моделей центральной разновидности. Изучая особенности словообразования в территориальных вариантах языков, ученые приходят к принципиальному выводу о том, что словообразовательные средства и модели являются общими для всех территориальных разновидностей языка.

На сегодняшний день словообразование является одним из важнейших путей формирования фразеологических африканизмов. Мы не собираемся вступать в дискуссию, поскольку словообразование нас будет интересовать в прагматическом аспекте как основной источник возникновения неологических фразеологических африканизмов.

Аффиксальная деривация. Большинство неологизмов в составе фразеологических африканизмов возникает в процессе аффиксальной деривации, когда новое слово образуется путем добавления к уже существующему слову суффикса или префикса. Как мы уже сказали, аффиксальное словообразование во французском языке Африки подчиняется законам центрального варианта французского языка. Но имеются некоторые особенности, а именно: суффиксы и префиксы используются только французские, а исходное слово может быть как французского, так английского и африканского происхождения. Кроме того, особенности деривации в африканском контексте связаны с африканским темпераментом. Л. С. Сенгор по этому поводу пишет:

«Сенегалец, как истинный африканец, непостоянен и изменчив, и его естественным поведением будет стремление усилить или расширить оригинальное значение слова» [12].

Формирование фразеологический африканизмов с помощью префиксации. Во французском языке Африки префиксация как вид образования неологизмов в составе фразеологический африканизмов используется относительно редко так же, как и включающие его парасинтетические образования. Тем не менее, префиксацию можно отметить в составе следующих фразеологический африканизмов:

anti – «противопоставление»:

être anti-matswaniste – (букв. выступать против секты Мацуа) – «быть неверующим»,

être anti-paludéen – (букв. быть противомаларийным) – «быть могущественным»;

ex – «предшествование»:

être ex-copine – (букв. быть бывшей подружкой) – «быть оставленной любовницей»,

être ex-mari – (букв. быть бывшим мужем) – «быть оставленным любовником»;

co – «объединение, одновременность»:

avoir une co-épouse – (букв. иметь вторую жену) – «иметь любовницу»;

sous – «зависимость, подчиненность»:

avoir une sous-région – (букв. иметь административное подразделение) – «иметь любовницу»,

être sous-logé – «быть студентом, подселенным в комнату»;

pré – «следование»:

être préfinaliste – (букв. выйти в финал) – «быть студентом предпоследнего курса»;

mini – «маленький, небольшой»:

être mini-bus – (букв. микроавтобус) – «быть очень молодой девочкой» [1: 270-276].

Формирование фразеологический африканизмов с помощью суффиксации. В местном варианте французского языка суффиксация пользуется большей популярностью, чем префиксация. При образовании новых фразеологический африканизмов, включающих в себя существительные, глаголы, прилагательные и наречия, различаются следующие случаи суффиксации:

Суффиксальное образование существительных в составе фразеологический африканизмов:

В аффиктивном словообразовании в африканском варианте французского языка участвуют разнообразные суффиксальные средства.

-ain(e) – «принадлежность к определенному региону и стране»:

être Pointénégrain(e) – «житель Пуэнт-Нуара» – «любить плавать», «любить рыбу»,

être Belgicain(e) – «бельжикинец (ироническое название бельгийцев)»; «быть африканцем, проживающим в Бельгии», «быть авантюристом»,

être Parisien(e) – (букв. быть парижанином) – «быть африканцем – авантюристом»;

-eur(euse) – «характеризация деятеля»:

être caneur – (букв. быть человеком, поглощающим в больших количествах сахарный тростник) – «быть пьяницей»,

être chanvreur – (букв. Бль курильщиком марихуаны) – «бль преступником»,

être jobeur – (гибрид из английского и французского языков: англ. *job* – «работа» фр. *-eur*) – (букв. быть работником) – «быть работником»,

être bla-blateur – (от фр. *bla-bla*) – (букв. быть болтуном) – «быть сплетником» [10].

Неологизмы с суффиксом *-isme*, обозначающие те или иные местные явления, часто создаются на вершине социальной лестницы авторитетными представителями государственной или политической власти и вследствие этого сразу же приобретают нормативный характер.

-isme/iste – «принадлежность к политической партии, доктрине»:

être andzimbisme – (букв. принадлежать к секте Андзимба на севере Конго) – «быть каннибалом»,

faire le mbébisme – «мчаться на огромной скорости» (манера вести себя как солдаты после войны 1997 года в Конго. Слово часто употребляется в пейоративном значении для описания воинственных политиков);

-ard – «негативная характеристика человека» (пейоративный суффикс из студенческого аргю):

être broussard – (букв. жить в деревне) – «быть необразованным»,

être bouchard – (букв. быть болтуном) – «быть скандалистом»;

-age – «суффикс, обозначающий действие»:

faire le boukoutage – (гибрид из лари и французского языков: лари *boukouta* «глотать» + фр. *-age*) – (букв. пережевывать, глотать) – «производить растрату государственных денег»,

faire le jobage – (гибрид из английского и французского языков: англ. *job* – «работа» + фр. *-age*) – (букв. делать работу) – «человек, временно работающий»,

faire le dombage – (гибрид из лари и французского языков: лари *domba* – «прыгать») – (букв. совершать прыжки на месте при молитве) – «молиться»,

faire le baratinage – (букв. болтать) – «уговаривать женщину»,

faire le tabassage – (букв. колотить) – «бить» [9, с. 132].

Проводимые национальные реформы в области экономики и культуры вызвали к жизни группу глаголов и отглагольных существительных, связанных с понятием национальной реконструкции. При образовании таких лексем весьма продуктивным оказался суффикс *-ation*:

-ation – «действие или его результат» (используется в политической и лингвистической областях):

faire la congolisation – (*congo(lais)+is+ation*) – (букв. проводить конголизацию) – (проводить политику, направленную на передачу в руки конголезцев предприятий, принадлежавших иностранцам) – «наводить беспорядок, хаос»,

faire la rémbénisation – (гибрид из лингала и французского языков: лингала *rémbeni* – «устранять» + фр. *ation*) – (букв. проводить процесс устранения кого-либо) – «выводить кого-либо из игры»,

faire la lingalaliation – (букв. распространение языка лингала) – «обучать языку лингала»;

-ien – «географическая принадлежность или принадлежность к спортивной организации»:

être norvégien – (букв. жить в Норвегии) – «быть выходцем с севера Конго»;

-ier – (слово из банту+*t+ier*):

être malafutier – (букв. изготавливать и продавать пальмовое вино) – «быть пьяницей»,

être avocatier – (букв. дерево авокадо) – «любить авокадо»;

-ing – «характеризует действие, студенческое аргю, позволяет формировать серию постглагольных производных»:

faire le booking (гибрид из английского и французского языков: англ. *book* «книга» + англ. *-ing*) – (букв. зубрить) – «заниматься зубрежкой». *Chaque soir les étudiants de l'Université de Kisangani faisaient le booking le long des avenues* [10: 46] – «Каждый вечер студенты университета Кизангани зубрят вдоль улиц»,

faire le manging – (гибрид из французского и английского языков: фр. *Manger* + англ. *-ing*) – (букв. есть) – «принимать пищу»,

faire le couling – (гибрид из французского и английского языков: фр. *couler* «течь» + англ. *-ing*) – (букв. течь) – «завалить кого-либо на экзамене»,

faire le rossing – (гибрид из французского и английского языков: фр. *rosser* – «колотить, дубасить» + англ. *-ing*) – (букв. бить) – «жестоко бить»,

faire le foncing – (гибрид из французского и английского языков: фр. *foncer* – «рыть» + англ. *-ing*) – (букв. копать) – «бросаться на кого-либо»,

faire le zonzing – (гибрид из африканского и английского: афр. *zonza* – «говорить» + англ. *-ing*) – (букв. говорить) – «договариваться». *Cet enfant faisait toujours le zonzing pour s'acheter à manger* [1: 268] – «Этот ребенок постоянно с кем-то договаривается, чтобы купить себе поесть».

Суффиксальное образование прилагательных:

Количество соответствующих суффиксов невелико. Среди часто используемых при образовании новых фразеологических африканизмов отметим следующие:

-able – «подвергшийся воздействию»:

être caillable – (букв. запекаться) – «быть тем человеком, который может подвергнуться сексуальным действиям»,

être faisable – значение то же, что в предыдущем примере;

-el – «принадлежность к группе людей, предметов, явлений»:

être promotionnel – (букв. поощрительный) – «быть старостой студенческой группы, курса».

Суффиксальное образование глаголов:

Глагольные суффиксы присоединяются к существительным. Этот деривационный способ достаточно популярен в Африке. Эти глаголы сами по себе уже играют роль фразеологических африканизмов, поэтому не требуют вспомогательных глаголов. В данную группу входят суффиксы: *-er*, *-iser*, *-ier*.

bantouiser – «бантуизировать»,

(aller) matcher – «участвовать в матче, побеждать»,

siéster – «отдыхать, вздремнуть»,

imbéciliser – «делать из кого-то дурака»,

se faire ambifier – (от *ambi* – «крем для отбеливания кожи») – (букв. отбеливать кожу) – «быть белым».

Суффиксальное образование наречий:

Наречия, как правило, образуются при помощи общефранцузского суффикса *-ment*.

être forestièrement – (букв. на манер лесничих) – «быть начальником»,

être mangeablement – (букв. съедобно) – «быть человеком, с которым можно иметь сексуальные отношения». Чаще всего фразеологические африканизмы с использованием наречий, образованных путем присоединения суффикса *ment*, используются базилектом и мезолектом.

Словосложение. Следующим способом создания неологизмов можно считать словосложение, то есть образование нового слова путем соединения уже существующих слов. Сложные слова, с одной стороны, представляют собой как бы реализованное стремление носителей языка к экономии языковых средств, а с другой – к наиболее полной передаче признаков новых понятий или реалий [3, с. 69].

Не стоит, однако, смешивать данный способ с деривацией, так как результатом сложения являются сложные слова, составляющие которых характеризуются автономностью и независимостью, тогда как аффиксы не являются автономными единицами. В отличие от аффиксов, компоненты сложных слов могут функционировать в речи независимо.

В Африке данный тип словообразования пользуется особой популярностью. В большинстве случаев новая лексика образуется путем соединения слов французского и английского происхождения [11, с. 50]. Сюда можно отнести фразеологические африканизмы, сформированные на основе банту и французских слов *faire (être) le bana verni* – (*bana* из лингала – дети) – «коммерсант, предлагающий услуги по маникюру». Словосложение также происходит на основе исключительно территориальной лексики, но по правилам французского языка. Например, фразеологический африканизм

être mundélé-ndombi – (из киконго *mundélé-ndombi* – черный – белый) – «мулат; африканец, ведущий европейский образ жизни».

Сложные слова в африканском варианте французского языка могут быть классифицированы по двум критериям:

- по грамматической природе связи между компонентами слова;
- по графическому принципу.

Грамматические особенности сложных слов. Согласно данному критерию, сложные слова делятся на две группы: составляющие слов первой группы поддерживают отношения непредикативного расширения, а второй группы – отношения предикативного расширения.

В первом случае компоненты слова представляют собой существительное и его дополнение. Во втором – глагол и существительное или глагол и его дополнение:

– существительное 1 + существительное 2 (составные сложных слов могут быть как африканского, так и французского происхождения. Особую группу составляют слова, образованные удвоением слов):

démontrer yéké yéké – (гибрид из французского языка и лингала) – (букв. показывать танец) – «красиво танцевать»,

être mundélé-ngoulu – (гибрид из французского языка и киконго) – (букв. быть белой свиньей) – «быть португальцем»,

faire la radio-trottoir – (из французского) – (букв. производить звук из динамика) – «быть сплетником»,

faire le taxi-bus – (из французского) – (букв. водить маршрутное такси) – «быть шофером»;

– существительное 1 + отсутствующий (нулевой) предлог + существительное 2 (некоторые словосочетания, употребляющиеся во Франции с предлогом, теряют его в африканской речи. Данная тенденция распространяется и на конголезские языки). Например:

faire la station-service (вместо фр. *station de service*) – (букв. станция техобслуживания) – «заниматься проституцией»,

produire le muchounia-Bata – (гибрид из французского языка и киконго: вместо киконго *muchounia ya Bata*) – (букв. тапочки производства завода Бата) – «быть бедным африканцем»;

– существительное 1 + предлог + существительное 2 (данная группа слов сохраняет предлог):

faire tama ya zando – (гибрид из французского языка и лингала) – (букв. быть рыночной торговкой) – «заниматься проституцией»,

être mama ya bana – (гибрид из французского языка и лингала) – (букв. быть женщиной с детьми) – «устраивать родильный дом»,

être jo ba lar – (гибрид из английского, французского и африканского: *jo* + афр. предлог *ba* + *lar* от фр. *l'argent* – «деньги») – «быть богатым»,

être jo ba filles – (гибрид из английского, французского и африканского: *jo* + афр. предлог *ba* + фр. *filles*) – «быть бабником».

– существительное + прилагательное (большинство подобных слов французского происхождения):

être femme libre, mère supérieure (из французского) – (букв. быть свободной женщиной, начальником) – «быть женщиной легкого поведения»;

– прилагательное + существительное (небольшая группа прилагательных, как в африканских языках, так и во французском языке, предшествуют существительному):

être vieux-loup (из французского) – (букв. быть старым волком) – «быть знатоком»,

être deuxième bureau (из французского) – (букв. быть второй скрипкой) – «быть любовницей»,

manger ngoudi yaka – (гибрид из французского языка и киконго) – (букв. есть большой маниок) – «быть гурманом»,

dire de gros mots (из французского фзыка) – (букв. использовать высокий стиль) – «говорить мудреное слово»,

– глагол + существительное-дополнение:

faire mbéba – (гибрид из французского и африканских языков) – (букв. вести себя непристойно) – «быть грубияном»: *Plusieurs miliciens font le mbéba dans les quartiers de Brazzaville* [9: 148] – «Большинство полицейских грубят людям на улицах Браззавиля»,

faire le matiti – (гибрид из французского языка и лингала) – (букв. делать высокую сорную траву) – «забеременеть вне брака»,

faire le makélélé – (гибрид из французского языка и лингала) – (букв. делать шум) – «ссориться»,

manger boma ngai – (гибрид из французского языка и лингала) – (букв. есть большой хлеб) – «быть гурманом»;

– глагол + существительное-подлежащее (иногда существительное, обозначающее агента, сопровождается самим глаголом, выражающим это действие):

être pousse-pousseur (из французского языка) – (букв. быть человеком, катающим тележку) – «быть бедным»,

faire koro-koro – (гибрид из французского языка и лингала) – так же,

être bill – (гибрид из французского и английского языков: англ. *bill* – «счет, список») – «быть бродягой»,

être well – (гибрид из французского и английского языков: англ. *well* – «хорошо») – «быть пьяницей»: *Le mari de sa tante est tout le temps well* [9, с. 147] – «муж ее тети постоянно пьян»,

être all right – (гибрид из французского и английского языков: англ. *all right* – «хорошо») – «быть пьяницей» [6: 19].

Графическое оформление сложных слов. С графической точки зрения выделяют два типа сложных слов:

1. Сложные слова без соединения. Компоненты таких слов могут быть разделены или соединены с помощью предлога, наречия и т.д. Несмотря на то, что в Конго использование дефиса носит факультативный характер, все нижеследующие примеры никогда не употребляются с дефисом. Они, однако, соответствуют традиционному определению сложного слова, так как состоят из вполне самостоятельных слов.

visiter le dos tourné – (букв. посещать повернутую спину) – «посещать маленький ресторанчик, где посетители сидят спиной к улице»,

être koko bar – (гибрид из французского языка и банту: банту *koko* – «дедушка») – (букв. быть стариком) – «быть давнишним завсегдатаем баров»: *Ce koko bar nous embête. Il n'arrête pas de réclamer ceci ou cela* [9, с. 151] – «этот завсегдатай нам надоел, он постоянно что-то рекламирует»,

aller à la veillée de prière – (букв. идти на ночную молитву) – «обмануть»;

2. Сложные слова с частичным соединением с помощью дефиса:

faire mayi-mayi – (гибрид из французского языка и лингала: лингала *mayi* – «вода») – (букв. продавать воду) – «быть бедным»,

être sous-région – (букв. быть дальним регионом) – «быть любовницей».

Кроме всего перечисленного, следует обратить внимание на тот факт, что при образовании фразеологических африканизмов широко используется редупликация, то есть двукратное повторение слов, которое может обозначать множественность или собирательность, интенсивность или увеличение, продолжение или завершение, а также диминутативность. Под понятие «редупликация» подводится разными исследователями неодинаковый круг явлений – от разнообразных внутрисловных до разнообразных межсловных удвоений. Наиболее часто под редупликацией понимают «фономорфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация). Предельный случай редупликации – повтор, то есть удвоение всего слова...; образование таких слов смыкается

со словосложением. При редупликации гласный корня может повторяться, может появляться и другой гласный» [5, с. 408]. О.Ю. Крючкова дает более широкое определение, включая в данное понятие удвоение синонимичных аффиксов [4, с. 70].

Функции редупликации многообразны: от выражения грамматического значения до варьирования лексического значения [7, с. 82].

По своей формообразующей функции редупликация приближается, как отмечает ряд лингвистов (Е. А. Нида, З. С. Харрис, А. З. Бздега и др.), к сущности аффиксации. Однако во многих языках эта функция отмирает. А на первый план выходит словообразовательная функция редупликации. А. З. Бздега вслед за первым теоретиком, занимавшимся проблемой редупликации А. Поттом, подтверждает тот факт, что редупликацию следует рассматривать как простейший вид композиции [8, с. 6].

Особенность редупликации как средства словообразования заключается в том, что большая часть редуплицированных форм полисемична и в определенной коммуникативной ситуации в зависимости от коммуникативных намерений говорящего посредством общего контекста может выражать определенный спектр значений, в том числе эмоциональное состояние, чувства автора [2, с. 53].

При образовании фразеологических африканизмов редуплицироваться могут несколько имен существительных и глаголов, которые дублируются с нулевой связкой, то есть связь дублируемых компонентов фразеологических африканизмов осуществляется лишь посредством соположения их в структуре, как, например:

Dents – dents – (букв. зубы-зубы) – «зубчатый, зазубренный»;

Couleur – couleur – (букв. цвет-цвет) – «цветной, окрашенный»;

Tuer – tuer – (букв. убивать-убивать) – «мертвый»;

Acheter – acheter – (букв. покупать-покупать) – «пользующийся спросом».

Фразеологические африканизмы, образованные способом редупликации, присоединяются к определяемому имени способом примыкания, например: *chemise couleur – couleur* – «пестрая рубашка», *couteau dents – dents* – «зубчатый нож» и т. д. Такие фразеологические африканизмы распространены главным образом в народно-разговорной речи, а также в прессе и художественной литературе. Франкоязычные африканцы переносят их и во французскую речь.

В словообразовательных африканизмах реализуются возможности, заложенные в самой системе общего языка, который характеризуется тенденцией к избыточности на уровне его территориальных вариантов. О языковой избыточности приходится говорить тогда, когда африканский ареал представляет форму, не связанную с новым понятием, а лишь дополняющую иные формы выражения уже известного понятия. Однако избыточность не является чисто языковым свойством, поскольку ее проявление невозможно вне социума. Во всех случаях она вытекает из многообразия коммуникативных потребностей говорящих и служит удовлетворению этих потребностей.

Список литературы

1. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: Дис... д-ра филол. наук / Ж. Багана. – Саратов, 2004. – 350 с.
2. Воронина Л. В. Формирование значения редуплицированных форм в немецком языке / Л. В. Воронина // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы международной научной конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – Вып. 5. – С. 49 – 50.
3. Даниленко В. П., Волкова И. Н. Лингвистический аспект стандартизации терминологии / В. П. Даниленко, И. Н. Волкова. – М.: Изд-во Наука, 1993. – 453 с.
4. Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии / О. Ю. Крючкова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 68-84.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
6. Хапилина Е. В. Контакты европейских языков на территории Африки (на материале английских заимствований в африканских вариантах французского языка). Автореф. дис... канд. филол. наук / Е. В. Хапилина. – Саратов, 2005.

7. Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику / А. Я. Шайкевич. – М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. – 301 с.
8. Bzdega A. Z. Reduplierte Wortbildung in Deutschen / A.Z. Bzdega. – Poznan, 1965. – 187 p.
9. Massoumou O. Pour une typologie des néologies du français au Congo-Brazzaville // Bulletin de ROFCAN. – Paris, 2001. – №15 – P.133-163.
10. N'Sial S. La francophonie au cœur de l'Afrique. Le français Zaïrois / S. N'Sial. – Paris: Didier – Erudition, 1993. – 211 p.
11. Queffelec A., Niangouna A. Le français au Congo / A. Queffelec, A. Niangouna. – Nice/Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1990. – 333 p.
12. Senghor L. S. Liberté 3. Négritude et civilisation de l'universel. – Paris: Le Seuil, 1983. – 573 p.

LOCAL WORD FORMATION AS A METHOD OF FORMING AND FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL AFRICANISMS

J. Baghana

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
baghana@yandex.ru*

This article discusses the derivational processes affecting phraseological Africanisms of the French language of Africa, and explains the basics of word formation (affixal derivation and word composition) characteristic of phraseological Africanisms, points out the grammatical and graphic features of the compounding of phraseological Africanisms. This analysis reveals the specificity of African phraseology and gives an idea of the ways of its realization at the moment and the possibilities for further development.

Keywords: phraseological units, Africanism, French, word formation, affixal derivation, compounding, Africa.

УДК 81-26

РЕКЛАМА В МАССОВЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Ю. С. Богданова
Е. В. Лукьянова

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail:
bogdanova@bsu.edu.ru
lukyanova@bsu.edu.ru

Рассматриваются причины возникновения и основные этапы развития рекламы в массовых печатных изданиях Великобритании и США. Выявляются национальные особенности рекламных текстов в этих странах на протяжении значительного хронологического периода.

Ключевые слова: газеты, реклама, коммерция, особенности рекламных текстов

Роль рекламы в современном обществе без преувеличения огромная. Об этом говорят многочисленные исследования, проводимые в рамках различных научных дисциплин. Согласно теории социолингвистики, современный язык рассматривается как явление многомерное, на которое оказывает влияние множество факторов социальной действительности, в т.ч. и такой мощный, каким является реклама.

Согласно исследованиям Д. Розворна, Д. Уэллса [1, р. 15 – 21; 2, р. 673], в последнее время можно наблюдать изменения, которые имеют место в речевой норме английского языка. Дело в том, что «Estuary English» (тип английского произношения, на котором говорят в Лондоне и юго-востоке Англии) получил в последнее время широкое распространение и стал фактически доминирующим во всех сферах общественной жизни Великобритании. Отдельные исследователи [3, р. 20 – 26; 4, р. 6] также констатируют определенные изменения в стандартном варианте «American English» под влиянием так называемого «Black English».

В свете сказанного выше понятен интерес как среди западных, так и российских специалистов к рекламному дискурсу, который устойчиво воспроизводится на протяжении последних десятилетий.

До настоящего времени в научной литературе не сложилось единого понятия рекламного текста, которое бы удовлетворяло приверженцев различных школ и направлений в лингвистике.

Л. Г. Фищенко выдвигает следующее определение: «Рекламный текст – коммуникативная единица, функционирующая в сфере маркетинговой коммуникации для неличного оплаченного продвижения товара, услуги лица или субъекта, идеи, социальной ценности (1), имеющая в структуре формальный признак – сигнализирование о характере информации, обязательное по закону о рекламе (презентацию), один или несколько компонентов бренда и/или рекламные реквизиты (2) и отличающаяся равной значимостью вербально и невербально выраженного смысла (3)» [5, с. 27].

Другой российский специалист, А. Д. Кривоносов предлагает свое понимание рекламного текста: «Рекламный текст – это текст, несущий рекламную информацию. Его отличают следующие признаки: первое, он содержит информацию о физическом или юридическом лице; товарах, идеях и начинаниях; второе, он предназначен для неопределенного круга лиц; третье, рекламный текст призван формировать или поддерживать интерес к физическому, юридическому лицу, товарам, идеям, начинаниям; и, наконец, четвертое, рекламный текст способствует реализации товаров, идей, начинаний» [6, с. 13 – 14].

Как считает Р.С. Хатмуллина, «... рекламный текст является сложным семиотическим целым, представляющим собой последовательность знаковых единиц, выражающихся посредством структурных элементов (заголовков, слоган, основной текст, иллюстрация, логотип, реквизиты компании и др.), максимально приспособленных для выполнения главной задачи – воздействия на аудиторию с целью получения необходимого эффекта, а именно желание приобрести данный товар или услугу» [7, с. 844].

На наш взгляд, наиболее интересное определение рекламного текста предлагает В.С. Пьянкова, как «... реализацию определённого типа речевого сообщения, функционирующего в системе массовой информации и имеющего целью передать как можно большему количеству адресатов выгодные отправителю сообщения (рекламодателю) представления о каком-либо объекте внешнего мира (объекте рекламы) для того, чтобы побудить адресатов к определённым действиям» [8, с. 42].

Несмотря на сохраняющиеся разночтения в определении самой рекламы, приоритетности ее функций, внутренней логики ее развития, отдельных закономерностей развития языка, «экспрессивных технологий» насыщения рекламы, тем не менее, все большее число исследователей обращают свое внимание на исторические аспекты развития данного социолингвистического феномена.

Остановимся подробнее на основных вехах развития рекламы в печатных изданиях Великобритании и США.

История первой печатной рекламы в Великобритании ведет свой отсчет с 1477 года. Это была первая попытка довести до сведения потребителей информацию о возможности удовлетворить свою потребность в определенном товаре, услуге. К середине XVII века реклама стала неотъемлемой частью ежегодно увеличивавшегося количества газет. Большинство рекламных объявлений в этот период преимущественно преследовали вполне понятные цели: доведение до сведения потенциальных потребителей специфических свойств товаров, особенностей их производства, преимуществ в сравнении с другими товарами, приемлемые цены. Первой регулярной английской ежедневной газетой стала «Daily Courant», которая начала выходить в 1702 году. На страницах этого издания значительное место было отведено рекламным объявлениям.

Однако уже современники отмечали, что рекламодатели довольно часто грешили против истины. Не случайно у определенной части британцев уже в те времена начал формироваться негативный образ рекламы. Вопросы этики в рекламе этого периода фактически отсутствовали. Так, согласно рекламному объявлению, размещенному в одной из лондонских газет, состоятельным горожанам предлагалось приобрести новые печи. Как отмечали рекламодатели, «именно данная конструкция была способна предотвратить вредное воздействие на зубы и челюсти, сохранить здоровый цвет кожи...». В то же время лондонцы предупреждали, что «...дальнейшее использование устаревших моделей печей неизбежно приведет к усыханию кожи человека, порче зрения, вплоть до слепоты, а также возможны другие беды со здоровьем» [9, р. 17 – 43].

Данное обстоятельство способствовало тому, что в условиях обостряющейся конкуренции разработчики рекламы вынуждены были находить и внедрять все более изощренные приемы и средства повышения эффективности рекламы.

Например, одним из приемов, который довольно часто стали использовать разработчики рекламы в британских газетах уже в начале XIX века, являлось упоминание в рекламных текстах имен театральных знаменитостей, общественных и государственных деятелей, известных спортсменов. Рекламные тексты также не остаются неизменными. Нередко в рекламных сообщениях используются различные приемы: аллегория, гипербола, юмор, стихотворные формы и пр.

С начала XX ст. государство начинает все активнее использовать рекламу в массовых печатных изданиях для популяризации своих политических целей

и государственных приоритетов. Особенно наглядно это проявилось в годы первой мировой войны. С этим периодом в развитии массовых печатных изданий многие исследователи связывают возникновение и развитие такого вида рекламы, как социальная реклама (сборы на нужды армии, помощь сиротам, старикам, добровольное участие в реализации правительственных программ и т. д.).

С середины 1950-х гг. разработчики рекламы начинают затрачивать существенные финансовые ресурсы на проведение масштабных научных исследований. Особый интерес вызывали вопросы демографии. Основная цель данных исследований заключается в выявлении потребностей, социально-экономических и культурных предпочтений различных возрастных групп населения Великобритании. В эти же годы чрезвычайно активно стали проводиться различные психологические исследования, нацеленные на выявление резервов повышения эффективности рекламного воздействия на аудиторию [10, p. 11 – 21].

Довольно продолжительный период времени многие популярные британские газеты следовали традиции – первую полосу газеты отводить рекламным объявлениям, а уж затем на остальных страницах печатного издания размещать новостные, аналитические и др. материалы. Однако и этой традиции со временем пришлось отказаться. Газеты вынуждены приспосабливаться к тенденциям моды. Например, открытая еще в 1791 г. «The Manchester Guardian» только в 1952 г. вынуждена была отказаться от размещения рекламы на первой полосе газеты. Еще одна популярная британская газета «Dundee Courier» продолжали размещать рекламу на первой полосе печатного издания вплоть до 1992 г. Однако после долгого следования традиции руководители газеты вынуждены были уступить в этом вопросе.

История развития рекламы в массовых печатных изданиях в североамериканских колониях Великобритании также довольно продолжительна, хотя и начинается несколько позже, нежели в метрополии.

Самое первое рекламное газетное объявление о продаже недвижимости в одном из районов Лонг-Айленда – Оустер Бэй – было опубликовано в одной из бостонских газет в 1704 году. Спустя два с половиной десятилетия Б. Франклин начал публиковать в «Pennsylvania Gazette», издававшейся в Филадельфии, рекламные объявления, для которых было отведено специальное место в рубрике «Новые рекламные объявления».

В 1742 г. в Северной Америке вышел в свет первый номер журнала, специально предназначенного для публикации рекламных объявлений, а в 1784 году в Филадельфии начала издаваться «The Pennsylvania Packet & Daily Advertiser» – первая весьма успешная американская ежедневная газета, специально предназначенная исключительно для размещения рекламных объявлений.

В тоже время было бы серьезным упрощением в рекламе видеть только ее коммерческую функцию. Так, в США реклама сыграла существенную роль в поддержании антибританских настроений в период вызревания предпосылок революции. Например, в одной из пенсильванских газет в 1773 году было опубликовано личное объявление следующего содержания: «Леди по имени Американская Свобода объяснила мне, что оставила его потому, что он вел себя недостойно и проявлял жестокость». Американцам в то время не нужно было объяснять, что под персоной, которую оставила Леди-Свобода, подразумевалось британское владычество [11, p. 13 – 52].

Первую половину XIX века можно охарактеризовать, как период дальнейшего развития рекламы в массовых печатных изданиях США. Так, в 1833 году из печати вышел в свет первый выпуск т.н. «грошовой» газеты «Sun». Грошовыми газетами тогда называли те печатные издания, цена на которые была фактически символической, что делало их доступными даже для самых малообеспеченных слоев населения. Однако данной газете суждено было войти в историю мировой журналистики и рекламы.

Дело в том, что эта газета, специально предназначенная для размещения рекламных объявлений, издавалась в Нью-Йорке небольшим тиражом. Однако уже че-

тыре года спустя ее тираж достиг 30 тыс. экземпляров. На тот момент времени это была самая крупная газета в мире.

Неизбежным спутником развития рекламной индустрии является возникновение и стремительное развитие специальных организаций, которые специально занимались рекламным бизнесом. Не случайно, 1840-1860 годы в США были отмечены активным созданием рекламных агентств. Например, в 1843 г. В. Пальмер основал первое рекламное агентство, которое располагалось в Филадельфии. Основной целью рекламного агентства являлось создание и размещение рекламных продуктов в средствах массовой информации.

По всей видимости, именно с этого момента усиливается тенденции «профессионализации» рекламных текстов. Обостряющаяся конкуренция среди разработчиков рекламных текстов вынуждает агентства приглашать специалистов, которые могут наиболее быстро продвинуть рекламируемый товар (услугу). Для этого нужны были люди, хорошо владевшие различными приемами письменной речи.

Со второй половины XIX века реклама начинает активно проникать даже в те американские издания, которые традиционно демонстрировали свою приверженность духу консерватизма и пуританской морали. В 1867 году Нью-Йоркское рекламное агентство «Carlton & Smith» начинает приобретать права на размещение рекламы в религиозных журналах страны.

В 1877 году в Нью-Йорке была принята первая конвенция рекламных объектов. Фактически это означало признание американским бизнес-сообществом рекламы как неотъемлемой части национальной индустрии и социальной реальности.

Конец XIX столетия в истории рекламы в печатных изданиях США изобилует множеством примеров, когда фирмы-разработчики продукта несли фантастические для того периода времени затраты на рекламные цели. К примеру, в 1882 году «Procter & Gamble Co» пошли на беспрецедентную оплату рекламы мыла «Ivory» с рекордным бюджетом в 11 тыс. долларов.

В 1886 году Н. Айер впервые рекламируемый товар сопровождает слоганом: **«Keeping ever lastingly at it brings at it brings success»**. Безусловно, это свидетельствовало о дальнейшем совершенствовании приемов и стилистических особенностей преподнесения рекламируемых товаров (услуг).

В начале XX века в Соединенных Штатах принимаются первые общенациональные законодательные акты, регулирующие правила рекламы продуктов питания – «Pure Food & Drug Act» [12, p. 13-39].

В начале XX века сами тексты рекламных сообщений становятся более раскованными и все чаще обращаются к тому, что ранее было совершенно невыносимо – к интимным чувствам потенциальных потребителей продукта. Так, например, компания «Procter & Gamble» при рекламе нового наименования мыла «Woodbury Soap» использовали следующий слоган: **«The skin you love to touch»**.

В 1911 году группа наиболее крупных рекламных агентств учреждают ассоциацию нью-йоркских агентств, фактического предшественника Американской ассоциации рекламных агентств. В этот же период начинают законодательно оформляться процедуры запрета недобросовестной рекламы.

Впоследствии приметой времени стало то, что радиореклама начинает стремительно наступать на рекламу в печатных средствах массовой информации. Так, в 1938 году впервые был зафиксировано то, что реклама, размещаемая на радио, начинает приносить большую прибыль, нежели реклама в журналах.

К началу 1950-х гг. американские рекламные корпорации становятся фактическими центрами мировой рекламной индустрии.

Безусловно, в рамках одной статьи не представляется возможным весь комплекс проблем, связанных со становлением и основными этапами развития рекламы в массовых печатных изданиях Великобритании и США. В то же время необходимо акцентировать внимание на следующих моментах.

И в Великобритании, и в США реклама довольно быстро становится одной из активно развивающихся отраслей коммерции. Этот вид деятельности очень быстро становится очень распространенным: бурно развивавшаяся экономика и в Великобритании, и в США выступали мощными стимулами развития такого вида массовой коммуникации, как реклама.

Для того чтобы сделать рекламу наиболее эффективной и прибыльной разработчики рекламной продукции обращают свои взоры на многие детали, которым ранее внимание фактически не уделялось – формам, стилистике текстов, графическим новациям. В целом, различные отрасли научного знания начинают проникать в разработку рекламных текстов.

Список литературы

1. Rosewarne D. Changes in English Pronunciation and Some Implications for Teachers and Non-Native Learners // Changes in Pronunciation / Speak Out. - 1996. - № 18. - P. 15–21.
2. Wells J. C. Accents of English. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. – 890 p.
3. Rickford J. R., Rickford R. J. The Ubiquity of Ebonics // American Language Review. - 2001. March/April. – P. 20 – 26.
4. Ward B. Ebonics Revisited // American Language Review. – 2001. March / April. – P. 6 – 11.
5. Фищенко Л. Г. Структура рекламного текста: учебно-практическое пособие. - СПб., 2003. – 232 с.
6. Кривоносов А. Д. Жанры PR-текста. - СПб., 2001. – 135 с.
7. Хатмуллина Р. С. Особенности печатного рекламного текста как единицы коммуникации // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14. - № 3. – С. 844 – 847.
8. Пьянкова В. С. Фрейм рекламного текста // Вестник молодых ученых. Сер. «Филологические науки». – 1998. – № 1. – С. 42 – 47.
9. Wernick A. Promotional Culture: Advertising, Ideology and Symbolic Expression. - London, 1991. – 208 p.
10. Mattelart A. Advertising International: The Privatization of Public-Space. - London, 1991. – 256 p.
11. Maloney J. C. The First 90 Years of Advertising. - Hillsdale, NJ, 1994. – P. 13 – 52.
12. Fox S. R. The Mirror Makers: A History of American Advertising and Its Creators. - New York: Morrow, 1984. – 416 p.

MASS ADVERTISING IN THE U.S.A AND THE UK: NATIONAL FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT

J. S. Bogdanova
E. V. Lukyanova

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
bogdanova@bsu.edu.ru
lukyanova@bsu.edu.ru*

The article deals with the problem of the interaction of categorical meaning of aspect and tense with categorical meaning of the English verbs fail, miss. The analysis reveals actualization peculiarities of certain features of grammatical categories of aspect and tense. The categories relevance degree to the verbs fail, miss is determined.

Keywords: newspapers, advertising, commerce, features of advertising texts.

УДК 81(082)

АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНОГО ЧЛЕНЕНИЯ В СЕМИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ КОНСТРУКЦИЙ С ЭКСТРАПОЛИРОВАННЫМ КОМПОНЕНТОМ

Н. И. Гайдукова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
NGaidukova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается когнитивный и коммуникативный аспект функционирования экстраполированного компонента, что предполагает целевую ориентацию коммуникативной деятельности отправителя информации на рецепцию информации и выбор средств для оптимальной реализации коммуникативного намерения. Реализация коммуникативной стратегии в конструкциях с экстраполированными компонентами рекламного характера выражается в сочетании стратегии автора и выделение объекта, усиление характеристик объекта, формирование условий для обеспечения понятности высказывания и достижения рекламного эффекта.

Ключевые слова: начальная синтаксическая экстрапозиция, коммуникативная стратегия, рекламный текст, тема, рема.

Начальная синтаксическая экстрапозиция (ЭП), формируется в современном немецком языке как типизированная структура, осуществляющая членение потока речи-мысли. Она имеет следующие формальные признаки: расположение в дорамочной части препозиции перед первым компонентом высказывания, позиция большей обособленности от основного высказывания, морфологическая форма - номинатив, редукция пред- или посттекста как механизм формирования и представлена экстраполированным компонентом (ЭК) и основным высказыванием (ОВ). Рекламный слоган, вынесенный в экстрапозицию и оформленный ЭК – это вторичный способ языковой деятельности, отражающий характер языковых изменений под влиянием синтаксической позиции.

Формирование содержания ЭК определяется на основе взаимодействия вторичного референта (предтекста или посттекста) и авторской интенции. Коммуникативная значимость ЭП проявляется в коммуникативных стратегиях автора. Под стратегией понимается любое сочетание взаимосвязанных позиций, служащее реализации намерений [4, с. 845]. Коммуникативная стратегия предполагает целевую ориентацию коммуникативной деятельности отправителя информации и выбор средств для оптимальной реализации коммуникативного намерения [6, с. 120]. Она учитывает объективные и субъективные условия коммуникативного процесса и определяет структуру текста и выбор языковых средств его оформления [6, с. 120]. Когнитивный аспект и аспект коммуникативного членения высказывания в большей степени связаны с установкой на реципиента, ориентированы на рецепцию информации. Автор на основе предвосхищения знаний реципиента строит коммуникативную стратегию таким образом, чтобы снять неизвестность информации, перевести новое в данное, устранить нарушения в канале связи *Ein billiger Dünger: Sie können die Nadeln beim nächsten Waldspaziergang aufsammeln* [12, с. 128].

ЭП сигнализирует подключение автора и связана с нарушениями в канале связи (в коде). Подключение автора (авторизация высказывания) – это одновременная актуализация всей коммуникативной рамки «автор – адресат». Общая цель такого подключения - выделение объекта, усиление внимания адресата на объекте речи. Анализ текстов рекламы показывает, что рекламный текст строится по особым правилам, содержит информационно нагруженные элементы, помещаемые в коммуникативно релевантные позиции. Рекламный текст - это особого рода информация, которая «заключает в себе не только денотативные, но и коннотативные значения – стилистические (эмоциональные, экспрессивные, образные) оттенки» [1, с. 6], что отно-

сится в большей мере не к тому, *что сказано*, а к тому *как сказано*. Специфика ЭП, в которой ЭК и ОВ соотносятся с одним и тем же референтом, состоит не только в том, чтобы повторно обратить внимание реципиента на одно и то же. Выделение темы, уже известного - это актуализация известного. Понимание (восприятие) начинается с формальной стороны, с формы. Поэтому актуализация темы – это повторное обращение к референту, задающему форму. Возврат к теме, к известному – это переключение повествования на «язык собственного опыта реципиента» [5, с. 27] с целью обеспечения взаимопонимания: *Korsika für Genießer. Der Kräuterduft der Macchia, die Aromen der Weine und die kräftig-mediterrane Küche – auf der französischen Mittelmeerinsel werden die Sinne jeden Tag aufs Neue verführt* [12, с. 80].

Постоянная коррекция понимания осуществляется с помощью систематического обращения автора к языку опыта реципиента, его внутреннему коду, который проходит параллельно языку автора. Язык автора отвечает прежде всего за сообщение информации. Он обеспечивает коммуникацию в линейной синтагматической цепи, как бы не предполагающей изначально помех в канале связи. Spiegel-Bild. *Ein edler Rahmen: Der antike Spiegel glänzt auf rotem Grund* [12, с. 88] Ср. → *Der antike Spiegel im edlen Rahmen glänzt auf rotem Grund*.

В естественной коммуникации помехи возникают постоянно. Устранение этих помех осуществляется разными способами. Часто эти способы связаны с сообщением автором дополнительной информации (присоединение, Nachtrag), показом объекта с другой стороны (уточнение), повторным называнием и др. «Выходы» языка реципиента в поверхностную структуру также сигнализируются нарушением ПС, преодолением линейности. Они дают возможность подключения к языку реципиента с целью обеспечения взаимопонимания. Нарушение порядка слов, ведущее к образованию «порядка слов, отличающего предложение с неингерентной темой» [7, с. 420], может порождать семантический эффект топикализации именной группы, выделенной главным фразовым акцентом. Эта фиксация формы подчеркивает статус ЭП как самостоятельного лексико-семантического явления. Опускание личной формы глагола сказуемого является типичным и распространенным способом формирования ЭП. Считается, что в результате этой операции остается то, что в полном высказывании занимает позицию ремы.

Часто это тематические и локутивные компоненты модусного высказывания: *Die Frage auf dem Titel: Wie leben Sie mit dieser Schuld?...* [13, с. 10]; *Eine entscheidende Frage dabei: Wer bekommt das Finanzministerium* [13, с. 21]. Это и устойчивые структуры ЭК, моделированные на основе различных стилистических фигур: аллюзии, паронимии, игра слов и т.д. *Nach den Sternen greifen. Die Onlineplattform Lifestzlemirror.com gibt passend zum Tageshoroskop jeweils noch einen Sternzeichen – spezifischen Schoppingtipp* [14, с. 80]; *Alles in Buddha. Zen-Sucht? Er sorgt für eine entspannte Atmosphäre!* [12, с. 93].

С генетической точки зрения это связано с инновационными процессами в языке. Движущие силы языковых изменений могут находиться только в говорящем человеке, в его духовной сфере [11, с. 147]. Интересно проследить, как вводит индивидуум то новое в язык, которое является нарушением узуса. В системе языка инновационные изменения закрепляются тогда, когда сознанием индивида они соотносятся с тем, что он представляет, желает, о чем думает; на другой же стороне они формируют «части» языка (ein Stück Sprache). Переживания остаются в душе (im Psychischen), а то, что соотнесено с предметами (предметами переживаний), принадлежит уже своими определенными чертами объективно-духовному (dem Objektiv-Geistigen), при условии, что предметы переживаний возвращаются в интенциональное содержание других индивидов (Einzelwesen). Это видно тогда, когда существует душевная предрасположенность (Dispositionen) или когда это третий предмет (gleiche sprachliche Bedürfnisse liegen auf der Gegenstandsseite) [11, с. 146].

Условиями достижения успешности этих операций является создание актуальной ситуации, в которой осуществляется осмысление информации. Это, в свою очередь, обуславливается выбором таких признаков объекта и его связей, которые обеспечивали бы адекватность референтной отнесенности, разграничение новых (синтетических) и повторяющихся (аналитических) признаков, усиливающих форму [2, с. 103]: Offiziermäntel, Schulterklappen, Tarnfarben von Oliv bis Khaki: Militär-Optiken treten zur Modeparade an [14, с. 94]; Kleines Land mit großem Herzen. Eine Ausnahme in der Geschichte des Holocaust - Im Herbst 1943 retteten die Dänen 7000 Juden von der Deportation in die Nazi-Todeslager [13, с. 38].

Узнаваемость рекламируемого предмета поддерживается созданием образов, апеллирующих к опыту реципиента (сказочные образы, известные с детства): Siebenmeilenstiefel. Sportlicher City-Look in Perfektion: Stiefel im unverwechselbaren Design werden per Hand aufgebracht [14, с. 187]; Küss mich, Prinz! Cooler Stilbruch zum femininen Look: Die extravagante Schnürstiefelette mit Schnalle gefällt sich als auffallender Kontrapunkt zu sanften Retro-Styles [14, с. 188]; Königin der Herzen: Den Wildleder-Pumps zielen Bänder im Schlangenleder-Look, gekrönt von einem Schlangenkopf mit Swarovski-Kristallen [14, с. 189].

Известность (узнаваемость) предполагает законченность, целостность, идентифицируемость. О том, что тождество объекта предполагает его целостность, единство, единство субъективного и объективного, единство субъекта и объекта, диалектическое снятие познающего (созерцающего) субъекта в познаваемом (созерцаемом) объекте, писали давно [10, т. 1, с.76 и сл.; 405 и сл.]. Коммуникативная стратегия высказывания предполагает также использование таких средств, которые бы устраняли противоречие между линейностью высказывания и многомерностью выражаемого смысла, создание условий для эффективной работы долговременной памяти, позволяющей держать информацию «в уме» до тех пор, пока в линейной цепи не «откроется» её позиция.

Идентифицируемость, установление класса объектов, в который он входит, извлечение из объекта, ситуации «собственных признаков» отражаются в тематической структуре высказывания как авторизация, стремление к самовыражению.

Тема связана с выражением тождественного в высказывании, но выражает его не полностью, а лишь в определенном отношении [8, с. 9]. Это может быть и субъект, и данное (известное) - исходный пункт развертывания коммуникативной структуры высказывания. Она характеризуется наличием типичных признаков, прототипических значений, максимально отражающих сущность объекта, связью с другими объектами, прямым указанием на объект, связанный с чувственным восприятием через контекст [Ср.: 3, с. 38, 43; 2, с. 103 и ff.].

Распределение компонентов высказывания на тематические и рематические определяется когнитивным содержанием компонентов высказывания, контекстом, особой связью с предтекстом. Когнитивный аспект и коммуникативное членение пересекаются. Для темы безразлично, является ли данная информация новой или неновой [2, с. 105].

Формирование коммуникативно-синтаксических отношений высказывания как результат переформирования иерархической структуры синтаксических отношений осуществляется с помощью таких когнитивных категорий как известность/неизвестность, новизна (Neuheit) /неновизна (предупомянность).

Известность (Bekanntheit), как когнитивная категория, предполагает законченность, целостность — результат работы субъекта, Эго, который осуществляет речевую деятельность и формирует своё Я : Wandelbar und zeitlos - Denim ist der Stoff, aus dem unzählige Faschion-Träume gewebt sind [14, с. 214]; De Schoppingparadies relodead: Das KaDeWe glänzt wie neu – mit rekordverdächtigen Superlativen [14, с. 144] .

ЭП связана первично с процессом тематизации, формированием тематической сферы, тематической позицией как исходным пунктом развертывания высказывания. Функции ЭК в коммуникативном членении предложения определяются иногда так же,

как и функции темы (первого места), т.е. как компонент линейно-синтагматический структуры высказывания на одном уровне с другими компонентами конструкции.

Обозначение этих ЭК как «предтема», приписывание им таких функций как маркер текстовой прогрессии, эмфатическая функция и др. [9, с. 124, 127], вторичный коммуникативный центр, характеризуют их, таким образом, в одномерном пространстве, в линейно-синтагматической структуре. Ср.: Typisch: Elsa Schiaparelli liebte auffällige Accessoires und trug selbst am liebsten opulenten Schmuck und Turban [14, с. 80]; Köstlich gesund: Hartkäse wie Gruyere, Appenzeller oder Parmesan enthalten ausgesprochen viel Kalzium [14, с. 154].

В первом случае изъяснение обусловлено структурно-синтаксическим и семантическим предтекстом. Во втором примере ЭК уже не обусловлен структурно-семантическим предтекстом, он «вытолкнут» из линейно- синтагматического ряда на более высокий уровень обобщения, связан прежде всего с авторской интенцией, «по вертикали». Но выделение ЭК осуществляется не распределением компонентов в коммуникативной структуре предтекста (как изъясняемого компонента в бессоюзном предложении), «изнутри», а «сверху», от автора, особенно в инициальных ЭК.

В этих конструкциях тематизация является маркированной, она определяется интенцией автора и не характеризуется синтаксическими условиями, определяющими топологические изменения в коммуникативной структуре [2, с. 756]. Кроме основной функции, функции тематизации, т.е. исходного пункта развертывания предложения, ЭК осуществляет функцию тематизации нетематического вводящего компонента текста. Формируются два коммуникативных центра. Eine verräterische Argumentation: Viele Produkte, die in Deutschland in die Klinik gelangen, hätten bei der strengeren, zeitaufwendigeren Prüfung in den USA gar keine Genehmigung erhalten [13, с. 157].

Редуцированными пресуппозитивными предложениями могут быть, как во многих других конструкциях, бытийные предложения, предложения с *es gibt*, вводящие и экспонирующие отдельные элементы нового. Наряду со связочными (бытийными) предложениями могут редуцироваться обороты типа *es handelt sich um*, выделяющие ремю [2, с. 757].

Авторская роль в создании второго коммуникативного центра особенно очевидна в ЭК со значениями касательности, отнесенности, участия, причастности, выражаемыми сегментированными конструкциями типа *wasmich (an) betrifft, (an)belangt, angeht* и др.). Самфакт «маркировки» темы автором образует основное содержание ЭК: Was nicht allen bekannt ist: Die Herausnahme rezeptfreier Arzneimittel aus der Kassenerstattung ist ausschließlich aus Kostengründen erfolgt und nicht aufgrund von Zweifeln an ihrer Wirksamkeit [12, с. 108].

Выделение темы в позиции ЭК может быть интерпретировано как её подхват, подтверждение, поскольку тема была уже названа в предтексте: TrueBlood. Immerwährende Leidenschaft: Lippen, Nägel und Däfte tragen Blutrot. [14, с. 178]; Leichte Kost. Frischebooster mit extrazarter Konsistenz: Face Delight Moisturizer eignet sich besonders für ölige und Mischhaut [14, с. 154].

ЭК и рема основного высказывания могут быть противопоставлены по значению. В этих случаях коммуникативная роль тематизирующего ЭК может быть определена как образование контраста [2, с. 757]. Keine Schritt ohne Mama – Wenn Elternliebe Kindern schadet [13, с. 167]; Arzneimittelfälschungen: Wie Ihre Apotheke Sie davor schützt [13, с. 55].

ЭК выполняет функцию идентификации в конструкциях, в которых позиция ремы в ОВ не содержит нового, не является коммуникативно нагруженной. Chic. Schweizer Perfektion: Breitling for Bentley verbindet das Beste aus beiden Welten [13, с. 41].

Функционирование ЭК в когнитивном и коммуникативном аспектах связано прежде всего с реципиентом и рассматривается с точки зрения формирования условий для обеспечения понятности высказывания. Понятность предполагает достаточную степень формальной выраженности содержания, которая достигается благодаря уси-

лению формы, что, в свою очередь, связано, с одной стороны, с усилением идентифицируемости, целостности объекта через его выделение, экстраполирование, а с другой стороны, с повторным выделением темы, уточнением референции, а так же с дополнительной тематизацией с помощью ЭК. Когнитивный и коммуникативный аспекты рассматриваются в данном случае не в полном объёме, а только частично - как условия обеспечения понятности высказывания, которые создаются с помощью ЭП.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики// Текст. Структура и семантика. Т.1. – М., 2001.
2. Grundzüge einer deutschen Grammatik, Berlin. 1981
3. Hoffmann J- Die Welt der Begriffe. Psychologische Untersuchungen zur Organisation des menschlichen Wissens . Berlin: Verlag der Wissenschaften, 1986. – 122 S.
4. Klaus. Philosophisches Wörterbuch. Leipzig, 1971. В.2. – 845S.
5. Крымский С. Б. Философско-гносеологический анализ специфики понимания/ Понимание как логико-гносеологическая проблема. Сб научных трудов. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 24 – 43.
6. Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. Hrgs. Konrad K.-Leipzig, 1985.
7. Падучева Е. В. Коммуникативная расчлененность и пути её преодоления: инверсия подлежащего/ Фонетика и нефонетика. – М.: ЯСК, 2008. – С. 417 – 426.
8. Слюсарева Н. А. Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения / Вопр. Языкознания. – № 4, 1986. – С. 3 – 15.
9. Тарасова А. Н. Категория эмфазы в современном французском языке. Монография.- М. 1992. – 184 с.
10. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1989. – 640 с.
11. Schmidt F. Logik der Syntax. Berlin: Verlag der Wissenschaften, 1961.- 176S.
12. Freundin. – Nr. 18, 2009
13. Der Spiegel – №6, 2006.
14. Vogue – Nr.10.2012
15. Petra. Zeitschrift. – Nr. 12,2003.

COMMUNICATIVE ASPECT OF SEMIOLOGICAL ANALYSIS OF CONSTRUCTIONS WITH EXTRAPOLATED COMPONENT

N. I. Gaidukova

*Belgorod State
Research University,*

*e-mail:
NGaidukova@bsu.edu.ru*

The article deals with the distinguishing characteristic of communicative strategy of the initial syntactical extraposition, it supposes purposive attitudes of communicative activity of information producer and selection of linguistic means for optimal achievement of communicative intention. The achievement of communicative strategy in constructions with extrapolated component is expressed in combination of strategies of the addressee and the author. These relationships can be hierarchical; constituent theme provides a place for theme-rheme division in the sentences with initial syntactical extraposition.

Keywords: initial syntactical extraposition, communicative strategy, advertising text, advertising extrapolated component, theme, rheme, communicative perspective.

УДК 81'27:811:111

СИНЕРГИЙНЫЙ ЭФФЕКТ ПРАГМА-КОГНИТИВНОЙ МУЛЬТИ-ИМПЛИКАТИВНОСТИ МЕТАФОР В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н. В. Козырева

Московский
государственный
институт
международных
отношений
(Университет)
МИД России

e-mail:
u4natalie@yahoo.com

В данной статье метафора рассматривается как эффективное средство синергийного усиления прагматического потенциала английского политического дискурса. Освещаются прагматические и когнитивные аспекты выбора и трансформации метафор при решении конкретных политических задач. Приводятся примеры политических метафор в их аксиологической и политико-культурологической коннотации с применением новых подходов к оценке синергийного эффекта результирующей метафоры.

Ключевые слова: английский политический дискурс, когнитивные и культурологические аспекты метафоры, синергийность метафор, прагматическое воздействие речи, функциональный синергизм.

Начиная с 1980-х гг., в лингвистической науке наблюдается возрождение живейшего интереса к метафоре в ее различных функциональных ролях и в различных жанрах – от литературного творчества, где метафора рассматривается как яркое стилистическое средство или эффективный художественный прием [1; 4; 22], до языка политики [12; 18; 23], средств массовой информации [14; 20], рекламы [3], экономического дискурса [9], сферы образования и социологии [13; 19] и даже экологических проблем [17]. Такой интерес к процессу метафорического переосмысления объясняется, прежде всего, общим пристальным вниманием к проблемам смыслопорождения и смысловосприятия, в том числе в связи с новейшими исследованиями когнитивных механизмов познания и мышления [6; 8; 18; 22].

В современных исследованиях превалирует разработанный В.Н. Телия и развиваемый многими учеными правомерный подход к метафоре как к способу создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов [7, с. 36 – 42]. Эта способность языка особенно активно эксплуатируется в политическом дискурсе, где метафора, будучи «на службе» либо «сильных мира сего», либо оппозиционных сил становится активным агентом прагма-когнитивной модификации дискурса, добавляя аксиологический, культурологический, персуазивный и манипулятивный компоненты. При этом в результате метафорического переноса возникает не просто последовательное соединение значений, смыслов и подсмыслов, но происходит некая самоорганизация смысловых компонентов, приводящая к эффекту синергии всех составляющих. Л. В. Щерба считал «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [10, с. 24] даже важнее правил синтаксиса. Это явление как нигде более реализуется в метафоре, которая, интегрируя семантический потенциал входящих в нее элементов, порождает именно «новые смыслы», а не сложение смысловых частей. Очевидно, что смысл фразы «*turn down an offer*» подразумевает не «поворачивать вниз предложение» (что вытекает из чисто механического складывания значений используемых единиц), а «отклонить предложение». Так проявляется смысловая нелинейность, которую порождает функциональный синергизм (или, иначе, синергийность) метафоры, когда, образно выражаясь, «два плюс два равно пяти», т.е. общий смысл единицы не равен сумме смыслов ее частей [5].

Синергийная комплексность и полифункциональность метафоры в политическом дискурсе обуславливает ее определяющую роль в манипулировании обществен-

ным мнением. Вызывая в сознании реципиента некие образы, она (в зависимости от коммуникативного замысла автора) может акцентировать нужные смысловые компоненты либо завуалировать нежелательные. Этот прием опирается на бессознательные реакции мозга, на импульсы сигнала-«раздражителя», когда позитивно окрашенные номинации вызывают естественное одобрение, а негативно окрашенные – осуждение. Настойчиво повторяемое воздействие на сознание человека постепенно формирует «устойчивую ассоциативную связь, позволяющую идентифицировать тот или иной референт с аксиологических позиций» [6, с. 44]. Путем комбинирования определенных элементов на разных участках дискурса, автор (часто незаметно для адресата), направляет его мнение в ту или иную сторону: «Производя оценочное высказывание, субъект как бы навязывает свои взгляды, убеждения, волю, чувства, симпатии и антипатии аудитории независимо от ее количественного состава» [8, с. 86].

В известной реплике об экономической системе, которую поразил затяжной кризис, один из крупнейших «игроков» мировой политики Джордж Сорос использовал очень образную и ассоциативно близкую людям метафору, знакомую с детства не только англоязычному сообществу, но и всему миру:

“Maybe we can just put Humpty Dumpty together again but I don't think so” (Возможно, мы и сможем собрать Хампти Дампти в кучу, но мне так не кажется) [11].

Уподобление экономики разбившемуся вдребезги созданию, с одной стороны, срабатывает как оператор прагматики безнадежности и сожаления, так как в данном высказывании используется аллюзия на непоправимую ситуацию: разбившееся яйцо (которым и был на самом деле Humpty Dumpty) не склеишь. С другой стороны, ощущается и несколько ироничная коннотация, так как всем известно, что Humpty Dumpty имел о себе завышенное мнение и был абсолютно беспечен, что и привело к плачевному результату. Таким образом, включение этого элемента в дискурс активизирует целый комплекс импликаций и смысловых приращений:

– безответственность и излишняя самонадеянность сил, управляющих экономическими процессами,

– неподготовленность мировой экономической системы к потенциально опасным тенденциям в экономике,

– отсутствие дальновидности у регуляторов системы, которые, как и незадачливый герой детского стишка, «ходили по краешку», как будто им ничего и никогда не может угрожать,

– наконец, намек на то, что уязвимость выстроенной экономической системы заведомо предсказуема, как предсказуема непрочность яйца-Humpty Dumpty.

Комплексное взаимодействие (синергия) всех этих когнитивных и функциональных (прагма-семантических) компонентов в результате оказывает столь многоплановое воздействие на сознание реципиентов, что, по сути, заменяет Соросу целый текст рассуждений и комментариев, контаминируя их в одной удачно использованной метафоре. При этом достаточно явно создается впечатление, что знаменитый политик и бизнесмен не испытывает особых сожалений по поводу столь критичного положения дел и не намерен переживать и ломать голову, как бы реанимировать чахнущую экономику.

Как видим, свойство функционального синергизма оказывается чрезвычайно ценным и плодотворным признаком метафоры, так как делает это языковое средство функционально насыщенным и емким. В синергетике подобные эффекты характеризуются как взаимообмен между системой (в нашем случае – фрагментом дискурса) и внешней средой (общим сознанием человека и коммуникативной ситуацией, в которой адресат воспринимает текст); из внешней среды привлекаются элементы, согласующиеся с функциональным состоянием системы и/или коммуникативным замыслом автора речи (концепты, ассоциативно вызывающие определенные, часто вполне прогнозируемые реакции и впечатления).

Анализ языкового материала показывает, что тексты политической тематики чрезвычайно насыщены единицами оценочной семантики и прагматики. Аксиологичность языка политики характерна не только для оригинальных и тонких метафор, но даже для «избитых», «мертвых» метафор, которые давно вошли в систему языка и воспринимаются носителями английского языка как стилистически нейтральные образования.

На «политической арене» (*political arena*) политики («игроки», *players*) «бьются» за власть и «соревнуются» между собой в «гонке» (*compete in a race*) за голоса избирателей (*voter turnout*), при этом искусно демонстрируя свои якобы добрые намерения защитить граждан от терроризма (*war on terror* – «война против терроризма», по сути являющаяся «борьбой», «противодействием», а не настоящей «войной»). На деле же эти так называемые «демократические силы» лишают граждан провозглашенной свободы, вводя тотальный круглосуточный контроль практически над всем населением Земли, причем как рядовых граждан, так и руководителей государств [15], ловко сочетая громкие заявления о «свободе» (*freedom* – присущей исключительно так называемым «free» – «свободным», «демократическим» государствам Запада) и значимости своей «демократии» с антидемократическими действиями. Как отмечал Г. Маркузе в «Одномерном человеке» («*One-Dimensional Man*»), то, что вначале кажется ниспровергающим, в существующей ситуации сложившийся социум может очень быстро «переварить» как часть своей «здоровой диеты»:

«But such modes of protest and transcendence are no longer contradictory to the status quo and no longer negative. They are rather the ceremonial part of practical behaviorism, its harmless negation, and are quickly digested by the status quo as part of its healthy diet.» [19].

Именно поэтому, на наш взгляд, представители американских властей уже не так решительно оспаривают правомерность разоблачений, сделанных Э. Сноуденом. Они скорее оправдывают бесконтрольные действия своих спецслужб, осуществляемых под маркой «борьбы с террором». Таким образом, борьба переходит из одного измерения в другое – из области оспариваемых фактов в сферу оспариваемых толкований. Как отмечает И. Вишарт в своей книге, остроумно названной с помощью контаминированной метафоры-неологизма «*Totalitaria: What If The Enemy Is The State?*» («Тоталитария: А если враг – это само государство?») [23], новые технологии не только превратили земной шар в «деревню» (*made the globe a village*), но и упростили управление этой «деревней» по сравнению с предыдущими цивилизациями, – теперь это «проще простого» (*made governing that village a piece of cake*). Автор разоблачает стратегию «разделяй и властвуй», когда «играют по-крупному» (*a high stakes strategy of divide and rule*), предлагая «моментальные решения проблем» (*instant solutions*), или «подстраивая искусственно созданные кризисы» (*manufactured crises*).

И не важно, говорят ли политики о некой «социальной ответственности компаний» (*corporate social responsibility*), или как называют этот общественный уклад – «социально-ориентированном капитализме», «капитализме с общественным сознанием» (*capitalism with a social conscience*), или «социализме, повернувшемся лицом к рынку» (*socialism with a market face*), – все равно это будет «железный кулак» (*an iron fist*) в такой «тонкой перчатке» (*in an ever so velvet glove*). То есть под завуалированной либерально-демократическими выступлениями политикой скрывается твердая направляющая сила и воля их жесткого императива, – именно такой посыл реализуется в синергичном воплощении образа в данных метафорических выражениях современного политического дискурса. И теперь это не «борьба между левыми и правыми» (*a battle between the Left and the Right*), а борьба между гражданами и американским государством (*a battle between the Citizens and the State*) [23], которое, как подозревают многие, само превратилось в «жандарма мира» (*world police*) [15; 16]. Настали почти «орвелловские времена» (*Orwellian - по Орвеллу*): Дж. Орвелл, автор

пророческого романа «*Nineteen Eighty-Four*» («1984 год») о тоталитарном авторитарном (*totalitarian, authoritarian society*) обществе будущего оказался не только гениальным пророком, писателем, но и блестящим лингвистом, который ввел в обиход такие основополагающие политические метафоры, как «холодная война» (*cold war*), «Большой брат» (*Big Brother*), «интеллектуальное или моральное двуличие» (*doublethink*), которое выражается из-за «общественного давления» якобы «равных членов» социума (*peer pressure*) через «лицемерные высказывания» и подходы, предполагающие «двойные стандарты» (*doublespeak*), «новояз», «неоязык», «скрывающий мысли бюрократический жаргон» (*newspeak*) и «программы по промыванию мозгов» (*brainwashing program*) [21], то есть программы манипулирования сознанием.

Но ведь, как правильно замечает Дм. Киселев, «все западные информационные агентства буквально навязывают свою точку зрения. Например, такие как Reuters или Associated Press. Они реально пропагандистские – формируют доминирующую повестку дня, говорят, о чем думать, в какой последовательности и как думать» [2]. Пропагандистская машина власти настолько масштабно и мощно действует, успешно «играя» концептами и метафорами, что, по мнению Н. Хомского, развивающего идеи Дж. Оруэлла, народ необходимо «пробуждать от спячки», чтобы он увидел мир таким, какой он есть на самом деле. Как он пишет в предисловии к своей известной книге «*Necessary Illusions: Thought Control in a Democratic Society*» («Необходимые иллюзии: контроль над мыслью в демократическом обществе»):

«*Citizens of the democratic societies should undertake a course of intellectual self-defense to protect themselves from manipulation and control.*» («Гражданам в демократическом обществе надо читать курс по интеллектуальной самообороне, чтобы они могли защитить себя от манипулирования и контроля»). [14]

Без сомнения, как в свое время это было с ядерными технологиями: иллюзия стратегического преимущества, глобального доминирования и тотального контроля, якобы обеспеченная новейшими технологиями, обернулась всеобщей физической, информационной, финансовой незащищенностью и постепенной *утратой прав и свобод* (*freedoms and rights are chiseled out*). Повсеместно в мире американские спецслужбы осуществляют так называемую «*тактику салями*» (*salami tactics*) – с помощью новейшей техники и информационных технологий они проводят мероприятия, направленные на постепенное урезывание политических и гражданских прав и постепенного все большего вмешательства в дела других государств. При этом очевидные противоправные действия против своих граждан и жителей других стран они оправдывают якобы имеющей место «заботой об их безопасности» и пресловутой «войной против террора».

Интересно отметить, что политический дискурс содержит четкие указатели на то, что в нем доминирует словарь политической элиты. Именно правящий класс всегда определял что такое «хорошо», а что такое «плохо», в прошлом и продолжает это делать в настоящем, играя смыслами и оценками в зависимости от своей выгоды, занимаясь достойными лучшего применения так называемыми «*семантическими упражнениями*» (*semantic gymnastics*). Красноречивые политики могут подменять понятия, вполне убедительно с помощью мощных беспроблемных метафор создавая правдоподобную «*видимость респектабельности*» («*the veneer of respectability*»): «*Мы не чудовища*» (*We're not monsters*), в то время, как репрессуемые или гонимые политические элементы описываются как «*неполноценные, не принадлежащие роду человеческому, некие паразиты, животные, объекты отбросы и что наиболее унижительно – как ничтожные, не стоящие внимания существа*»: «*The dehumanized have been branded as deficient, non-human, parasite, animal, object, waste, and most damaging of all, non-person.*» [12]. Прагматическая синергичность такой манипулятивной смысловой трансформации политической лексики приводит либо к ее размышлению, либо к полной подмене понятий. Сегодня, в эпоху учащающихся региональных

конфликтов, мы все чаще становимся свидетелями такой манипуляции смыслами, осуществляемой с помощью эвфемистических метафор.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 297-298.
2. Киселев Д. Поведение Запада граничит с шизофренией. // [Электронный ресурс] – 4 апреля 2014. - URL: <http://izvestia.ru/news/568611>
3. Кулаева Е. В. Лексическая прагматика англоязычной журнальной рекламы. Дисс. канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2001. – 197 с.
4. Пономаренко Е. В. Пояснение как языковая единица (к вопросу о функциональных связях дискурса): Монография. – М.: Академия ФПС России, 1999. – 144 с.
5. Пономаренко Е. В. Системный подход как методологическая основа изучения речевой деятельности // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – № 1 (41). – С. 134 – 138.
6. Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Принцип матрично-сетевой организации системы ценностных концептов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». – 2007. – № 1 (9). – С. 44 – 50.
7. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26 – 52.
8. Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Основные параметры функционально-деятельностного подхода к изучению значимых характеристик оценочных единиц языка и речи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». – 2008. – № 2. – С. 85 – 91.
9. Шибанова Е.О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики (на м-ле англоязычной прессы). – Дисс. ... канд. филол. наук. – М.: 2000. – 221 с.
10. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 2, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
11. Armitstead L. George Soros warns against rebuilding same 'Humpty Dumpty' financial system [Electronic resource]. // The Telegraph. – 9 December 2009. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/financetopics/financialcrisis/6767761/George-Soros-warns-against-rebuilding-same-Humpty-Dumpty-financial-system.html>.
12. Brennan W. Dehumanizing the vulnerable: When word games take lives. – Life Cycle Books, Ltd., 2000. – 287 p.
13. Eubanks R. S. Credentialed to Destroy: How and Why Education Became a Weapon. - CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013. – 396 p.
14. Chomsky N. Necessary Illusions: Thought Control in Democratic Societies. [Electronic resource] // 1989. – URL: <http://zcomm.org/wp-content/uploads/zbooks/htdocs/chomsky/ni/ni-preface.html>
15. Chomsky N. Why It's Legal When the US Does It. How the United States military has become a global police force for the superrich and superpowerful. [Electronic resource] // The Nation. – February 4, 2013. – URL: <http://www.thenation.com/article/172630/why-its-legal-when-us-does-it#>
16. Gellman B. Edward Snowden, after months of NSA revelations, says his mission's accomplished. [Electronic resource] // The Washington Post. – December 24, 2013. – URL: http://www.washingtonpost.com/world/national-security/edward-snowden-after-months-of-nsa-revelations-says-his-missions-accomplished/2013/12/23/49fc36de-6c1c-11e3-a523-fe73f0ff6b8d_story.html (дата обращения: 02.01.2014).
17. Koire R. Behind The Green Mask: U.N. Agenda 21. – The Post Sustainability Press. 2011. – 172 p.
18. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. – The Frameworks Institute, 2001.
19. Marcuse H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. [Electronic resource] // Boston. – Beacon. – 1964. – URL: <http://www.marcuse.org/herbert/pubs/64onedim/odmcontents.html>
20. Menz F. Manipulation Strategies in Newspapers: a Program for Critical Linguistics // Language, Power and Ideology. – Vol 7. / ed. by R.Wodak. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1989. - P. 227 – 281.
21. Orwell G. Nineteen Eighty-Four. [Electronic resource] // eBooks@Adelaide. The University of Adelaide Library. University of Adelaide. South Australia 5005. – URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/o/orwell/george/o79n/index.html>

22. The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations. // Cognitive Linguistics. – Oct. 2009. – Volume 6, Issue 4. – P. 347 – 378.

23. Wishart I. Totalitaria: What If The Enemy Is The State? – Howling At The Moon Publishing, 2013. – 300 p.

SYNERGY OF PRAGMATIC AND COGNITIVE MULTI-IMPLICATIVE IMPACT OF THE ENGLISH POLITICAL METAPHORS

N. V. Kozyreva

*Moscow State
Institute of International
Relations
(MGIMO-University)
at the Ministry of Foreign
Affairs of Russia*

*e-mail:
u4natalie@yahoo.com*

Metaphor is analyzed as a pragmatic potential enhancer for the English political discourse, with a stress on pragmatic and cognitive aspects of its transformations, depending on the specific political objectives. Examples of political metaphors are given with their historical, political and cultural connotations, while the resulting metaphor is unconventionally assessed by its synergy effect.

Keywords: English political discourse, cognitive and cultural aspects of metaphor, synergy effects of metaphors, pragmatic effect of speech functional synergy.

УДК 81'1

СОМАТИЗМ «СЕРДЦЕ» В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ПОЗИЦИИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

**О. Н. Кравченко
И. М. Субботина**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
kravchenco.olga@rambler.ru*

Данная статья рассматривает фразеологизмы с соматизмом сердце с позиции антропоцентрического подхода. В статье проводится сравнительный анализ значений соматизма сердце, а также сравниваются фразеологизмы с данным соматизмом в русском и английском языках.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологизмы с соматизмом сердце, антропоцентрический подход, сердце и его значения.

Введение

В последнее время в лингвистике наблюдается возрастание интереса к исследованиям связи языка и его носителя, выражающееся в так называемом «антропоцентрическом подходе», а также становится более актуальной проблема изучения словообразовательных процессов в различных языках с антропоцентрических позиций.

Присутствие человека в языке ощущается на всех языковых ярусах, однако более всего антропоцентричность языка проявляется в лексике и, особенно в словообразовании, в котором ярко выражена идея языкового созидания. Эта идея является производной от динамической концепции языка, пронизывающей все учение Гумбольдта [2, с. 329], согласно которой язык рассматривается как порождение, как непрерывный акт словотворчества человека.

Приоритет антропоцентризма предполагает обращение к анализу семантических и понятийных категорий эгоцентрической направленности, изучение роли человеческого фактора в языке. В современной лингвистике большое внимание уделяется вопросам соотношения языка и сознания, поиска корреляций между когнитивными и языковыми структурами, концептуализации и категоризации мира и их реализации в языке.

Язык рассматривается как средство доступа к разуму человека, к ментальным процессам, как наиболее доступный источник для наблюдения организации концептуальной системы человека. Таким образом, в центр исследований помещается человек как языковая личность.

Язык не только является частью картины мира, на его основе формируется языковая картина мира, которая представляет собой этнический компонент картины мира, совокупность традиций, обычаев, верований, суеверий, то, что предопределяет этнический стереотип поведения представителей того или иного этноса [7, с. 27-32].

По нашему мнению, антропоцентризм более всего проявляется во фразеологических единицах (ФЕ). В данной работе мы исследуем фразеологизмы с соматизмами. Соматизмы – это названия частей тела человека.

Соматическая лексика является одной из интересных лексико-семантических групп как русского, так и английского языков

Широкое употребление соматизмов в составе фразеологических единиц в значительной степени обусловлено тем, что соматизмы входят в ядро основного состава словарного фонда языка. Изучению соматической фразеологии посвящены труды В.П. Шубиной (1977), Т.Н. Чайко (1999), Т.Н.Федуленковой (2000), М. Н. Азимовой (1980) и других.

Особое внимание привлекает использование соматизма *сердце* во ФЕ как русского, так и английского языков. Возможно, это обусловлено многозначностью данного соматизма. Обратимся к различным источникам и сравним значения лексемы *сердце* в русском и английском языках.

Слово *сердце* этимологизируется как «душа», «жизнь» в ряде языков. То, что люди обычно называют *сердцем*, является местом сосредоточения эмоций, а человеческие эмоции – это ментально-витальные импульсы, как правило, не психические по своей природе. Эта по большей части скрытая мощь, стоящая за разумом и жизненной силой и отличная от них, и есть истинная душа... [1, с. 14]. Здесь очень трудно разделить эмоции, которые имеют «душевную» природу образования и эмоциональные переживания «сердечного» порядка, потому что *сердце* также включает в себе внутренний мир человеческого восприятия действительности.

Во многих странах мира *сердце* является главным органом, олицетворяющим глубокие человеческие чувства, что объясняется широкой полисемией этого слова и непосредственным субъективным восприятием изменений в деятельности сердца при различных эмоциональных состояниях человека (например, увеличение или снижение частоты сердечных сокращений), в основе которых чаще всего лежат личностно-этические мотивы.

В древнерусском языке (с XI в.) *сердце* [9, с. 882] имело значение «середина, глубина, внутренность».

Согласно толковому словарю русского языка [8, с. 756], *сердце* имеет значения: 1. Это центральный орган кровеносной системы, обеспечивающий жизнедеятельность организма (у человека – в левой стороне грудной полости); 2. перен. Этот орган как символ души, средоточия переживаний, чувств, настроений человека.

Второе значение возникло в результате метафорического переноса, в основе которого лежит ассоциация между сердцем и душой, чувствами человека, а также его темпераментом (переживаниями, настроениями и т.д.). Словарь приводит такие примеры употребления этого значения: *Доброе, чуткое, отзывчивое сердце. Черствое сердце. Золотое сердце у кого-н. (об очень добром человеке). У него нет сердца (о злом, черством человеке)*. Такая метафора несет характеризующую функцию. Подобное значение принадлежит к числу синтаксически обусловленных, поскольку слово *сердце* в основном выполняет функцию подлежащего, например, *у него золотое сердце*.

Помимо двух основных вышеупомянутых значений, толковый словарь С.И. Ожегова [5, с. 712] называет дополнительные варианты лексемы *сердце*: 3. перен. *Важнейшее место чего-н., средоточие*. 4. *Символическое изображение средоточия чувств в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного*.

Словарь А.П. Евгеньевой (1981-1984) дает следующие переносные значения лексемы *сердце*: 2. перен. *Это орган как символ души, средоточия переживаний, чувств, настроений человека*; 3. перен. *душевный мир человека, его переживания, настроения*; 4. перен. разг. *гнев, раздражение*; 5. перен. *центр, главная часть чего-л.*

Обратим внимание на то обстоятельство, что А.П. Евгеньева разделяет значения 2 и 3, хотя, на наш взгляд, они имеют общую архисему «темперамент» (*чувства, переживания, настроения*).

Кроме того, значение «гнев, раздражение» является метафорическим. Оно употребляется в разговорной речи: – *Молчи, баба! – с сердцем* сказал Данила. Ты не сердишь, сердцем ничего на докажешь [4, с. 159].

В народной речи до сих пор встречаются выражения, в которых мы находим одно из архаичных представлений – *сердце* отождествляется с желудком: *засосет в сердце* (ср.: *засосет в желудке*). Функции *сердца* в народных представлениях нередко смешивают с функциями желудка (*В сердце темный, душиный хмель...* (Ахматова); ср. в англ.: *next one's (the) heart* «на пустой желудок; натоцак»). *Сердце*, как желудок, бывает ненасытным (*ненасытное сердце*; ср. также поговорку: *И без перца дойдет до сердца*). Некоторые физиологические ощущения, связанные с деятельностью желудка, относят к *сердцу* (*под сердце подкатывает (ком), сердце жжёт*). О неприятных ощущениях в желудке говорят *засосало сердце; засосёт в сердце; на сердце тошно* [9, с. 348].

В народе *сердцем* именуется так же не кровеносный орган в левой стороне груди, а нечто иное: «народ нередко *сердцем* зовет ложечку, подложечку, подгрудную впадину, повыше желудка, где брюшной мозг, большое сплетение нервов» [3, с. 97], то есть речь идет о солнечном сплетении.

Сердце – солнечное сплетение – связывается с самой болевой телесной точкой в прямом и переносном смысле (*бить/ ударить в самое сердце*). Эта точка располагается под рёбрами (*сердце под рёбрами ворошилось*), под грудью (*под грудью сердце*; отсюда выражение *носить ребёнка под сердцем*). *Сердце*, по народным представлениям, располагается в животе (*надрывать/ надорвать сердце кому-то чем-то*; ср.: надорвать живот), ср. устаревшее выражение: *расстрели тебе в животы сердце* (прост.), используемое для выражения угрозы (*Расстрели тебе в животы сердце!.. – пронзительно кричала она, перебивая Оленина. Л.Толстой. Казаки*). Такое представление обусловлено связью между телесными органами, которая современному носителю языка уже непонятна: древнерусское существительное *животь* означало «жизнь», прилагательное *животный* (*животънь*) – «жизненный» [6, с. 105].

Рассмотрим значения английского слова *heart*. Согласно этимологическим исследованиям, древнеанглийская форма слова *heart* – *heorte*, имевшая основное значение «*bodily organ, regarded as the centre of vital functions, the seat of affections*» восходит к прагерманскому слову *khertan-*, в свою очередь образованному от индоевропейской основы *ker-* «голова» [4, с.174]. Возможно, слияние на раннем этапе развития индоевропейских языков знаний о двух разных частях тела – голове и сердце, возможно, послужило тому, что слово *heart* стало средством вербализации знаний о таких внутренних способностях и процессах человека, которые современным научным сознанием объясняются исключительно работой головного мозга. Это предположение о диахроническом развитии концепта *heart* проясняет, в частности., сохранившееся до наших дней периферийное значение слова *heart* «*memory*» «память», например, англ. *learn by heart*.

Словарь активного усвоения лексики английского языка называет следующие значения лексемы *heart*:

1. *the organ inside the chest which controls the flow of blood by pushing it round the body* «орган в грудной клетке, который заставляет кровь проходить по телу»; 2. *this organ when thought of as the centre of the feelings, esp. kind feelings* «орган, который считается средоточием чувств, особенно добрых чувств»; 3. *the centre* «центр, сердцевина»; 4. *courage, firmness of purpose* «храбрость, решимость»; 5. *A playing-card with one or more heart-shaped figures printed on it in red* «игральная карта с изображением одной или более фигуры в форме сердца красного цвета».

Следует отметить, что большинство лексикографических источников в списке значений слова *heart* помещают на вторую позицию значение: *the place within a person where their feelings or emotions are considered to come from* «место внутри человека, откуда исходят чувства и эмоции» [13, с. 355].

Анализ словарного материала показал возможность выделения трёх позитивных микросфер с соматизмом «сердце»: ФЕ, называющие положительные душевные качества человека: доброту, отзывчивость, великодушие: рус. «золотое сердце»,

«*большое сердце*» – англ. «*smb. has a heart of gold*»; «*smb. has his heart in the right place*»; рус. «*горячее сердце*», англ. «*warm heart*».

Рассмотрим ФЕ, связанные с понятием «любовь», «дружба», «радость», обусловленные имеющимся у многих народов аллегорическим представлением о сердце как органе любви: рус. «*сердце взыграло*», «*сердце тает*» – англ. «*it rejoiced one's heart*», «*it cheered/rejoiced the cockles of one's heart*», рус. «*покорить сердце*» – англ. «*win smb's heart*» – рус. «*отдавать сердце*» – англ. «*give one's heart to smb*», «*lose one's heart /to smb/*», рус. *сердце не лежит* к кому-чему «нет интереса, склонности, желания, симпатии, доверия к кому-либо или к чему-либо» (английского соответствия нет):

1. *сердце не лежит* к кому *s.o. does not like another, does not enjoy another's company: у X-а душа не лежит* к Y-у - *X doesn't (really) care for Y; Y doesn't appeal to X.* [Пенел:] *Красивая ты, Васка, - а никогда не лежало у меня сердце к тебе... (Горький 3).* [P:] *You're beautiful, Vassilisa. But I never really cared for you... (3e).*

2. *сердце не лежит* к чему *or что делать the idea of doing sth. is not attractive to s.o.: у X-а душа не лежит* к Y-у <делать Z> ≈ *X doesn't (really) care for Y; Y doesn't appeal to X; [in limited contexts] X doesn't feel like doing Z; [in refer, to a job etc] X's heart isn't in it; X has no heart for the job* [11].

Как видно из словарных дефиниций, соматизму *сердце* соответствует синоним *душа*, чего не скажешь об английском языке.

Другой русский фразеологизм как *маслом по сердцу* в значении «очень приятно» соответствует английскому сравнению «как музыка для моих ушей»:

Люблю, когда моих детей хвалят, - это мне как маслом по сердцу. I love it when people praise my kids-it's like music to my ears.

Русский фразеологизм «*покорить сердце*» может передаваться в английском языке соматизмом «рука» – «*win smb's hand /the hand of smb/*»; ФЕ, обозначающие мыслительный процесс, рабочее состояние человека отмечены в английском языке: «*to learn by heart*» в значении «учить наизусть»; «*to work one's heart out*» – «работать, вкладывая душу, до усталости». К пейоративным ФЕ с соматизмом «сердце» отнесены четыре микросферы: ФЕ, называющие отрицательные душевные качества человека – жестокость, бессердечность: рус. «*каменное сердце*» – англ. «*smb. has a hard heart/a heart of flint/of stone/stony heart*»; рус. «*сорвать сердце на ком-либо*»; рус. «*сердце кипит/закучает*»; англ. «*one's heart is overflowed/overflowing with anger/indignation/offence/irritation*»; ФЕ, выражающие испуг, страх, неожиданную слабость, тревогу, плохое предчувствие: рус. «*сердце дрожит/ёкает/закатывается/заходится*»; рус. «*сердце дрожит/трепещет, сердце замирает*», «с замиранием сердца» – англ. «*one's heart sank*», «*have one's heart in one's boots/throat*», «*smb. has his heart in his mouth*», «*bring smb's heart into his mouth*», «*make smb's heart leap out of his mouth*» – рус. «*сердце в пятки уходит*»; ФЕ, характеризующие обиду, досаду, ненависть, переживания, душевные муки: рус. «*сердце сжимается*», «*кошки скребут на душе/сердце*», *скрепя сердце* «с большой неохотой, вопреки желанию»; ФЕ, выражающие печаль, беспокойство, грусть: рус. «*сердце болит/щемит/ноет*» – англ. «*one's heart aches/bleeds for smb.*», «*one is sick at heart*»; рус. «*сердце кровью обливается*» – англ. «*one's heart is bleeding*», «*it makes/made one's heart bleed*».

Перечислим другие устойчивые выражения с соматизмом *сердце* в русском языке: как *маслом по сердцу*, как *ножом полоснуть по сердцу*, как *ножом резануть по сердцу*, как *ножом резнуть по сердцу*, *найти дорогу к сердцу*, *найти доступ к сердцу*, *найти путь к сердцу*, *находить дорогу к сердцу*, *находить доступ к сердцу*, *находить путь к сердцу*, *ни уму ни сердцу*, *по сердцу*, *полоснуть по сердцу*, *принимать к сердцу*, *принимать близко к сердцу*, *принять к сердцу*, *принять близко к сердцу*, *сердцу не прикажешь*.

Заключение

Итак, проявление антропоцентризма наблюдается во фразеологизмах как русского, так и английского языков. Но более многочисленными и выразительными, как показывает исследование, оказались русские фразеологизмы с соматизмом *сердце*.

Анализ словарных толкований соматизма *сердце* показал, что общими для двух языков являются первое и второе значения слова *сердца*, а также значение «*центр, главная часть чего-л.*». В английском языке лексема *сердце* имеет больше значений, чем в русском языке. Однако не все русские фразеологические единицы с соматизмом *сердце* имеют английские эквиваленты.

Список литературы

1. Ауробиндо Шри. Психическое существо / Шри Ауробиндо. Пер. с англ. – М.: Изд-во «Благовест», 1994. – 240 с.
2. Гумбольдт В. фон. О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 2000 – С. 329.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – СПб, 1996.
4. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике: учеб. пособие / М. М. Маковский. – М.: Высш. шк., 1989. – 200 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1987.
6. Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с.
7. Рылов Ю. А. О семантических доминантах в языковой картине мира (на материале итальянского и русского языков) / Ю. А. Рылов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2003, № 1.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-34. – Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1965. – С. 348.
10. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка / И.И. Срезневский. – М.: ГИИНС, 1958. – Т. I-III. – 2696 с.
11. <http://translate.academic.ru/en/1> [Электронный ресурс]
12. http://phraseology_ru_en.academic.ru [Электронный ресурс]
13. Cambridge International Dictionary of English. – USA: Cambridge University Press, 1995 – 1774 p.

SOMATISM “HEART” AS THE COMPONENT OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS SINGLED OUT ANTHROPOLOGICALLY

O. N. Kravchenko
I. M. Subbotina

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
kravchenko.olga@rambler.ru*

The article studies the phraseological units with the somatism *heart*, as in the examples with the lexeme *heart* anthropocentrism can be seen mainly in phraseologisms. The article deals with the comparative analysis of phraseological units including somatism *heart* in the English and the Russian languages. Also their vocabulary definitions and meanings are examined and compared.

Keywords: phraseological unit, somatism *heart*, anthropocentric approach, *heart* and its meanings.

УДК 811.11:81

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПРИКОСНОВЕНИЯ

О. В. Федотова*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
fedotova@bsu.edu.ru*

Автор анализирует способность английских глаголов прикосновения сочетаться с различными типами субъектов и объектов, что свидетельствует об их функциональной неоднородности и возможности различного осмысления с точки зрения их функциональной или грамматической категоризации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категоризация, функциональная категоризация, грамматическая категоризация, концепт, фрейм, лексическая репрезентация.

Принадлежность глагола к тому или иному категориальному классу определяется его предикативной функцией в предложении-высказывании и зависит от общей структурной схемы предложения-высказывания. Это означает, что семантика глагола имплицитно выделяет объекты в передаваемом им событии и приписывает этим объектам определенные ролевые функции. Отличительной чертой глагола в целом, а значит, и глаголов прикосновения в частности, является то, что в их семантике содержится информация обо всех потенциальных участниках ситуации. Глагол в предложении определяет связи или отношения между тем объектом, который является производителем действия, и тем, что является его адресатом или пациенсом. «В содержание глагола вовлекается, таким образом, представление о том, кто или что совершает действие, а также то, на кого или на что оно направлено» [9, с. 288]. Субъект и объект являются основными, наиболее обязательными среди всех актантов глагола, что справедливо и в отношении глаголов с общим значением прикосновения. Важное значение в категоризации глаголов с общим значением прикосновения в функциональном плане имеют признаки субъекта прикосновения и объекта прикосновения, поскольку присущие им признаки непосредственно связаны с формированием смысла любого предложения-высказывания.

Поскольку лексические единицы языка представляют собой иерархически организованную структуру и образуют семантические сети, соотносимые с определенным концептом или группой концептов, то тематически родственные слова должны репрезентировать один и тот же концепт. Это значит, что глаголы с общим значением прикосновения объединяются не на основе выделения общих семантических компонентов в структуре их значений, а в результате представления сходных когнитивных структур. Объединение тематически родственной лексики в функциональном плане обусловлено наличием определенной когнитивной модели, отражающей определенную структуру знания, которой является концепт «ПРИКОСНОВЕНИЕ». С точки зрения когнитивного подхода к изучению принципов и механизмов языковой категоризации, когнитивными моделями можно назвать ментальные структуры, посредством которых мышление организует различные типы знания [10]. Знания, соотносимые с концептом «ПРИКОСНОВЕНИЕ», представляют собой логически организованную структуру, которая задается общей структурой когнитивной модели и которой является фрейм «ПРИКОСНОВЕНИЕ». В связи с этим возникает необходимость выявления и описания его структуры.

Под собственно действием понимается такой тип отношений между двумя объектами (или между субъектом и объектом), при котором один из них оказывает целенаправленное воздействие на другой объект, в результате которого последний

претерпевает структурные видоизменения или меняет свою пространственную локализацию. Следовательно, компонентами фрейма акционального типа являются несколько предметов, наделенных семантическими ролями. Эти роли соотносятся с глубинными семантическими падежами: агенс, инструмент, пациенс, цель, причина, следствие, результат и т. п. [16]. Как известно, семантические роли отражают характер отношений между предметными сущностями, среди которых одна, наделенная ролью агенса, является центральной.

Предмет-агенс есть главный участник события, источник действия, поскольку распределение ролей между другими участниками события зависит от выполняемого агенсом действия. В акциональном фрейме акцент смещается на взаимодействие предмета-агенса с другими предметами. Таким образом, в роли агенса действия, обладающего реальной активностью для производства намеренного, контролируемого действия, может выступать субъект. В то же время, широкое толкование понятия «субъект» допускает и другие его разновидности (каузатор, реципиент, пациенс, бенефактив, экспериенцер), в том числе и такие типы субъекта, которые не осуществляют контролируемых, намеренных действий.

Категория субъекта анализировалась в многочисленных работах с различных позиций [16; 17; 4; 9 и др.]. В настоящем исследовании мы ориентируемся на определение субъекта как категории синтаксической семантики, получающей выражение на уровне предложения-высказывания. Исходя из этого положения, субъект понимается как «источник неpassивного предикативного признака» [5, с. 34]. Данное определение предполагает широкое толкование понятия «субъект», в соответствии с которым субъект представляет собой актанта, называющий производителя намеренного или ненамеренного действия, источник процесса, носителя состояния и т. д.

Принимая во внимание иерархическую организацию структуры фрейма, среди компонентов, составляющих фрейм «ПРИКОСНОВЕНИЕ», можно выделить облигаторные (обязательные), которые отражают стереотипную ситуацию прикосновения, и факультативные (необлигаторные), конкретизирующие каждую отдельную ситуацию прикосновения.

В существующих семантических классификациях глагола [12; 15 и др.] глаголы прикосновения, как правило, относятся к глаголам физического воздействия. Глаголы, принадлежащие в целом лексико-семантическому классу «действие», и относящиеся к глаголам физического воздействия на объект в частности, являются двухвалентными, что означает обязательное наличие таких актантов, как субъект и объект [14; 1; 13].

Следовательно, к обязательным компонентам фрейма «ПРИКОСНОВЕНИЕ» относятся «субъект прикосновения», «предикат прикосновения» и «объект прикосновения». Облигаторные компоненты фиксированы и отражают типичную ситуацию прикосновения, в которой всегда присутствует информация о деятеле и объекте.

В данном исследовании под субъектом прикосновения понимается источник намеренного или ненамеренного действия, обозначаемого глаголом прикосновения. Субъект ситуации прикосновения осуществляет прикосновение к объекту посредством частей своего тела при помощи каких-либо орудий или без них, в некоторых случаях вызывая определенные изменения свойств или состояния объекта. В качестве субъекта прикосновения могут выступать: человек или часть его тела, животное или часть тела животного, а также неодушевленные объекты и явления природы. На языковом уровне субъект может быть выражен существительными (собственными или конкретными), а так же личными местоимениями.

«Предикат прикосновения» содержит информацию о самом действии прикосновения и отражает взаимосвязь остальных компонентов фрейма. На языковом уровне он выражен глаголом соответствующей семантики. Так как глагол представляет всю ситуацию в свернутом виде, он составляет организующий центр предложения-высказывания. В предложениях-высказываниях, в которых реализуется модель:

«субъект прикосновения» + «предикат прикосновения» + «объект прикосновения», в фокусе внимания находится сам факт прикосновения. Облигаторные компоненты исследуемого фрейма передают стереотипное представление о ситуации прикосновения.

Идея акциональности предполагает наличие в структуре когнитивно-пропозициональной схемы прикосновения такого компонента, как «объект прикосновения». Следует отметить, что категория объекта рассматривалась лингвистами с разных позиций и в разных аспектах [16; 5; 4; 7 и др.]. В данном исследовании под объектом прикосновения понимается пациент, называющий лицо или предмет, который подвергается воздействию, в результате чего происходит изменение его свойств (размеров, формы, целостности) или его положения в пространстве. «Объект прикосновения» непосредственно связан с «предикатом прикосновения», т.к. выступает как зависимая от предиката неактивная субстанция, на «которую направлен или которой, так или иначе, касается предикативный признак» [5, с. 41].

Некоторые типы предикатов прикосновения способны описывать ситуации взаимного прикосновения, когда «субъект прикосновения» и «объект прикосновения» четко не выражены, поскольку каждый из участников ситуации выступает как в роли субъекта прикосновения, так и в роли объекта прикосновения. К тому же, возможны ситуации, когда оба участника ситуации прикосновения являются одноименными, в этом случае на языковом уровне они представлены одним существительным или местоимением в форме множественного числа. Например:

1. Their lips met and for a short while happiness was theirs [25, с. 352].
2. They kissed again passionately [22, с. 776].
3. As their fingers touched, the boat lurched and she cannoned into Hank [25, с. 92].

В некоторых ситуациях прикосновения субъект воздействует на самого себя. В предложениях-высказываниях, описывающих подобные ситуации, в контексте встречается возвратное местоимение. Например,

4. She hugged herself as she gazed into the dancing flames [20, с. 64].
5. Viv tried to press himself back against the wall [22, с. 1113].

В таких случаях «предикат прикосновения» репрезентирует рефлексивное действие прикосновения.

Результаты анализа объекта в структуре фрейма «ПРИКОСНОВЕНИЕ» показывают, что в качестве объекта прикосновения могут выступать: человек, животные или части их тел, а также неодушевленные предметы. Например,

6. Then he patted John on the back (человек) [23, с. 16].
7. She licked her forefinger and dabbed her eyebrows into straight lines (часть тела человека) [25, с. 359].
8. He patted the dog affectionately as he spoke (животное) [22, с. 1036].
9. She sat in a chair, and leaned her head against the wall with her eyes closed (неодушевленный предмет) [24, с. 143].

Объект, так же как и субъект, на языковом уровне может быть выражен либо существительным (именем собственным или нарицательным), либо личным местоимением. Например,

10. She immediately put her arm around Casey (имя собственное) [25, с. 75].
11. John laughed and slapped his little brother on the back (имя нарицательное) [22, с. 19].
12. He cupped her face, then kissed her (личное местоимение) [23, с. 316].

К числу факультативных компонентов, которые не являются фиксированными и могут актуализироваться и конкретизировать общую структуру фрейма «ПРИКОСНОВЕНИЕ» в каждой определенной ситуации, относятся: «способ прикосновения», «цель прикосновения», «причина прикосновения», «результат прикосновения», «инструмент прикосновения», «средство прикосновения», «траектория при-

косновения», «место прикосновения», «частотность прикосновения», «продолжительность прикосновения», «сопутствующее прикосновению обстоятельство».

При активизации того или иного факультативного компонента фрейма происходит акцентирование внимания на соответствующем аспекте ситуации прикосновения, что объясняется особенностями восприятия человеком окружающей действительности путем фокусировки внимания на наиболее значимых ее аспектах. Те или иные аспекты окружающей действительности не остаются постоянно значимы для человека (субъекта концептуализации), следовательно, значимость может погашаться или внимание субъекта концептуализации может переключаться на другие аспекты в зависимости от ряда факторов, что влечет за собой переструктуризацию фрейма.

Кроме того, возможны комбинации нескольких факультативных компонентов. Отдельный факультативный компонент передает часть ситуации прикосновения, но все вместе они позволяют получить наиболее полное представление о конкретной ситуации прикосновения. Например:

13. He dipped a finger into the dregs (сопутствующее обстоятельство) and very cautiously (способ) just touched the finger with the tip of his tongue (инструмент) [18, с. 75].

14. Casey flushed, but Hank unselfconsciously («способ прикосновения») brushed the tears from her cheeks («траектория прикосновения») with his thumb («инструмент прикосновения») before turning to greet the doctors («сопутствующее прикосновению обстоятельство») [25, с. 319].

Если облигаторные компоненты исследуемого фрейма в виде универсальной схемы «субъект прикосновения» + «предикат прикосновения» + «объект прикосновения» эксплицируют стереотипное представление о ситуации прикосновения, то факультативные компоненты фрейма обеспечивают широкую вариативность дополнительных знаний о ситуации прикосновения, а также способов их репрезентации на семантическом и синтаксическом уровнях.

Некоторые компоненты фрейма «ПРИКОСНОВЕНИЕ» уже заложены в семантике глаголов. По мнению Е.С. Кубряковой «глагол обладает способностью свернуть информацию и о времени, и о пространстве (среде), нарекая чаще всего определенные виды движения, но включая в обозначение то представление о субъекте действия (это так называемые субъектные глаголы), то представление о его объекте (объектные глаголы) или инструменте (орудийные) и т. п.» [8, с. 89].

Так, например, глаголы kick, kiss, nudge, pat, pummel, slap, paw и др. содержат в своей семантике указание на инструмент воздействия, а именно, ногу, ладонь, кулак, локоть, палец, ноготь, нож, лапу. Семантика глаголов в данном случае обуславливает и выбор субъекта, поскольку глаголы kick, kiss, nudge, pat, pummel, slap, как правило, сочетаются с субъектом, называющим человека, в то время как глагол paw – может сочетаться с субъектом, который выражен как существительным, обозначающим животное, так и существительным, обозначающим человека.

На функциональном уровне значения исследуемых глаголов могут изменяться под влиянием различных факторов, что указывает на необходимость определения условий, обуславливающих вариативность категориальных значений глаголов прикосновения.

Поскольку семантика предиката определяет тип субъекта с одной стороны, а с другой – субъект каузирует предикативный признак, и тем обуславливает реализацию соответствующего категориального значения [4, с. 40], то справедливо утверждать, что субъект и объект находятся в отношениях взаимозависимости. Различные признаки, присущие разным типам субъекта, обуславливают выбор соответствующего лексического и категориального значений глагола.

Поскольку субъект, как правило, характеризуется рядом признаков, к числу которых следует отнести одушевленность, активность, волеитивность, контролируемость [3; 4; 5; 6], то справедливо предположить, что и субъект прикосновения обладает теми же признаками.

Признак активности подразумевает использование субъектом своей собственной энергии для выполнения какого-либо действия, таким образом, он является активным исполнителем этого действия, а не просто орудием, необходимым для его осуществления. Признак волитивности заключается в выражении намеренности, целенаправленности со стороны субъекта при выполнении того или иного действия. Признак контролируемости указывает на «определенную степень контроля над осуществлением того или иного события со стороны субъекта, степень зависимости (или независимости) реализации намерений субъекта от его действий [4, с. 70].

Для глаголов прикосновения характерно использование различных типов субъектов, поскольку как мы уже выяснили, в роли субъекта-агенса могут выступать как человек, так и животные. При этом следует отметить, что животные отличаются от человека тем, что не могут выполнять контролируемых действий. Животным присущи признаки одушевленности, активности, волитивности, отличительной характеристикой человека является признак контролируемости. Наличие активного субъекта обуславливает акциональную категоризацию глагола. На этом основании среди глаголов прикосновения можно выделить те, что реализуют акциональные значения. К ним относятся те, что обозначают прикосновение, производимое человеком или животными.

В роли субъекта могут выступать также и неодушевленные объекты или явления природы. Общим для них является такой признак, как «псевдоактивность». Признак псевдоактивности заключается в том, что субъекту приписывается определенная активность за счет «приложения внешних по отношению к нему источников энергии (в результате внешней каузации)» [4, с. 102]. Признак псевдоактивности присущ и субъекту, в качестве которого выступает часть тела человека или животного. А. М. Пешковский отмечал, что действовать могут только живые существа, а все остальные предметы не действуют, а только движутся [11]. Например:

15. She pulled the rings from her fingers and tossed them at him. One **touched** his face [21, с. 353].

Наличие у субъекта прикосновения признака «инактивность» предполагает неакциональную категоризацию глагола, а признак псевдоактивности субъекта обуславливает реализацию категориального значения процессуальности. На этом основании глаголы, описывающие ситуации прикосновения, в которых в качестве субъекта выступает неодушевленный объект окружающей действительности, часть тела человека или животного, а также явление природы приобретают процессуальное значение.

Таким образом, глаголы с общим значением прикосновения могут сочетаться с различными типами субъектов, обладающими различными признаками, реализация которых обуславливает ту или иную категоризацию глагола.

«Объект прикосновения» и «предикат прикосновения», так же как «субъект прикосновения» и «предикат прикосновения», находятся во взаимозависимых отношениях. С одной стороны, «объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или разрушение» [2, с. 125], а с другой стороны, семантика предиката детерминирует наличие или отсутствие объекта, а также его формы. Как известно, тип объекта зависит от семантики глагола. Глаголы физического действия имеют в качестве объектов конкретные предметные имена [2, с. 126]. При этом на объект направлено действие субъекта, т.е. объект выступает в качестве пациента, пассивного участника ситуации прикосновения, описываемой в предложении-высказывании. Различные неодушевленные объекты, используемые в качестве объекта прикосновения, в составе предложения-высказывания выступают в качестве объектов конкретного физического действия, сопровождающегося прикосновением. Исходя из определения понятия «пациент», к числу основных признаков объекта можно отнести «инактивность, претерпевание видоизменения, вовлеченность в предикативный признак» [4, с. 50].

Акциональная и неакциональная категоризация глагола обусловлена реализацией объектно-ориентированного признака «характер воздействия на объ-

ект» [4, с. 53]. Акциональная категоризация достигается за счет признака «результативное воздействие на объект» [4, с. 78]. Это значит, что объект претерпевает определенное видоизменение в связи с деятельностью субъекта. Специфика глаголов с общим значением прикосновения заключается в том, что они не всегда обозначают действия прикосновения, предполагающие результативное изменение объекта прикосновения. Следовательно, в этих случаях они указывают на направленность обозначаемого действия.

Возможность употребления глаголов в пассиве ведет к взаимобратной функциональной модификации субъекта и объекта. Например:

16. Recording will start when in Tuner Mode when any button is pressed [19, с. 154].

Таким образом, способность глаголов прикосновения сочетаться с различными типами субъектов и объектов свидетельствует об их функциональной неоднородности и возможности различного осмысления с точки зрения их функциональной или грамматической категоризации. Реализация соответствующих субъектно-ориентированных и объектно-ориентированных признаков непосредственно обусловлена структурной схемой предложения-высказывания и особенностями языковой репрезентации субъекта прикосновения и объекта прикосновения.

Глаголы, принадлежащие в целом лексико-семантическому классу «действие», и относящиеся к глаголам физического воздействия на объект в частности, являются двухвалентными, что означает обязательное наличие таких актантов, как субъект и объект [14; 1; 13].

Следовательно, к обязательным компонентам фрейма «ПРИКОСНОВЕНИЕ» относятся «субъект прикосновения», «предикат прикосновения» и «объект прикосновения». Облигаторные компоненты фиксированы и отражают типичную ситуацию прикосновения, в которой всегда присутствует информация о деятеле и объекте.

В данном исследовании под субъектом прикосновения понимается источник намеренного или ненамеренного действия, обозначаемого глаголом прикосновения. Субъект ситуации прикосновения осуществляет прикосновение к объекту посредством частей своего тела при помощи каких-либо орудий или без них, в некоторых случаях вызывая определенные изменения свойств или состояния объекта. В качестве субъекта прикосновения могут выступать: человек или часть его тела, животное или часть тела животного, а также неодушевленные объекты и явления природы. На языковом уровне субъект может быть выражен существительными (собственными или конкретными), а так же личными местоимениями.

«Предикат прикосновения» содержит информацию о самом действии прикосновения и отражает взаимосвязь остальных компонентов фрейма. На языковом уровне он выражен глаголом соответствующей семантики. Так как глагол представляет всю ситуацию в свернутом виде, он составляет организующий центр предложения-высказывания. В предложениях-высказываниях, в которых реализуется модель: «субъект прикосновения» + «предикат прикосновения» + «объект прикосновения», в фокусе внимания находится сам факт прикосновения. Облигаторные компоненты исследуемого фрейма передают стереотипное представление о ситуации прикосновения.

Идея акциональности предполагает наличие в структуре когнитивно-пропозициональной схемы прикосновения такого компонента, как «объект прикосновения». Следует отметить, что категория объекта рассматривалась лингвистами с разных позиций и в разных аспектах [16; 5; 4; 7 и др.]. В данном исследовании под объектом прикосновения понимается пациент, называющий лицо или предмет, который подвергается воздействию, в результате чего происходит изменение его свойств (размеров, формы, целостности) или его положения в пространстве. «Объект прикосновения» непосредственно связан с «предикатом прикосновения», т. к. выступает как зависимая от предиката неактивная субстанция, на «которую направлен или которой, так или иначе, касается предикативный признак» [5, с. 41].

Некоторые типы предикатов прикосновения способны описывать ситуации взаимного прикосновения, когда «субъект прикосновения» и «объект прикосновения» четко не выражены, поскольку каждый из участников ситуации выступает как

в роли субъекта прикосновения, так и в роли объекта прикосновения. К тому же, возможны ситуации, когда оба участника ситуации прикосновения являются одноименными, в этом случае на языковом уровне они представлены одним существительным или местоимением в форме множественного числа. Например:

17. Their lips met and for a short while happiness was theirs [25, с. 352].

18. They kissed again passionately [22, с. 776].

19. As their fingers touched, the boat lurched and she cannoned into Hank [25, с. 92].

В некоторых ситуациях прикосновения субъект воздействует на самого себя. В предложениях-высказываниях, описывающих подобные ситуации, в контексте встречается возвратное местоимение. Например,

20. She hugged herself as she gazed into the dancing flames [20, с. 64].

21. Viv tried to press himself back against the wall [22, с. 1113].

В таких случаях «предикат прикосновения» репрезентирует рефлексивное действие прикосновения.

Результаты анализа объекта в структуре фрейма «ПРИКОСНОВЕНИЕ» показывают, что в качестве объекта прикосновения могут выступать: человек, животные или части их тел, а также неодушевленные предметы. Например,

22. Then he patted John on the back (человек) [23, с. 16].

23. She licked her forefinger and dabbed her eyebrows into straight lines (часть тела человека) [25, с. 359].

24. He patted the dog affectionately as he spoke (животное) [22, с. 1036].

25. She sat in a chair, and leaned her head against the wall with her eyes closed (неодушевленный предмет) [24, с. 143].

Объект, так же как и субъект, на языковом уровне может быть выражен либо существительным (именем собственным или нарицательным), либо личным местоимением. Например,

26. She immediately put her arm around Casey (имя собственное) [25, с. 75].

27. John laughed and slapped his little brother on the back (имя нарицательное) [22, с. 19].

28. He cupped her face, then kissed her (личное местоимение) [23, с. 316].

К числу факультативных компонентов, которые не являются фиксированными и могут актуализироваться и конкретизировать общую структуру фрейма «ПРИКОСНОВЕНИЕ» в каждой определенной ситуации, относятся: «способ прикосновения», «цель прикосновения», «причина прикосновения», «результат прикосновения», «инструмент прикосновения», «средство прикосновения», «траектория прикосновения», «место прикосновения», «частотность прикосновения», «продолжительность прикосновения», «сопутствующее прикосновению обстоятельство».

При активизации того или иного факультативного компонента фрейма происходит акцентирование внимания на соответствующем аспекте ситуации прикосновения, что объясняется особенностями восприятия человеком окружающей действительности путем фокусировки внимания на наиболее значимых ее аспектах. Те или иные аспекты окружающей действительности не остаются постоянно значимы для человека (субъекта концептуализации), следовательно, значимость может погашаться или внимание субъекта концептуализации может переключаться на другие аспекты в зависимости от ряда факторов, что влечет за собой переструктуризацию фрейма.

Кроме того, возможны комбинации нескольких факультативных компонентов. Отдельный факультативный компонент передает часть ситуации прикосновения, но все вместе они позволяют получить наиболее полное представление о конкретной ситуации прикосновения. Например:

29. He dipped a finger into the dregs (сопутствующее обстоятельство) and very cautiously (способ) just touched the finger with the tip of his tongue (инструмент) [18, с. 75].

30. Casey flushed, but Hank unselfconsciously («способ прикосновения») brushed the tears from her cheeks («траектория прикосновения») with his thumb («инструмент прикосновения») before turning to greet the doctors («сопутствующее прикосновению обстоятельство») [25, с. 319].

Если облигаторные компоненты исследуемого фрейма в виде универсальной схемы «субъект прикосновения» + «предикат прикосновения» + «объект прикосновения» эксплицируют стереотипное представление о ситуации прикосновения, то факультативные компоненты фрейма обеспечивают широкую вариативность дополнительных знаний о ситуации прикосновения, а также способов их репрезентации на семантическом и синтаксическом уровнях.

Некоторые компоненты фрейма «ПРИКОСНОВЕНИЕ» уже заложены в семантике глаголов. По мнению Е.С. Кубряковой «глагол обладает способностью свернуть информацию и о времени, и о пространстве (среде), нарекая чаще всего определенные виды движения, но включая в обозначение то представление о субъекте действия (это так называемые субъектные глаголы), то представление о его объекте (объектные глаголы) или инструменте (орудийные) и т. п.» [8, с. 89].

Так, например, глаголы *kick, kiss, nudge, pat, pummel, slap, paw* и др. содержат в своей семантике указание на инструмент воздействия, а именно, ногу, ладонь, кулак, локоть, палец, ноготь, нож, лапу. Семантика глаголов в данном случае обуславливает и выбор субъекта, поскольку глаголы *kick, kiss, nudge, pat, pummel, slap*, как правило, сочетаются с субъектом, называющим человека, в то время как глагол *paw* – может сочетаться с субъектом, который выражен как существительным, обозначающим животное, так и существительным, обозначающим человека.

На функциональном уровне значения исследуемых глаголов могут изменяться под влиянием различных факторов, что указывает на необходимость определения условий, обуславливающих вариативность категориальных значений глаголов прикосновения.

Поскольку семантика предиката определяет тип субъекта с одной стороны, а с другой – субъект каузирует предикативный признак, и тем обуславливает реализацию соответствующего категориального значения [4, с. 40], то справедливо утверждать, что субъект и объект находятся в отношениях взаимозависимости. Различные признаки, присущие разным типам субъекта, обуславливают выбор соответствующего лексического и категориального значений глагола.

Поскольку субъект, как правило, характеризуется рядом признаков, к числу которых следует отнести одушевленность, активность, волевитивность, контролируемость [3; 4; 5; 6], то справедливо предположить, что и субъект прикосновения обладает теми же признаками.

Признак активности подразумевает использование субъектом своей собственной энергии для выполнения какого-либо действия, таким образом, он является активным исполнителем этого действия, а не просто орудием, необходимым для его осуществления. Признак волевитивности заключается в выражении намеренности, целенаправленности со стороны субъекта при выполнении того или иного действия. Признак контролируемости указывает на «определенную степень контроля над осуществлением того или иного события со стороны субъекта, степень зависимости (или независимости) реализации намерений субъекта от его действий [4, с. 70].

Для глаголов прикосновения характерно использование различных типов субъектов, поскольку как мы уже выяснили, в роли субъекта-агенса могут выступать как человек, так и животные. При этом следует отметить, что животные отличаются от человека тем, что не могут выполнять контролируемых действий. Животным присущи признаки одушевленности, активности, волевитивности, отличительной характеристикой человека является признак контролируемости. Наличие активного субъекта обуславливает акциональную категоризацию глагола. На этом основании среди глаголов прикосновения можно выделить те, что реализуют акциональные значения. К ним

относятся те, что обозначают прикосновение, производимое человеком или животными.

В роли субъекта могут выступать также и неодушевленные объекты или явления природы. Общим для них является такой признак, как «псевдоактивность». Признак псевдоактивности заключается в том, что субъекту приписывается определенная активность за счет «приложения внешних по отношению к нему источников энергии (в результате внешней каузации)» [4, с. 102]. Признак псевдоактивности присущ и субъекту, в качестве которого выступает часть тела человека или животного. А. М. Пешковский отмечал, что действовать могут только живые существа, а все остальные предметы не действуют, а только движутся [11]. Например:

31. She pulled the rings from her fingers and tossed them at him. One **touched** his face [21, с. 353].

Наличие у субъекта прикосновения признака «инактивность» предполагает неакциональную категоризацию глагола, а признак псевдоактивности субъекта обуславливает реализацию категориального значения процессуальности. На этом основании глаголы, описывающие ситуации прикосновения, в которых в качестве субъекта выступает неодушевленный объект окружающей действительности, часть тела человека или животного, а также явление природы приобретают процессуальное значение.

Таким образом, глаголы с общим значением прикосновения могут сочетаться с различными типами субъектов, обладающими различными признаками, реализация которых обуславливает ту или иную категоризацию глагола.

«Объект прикосновения» и «предикат прикосновения», так же как «субъект прикосновения» и «предикат прикосновения», находятся во взаимозависимых отношениях. С одной стороны, «объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или разрушение» [2, с. 125], а с другой стороны, семантика предиката детерминирует наличие или отсутствие объекта, а также его формы. Как известно, тип объекта зависит от семантики глагола. Глаголы физического действия имеют в качестве объектов конкретные предметные имена [2, с. 126]. При этом на объект направлено действие субъекта, т.е. объект выступает в качестве пациента, пассивного участника ситуации прикосновения, описываемой в предложении-высказывании. Различные неодушевленные объекты, используемые в качестве объекта прикосновения, в составе предложения-высказывания выступают в качестве объектов конкретного физического действия, сопровождающегося прикосновением. Исходя из определения понятия «пациент», к числу основных признаков объекта можно отнести «инактивность, претерпевание видоизменения, вовлеченность в предикативный признак» [4, с. 50].

Акциональная и неакциональная категоризация глагола обусловлена реализацией объектно-ориентированного признака «характер воздействия на объект» [4, с. 53]. Акциональная категоризация достигается за счет признака «результативное воздействие на объект» [4, с. 78]. Это значит, что объект претерпевает определенное видоизменение в связи с деятельностью субъекта. Специфика глаголов с общим значением прикосновения заключается в том, что они не всегда обозначают действия прикосновения, предполагающие результативное изменение объекта прикосновения. Следовательно, в этих случаях они указывают на направленность обозначаемого действия.

Возможность употребления глаголов в пассиве ведет к взаимобратной функциональной модификации субъекта и объекта. Например:

32. Recording will start when in Tuner Mode when any button is pressed [19, с. 154].

Таким образом, способность глаголов прикосновения сочетаться с различными типами субъектов и объектов свидетельствует об их функциональной неоднородности и возможности различного осмысления с точки зрения их функциональной или грамматической категоризации. Реализация соответствующих субъектно-ориентированных и объектно-ориентированных признаков непосредственно обусловлена структурной схемой предложения-высказывания и особенностями языковой репрезентации субъекта прикосновения и объекта прикосновения.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. рус. культуры, 1995. – Т. 1. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – 472 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова ; АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
3. Болдырев, Н. Н. Категориальное значение глагола : системный и функциональный аспекты / Н. Н. Болдырев. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1994. – 171 с.
4. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н. Н. Болдырев. – СПб.: Изд-во РГПУ ; Тамбов : Изд-во ТГУ, 1995. – 139 с.
5. Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – Л. : Наука, 1992. – С. 29 – 71.
6. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
7. Кочкина Е. Л. Категория объекта в современном английском языке в когнитивном и функциональном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Л. Кочкина. – Тамбов, 2002. – 20 с.
8. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка : модели действия : сб. ст. / АН СССР. Ин-т языкознания – М., 1992. – С. 84 – 90.
9. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М.: Изд-во РАН, 1997. – 331 с.
10. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. XXIII. – С. 12–51.
11. Сильницкий, Г. Г. Семантические классы глаголов в английском языке / Г. Г. Сильницкий. – Смоленск : СГПИ им. К. Маркса, 1986. – 112 с.
12. Скребцова Т. Г. Семантика глаголов физического действия в русском языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Т. Г. Скребцова. – СПб, 1996. – 23 с.
13. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
14. Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
15. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. X. – С. 369 – 495.
16. Чейф У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 431 с.
17. Christie A. Ten Little Niggers / A. Christie. – М. : Менеджер, 2005. – 288 p.
18. Fielding H. Bridget Jones's / H. Fielding. – Diary Picador, 1996. – 310 p.
19. Jonker J. Try a Little Tenderness / J. Jonker. – London : Headline, 1999. – 469 p.
20. Lawrence D.H. Women in Love / D.H. Lawrence. – London : Penguin Books, 1996. – 542 p.
21. Longman Dictionary of Contemporary English. – Barcelona : Pearson Education Limited, 2001. – 1668 p.
22. McCall D. The Return / D. McCall. – Barcelona : MIRA Books, 2000. – 376 p.
23. Steel D. Accident / D. Steel. – London : Corgi Books, 1995. – 414 p.
24. Thomas D. Cry of Silence / D. Thomas. – London : Pan Book, 1996. – 405 p.

FUNCTIONAL CATEGORIZATION OF THE ENGLISH VERBS OF TOUCH

O. N. Fedotova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
fedotova@bsu.edu.ru*

The author of the article analyses the ability of the English verbs of touch to be combined with different types of subject and object. This ability means that the lexico-semantic group of the verbs of touch is functionally heterogeneous and the verbs can be interpreted differently from the point of view of their functional and grammatical categorization.

Keywords: cognitive linguistics, categorization, functional categorization, grammatical categorization, concept, frame, lexical representation.

УДК 811.11

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «НЕЧЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ТОРГОВОЙ СДЕЛКЕ»

И. Э. Федюнина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:*innafedyunina@yandex.ru*

В статье рассматриваются семантика, внутренняя форма и дискурсивное функционирование фразеологизмов русского, английского и немецкого языков с семантикой обмана в торговой сделке. Автор использует когнитивно-прагматический подход к анализу языкового материала с целью выявления межъязыковой и внутриязыковой специфики прагматического эффекта исследуемых фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, концепт, прагматический эффект, коннотация, оценка, флукутация.

Введение

В современной лингвистике общепризнана ценность фразеологизмов как языковых единиц с высоким когнитивным потенциалом. Одним из наиболее перспективных направлений изучения этого потенциала является когнитивно-прагматическое направление, функционирующее в рамках когнитивной теории фразеологии [1, 2, 3]. Данный подход к исследованию фразеологических единиц (далее – ФЕ) базируется на учёте человеческого фактора, рассматриваемого в двух планах – социокультурном, подразумевающим тесную связь значения ФЕ с социокультурными устоями носителей языка, и субъективном, включающем индивидуально-личностные аспекты: «субъективно-культурный фактор определяет... категоризацию объекта, выбор основания номинации и признаков объекта, актуализируемых в конкретном высказывании» [2, с. 278]. Другим базовым положением подхода является постулат о наличии у каждой ФЕ не только общего значения, но и смыслового содержания, реализующегося в речевой ситуации. В этом аспекте наиболее ценным для когнитивных исследований свойством ФЕ видится их способность оказывать при употреблении в речи прагматический (или иллюкутивный) эффект, то есть вызывать определённое чувство-отношение реципиента к характеризующему объекту. Изучение прагматического эффекта ФЕ предполагает использование «синтеза информации, исходящей от всех макрокомпонентов фразеологизма» [3, с. 117]; при этом ведущую роль специалисты отводят образному и эмотивно-оценочному компонентам фразеологического значения. Также важная роль в формировании и развитии прагматического эффекта ФЕ отводится дискурсу, поскольку те или иные признаки характеризующего объекта отражаются только в конкретной коммуникативной ситуации. В этом проявляется семантическая гибкость ФЕ, способных при попадании в контекст до определённой степени изменять коннотацию, особенно её оценочный аспект: «Изменение культурного и ситуативного контекстов влечёт за собой изменения в концептуализации» [5, р. 121],

В данной статье мы попытались применить когнитивно-прагматический подход к анализу ФЕ русского, английского и немецкого языков (далее – РЯ, АЯ и НЯ) с семантикой нечестности в торговой сделке, исследуемых нами в рамках концепта «Обман». Поскольку «большая часть нашей обыденной концептуальной системы по природе метафорична» и «играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни» [4, с. 25], изучение ФЕ на межъязыковом уровне безусловно помогает выявить как специфику, так и общие черты образного и оценочного восприятия номинируемого объекта носителями культур. Важно отметить, что обман в принципе встречает весьма неоднозначную оценку, поскольку с одной стороны, относится к чис-

лу негативных, осуждаемых явлений, с другой – составляет неотъемлемую часть нашей жизни в силу невозможности полностью без него обойтись при достижении поставленных целей. Специалисты определяют такое противоречие в восприятии как когнитивный диссонанс [6]. Мы предположили, что оно также должно найти отражение во фразеологической объективации представлений о нечестном поведении в торговой сделке.

Исследование прагматического потенциала фразеологизмов, актуализирующих представления носителей языков об обмане в торговой сделке

Перейдём к анализу семантики и дискурсивного функционирования ФЕ, ставших объектом нашего исследования. Само понятие торговой сделки мы будем рассматривать достаточно широко, не ограничивая его строго деятельностью в рамках профессионально-деловой сферы, деятельностью крупных компаний и т. п., поскольку исследуем средства объективации обыденной концептуальной системы, а сделки того или иного рода являются неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека (например, совершение покупок, одалживание денег, азартные игры и т. п.)

Общее семантическое содержание рассматриваемой здесь фразеосемантической группы – «вытянуть обманом много денег (или совсем их лишить); обмануть, втянув в невыгодную сделку или продав некачественный товар». Она представлена глагольными идиомами *ободрать/обчистить как липку, продать kota за зайца* (РЯ); *to take sb to cleaners, to sell sb a pup* (АЯ); *j-m Balg abziehen, j-n ausnehmen wie eine Weinachtsganz* (НЯ) и др. – 5 ФЕ РЯ, 8 ФЕ АЯ и 10 ФЕ НЯ (всего 23 единицы). Отметим, что межъязыковое расхождение по количественному параметру обусловлено не столько подробной градацией форм обмана при сделке в АЯ и НЯ, сколько большим количеством образных вариантов объективации одной и той же реалии в этих языках. Кроме того, в РЯ для репрезентации таких форм нечестного поведения часто используются стилистически маркированные лексемы *надуть, обуть, облапошить* и т.п. Примечательно, что, разнясь по лексическому наполнению, частным образам-основам и семантическим вариантам, большинство ФЕ данной группы проявляют в дискурсе высокую степень функционально-смысловой эквивалентности, обусловленную, как видится, негативными признаками, которые несет общий прототипический образ: агрессия, причинение боли и унижения, лишение чего-то жизненно необходимого, в результате чего объект остаётся беззащитным и уязвимым. Представление же обманутого в образе объекта потребления (домашнего животного, птицы, дерева) привносит дополнительный смысл пренебрежения (корреляция с концептами «Разрушение», «Унижение», «Опасность»).

Как правило, ФЕ этой модели несут негативную коннотацию. Однако изучение их дискурсивного функционирования обнаруживает значительные расхождения в путях реализации прагматического эффекта и актуализируемых аспектах оценочного компонента значения. В целом наше исследование позволило с достаточной степенью условности выделить четыре группы контекстов.

Первую группу составили контексты, однозначно объективирующие неодобрение, досаду, обиду, возмущение; иллюкутивный эффект часто усиливается негативными модификаторами:

- ...даже вшивого пригласительного не могут дать без того, чтобы не ободрать как липку! [7, с. 204].
- They sold us a pup bustards. The Council's not putting the water through, yet, not for years, maybe. So they won't build [8, p. 608];
- Jedenfalls, wenn er Lotte und mich *aufsitzen läßt*... es ist eine Geheimnis von ihm, unsere Bezüge einzubehalten. Die steckt er in seine eigene Tasche [9, S. 56].

Особонегативную оценку получают подобные действия по отношению к партнерами близким людям:

- He trusted a partner who *took him to the cleaners* good and proper [8, p. 152];

• ...он достал мебель, *но надул в деньгах. Надул незначительно, одна коматъбылаглубокооскорблена...*: сватался, предлагал руку, а другой наживался на любимой женщине [10, с. 256].

Репрезентируется также неизбежность расплаты за мошенничество:

• Ich weiß, ...dass du deinen Boss rotzfresh *abspenstiggemacht hast*. Und an dem Tag, an dem du angefangen hast, unverschämt in die eigene Tasche zu wirtschaften, hast du Seppuku gemacht. Hast du wirklich geglaubt, er würde das nicht merken? [11, S. 81]

Специфической особенностью контекстов РЯ является достаточно частотная объективация тотальности и вынужденности нечестного поведения в бизнесе в силу пороков самой экономической системы. Человек, сумевший выстроит и вести бизнес, не прибегая к мошенничеству и обману партнёров, имеет все основания считать это большой удачей и гордиться собой: ... он *не надувает пенсионеров на деньги*, управляя пенсионными фондами и не качает из земли газ. Он занимается перевозками – чинно и благородно. Он придумал себе дело... такое, при котором не надо грабить и убивать, а по нынешним временам это уже большое достижение! [12, с. 186 – 187]

В контекстах второй группы эмоционально-нравственный аспект оценки не актуализируется вовсе. Ситуация обмана подаётся как простая констатация факта либо объективируются исключительно практические аспекты и последствия нечестного поведения (финансовые проблемы и т. п.):

• Die Lieferant *hat uns hängen lassen*, wir haben den Artikel nicht mehr auf Lager [9, S. 330];

• Die Burschen *haben mich* gestern beim Skatabend ganz *zur Ader gelassen* [9, S. 330];

• “Heissaidtobenegotiatingdealsinminingproperties.” – “Soundlikeagolden brick” [8, p. 275].

Хотя общая коннотация при этом остаётся отрицательной, эмотивная нагрузка ФЕ значительно снижается.

Третью группу составили контексты, в которых имеет место тенденция «перенаправления» негативной коннотации ФЕ с субъекта на объект. Действительно, жертва обмана в торговой сделке далеко не всегда вызывает сочувствие. Чётко прослеживается следующая идея: обманутый отчасти сам виноват а том, что его обманули, так как оказался слишком глуп, доверчив, некомпетентен или самоуверен:

• Erdachte, erverstündesichaufsKartenspiel, **dochdiebeidenSpitzbubenhatteihmdenBalgabgezogen** [9, S. 89].

Заметим, что указание на долю вины жертвы является универсальной закономерностью для трёх исследуемых языков, хотя для этого используются различные лингвистические средства. Например, для АЯ характерна пассивизация ФЕ:

• I am afraid *you have been sold a pup* here. You should always have an expert to look over a second-hand car before you buy it [8, p. 275].

В контекстах НЯ ФЕ могут использоваться с оборотом *sich(...) lassen*, т.е. *позволить себя (обмануть)*:

• Da hast du dich ja mal *wiederauf den Arm nehmen gelassen*. Diese so genannten Sonnenstrahlen sind einem inder wertige Blondiercreme! [9, S. 57].

Для РЯ характерно «перенаправление» коннотации посредством экстралингвистической информации, содержащейся в самом контексте, а также путём обыгрывания метафорической основы ФЕ в целях передачи иронического или саркастического отношения. Кроме того, в некоторых дискурсах наблюдается расположение рядом с ФЕ позитивных модификаторов (*здорово, неплохо, талантливо* и т. п.). Такой приём актуализирует дополнительный элемент импликационала ФЕ – восхищение (пусть даже невольное) умелым, мастерским мошенничеством, что до определённой степени видоизменяет оценку ФЕ, сообщая ей позитивный элемент и апеллируя к концепту «Искусство»: «Очередной скандал разгорелся недавно в Москве: некая американская

фирма *надула* известную табачную фабрику. И неплохо *надула*: «Дукат» *остался с носом*, а американцы – с деньгами, землёй и зданиями в центре Москвы [1, с. 251].

Интересно отметить, что указанная тенденция подтверждается также наличием в исследуемых языках узкоспецифичной фразеосемантической модели, репрезентирующей образные представления о потенциальной жертве мошенничества. Её составляют субстантивные идиомы *святая простота, дойная корова, лёгкая добыча* \ *мишень* (РЯ), *a spring chicken, an easy mark* (АЯ), *ein neugeborenes Kind, ein junger Hund, eine melkende Kuh* (НЯ) и др. ФЕ данного ряда репрезентируют типичные признаки, качества объекта, которые, собственно, «прогнозируют» его поведение. Прозрачная внутренняя форма (домены-источники «Фауна» и «Охота») и лексическое наполнение этих ФЕ актуализируют семантически признаки неопытности, пассивности и управляемости, подразумевая доступность такой «добычи» для умелого «охотника», в образе которого имплицитно предстаёт мошенник. Характерные чувства-отношения, реализуемые в дискурсе – насмешка, ирония, пренебрежение: • Ах, сколько изумительных способов отъёма денежных средств в рамках Уголовного кодекса изобретено в последнее время! Такие, как этот мальчик, заработавшие свои денежки недавно и теперь прилежно выискивающие, на что бы такое правильное их потратить – самая *лучшая и простодушная мишень* для всякого рода проходимцев [12, с. 35].

Анализ контекстов, вовлекающих ФЕ данной модели, показывает, что пренебрежительная коннотация в 80 % случаев направлена на реципиента, позволяющего себя обманывать и использовать:

- ...ты для них был и будешь *дойной коровой*, если не прекратишь финансирование их заведомо убыточных проектов [7, с. 190].

Обнаруживаются и ситуации самокритики (около 15 %), собственное сожаление объекта и досада на самого себя:

- If only she weren't such a *chicken*... Fool me once, fool me twice [8, p. 225]. «Это все навязывается нам умышленно, ...заставляя нас раскошелиться на ненужные, в сущности, вещи. А мы, как *ослы за морковкой*, идём за хитрыми производителями, позволяя себя обирать... [13, с. 180].

И, наконец, четвёртая, узкоспецифичная группа контекстов, представлена ситуациями, где мошенничество при сделке отчасти оправдывается нелицеприятными качествами самого объекта, который заслуживает подобного отношения, так как сам при малейшей возможности склонен обманывать других.

В этой связи следует обратить внимание на безэквивалентную американскую идиому *try the fat out of smb /try out fat* (букв. «вытапливать жир»), представляющую немалый интерес в когнитивно-прагматическом аспекте. Изначально эта ФЕ имела узкое значение «выколачивать (в том числе путём вымогательства) средства на проведение политической компании», которое впоследствии расширилось, и сегодня её семантическое содержание можно сформулировать как «вытягивать (в основном мошенническим путём) деньги у богатого человека или организации». Данная ФЕ не несёт фиксированной отрицательной оценки; её импликационал, наряду с элементом цинизма, содержит не менее интенсивный и значимый признак ловкости и мастерства, «профессионализма» субъекта, который чаще всего и выходит на первый план в дискурсах, отсылая к концепту «Искусство» и практически меняя негативную оценку на позитивную: His main qualification is that of a good collector of funds. No one could *try out more fat* [8, p. 53].

В одном ассоциативном ряду с этой ФЕ стоит субстантивная идиома *a fat cat* (*жирный кот*), характеризующая человека, обладающего большим количеством денег и прочих материальных благ. Основными компонентами семантики данной ФЕ являются в равной степени богатство и влияние (последнее безусловно имплицитно подразумевает силу и потенциальную опасность злоупотребления ею). ФЕ несёт в целом негативную коннотацию. В контекстах на первый план выдвигаются либо вышеуказанные семантические признаки, направленные лишь на дальнейшее обогащение и бесцеремонное ма-

нипулирование окружающими, либо обладатель больших денег сам репрезентируется как объект потребления и мошенничества, который ни на что иное и не годится. В таких ситуациях чётко актуализируются презрение и пренебрежение:

• He had been ill-treated in his early days in show business, which was the reason he made unusual demands of the *fat cats* who employed him when he became a star [8, p. 54].

Иными словами, мошенничество по отношению к такому объекту рассматривается как своеобразная форма расплаты, наказания за его негативные качества и поступки. Отметим, что эта идея практически не представлена в НЯ, зато с высокой частотностью репрезентируется в РЯ, хотя в нём отсутствует соответствующая узкоспецифичная глагольная ФЕ, эквивалентная идиоме АЯ:

• Он из вас всех самый жадный..., самый недалёковидный. И я не смогла отказать себе в удовольствии... Очень мне хотелось *ободрать* его на двадцать пять штук [13, с. 101].

Однако в целом можно сказать, что в АЯ эмоциональный аспект оценочного компонента ФЕ и проявление личного отношения говорящего к субъекту задействованы в сравнительно небольшой степени. В РЯ, напротив, коммуникативные ситуации с вовлечением мошенничества и обмана как формы наказания почти всегда характеризуются повышенной эмоциональностью и экспрессивной репрезентацией отрицательных черт его характера и поведения объекта.

Заключение

Результаты изучения ФЕ с семантикой нечестного поведения при осуществлении торговой сделки с позиций когнитивно-прагматического подхода можно обобщить следующим образом. Ведущими, универсальными для трёх языков факторами прагматического эффекта, оказываемого ФЕ, являются, с одной стороны, образная основа, обуславливающая общую негативную коннотацию, с другой — контекст употребления, определяющий специфику реализации прагматического эффекта и флуктуацию оценочного компонента значения. Исследование дискурсивного функционирования изучаемых ФЕ позволило условно выделить четыре группы контекстов. Контексты, реализующие исключительно негативное отношение к нечестному поведению в торговой сделке как в рациональном, так и в эмоциональном аспекте; при этом характерна особо острая негативная реакция на подобные действия по отношению к близким людям; характерные средства усиления прагматического эффекта ФЕ — негативные модификаторы. Контексты второй группы актуализируют лишь рационально-практический аспект оценки, следствием чего является снижение эмотивного воздействия ФЕ при сохранении общей отрицательной коннотации. Контексты третьей группы объективируют тенденцию «перенаправления» негативной коннотации ФЕ с субъекта на объект, что отражает признание доли вины некомпетентного реципиента в совершившемся обмане. Наиболее частотными лингвистическими средствами реализации этой тенденции служат пассивизация ФЕ в АЯ, использование специфического пассивного оборота *sich(...) lassen*, т.е. *позволить себя (обмануть)* в НЯ и негативные контекстуальные характеристики объекта контекста в РЯ. Подтверждением указанной тенденции также служит наличие в исследуемых языках узкоспецифичной фразеосемантической модели, репрезентирующей образные представления о потенциальной жертве мошенничества и актуализирующей негативные семантические признаки неопытности, некомпетентности, пассивности и управляемости. Четвёртая группа контекстов представлена ситуациями, где мошенничество при сделке отчасти оправдывается нелицеприятными качествами самого объекта, который заслуживает подобного отношения, и обман воспринимается как форма справедливого наказания. В подобных дискурсах для ФЕ характерна высокая степень флуктуации оценки, вплоть до изменения коннотации с негативной на позитивную. Как представляется, такое разнообразие в проявлении прагматического эффекта ФЕ исследуемых языков служит отражением попыток разрешения противоречий в восприятии обмана в деловых от-

ношениях путём выделения и разграничения ситуаций, в которых такой обман 1) совершенно неприемлем; 2) может быть хотя бы частично оправдан; 3) может вообще не оцениваться негативно. К выявленным культурно-специфическим чертам восприятия и оценки нечестного поведения в торговой сделке можно отнести: более подробную градацию форм обмана при сделке в АЯ и НЯ; частотную актуализацию социальной и моральной неприемлемости обмана по отношению к давним партнёрам и близким людям в РЯ; повышенную эмотивную нагрузку ФЕ РЯ в ситуациях использования мошенничества и обмана как формы наказания объекта, а также практическое отсутствие объективации самой этой идеи в НЯ.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : ООО Изд-во ЭЛПИС, 2008. – 472 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
3. Калинина А. В. Внутренняя форма идиом русского и французского языков: опыт сопоставительного анализа / А. В. Калинина. М.: ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ, 2007. 155 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРПС, 2004. – 256 с.
5. Zinken J. Metaphors, Stereotypes and the Linguistic Picture of the World: Impulses from the Ethnolinguistic School in Lublin [Electronic Resource] / J. Zinken. – 2004. – Access mode: <http://www.metaphorik.de/fr/journal/07/metaphors-stereotypes-and-linguistic-picture-world-impulses-ethnolinguistic-school-lublin.html>
6. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект / Е. И. Морозова. – Харьков : Экограф, 2005. – 300 с.
7. Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
8. Longman Idioms Dictionary/ - London: Pearson Education Limited, 1998. – 398 p.
9. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim: Duden Verlag, 2002. – 955 S.
10. Токарева В. С. Птица счастья: Повести / В.С. Токарева. – М. : Изд-во АСТ-ЛЮКС, 2005. – 349 с.
11. Cotton J. Mord ist nichts für Amateure: Kriminalroman / J. Cotton. – Berlin: Bastei Lübbe, 2007. – 221 S.
12. Устинова Т. В. Закон обратного волшебства: Роман / Т. В. Устинова. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 320 с.
13. Маринина А. Б. Чужая маска: Роман / А. Б. Маринина. – М. : Локид, 1996. – 416 с.

RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN IDIOMS FOR DECEPTION IN A BUSINESS DEAL: THE PRAGMATIC IMPACT

I. E. Fedyunina

*Belgorod State
Research University*

e-mail:

innafedyunina@yandex.ru

The article deals with semantics, inner form and discourse functioning of Russian, English and German idioms with the general meaning of deception in a business deal. The author applies cognitive-pragmatic approach in order to explain the ways pragmatic impact works in a particular communicative situation within each language under study.

Keywords: idiom, domain, pragmatic impact, connotation, evaluation, fluctuation.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 304(045)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ТУРИЗМА В РОССИИ С УЧАСТИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Э. А. М. Абдель Вахед

*Казанский
научно-исследовательский
технологический
университет*

*e-mail:
karnake2005@yahoo.com*

Современный туризм становится значимым сектором экономического развития любой страны. Оптимизировать потребность в изучении и развитии сферы туризма основывается на понимании важной роли культурно-познавательной деятельности, в необходимости создания условий для реализации культурных потребностей человека в познании истории, религии, традиций, особенностей образа и стиля жизни, в целом - культуры других народов. В этом большую роль сыграет привлечение широких слоев населения к сотрудничеству с другими культурными сообществами.

Использование телевизионного вещания для развития туристской отрасли подтвердила, что такая информация была бы востребована как зрителями, так и теми, кто занят в «рекреационном» бизнесе. В статье рассмотрены эффективные методы организации въездного туризма на территории Российской Федерации. В статье также доказано важное значение участия спутникового телевидения, в частности выделения специализированного спутникового телеканала на английском языке для продвижения имиджа России в страны дальнего зарубежья.

Ключевые слова: туризм, Россия, спутниковое ТВ, туристические СМИ.

В современном мире туризм является значимым сектором экономического развития любой страны. В этой связи необходимо оптимизировать привлечение широких слоев населения к сотрудничеству с другими культурными сообществами. Потребность в изучении и развитии сферы туризма основывается на понимании важной роли культурно-познавательной деятельности, в необходимости создания условий для реализации культурных потребностей человека в познании истории, религии, традиций, особенностей образа и стиля жизни, в целом - культуры других народов.

Практика использования телевизионного вещания для развития туристской отрасли подтвердила, что такая информация была бы востребована как зрителями, так и теми, кто занят в «рекреационном» бизнесе. Несомненно, существует потребность в отдельных телепередачах о туризме. Несмотря на то, что на сегодняшний день насчитывается более двух десятков специализированных журналов сферы туризма и гостеприимства, популярность печатных изданий с каждым годом падает, уступая место электронным изданиям, спутниковым телеканалам.

Важной и весьма перспективной целью спутникового ТВ является не только продвижение потребительских товаров на зарубежные рынки, но и содействие повышению имиджа страны, туристского национального продукта на мировом рынке. Действуя в этом направлении, спутниковый канал развивает связи как со службами маркетинга коммерческих фирм, обеспечивает рекламу отечественных товаров

за пределами страны, так и с органами государственной власти. Способствует этому и заключение договоров между службой космического телевидения и международными рекламными компаниями. Такого рода деятельность способствует не только развитию национального экспорта, но и решению финансовых проблем поддержания и развития самого спутникового вещания.

Развитие спутникового телевидения в современном мире наглядно выявило возрастание глобальности коммуникационных процессов, расширение состава и увеличения количества субъектов международной информационной деятельности в конце XX – начале XXI вв. [3, с. 405].

Россия на современном этапе становится все более привлекательной страной для развития туризма. Именно на территории Российской Федерации запланировано проведение крупномасштабных спортивных событий мирового уровня. Однако Россия может быть интересна туристам не только в плане событийного туризма, в регионах можно развивать различные виды туризма как приключенческого, так и экологического, круизного и др. Основная проблема того, что Россия никак не может увеличить количество турпотоков, состоит в том, то ей до сих пор не удается разрекламировать свой бренд на международной арене. Целью работы является показать возможности популяризации въездного туризма на территории Российской Федерации посредством открытия государственной туристической фирмы-оператора для организации въездного туризма, и создания специализированного спутникового телеканала с его возможностью трансграничного охвата аудитории.

В стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года, принятой Федеральным агентством по туризму, констатируется, что успехи многих стран в развитии туризма связаны с проведением крупных международных событийных мероприятий, поэтому стратегической задачей в сфере туризма является их проведение в России. Особое значение имеют Зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 году, чемпионат мира по футболу в 2018 году. Подготовка к этим мероприятиям постоянно и детально освещается в СМИ. Эти масштабные события не могут не иметь колоссальных последствий, в том числе для развития туристической инфраструктуры. Современный туризм сопряжен с «символикой побед». Выбор места олимпиады мобилизует граждан. Столь значимое событие как олимпийские игры является стержневым в строительстве национальной и культурной идентичности. Стремления российского политического руководства по-новому позиционировать страну в системе международных отношений выдвигают на первый план задачи формирования положительного имиджа России в мировом сообществе. Российские и иностранные туристы являются важным политическим ресурсом в качестве провайдера информации и установления доверительных межличностных коммуникаций.

Внутренний туризм для любой страны играет важную роль. Когда местное население знакомится с развитием туристической индустрии в своей стране поближе, это может способствовать воспитанию духа любви к Родине, а также участию местного населения в продвижении национального туристического продукта. Участие местного населения в развитии туристической индустрии своего региона, несомненно, помогает государству.

Так, например, в рамках программы «Универсиада-2013» правительство Российской Федерации и Республики Татарстан совместно с федеральными и региональными СМИ разработали совместные PR-мероприятия и рекламные акции. На телеканалах, на радио была обеспечена организация розыгрыша призов от Министерства молодежи, спорта и туризму Российской Федерации или Республики Татарстан, Комитета по туризму администрации г. Казани. Повара самых популярных ресторанов города Казани познакомили телезрителей с рецептами фирменных блюд. Полезно это в первую очередь для того, чтобы гости и жители города увидели, на что способны повара местных ресторанов и могли решить для себя, где они хотят поужинать и что хотят попробовать. Велась активная работа с телерадиокомпанией ТНВ, имеющей спутниковую трансляцию сюжетов на тему «Республика Татарстан», «Казань-спортивный

город». В утренних программах государственных, региональных и спутниковых частных телекомпаний транслировались видеоролики и видеосюжеты о программах и предложениях туристических фирм и предприятий для организованного отдыха на территории Республики Татарстан.

Функционирование внутреннего рынка туризма помогает сохранить в стране экономическую стабильность во время слабого притока иностранных туристов. При освещении событий для местного населения туристические медиа должны подготовить существенные, обстоятельные материалы с тем, чтобы привлечь местное население отдохнуть на территории своей страны и посетить культурные и исторические достопримечательности. Параллельно внутренний туризм познакомил бы местное население, особенно подрастающее поколение, с историей родной страны, ее культурой. Во времена экономического кризиса внутренний туризм помогает продвижению международного туризма, поскольку начинает активизироваться пропаганда туристических услуг.

«Спутниковое вещание является одной из многочисленных областей спутниковой технологии, которая интересует нас в связи с непосредственным (прямым) телевизионным вещанием. Именно оно позволило говорить о вступлении человечества в «век глобального телевидения», «телевидения без границ» [4. с. 111].

Для активного развития туризма в России правительство совместно с Федеральным агентством по туризму Министерства культуры Российской Федерации должны создать условия, состоящей из нескольких этапов:

- 1) разработать многоступенчатую школу подготовки и переподготовки гидов и сопровождающих туристических групп на базе высших учебных заведений;
- 2) сформировать государственную туристическую фирму-оператора, занимающуюся организацией въездного туризма на территорию России и обладающей всеми средствами для осуществления любых видов туристических программ;
- 3) создать специализированный спутниковый туристический телеканал на английском языке.

Что касается первого этапа, мы должны признать, то в настоящее время на базе многих вузов функционируют факультеты туризма и гостиничного бизнеса и желающих обучаться в них абитуриентов достаточно. Однако уровень подготовки преподавателей низкий, в особенности в части, касающейся практических занятий.

Формирование активной позиции информационной элиты в отношении к туристическому направлению на телеэкране, посредством объединения и сотрудничества представителей определенных политических, экономических, социальных структур и крупных бизнес-корпораций. Сплотившись с целью развития интереса аудитории к туризму, социально ответственные группы информационной элиты способны воздействовать на систему ценностных ориентаций в современном потребительском обществе, формируя в сознании аудитории положительный образ туризма, распространяя мысль о важности получения новых знаний из различных источников, среди которых, прежде всего, туристические телепроекты. Активная позиция информационной элиты в отношении развития туризма в стране, во-первых, может быть выражена в ходе участия ее представителей в конференциях и семинарах, посвященных туристической журналистике. Во-вторых, она может проявляться в готовности апеллировать в ходе публичных выступлений или посредством открытых обращений в СМИ к представителям власти, способным внести положительные изменения в государственную политику в этой области; в-третьих, она может стать основой открытости к разностороннему сотрудничеству при создании медиапроектов туристической тематики.

Россия уже имела опыт государственного контроля за развитием туризма посредством создания трех туристских организаций (ВАО «Интурист», БММТ «Спутник» и ЦСТЭ ВЦСПС). Сегодня необходимо усилить организацию въездного туризма, создание привлекательных турпрограмм для множества природных объектов, которыми богата Россия. Государственный тур-оператор должен работать именно в этом

направлении, а не только осуществлять контроль за процессом развития выездного туризма.

В России в течение последних лет государством также предпринимается ряд действий, направленных на поддержку туристических телевизионных проектов, однако этих мер оказывается недостаточно для привлечения иностранных туристов. Вследствие этого от представителей государственной власти сегодня ожидается разработка комплексной программы оптимизации системы популяризации туризма, формирование рабочих групп для ее эффективного практического воплощения. Данная программа должна предусматривать реализацию конкретных мер, направленных на запуск и поддержку российского общедоступного туристического канала, выделение частоты для его вещания, либо включение его в пакет доступных массовому зрителю бесплатных цифровых каналов, отобранных в рамках реализации правительственной программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации (2007–2015 годы)».

В-третьих, в России уже существует специализированный спутниковый туристический канал «Сарафан-ТВ».

«Сарафан-ТВ» - один из первых **международных туристических интерактивных познавательно-развлекательных телеканалов для русскоязычных туристов**. Своё вещание он начал в сентябре 2007 года. По замыслу создателей, его зрителями должны были стать, прежде всего, туристы-россияне и другие русскоговорящие отдыхающие в странах с развитым международным выездным туризмом: Турция, Марокко, Египет, Болгария, Хорватия, Черногория, Греция, Кипр, Тунис, ОАЭ и др. В целом же **«Сарафан-ТВ» осуществляет спутниковые передачи на Россию и 70 стран Европы, Северной Африки, Ближнего Востока и СНГ**. Сигнал телеканала поступает к зрителям-владельцам приемных устройств спутникового ТВ в режиме свободного доступа либо через кабельные сети. Телеканал ретранслируют кабельные операторы по всей России. Таким образом, очевидна нацеленность канала также на информационно-рекламное обслуживание российской аудитории потенциальных потребителей услуг международного туризма.

Идея основания канала была порождена, прежде всего, потребностью в совершенствовании обслуживания растущего притока туристов, говорящих на русском языке: **русскоязычных телеканалов за рубежом, даже в высококлассных отелях, было явно недостаточно, а телеканала, приспособленного под ритм жизни отдыхающего россиянина, до открытия «Сарафана» не существовало вообще**. Русскоязычное телевидение если и было доступно отдыхающим, то сводилось к одному-двум телеканалам с минимальным количеством развлекательных программ. Опросы же, проведенные среди туристов из России и СНГ, показали, что наибольший интерес вызывают именно развлекательные передачи и фильмы на родном языке.

Первоначальное вещание «Сарафан-ТВ» осуществлялось через один спутник «Hot Bird-6» в режиме открытого доступа. В планах развития этого спутникового телеканала предусмотрено постоянное расширение территориальной зоны охвата вещанием. **Пути географического развития телеканала связаны со странами, специализирующимися на пляжном, горнолыжном, экскурсионном туризме**. С весны 2008 года сигнал «Сарафан-ТВ» стал транслироваться со второго спутника (Intelsat 12), попав в пакет каналов компании «Russian TV Times» (RTVT), у которой примерно 100 тыс. абонентов.

Пример «Сарафан-ТВ» нужно использовать и создать новый специализированный спутниковый телеканал на английском языке. Необходимо отметить, что богатые потенциальные возможности российского англоязычного спутникового телеканала «Russia Today» пока еще недостаточно активно используются для стимулирования интереса зарубежной аудитории к совершению туристических поездок в Россию.

Подобный канал должен отличаться особыми конкурентными преимуществами – ими могут стать получение эксклюзивных прав доступа к проводимым россий-

ским исследованиям, приглашение в качестве экспертов видных деятелей науки, культуры разных стран, преобладание в сетке вещания современных проектов отечественного производства, а также активная поддержка со стороны российской общественности и государственной власти. Безусловно, к факторам успеха подобного проекта следует добавить умелое использование опыта сильных зарубежных и российских игроков рынка туристической телепродукции, создание программного наполнения, предназначенного для просмотра разной по интересам аудитории, реализацию кампаний по продвижению проектов канала, рассчитанных на различные целевые группы. Именно соблюдение совокупности вышеуказанных факторов позволит телеканалу, популяризирующему туризм, рассчитывать на привлечение и удержание современной требовательной зрительской аудитории и успешно развиваться.

Популяризация туризма посредством новых экранных возможностей

Успешной реализации телепроектов о туризме будет способствовать использование усовершенствованных изобразительно-выразительных средств, внедрение новых форматов передач, расширение способов охвата потенциальной аудитории и вовлечения ее в интерактивное взаимодействие с целью активизации зрительского интереса. Совершенствование и распространение компьютерных телекоммуникационных технологий позволит предложить традиционно пассивному телезрителю принципиально иную роль активного участника процесса подготовки телевизионного проекта, обеспечивая эффективные коммуникации между производителем проекта и зрителем на всевозможных площадках Интернета и, более того, предоставляя аудитории возможность создавать и распространять собственные видеоматериалы о туризме и путешествиях. В перспективе пассивное наблюдение зрителя за транслируемыми на телеэкране путешествиями сменится его активной вовлеченностью в процесс туристического путешествия, стремлением осуществлять самостоятельные путешествия после просмотра мотивирующих к изучению окружающего мира видеоматериалов, полученных по запросу и просматриваемых на экране персонального компьютера.

Важным результатом реализации этого проекта станет формирование государственной туристической фирмы-оператора, в обязанности которого на первоначальном этапе входит организация въездного туризма, обеспечивающего отдых туристов из регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Турфирма должна быть поддержана на государственном уровне и обладать широкими возможностями для приема туристов и организации туристических программ на должном уровне.

Для эффективной работы турфирмы необходимо разрекламировать туристические ресурсы Российской Федерации. В этом активную роль может сыграть создание специализированного спутникового телеканала именно на английском языке. Английский является сегодня распространенным языком в мире. Главная цель туристических средств массовой информации, направленных на привлечение иностранных туристов (въездной туризм), состоит в увеличении количества потенциальных туристов через освещение и рекламу туристических мест и достопримечательностей. В этом случае для туристических СМИ важно создать максимально полную и занимательную информацию, которая должна передаваться через разные средства массовой информации - газеты, радио, телевидение, Интернет. Они призваны рассказывать не только о туруслугах, но также оповещать о культурных мероприятиях (выставках, конкурсах, конференциях) и спортивных программах (матчах, соревнованиях, чемпионатах). Туристические медиа, направленные на привлечение иностранных туристов, должны выполнять следующие функции:

- 1) создавать положительный имидж страны;
- 2) предоставлять объективную информацию о событиях, которые могут повлиять на посещаемость туристами исторических и культурных достопримечательностей страны;

3) знакомить с выгодными условиями и интересными предложениями предоставления туристических услуг;

4) заинтересовать крупных инвесторов в предоставлении программ и проектов развития туристической индустрии на рассмотрение местным властям. Все программы и проекты должны быть объективны и согласованы с местными властями;

5) заблокировать антирекламу и антипропаганду, направленную против страны, занимающейся въездным туризмом;

6) организовать мощную медийную программу, периодически транслирующуюся в СМИ с целью своевременно информировать потенциальных туристов о развитии индустрии туризма, и тех, кто регулярно посещает страну, а также создавать новые туристские объекты для иностранных туристов.

Для подкрепления разрекламированного бренда Российской Федерации необходимо создание квалифицированных кадров. Такой опыт Россия имеет. Так, за период с 1956-го по 1990 г. в Советском Союзе была создана многоступенчатая школа подготовки гидов-переводчиков, которые очень быстро стали одними из лучших в мире. В основу системы подготовки и переподготовки кадров для туризма были положены принципы непрерывности обучения и постоянного углубления и обновления знаний, навыков и умения вести информационно-экскурсионную работу с иностранными туристами». Также нужно обратить особое внимание на страны с развитой туристической индустрией, не только на их уровень организации, но и на ее структуру. В этом плане можно предложить рассмотреть политику государства Египта в развитии туристической индустрии своей страны в 70-80-е гг. XX в. При поддержке государства была создана компания «Маср ас-сияха» («Туристический Египет»), которая обладала своим транспортным парком, гостиницами и др.

Государство должно активно участвовать в продвижении своего национального туристического продукта, поскольку впечатления от туристической поездки остаются в памяти каждого туриста, и по возвращении на Родину впечатления передаются родственникам, знакомым. Тем более, что о самых приятных воспоминаниях рассказывать хочется более подробно и интересно. Это является мощной пропагандой для страны, которую они посетили.

Государство, средства массовой информации, работники туристической индустрии играют разные, но взаимозависимые роли в повышении индивидуальной и социальной ценности туризма.

Для того, чтобы средства массовой информации и информационные центры начинали играть активную роль в маркетинге международного туризма, необходимо:

1. создать поэтапный программный проект (запланированный на конкретный период); план должен быть многоступенчатый (3-летний или 5-летний план);

2. открыть информационные центры, ценность которых заключается в том, что они могут показать постоянный результат;

3. обеспечить активное информационное поле между руководителем проектов и информационными центрами;

4. наладить активное использование возможностей спутниковых каналов и Интернет, при помощи которых информация очень быстро распространяется по всем странам мира (включая спутниковые каналы по туризму и новостные спутниковые телеканалы – такие, как Russia Today, BBC, EuroNews, Al-Jazeera, Nile TV и др.

5. для развития новых туристических проектов нужно обращаться к международным туристским организациям, которые содействуют развитию туризма, такие как (организация IUOTO (The International Union for official tourism (с 1925 г.), а также организация WTO (World Tourism Organization) и AIT (Люксембург, с 1898 г.) которая объединяет 135 стран.

В России спутниковое телевидение - развивающаяся отрасль. Что касается развития спутникового телевидения по отношению к сферам туристической деятельности, идет поиск новых форм работы, расширение сферы предложения и углубление его специализации. Информационные материалы о туризме призваны осуществлять,

прежде всего, культурно-просветительскую миссию: учить местное население искусству общения с туристами, расширять представления людей о быте, культуре и истории других народов мира. Все это может положительно отразиться как на развитии рынка местного народного промысла, так и на улучшении инфраструктуры городов – туристических центров.

Список литературы

1. Экономика и организация туризма: международный туризм / Под ред. И.А. Рябовой.- М.: КНОРУС, 2007. – С. 210.
2. Абдель Вахед Э. А. М. Роль телевизионных спутниковых каналов в формировании культуры туризма: Дис. к.ф.н. – Казань, 2011. – С. 118-119.
3. Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П., Лучинский Ю.В., Станько А.И. История мировой журналистики. Москва: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. 432 с.
4. Телевизионная журналистика. М.: Изд-во Моск. Ун-та: Наука, 2005. 368 с

ORGANIZING THE PROMISING DIRECTIONS OF TOURISM IN RUSSIA WITH MASS MEDIA

E. A. M. Abdel Vahed

Kazan State Research Technological University

*e-mail:
karnake2005@yahoo.com*

Modern tourism is a significant sector of economic development of any country. The author claims the need to study and development of tourism based on understanding the importance of cultural and cognitive activity, the need to create conditions for the implementation of the cultural needs of the person in the knowledge of history, religion, traditions and characteristics of their way and style of life, in general - other cultures. In this aspect there is a challenge to attract the general public to cooperate with other cultural communities.

Using television broadcast for the development of tourism industry confirmed that such information would be in demand as the audience, and those who engaged in "recreational" business. The article discusses effective methods of organization of inbound tourism in the territory of the Russian Federation.

Keywords: tourism, Russia, the media, TV, satellite channel.

УДК 070.447:78

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТЕЛЕВИЗИОННОГО КРИТИКА СЛАВЫ ТАРОЩИНОЙ

Р. П. Баканов

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

*e-mail:
rbakanov@yandex.ru*

В статье представлены результаты исследования ценностных ориентиров, проявляющихся в творчестве российского телевизионного критика Славы Тарощиной. На основе стилистического и контент-анализа ее публикаций, изученных за 4,5 года, выявлены 12 разных ценностных проявлений, важных, на взгляд телекритика, в практике функционирования современных СМИ и прежде всего ведущих федеральных телекомпаний. Наиболее часто встречающимися из них: честное и объективное информирование аудитории, уважение журналистами взглядов, которых придерживаются их собеседники, необходимость подготовки качественных телепередач, а также недопустимость политической ангажированности журналистов.

Ключевые слова: Слава Тарощина, телевидение, телевизионная критика, ценность, качество, объективность, честность, оценка, «Газета.ру», «Новая газета».

В предыдущей статье [1] мы выявили и проанализировали качество творческого почерка телевизионного критика федеральных изданий «Газета», «Газета.ру» и «Новая газета» Славы Тарощиной. Данная работа является продолжением начатого нами ранее исследования стиля указанного автора. Под «телевизионной критикой» мы понимаем часть медийной критики – области журналистики, которая стала предметом научного осмысления в России относительно недавно. Профессор НИУ БелГУ А. П. Короченский дал следующее определение медиакритики: «область современной журналистики, осуществляющая критическое осмысление и оценку медиатекста, всего комплекса проблем социального функционирования масс-медиа. ... Призвана помочь обществу в познании новых реалий и тенденций в деятельности СМИ. Она является одновременно и своеобразным способом рефлексии, самопознания современной печатной и электронной прессы, и общественным зеркалом, которое призвано отражать «блеск и нищету» средств массовой информации, оказавшихся в рыночной среде» [2]. Исходя из приведенной формулировки, телевизионная критика представляет собой творческую деятельность в целях постоянного оперативного критического осмысления всей современной практики регулярного телевизионного вещания. Телевизионный критик – субъект, который осуществляет данную деятельность и знакомит аудиторию посредством СМИ с результатами своих текущих наблюдений. При этом его выводы не претендуют на универсальность, а являются всего лишь мнением конкретного человека.

Цель статьи: выявление ценностных ориентиров в публикациях телевизионного критика Славы Тарощиной. Достижение поставленной цели предполагает выполнения следующих *задач*:

- 1) классификация статей С. Тарощиной по проблемно-тематическим направлениям;
- 2) выявление оценочной палитры публикаций телекритика (как общей преобладающей, так и конкретно по годам исследования);
- 3) проведение контент-анализа и стилистического анализа выступлений С. Тарощиной с целью установления содержащихся в них ценностных ориентиров автора и уточнения их формулировок, а также поиска лексико-стилистических конструкций, направленных на убеждение;
- 4) определение ценностных ориентиров, выявленных в творческих работах С. Тарощиной в «Газете», «Газете.ру», «Новой газете» и их сравнительный анализ;

5) составление рейтинга ценностных предпочтений автора как, во-первых, в зависимости от периодического издания, в котором он публиковался; во-вторых, отдельно по каждому году выполнения исследования; в-третьих, общего рейтинга за хронологический период исследования.

Хронологическими рамками исследования является промежуток с 1 января 2009 г. по 1 июля 2013 г. и объясняется тем, что в это время С. Тарошина регулярно выступала в «Газете.ру» и «Новой газете» с обзорами, комментариями тенденций вещания федеральных телекомпаний и рецензиями на телевизионные передачи. В «Газете.ру» телекритик публиковалась еженедельно по средам в рубрике «Мнение», в «Новой газете» – 2-3 раза в месяц в рубрике «Игры с “ящиком”». В 2009 г. С. Тарошина еженедельно выступала с обзорами телепередач на страницах газеты «Газета», но данное издание в конце того же года прекратило существование. Частота публикационной активности данного автора увеличивалась во время избирательных кампаний депутатов Госдумы РФ (октябрь-декабрь 2011 г.) и Президента РФ (январь-март 2012 г.).

Характеристика эмпирической базы. Все три издания, в которых публиковался телекритик в 2009-2013 гг., являются периодическими общественно-политическими СМИ федерального распространения. «Газета» и «Новая газета» – печатные СМИ, «Газета.ру» – обновляемое online-издание. За хронологический период исследования в данных газетах критиком было опубликовано: «Газета.ру» – 143 текста (58,8 % общего объема всех творческих работ С. Тарошиной за исследуемый период), в «Новой газете» – 76 (31,2 %), в «Газете» – 24 материала (9,8 %). Всего нами было выявлено и изучено 243 публикации, содержащие авторские оценки телепередач и анализ практики вещания современных федеральных телекомпаний («Первого канал», «России 1», «НТВ», эпизодически «ТВ Центра» и «РЕН ТВ»).

Объектом нашего исследования стали публикации телевизионного критика Славы Тарошиной, содержащие оценку телеконтента и практики федерального телевидения, в трех общероссийских указанных выше СМИ.

Предмет исследования – ценностные ориентиры в творчестве телевизионного критика Славы Тарошиной.

При выполнении исследования мы применили такие *методы*, как:

а) сплошной *мониторинг* указанных выше периодических изданий на наличие в них публикаций, автором которых стала С. Тарошина, содержащих анализ телепередач, работу творческого коллектива или тенденций организации практики современного вещания. Информационные материалы, в которых сообщалось о тех или иных новостях федеральных телекомпаний или о жизни телевизионного «закулисья» (они были в каждом из выбранных для изучения СМИ), интервью с известными телевизионными личностями нами не рассматривались;

б) *контент-анализ* выявленных статей данного автора, с помощью которого мы установили наличие в них определённой проблематики, а также субъективных представлений С. Тарошиной о должном и недопустимом в работе тележурналистов;

в) *лексико-стилистический анализ* публикаций указанного телекритика - для того чтобы выявить лексические единицы и стилистические конструкции, используемые им для усиления аргументаций в пользу формирования той или иной оценки, а также для выявления с помощью данных лексических единиц и конструкций и формулирования ценностных ориентиров, проявляющихся в творчестве телекритика С. Тарошиной;

г) *сравнительно-сопоставительный метод*, позволивший определить: во-первых, конкретные проявления тех или иных ценностных ориентиров в творчестве С. Тарошиной с попыткой дальнейшей формулировки каждого из них; во-вторых, установить, какие лексико-стилистические конструкции использовал телекритик для объяснений и разъяснений конкретных своих ценностных предпочтений и, в-третьих, установить рейтинг ценностных ориентиров, содержащихся в публикациях обозрева-

теля как в зависимости от изданий, в которых она публиковалась, так и за общий период исследования;

д) *метод анализа количественных данных*, с помощью которого мы установили соотношение публикаций и определенных ценностных ориентиров, проявлявшихся в творчестве данного телевизионного критика.

В современных федеральных печатных СМИ телевизионная критика представлена эпизодически: еженедельные колонки публикуются в «Новой газете» (авторами являются И. Петровская и С. Тарощина), «Газете.ру» (С. Тарощина), «Российской газете» (Ю. Богомолов), «Московском комсомольце» (А. Мельман), «Литературной газете» (А. Кондрашов, О. Пухнавцев и другие), «Труде» (С. Беднов), «Комсомольской правде» (П. Садков, Я. Коробатов, А. Гусятинский, В. Львова), до 1 марта 2013 г. - в «Коммерсанте» (А. Бородина). Как показали наши наблюдения, наличие значительного количества авторов редко обеспечивало разнообразие фактов и мнений: в поле зрения большинства критиков часто попадали и попадают одни и те же информационные поводы, обобщения если и делаются, то на ограниченном материале. Развернутых и вдумчивых рецензий на телепередачи, тематических обзоров и комментариев практики вещания федеральных телекомпаний в газетах из-за введенных редакциями ограничений на объемы текстов не осталось, их можно встретить в профессиональных изданиях («Искусство кино», «Журналист») или толстых литературных изданиях, не имеющих массовой аудитории. Телекритику сегодняшнего дня можно сравнить с конвейером, который несет в народ в основном факты развлекательного и/или скандального характера. К сожалению, все чаще критика телевещания подменяется мини-зарисовками о «звездах» голубого экрана, интервью с ними повествуют не столько о работе и творческом совершенствовании, сколько о личной жизни, рейтинге и гонорах. Нестандартные, самостоятельные высказывания, сочетающиеся с образностью языка, читателям приходится искать (при условии, что у них есть потребность в аргументированной и объективной критике).

Мы считаем, что данной тенденции можно противопоставить творчество Славы Тарощиной. Она давно выступает в различных СМИ с анализом практики функционирования федерального телевидения. В предыдущей статье мы выявили, что телекритик не ограничивается констатацией фактов из собственных наблюдений за телеконтентом, а сопоставляет их, обобщая и стараясь ответить на вопросы: «почему так происходит?» и «кому это выгодно?». В ее выступлениях, как правило, актуализируются социальные проблемы современного общества. В связи с этим, *практическая значимость* настоящей работы нам видится, во-первых, в том, чтобы выявить позицию данного телевизионного критика, его представления о хорошем и плохом, сквозь призму которых обычно происходит интерпретация практики вещания телекомпаний. Во-вторых, для нас представляет интерес выявить в публикациях С. Тарощиной использование лексических средств и стилистических конструкций, с помощью которых она старается оказывать убеждающее воздействие на читателя - потребителя медийных текстов, как правило, не профессионала в медийной области

Несмотря на то, что каждый из российских телевизионных критиков в своих статьях опирается на определенные ценности (как общечеловеческие гуманитарные, так и профессиональные), на наш взгляд, в научной литературе данной проблеме в настоящее время уделяется очень мало внимания. Медийная (в том числе и телевизионная) критика как область журналистики в нашей стране привлекла к себе внимание отдельных исследователей лишь на рубеже 1990-2000 гг. Спустя более десяти лет после издания А. П. Короченским монографии «“Пятая власть”? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка» [2], российская критика СМИ по-прежнему интересна в научном плане лишь некоторым отечественным исследователям (А. В. Федорову [3], С. А. Муратову [4], А. Г. Качкаевой [5], А. А. Садовникову [6], О. И. Чиненовой [7]), в том числе и нам. Сейчас телевизионная критика занимает определенное место в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (передачи «Человек из те-

левизора» и эпизодически «Телехранитель», хотя несколько лет подряд ранее была представлена и на радио «Свобода», «Маяк», «Русская служба новостей» (здесь автором еженедельных телеобзоров являлась С. Тарощина)). Несмотря на это, как показывают наши наблюдения, в научных работах продолжается уточнение и конкретизация задач и функций критики СМИ, а также выявление ее жанров, тогда как творческому почерку обозревателей, качеству аргументации в их текстах, используемым стилистическим и выразительным средствам внимания уделяется, на наш взгляд, недостаточно.

Из каких слагаемых формируется та или иная позиция критика? Каковы его жизненные взгляды, ведь от них зависят проявляющиеся в публикациях представления о скверном и должном? Необходимо иметь больше исследований указанных проблем с акцентом именно на повседневную практику телекритики в отечественных изданиях.

Публикации о ценностных ориентирах в телевизионной критике, как правило, встречаются в профессиональных журналах («Журналист», «Журналистика и медиарынок») и в «Комсомольской правде». Поводом для их появления являются ситуации, когда кому-либо из журналистов-практиков не нравилось опубликованное в прессе мнение о его творческом проекте. Однако и в таких случаях дальше эмоциональных выпадов, как правило, в сторону телекритика, дело не заходило [8]. Возможно, так происходило из-за публицистической направленности изданий, где конфликт и чувства важнее научного обоснования.

За хронологический период исследования мы выявили всего 245 публикаций С. Тарощиной в трех федеральных СМИ. Ниже представлены результаты предпринятой нами классификации выступлений телекритика по нескольким сформулированным нами тематическим направлениям, в зависимости от преобладающей темы статьи.

Таблица 1

Классификация публикаций С. Тарощиной по проблемно-тематическим направлениям за период 2009-2013 гг.

№№	Наименование тематического направления	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.*	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	«Политическая жизнь страны на телеэкране»	5	33	40	39	10	126
2.	«Рецензии (реплики) на телепередачи»	15	11	7	8	3	44
3.	«Творческие портреты тележурналистов»	5	7	5	6	–	23
4.	«Анализ главных событий теленедели»	2	5	4	3	2	16
5.	«Низкий художественный уровень телевизионных передач»	8	2	–	1	1	12
6.	«Возможные социальные эффекты и последствия от просмотра телепередач аудиторией»	5	4	2	–	–	11

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
7.	«Проблемы информационного телевидения»	4	2	–	–	–	6
8.	«Развлечения на телеэкране»	2	–	–	1	1	4
9.	«Спорт в телевизионной повестке дня»	1	1	–	–	–	2
10.	«Качество телевизионной рекламы»	–	–	1	–	–	1
	Всего публикаций	47	65	59	57	17	245

*Период мониторинга статей С. Тарощиной в 2013 г. составил шесть месяцев: с 1 января по 1 июля. Классификация проблемно-тематических направлений представлена в порядке от наибольшей к наименьшей значимости для телекритика.

Как видно из Таблицы 1, больше всего телекритика интересовали темы, связанные с освещением политической проблематики в эфире федеральных телекомпаний. Например, часто предметом ее внимания становилось выявление наличия обмана телезрителей со стороны авторов передач в угоду политической конъюнктуре [9] или выявление и последующее изучение манипулятивных приемов, при помощи которых происходит формирование информационной картины событий в сознании аудитории: а) узнаваемости той или иной персоны [10]; б) закрепление у публики представлений о тех или иных качествах, характерных для того или иного политика и/или общественного деятеля [11].

С. Тарощина часто старалась определить и объяснить читателям-телезрителям, какой ей виделась современность в интерпретации корреспондентов ведущих российских телеканалов. В каждой статье – выявление скрытых смыслов, содержащихся в конкретной телепередаче. Например, вот как объяснила телекритик причину выбора телеканалом НТВ ведущего телефильма о первой годовщине работы нового правительства РФ: *«Лучшего автора, чем Вадим Такменев, претендующего (с разрешения начальства) на личную игривую оппозиционность в рамках официоза, не найти. Только он способен изобразить Путина с человеческим лицом, дав тем самым знак новым рассерженным: президент ест по утрам не оппозиционеров, а овсянку с творогом. Весь этот вокзал для двоих (сыр на изысканнейших тарелках “Веджвуд” покрыт целлофановой пленкой, словно взятой напрокат из рязановского фильма) призван был показать главное: снять преграду между креативным классом и президентом так же легко, как освободить сыр от пленки»* [12]. Данный материал был назван «Видимость важнее сущности», что актуализировало проблему, увы, часто встречающейся в стране «показухи», преобладания формы над содержанием, что отражается на контенте телевизионной «повестки дня», поскольку, скажем, в информационных выпусках освещаются не важные для большинства зрителей темы, а только выгодные власти информационные поводы. В итоге у зрителей может исказиться картина реальности. По мнению С. Тарощиной, *«дуализм его стратегии приносит и сегодня дивные плоды. Несвободные люди всегда создают настоящее из элементов прошлого. Оттого Брежнев с завидной периодичностью возглавляет социологические хит-парады лучших вождей державы, вследствие чего его мемориальная доска скоро вновь воссияет на Кутузовском, 26»* [12].

Таким образом, С. Тарощина – главным образом тематический телекритик. В центре ее внимания находится практика освещения федеральными телеканалами политической проблематики. Среди российских телекритиков четко выраженной спе-

циализации нет больше ни у кого. Частично о политике на ТВ в настоящее время пишут И. Петровская («Новая газета») и А. Кондрашов («Литературная газета»), но их статьи представляют собой оперативные отклики на качество еженедельных политических передач с акцентом на журналистскую составляющую: кто был гостем студии, что нового телезрители могли узнать из их выступлений, как вел себя ведущий, чью точку зрения он поддерживал, а чью – нет и т. д.

Второе место после публикаций, выявляющих закономерности освещения политической жизни страны на федеральном телевидении, в творчестве С. Тарощиной за хронологический период исследования занимали отклики на передачи, как правило, около политического содержания. Как видно из Таблицы 1, их почти в три раза меньше, чем выступлений, темой которых стало проявление политики на телеэкране. Это были мини-рецензии или расширенные реплики объемом в среднем 350 газетных строк в «Новой газете» и 80 – в «Газете.ру» на документальные фильмы, сериалы на историческую тематику, очень редко на развлекательные проекты (главным образом праздничные концерты), вышедшие в эфир таких федеральных каналов, как «Первый канал», «Россия 1», «Культура», «НТВ», иногда «Пятого канала». В этих статьях акцент был сделан на выявлении манипулятивных приемов, стилистических конструкций по формированию нужного создателям передач общественного мнения, что позволяло Тарощиной в конечном итоге с разной долей успеха постигать и формулировать читателям свои соображения о тактической и стратегической целях, которые авторы телепередач задумали решить. Проводя экспертизу качества программ, телекритик, обобщая выявленные факты, обращал внимание аудитории на такие проблемы как: узкое культурное пространство, предлагаемое современными федеральными телеканалами [13]; предсказуемость результатов любого публичного политического противостояния [14]; мимикрии в публичном пространстве фальшивого под настоящее [15]; предательство учителей учениками ради их сиюминутного творческого взлета [16]. Вот какую характеристику дала критик современной реальности:

«КВН для Владимира Владимировича – модель идеального мироустройства. Вроде бы демократия, но очень-очень управляемая. Вроде бы свобода, но ограниченная стальными рамками.

Вроде бы дух спортивной состязательности, но почти всегда с предсказуемыми результатами. Вроде бы культ молодости и веселья, но как органично в него вписывается тот же Масляков и члены жюри. Вроде бы ничего специально не делаешь, а вокруг атмосфера счастья, единомыслия, благодарности... Так что время Путина – один сплошной КВН. Именно из кавээновской эстетики, лихой, броской, незатейливой, черпаются основные приемы завоевания электората – от бадминтона с амфорами и стерхами до борьбы с коррупцией и оппозицией в жанре “домашнего задания”» [14].

На остальные проблемно-тематические направления телевизионный критик обращала внимание лишь эпизодически по информационным поводам: проявление каждого из них в телепередачах федеральных телекомпаний.

Контент-анализ статей С. Тарощиной позволил нам определить, что преобладающей оценкой практики функционирования телевидения стала негативная оценка (из 243 публикаций, выявленных нами за 2009 – первую половину 2013 гг., отрицательно окрашенными являлись 189, что составляет 77,7 % от общей численности выступлений телекритика за период исследования). Творческих работ с поддержкой тенденций вещания федеральных телекомпаний было меньше всего (17 статей = 7 %), 37 материалов телекритика (15,3 %) содержали в себе как отрицательную, так и положительную оценки телевизионному контенту без преобладания одной из них. Данные тексты мы отнесли к выступлениям без оценки (нейтральным работам).

Контент- и лексико-стилистический анализы публикаций С. Тарощиной, а также метод сравнительного анализа текстов позволили нам выявить и сформулировать несколько конкретных значимых для данного автора ценностных проявлений

(ориентиров). Каждое из них определено на основе содержащейся в творческих работах интерпретации тех или иных проблем и оценочного отношения к ним со стороны С. Тароциной. Изучив суждения критика о том, чего в «репертуаре» современного телевидения быть не должно, мы по используемым ею в статьях лексико-стилистическим конструкциям, применяя метод лексико-стилистического анализа, попытались определить, чего, на взгляд критика, в нынешнем телеконтенте и работе конкретных журналистов не хватает. То есть, если С. Тароцина, к примеру, писала об искажениях в подаче информации со стороны тех или иных журналистов или телеканала вообще, то мы на основании данной претензии формулировали ценностный ориентир «Честное, объективное информирование аудитории». Если она была недовольна тем, как на телевизионном экране представлены образцы отечественной классики (фактологические несоответствия в телепередачах, искажение исторических реалий в угоду политической конъюнктуры), то это становилось поводом к тому, чтобы выявить и обозначить такие ценностные ориентиры, как: «Изучение классики тележурналистами» и «Память журналистов о ключевых моментах истории». Обращая внимание на контекст каждой публикации, мы старались определять ценностные ориентиры исходя из того, за что Тароцина критиковала содержание федеральных телеканалов. В итоге нами было выявлено 12 ценностных ориентиров телевизионного критика, каждый из которых был сформулирован как можно конкретнее.

Перечень ориентиров телекритика представлен в табл. 2. Наши формулировки ценностных ориентиров носят дискуссионный характер и могут быть скорректированы в ходе дальнейших исследований.

Таблица 2

**Ценностные ориентиры в авторской позиции
телевизионного критика С. Тароциной***

№№	Формулировка ценностной ориентации / год	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.**	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Уважение мнения / позиции собеседника со стороны корреспондента / телеведущего	29	49	37	20	9	144
2.	Честное, объективное информирование аудитории	14	37	34	45	12	142
3.	Внимание к обычному человеку труда	33	20	18	30	6	107
4.	Недопустимость политической ангажированности тележурналистов	25	26	15	30	9	105
5.	Новые идеи и средства их воплощения со стороны авторов телепередач	15	11	17	20	–	63
6.	Самостоятельное, нестандартное мышление авторов телепередач	–	9	12	–	3	24
7.	Память журналистов о ключевых моментах истории	5	12	1	5	–	23
8.	Свобода творческого самовыражения	2	12	–	–	–	14
9.	Неприкосновенность частной жизни	7	–	–	–	–	7

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
10.	Изучение классики журналистами	2	–	–	–	2	4
11.	Диалог со зрителем в телепередачах	–	2	–	–	–	2
12.	Недопустимость кровопролития, мирное решение проблем	–	–	–	2	–	2
	Всего	132	178	134	152	41	637

*Ценностные ориентиры указаны в порядке убывания. В одной публикации С. Тарошиной могли содержаться один или несколько ценностных ориентиров (не более трех).

**Период мониторинга статей С. Тарошиной в 2013 г. составил шесть месяцев: с 1 января по 1 июля.

В следующих двух таблицах указаны ценностные ориентиры телекритика Славы Тарошиной, содержащихся в ее публикациях в «Газете», «Газете.ру» и «Новой газете» за период настоящего исследования.

Таблица 3

**Ценностные ориентиры в авторской позиции
телевизионного критика С. Тарошиной
(выступления в газете «Газета» и на сайте «Газета.ру»)***

№№	Формулировка ценностной ориентации / год	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Всего
1.	Уважение мнения / позиции собеседника со стороны корреспондента / телеведущего	29	27	21	11	2	90
2.	Честное, объективное информирование аудитории	14	22	22	23	5	86
3.	Внимание к обычному человеку труда	33	16	10	17	2	78
4.	Недопустимость политической ангажированности тележурналистов	25	6	4	16	5	56
5.	Новые идеи и средства их воплощения со стороны авторов телепередач	15	7	8	13	–	43
6.	Память журналистов о ключевых моментах истории	5	8	–	3	–	16
7.	Самостоятельное, нестандартное мышление авторов телепередач	–	7	4	–	1	12
8.	Свобода творческого самовыражения	2	6	–	–	–	8
9.	Неприкосновенность частной жизни	7	–	–	–	–	7
10.	Изучение классики журналистами	2	–	–	–	1	3
11.	Диалог со зрителем в телепередачах	–	1	–	–	–	1
	Всего	132	100	69	83	16	400

*Ценностные ориентиры указаны в порядке количественного убывания. В одной публикации С. Тарошиной могли содержаться один или несколько ценностных ориентиров (не более трех).

Таблица 4.

**Ценностные ориентиры в авторской позиции
телевизионного критика С. Тароциной (выступления в «Новой газете»)***

№№	Формулировка ценностной ориентации / год	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Всего
1.	Честное, объективное информирование аудитории	15	12	22	7	56
2.	Уважение мнения / позиции собеседника со стороны корреспондента / телеведущего	22	16	9	7	54
3.	Недопустимость политической ангажированности тележурналистов	20	11	14	4	49
4.	Внимание к обычному человеку труда	4	8	13	4	29
5.	Новые идеи и средства их воплощения со стороны авторов телепередач	4	9	7	–	20
6.	Самостоятельное, нестандартное мышление авторов телепередач	2	8	–	2	12
7.	Память журналистов о ключевых моментах истории	4	1	2	–	7
8.	Свобода творческого самовыражения	6	–	–	–	6
9.	Недопустимость кровопролития, мирное решение проблем	–	–	2	–	2
10.	Изучение классики журналистами	–	–	–	1	1
11.	Диалог со зрителем в телепередачах	1	–	–	–	1
	Всего	78	65	69	25	237

*Ценностные ориентиры указаны в порядке количественного убывания. В одной публикации С. Тароциной могли содержаться один или несколько ценностных ориентиров (не более трех).

Из приведенных таблиц также видно, что в своем творчестве телекритик С. Тароцина регулярно обращала внимание на профессиональные качества тележурналистов (как корреспондентов, ведущих телепередач, так и руководителей телекомпаний), оценивая их работу с точки зрения внимательного телезрителя. Телезрителя, для которого важно качество получаемой информации. Поэтому экспертизу телевизионного содержания она осуществляла по базовым критериям деятельности журналиста: актуальность сообщаемых сведений, объективность подачи информации, уважительное отношение журналистов к взглядам их собеседников, союлюдение профессиональной этики. Обратим внимание, насколько впереди по отношению к остальным по количественным показателям первые четыре ценностных ориентира (Таблица 2).

Мы считаем, что каждый из них представляет собой требование критика к журналистам в контексте уважительного их отношения к аудитории. Едва ли не в каждой своей работе С. Тарошина напоминала читателям: телевидение в России – больше, чем просто канал информации: «Телевизор влияет на российскую жизнь вне зависимости от того, смотрим мы его или нет», – уверена она [17]. Более года спустя телевизионному содержанию была дана еще одна отрицательная оценка, причем уже в заголовке: «Свобода слива вместо свободы слова» [18]. В статье содержалась констатация проблемы, актуальной для современной телекритики: необходимость расшифровки и объяснения аудитории важных политических сигналов вместо анализа качества передач. «Что же делать, если сегодня львиная доля информационного пространства состоит именно из слива, виртуозно отвлекающего граждан от реального положения дел?» – задала в начале 2013 г. риторический вопрос С. Тарошина [18].

В табл. 5 представлено соотношение количества публикаций телевизионного критика с общей численностью содержащихся в ее статьях ценностных ориентиров (отдельно по каждому году исследования).

Таблица 5.

Соотношение количества публикаций телевизионного критика с ценностными ориентирами

Издание	Статьи / год издания	2009	2010	2011	2012	2013*	Всего за период исследования
«Газета»	Всего статей (кол-во)	24	–	–	–	–	24
	Всего ценностей (кол-во)	66	–	–	–	–	66
«Газета.ру»	Всего статей (кол-во)	24	42	36	34	7	143
	Всего ценностей (кол-во)	66	100	69	83	16	334
«Новая газета»	Всего статей (кол-во)	–	22	23	23	8	76
	Всего ценностей (кол-во)	–	78	65	69	25	237

*Период мониторинга статей С. Тарошиной в 2013 г. составил шесть месяцев: с 1 января по 1 июля.

Как следует из табл. 5, каждая статья С. Тарошиной содержала в себе в среднем, как правило, два ценностных ориентира. А вот в 2009 г. показатель был несколько выше: почти три ориентира в одном выступлении (точнее – 2,75). Данный показатель является средней арифметической величиной. В одних выступлениях телекритика содержалось два ценностных ориентира, в других – один, а в некоторых текстах их было три.

Проявляющиеся в творчестве телевизионного критика ценностные ориентиры можно разделить на две группы: обращенные к личности тележурналистов и обращенные к телевизионному содержанию в целом. В первую группу мы относим такие ориентиры, как: «Уважение мнения / позиции собеседника со стороны телеведущего», «Честное, объективное информирование аудитории», «Недопустимость политической ангажированности тележурналиста», «Новые идеи и средства их воплощения со стороны авторов телепередач», «Самостоятельное, нестандартное мышление авторов телепередач», «Память журналистов о ключевых моментах истории» и «Изучение классики тележурналистами». Ко второй группе мы отнесли оставшиеся пять ценностных проявлений телекритика.

Рассмотрим подробнее каждую из двух указанных групп ценностных ориентиров. Ранее мы установили, что данный телекритик исследовала телевизионное содержание прежде всего с точки зрения встроенности его фактов и тенденций в политический контекст. Хронологический период исследования можно разделить на две части: до выборов депутатов Государственной Думы РФ и Президента России (январь 2009 г. – середина марта 2012 г.) и после выборов (вторая половина марта 2012 г. – 30 июня 2013 г.) Данные важные для нашей страны политические события получили освещение в статьях телевизионного критика, которого интересовало качество телевизионного контента и профессионализм журналистов в условиях их деятельности в рамках сформулированного кремлевскими идеологами заказа на победу партии власти и кандидата Владимира Путина.

Контент-анализ показал, что С. Тарощина в итоге осталась недовольной профессиональной деятельностью журналистов в условиях, как она сама охарактеризовала, «тотальной зачистки информационного пространства» [19]. Изучая и интерпретируя содержание трех наиболее рейтинговых федеральных телеканалов («Первого», «России 1» и НТВ), всегда в центре ее внимания было профессиональное поведение журналиста (как обычного корреспондента, так и телеобозревателя, и телеведущего), проблема его нравственного выбора, например, между пропагандой достижений власти и кандидатов в депутаты и формированием реальной картины действительности. В связи с этим, мы считаем, что выявленные нами ценностные ориентиры С. Тарощиной следует рассматривать еще и в этическом аспекте.

Представленные в Таблице 2 первые четыре ценностных ориентира С. Тарощиной – апелляция именно к соблюдению тележурналистами профессиональной этики журналиста. Под ориентиром, сформулированным нами как «Необходимость качественных передач», телекритик понимала: а) производство оригинальных, а не скопированных с зарубежных телеканалов проектов; б) необходимость создавать произведения, направленные на развитие духовного мира аудитории, которые бы просвещали ее в культурном отношении, а не только бы показывали успешных «звезд» политики и шоу-бизнеса. Пока что, на взгляд телекритика, в этом направлении у нас – застой: *«Кроме бесконечных звезд в шопе (не считая еще более бесконечной газовой войны) нам вот уже месяц решительно ничего не показывают. Такого еще не бывало. ТВ от комы не очнулось. Уж на что мал и непригляден ассортимент разговорных и аналитических форматов, но и он исчез из эфирной сетки... Ощущение такое, что газ перекрыт не только Европе, но и родному ТВ»*, – констатировала С. Тарощина в 2009 г. [20]. Спустя три с половиной года, в начале 2013-го, по ее словам, в телеконтенте ничего не изменилось: *«Норме отчаянно сопротивляется абсурд. Несколько лет назад певица Глюкоза предложила свежие стандарты патриотизма: “Танцуй, Россия, и плачь, Европа, а у меня самая, самая красивая попа”. Затем хит забыли, а в новогоднюю ночь снова вспомнили. За неимением других поводов для гордости мы еще долго будем гордиться попой Глюкозы»* [21].

Однообразие содержания федеральных телеканалов, особенно в развлекательном сегменте телеэфира, на взгляд С. Тарощиной, ведет к тому, что аудитория постепенно начинает искать новые способы получения информации, например, посредством Интернет-сайтов. Чтобы удержать зрителя, необходимы новые идеи и средства их воплощения (ценностный ориентир № 5), существует потребность в передачах оригинальных форматов, способных увлечь телезрителей. Какие конкретно форматы нужны – об этом телекритик не писала. Мы считаем, что, обозначая необходимость создания качественных передач наряду с новыми творческими идеями и средствами их воплощения, С. Тарощина позволяет нам говорить о том, что ее можно назвать последовательницей взглядов первого телекритика в СССР В. Саппака, который еще в 1960 г. в своей первой статье, содержащей критический взгляд на телевизионное содержание, высказал мысль о том, что *«у работников телевидения есть только один способ привлечь внимание зрителя – сделать свои передачи интересными»* [22, с. 177].

Ценностные ориентиры, занимающие в Таблице 2 первые четыре места, на наш взгляд, являются следствием тенденции выхолащивания из федерального телеэфира аналитики, нестандартных рассуждений, которые способны сделать яркие, харизматичные личности. Данную тенденцию С. Тарощина выявила задолго до выборов депутатов Госдумы: в начале осени 2009 г. Обратившись к Таблицам 2 и 3 (поскольку в 2009 г. телекритик сотрудничала с газетой «Газета» и сайтом «Газета.ру»), мы увидим, что такие ценностные ориентиры, как «Уважение мнения / позиции собеседника», «Честное, объективное информирование» и «Недопустимость политической ангажированности тележурналиста» в творчестве телекритика проявлялись достаточно регулярно. Это дает нам повод к выводу о том, что уже в середине 2009 г. С. Тарощина была неудовлетворена качеством содержания и профессионализмом журналистов ведущих (по рейтинговым замерам) тройки федеральных телекомпаний.

По мнению телекритика, демонстрируемый журналистами невысокий уровень профессионализма обусловлен политическим заказом со стороны кремлевских идеологов. Требовалась не объективная, а дозированная, исключительно положительная информация о партии власти и т. д. Несмотря на то, что, как видно из Таблицы 1, тематическое направление «Политическая жизнь на телеэкране» в 2009 г. было четко представлено лишь в пяти публикациях телекритика, его проявления выявлены нами в других направлениях, таких как: «Анализ главных событий теленедели», «Низкий художественный уровень телепередач», «Рецензии (реплики) на телепередачи» и «Возможные социальные эффекты и последствия от просмотра телепередач аудиторией». Так, например, в середине 2009 г. С. Тарощина выявила следующую тенденцию федерального информационного вещания, которую отмечала на протяжении всего периода нашего исследования ее статьи: *«Каждый день младшие братья и сестры Андреевой (ведущей программы «Время» на «Первом канале». – Р. Б.) тратят массу сил на то, чтобы не прояснить важные события нашей общей жизни, а, напротив, максимально их затуманить. Мы видим лишь следствие, но ничего не знаем об истинных причинах и мотивах. И это по умолчанию всех устраивает. ТВ регулярно и целеустремленно продолжает унижать зрителей, отбирая у них право на полноценную информацию (об аналитике уже давно и речи нет), но никто при этом не кричит: отечество в опасности! Зато отсутствие привычной картинки, то есть гладко зачесанной, в чем-нибудь немарком и непременно приталенном Андреевой, вызывает шквал откликов»* [23].

В данной цитате, на наш взгляд, можно выявить такие ценностные ориентиры телекритика, как: «Честное, объективное информирование аудитории» и «Необходимость качественных передач». К такому выводу мы пришли, исходя из примененных автором лексико-стилистических конструкций, с помощью которых формируется отрицательная оценка телекритика «репертуару» современных федеральных телеканалов. Отрицательная оценка практике телевещания формируется с помощью таких лексических единиц, как «затуманить», «унижать зрителей», «отбирая право», «отсутствие привычной картинки». В публикации, из которой взята цитата, не было конкретных примеров, которые бы позволили читателям самостоятельно определиться со своей позицией по отношению к предмету разговора. Вместо них – рассуждения критика о недопустимом и должном, сделанные на основе регулярных наблюдений за телеэфиром. Но факты телекритик держит в своей памяти, не предлагая и не актуализируя их в сознании читателей. В свою очередь такие лексико-стилистические конструкции текста, как «отбирая у них право на полноценную информацию (об аналитике уже давно и речи нет)», «не прояснить важные события нашей общей жизни, а, напротив, максимально их затуманить» и «ничего не знаем об истинных причинах и мотивах» позволили нам выявить два названных выше ценностных ориентира.

Ценность «Уважение мнения / позиции собеседника со стороны телеведущего» основана на регулярных наблюдениях за качеством популярных ток-шоу, в большей степени политических, чем так называемых социальных. В поле зрения С. Тарощиной

были такие передачи, подразумевающие обсуждение актуальных проблем, как «Честный понедельник» («НТВ»), «Специальный корреспондент», «К барьеру!» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» («Россия 1»), «Гражданин Гордон» («Первый канал»), «Постскриптум» («ТВЦ») и некоторые другие. Большое внимание она уделяла работе в эфире таких ведущих-модераторов, как В. Соловьев, А. Гордон, С. Минаев, А. Мамонтов (с тех пор, как он стал ведущим ток-шоу «Специальный корреспондент»), М. Шевченко, С. Кургинян, М. Максимовская (ее интервью в середине программы «Неделя»). Проводя регулярную экспертизу качества работы указанных персон, С. Тарощина в начале 2011 г. констатировала увеличение количества ток-шоу на политическую тему, а весной 2012 г. (после окончания президентских выборов) выявила сужение политического вещания и сокращение такого рода передач. Одной из ряда претензий к ведущим стало то, что многих из них не проявляют должного уважения и внимания к аргументам участвующих в дискуссии сторон, стараясь самовыразиться, или в открытую поддерживая кого-либо, не давая равного времени оппонентам на представление своей точки зрения по проблеме дискуссии. Еще автор критиковала телеведущих за политическую ангажированность, стремление угодить начальству, наклеивание экспрессивных ярлыков (не всегда справедливых), непостоянность в суждениях и оценках разных явлений действительности и поступков тех или иных персон.

Например, вот как в начале 2012 г. С. Тарощина охарактеризовала работу журналиста телеканала «Россия 1» А. Мамонтова: *«Самый специальный из всех специальных корреспондентов праздновал победу, перебегая из одной передачи в другую. Рассуждал о времени и о себе. Одних своих оппонентов называл либеральной демшизой и пигмеями. Других вроде Марата Гельмана снисходительно хвалил за то, что Гельман признал свою вину — мол, был, был шпионский камень»*.

Особенно красноречиво выглядела попытка Мамонтова провести в своем творчестве водораздел между журналистом и пропагандистом. Именинник путался в показаниях и дефинициях, пока не свернул на столбовую дорогу: *«Может, я что-то и говорил как пропагандист, но не потому, что ловил кайф, а ради дела, всегда в защиту народа и своей страны»* [24].

Мы понимаем, что в данном отрывке из статьи передано авторское восприятие работы журналиста со стороны телекритика и, возможно, в действительности было не совсем так: например, А. Мамонтов назвал оппонентов другими словами. Однако Тарощина из других деталей, наблюдаемых по ходу трансляции эфира, выбрала именно эту, с «либеральной демшизой» и «пигмеями». Как видим, с помощью речевой экспрессии («самый специальный из всех специальных корреспондентов», «перебегая из одной передачи в другую», «путался в показаниях и дефинициях») телекритик формирует отрицательную оценку поведению в кадре А. Мамонтова. Мы считаем, что в первом абзаце цитаты можно выявить два ценностных ориентира С. Тарощиной: «Уважение мнения / позиции собеседника со стороны корреспондента / телеведущего» и «Недопустимость политической ангажированности тележурналиста». Знакомясь с полным текстом публикации, два абзаца которой мы процитировали выше, исходя из политического контекста, сквозь призму которого автор статьи анализировал телевизионное содержание и работу журналистов, мы выявили и такой ценностный ориентир телекритика, как «Необходимость качественных передач».

В доказательство того, что телекритик обращала внимание на профессиональные качества данной персоны не один раз, а регулярно, приведем еще одну цитату из одной из ее статей: *«Триумфатор последних дней, Аркадий Мамонтов с его реабилитированным шпионским камнем, плох для ТВ не потому, что занимается пропагандой, а потому, что оглушительно неталантлив. В нашем отечестве можно и должно для человека государственного распинать на экране Пархоменко, Шендеровича, Парфенова (перечень Мамонтова), называть их либеральной демшизой, пигмеями, которые набрасываются на него, мощного человека (это тоже цитата*

из Мамонтова). Но невозможно прославленному журналисту иметь лексический запас третьеклассника, путать падежи, блуждать в лесу собственных логических построений. ... Умище-то какой! С подобными друзьями режиму можно и без врагов обойтись» [25].

В данной цитате с помощью иронии (пооявляется в двух последних предложениях) также формируется отрицательный образ тележурналиста. Чего, исходя из этого отрывка, не следует делать профессиональному журналисту? Не заниматься пропагандой, не навешивать ярлыков на близких оппозиционной стороне коллег (да и вообще ни на кого), не иметь в кадре проблем с русским языком. Соответственно, ценностные ориентиры телекритика, по нашему мнению, здесь такие: «Уважение мнения / позиции собеседника со стороны корреспондента / телеведущего», «Недопустимость политической ангажированности тележурналиста» и «Честное, объективное информирование аудитории».

Против политической ангажированности телекритик выступила и при формировании оценки профессиональной деятельности Т. Канделаки. Портрет «звезды экрана» получился отрицательным: «И у Познера, и в жизни она мечется пугливым зайцем. Поставила на Путина с Медведевым, пошла в Общественную палату. Но, почувствовав, как стремительно меняется общественный климат, начала торопливо перебежать с одной стороны баррикад на другую. Вчера она блистала на мозговом штурме у Суркова в числе лучших умов великой державы типа Кургуяна с Минаевым и Шевченко с Якеменко. Сегодня она ведет колонну бунтарей на Болотную. Завтра материализуется на встрече поклонников Медведева. Позавтра, когда Медведев уходит в тень, ее уже не видать в сильно поредевшей толпе поклонников. Так она и мечется между Болотной и Поклонной» [26].

Судя по публикациям С. Тарощиной, в условиях, где «ТВ – главный источник и хранитель серости» [25], почти ни о ком нельзя сказать ничего положительного. Значительное количество ее статей за период исследования содержало отрицательную оценку «телерепертуару» и работе журналистов. Исключение составляет впечатление от творческой деятельности Л. Парфенова, В. Познера и О. Романовой, да и то в качестве проятого контраста тому, что приходится видеть на ведущих федеральных телеканалах регулярно: «Она, блестящий комментатор, первой на ТВ стала заниматься глубинным анализом корпоративного государства, того самого, что строилось прямо на глазах у изумленной публики. Ольга не допустила ни одной фальшивой ноты и ушла в 2005-м, когда оставаться в эфире было уже неприлично», – писала критик об О. Романовой [25]. В данной цитате мы можем выявить такие ценностные ориентиры С. Тарощиной, как «Недопустимость политической ангажированности тележурналиста» и «Честное, объективное информирование аудитории».

Ценностные ориентиры «Новые идеи и средства их воплощения со стороны авторов телепередач», «Самостоятельное, нестандартное мышление авторов телепередач», «Память журналистов о ключевых моментах истории» и «Изучение классики тележурналистами» формировались телекритиком, исходя не столько из политического, сколько из творческого угла зрения на содержание телеэфира. Но особенность творческого почерка данного телекритика в том, что исследование тенденций вещания федеральных телеканалов или творческого стиля определенной персоны она пыталась включить в политический контекст, задумываясь на такими вопросами, как: почему идеологи формировали именно такой портрет конкретной личности или действительности; кому выгодно преобладание навязываемой с помощью разных передач определенной точки зрения и т. д. Стараясь ответить или хотя бы дать свои предположения по данным вопросам, телекритик в итоге оценивала многое из увиденного на экране отрицательно. Ценностные ориентиры сформулированы ей в виде претензий к журналистам. Из Таблицы 2 следует, что указанные в начале данного абзаца ценности в общем «рейтинге предпочтений» С. Тарощиной заметно проиграли в количественном отношении по значимости ценностям, сформулированным ей, что называется, в условиях исследования политизированного содержания современ-

ного эфира федеральных каналов. Однако судя по регулярности претензий и экспрессивности лексики при этом, для телекритика они также играли важную роль.

Группа ценностных ориентиров, обращенных к *телевизионному содержанию* в целом, по общей численности проявлений в текстах С. Тарошиной за период проведения исследования почти в четыре раза уступила группе ценностей, обращенных к личности тележурналистов (соотношение 505 проявлений на 132). Ценности, отнесенные нами к данной группе, можно назвать полуабстрактными, не относящимися напрямую к личности телевизионных авторов. Самым значимым из пяти ценностных ориентиров данной группы стал ориентир «Внимание к обычному человеку труда», активно проявившийся во времена затишья политических кампаний и баталий в телеэфире. Из Таблицы 2 видно, что данный ориентир был в повестке дня телекритики, несмотря на выявления ангажированности журналистов. С. Тарошина писала, что ей, телезрителю, уже давно не интересны неискреннее поведение и реплики «звезд» шоу-бизнеса и политики. По словам критика, почти все из них – люди предсказуемые, стремящиеся к собственной выгоде, лицемерящие аудитории. Но, как она считает, федеральному телевидению эти люди нужны, поскольку способствуют повышению рейтинга передач и увеличивают стоимость рекламного времени. Показывать же обычных людей в большинстве случаев невыгодно, за исключением криминальных программ и так называемых социальных ток-шоу, рассказывающих о человеческих пороках и бытовых преступлениях. По мнению С. Тарошиной, сегодня телевидение формирует в основном отрицательные примеры для подражания, только эпизодически предъявляя аудитории интересных личностей, способных интересно рассказать о своем деле, увлечь телезрителей, способствовать популяризации той или иной сферы жизни.

То же мнение у телекритика по отношению к ведущим авторских передач федеральных телеканалов. Автор грустила о личностях, профессионалах, знающих предмет разговора не по словам собеседников, а лично, которых, увы, на протяжении второй половины 2000-х гг. в телепространстве становилось все меньше. «Любая авторская программа интересна индивидуальностью оптики», – писала она осенью 2012 г. [26]. В одной из публикаций телекритик представила мини-рецензию на цикл передач искусствоведа и режиссера А. Смелянского и конкретно на передачу из этого цикла под названием «Мхатчики». Наряду с исследованием творческих достоинств / недостатков проекта, С. Тарошина похвалила и автора и рассказала, чем лично ей интересен его творческий метод и стиль, и почему передач, подготовленных такими авторами-специалистами, должно быть больше:

«Его проекты авторские, стало быть, в высшей степени субъективные, чем и интересны. Смелянский не просто участник процесса, но и непревзойденный рассказчик. Сидит на стуле посреди нижнего мхатовского фойе, позы не меняет, а оторваться от экрана невозможно. Автор обладает редким для мемуариста даром оживлять героев. Здесь и сейчас пребывает великий Смоктуновский, знаток тонкорунных овец (о них он с неподражаемой иронией ведет основополагающие беседы с казахским генсеком Кунаевым); Ефремов, затеявший на ритуальном приеме у министра культуры Демичева, химика по образованию, диспут о пьянстве у Чехова; Эфрос, идущий на закланье в “Таганку” во время вынужденной эмиграции Любимова...

Смелянский умеет тонко переплетать судьбы. Автор с виртуозной деликатностью показывает разную природу дарований Любимова и Эфроса, что не могло не привести к внутренним противоречиям, обернувшимся трагическим противостоянием» [26].

Остальные четыре ценностных ориентира в творчестве телевизионного критика проявлялись крайне эпизодически. Ценность «Свобода творческого самовыражения» была актуальна в 2009-2010 гг., когда в федеральном телеэфире только начались трансформации под предстоящую политическую кампанию по выборам депутатов

Госдумы и Президента России. В то время данная ценность не встраивалась критиком в политический контекст (обслуживание чьих-либо интересов), а понималась исключительно как слагаемое профессиональной работы журналиста, его владение методами эффективной подачи информации. К сожалению, телевизионное содержание быстро изменялось, и вскоре данная ценность перестала проявляться в публикациях телекритика: мы полагаем, что в условиях политического «климата» в стране автор обзоров вынуждена была скорректировать свое предпочтение на ценность «Недопустимость политической ангажированности журналиста». Анализ размещенных в газетах публикаций, написанных после проведения выборов, показал, что все телесобытия С. Тарошина продолжала рассматривать сквозь призму политического контекста, постоянно выявляя новые факты и примеры, когда журналисты превращались в пропагандистов.

Малочисленное проявление ценностного ориентира «Неприкосновенность частной жизни», на наш взгляд, является отголоском информационной волны 2005-2008 гг., состоящей из публикаций, в которых телекритики отрицательно оценивали существующую практику излишнего внимания редакциями популярных ток-шоу к частной жизни знаменитостей. С. Тарошина была солидарна в освещении этой проблемы с другими телеобозревателями [26]. Проведенный нами контент-анализ статей критика показал, что в начале 2009 г., после негативного восприятия нескольких фактов вторжения журналистов в частную и личную жизнь людей (является нарушением профессиональной этики журналиста), автор публикаций откорректировала свое ценностное направление в сторону необходимого внимания СМИ к простому человеку труда. Видимо, так произошло вследствие отсутствия эффективности выступлений, отстаивающих неприкосновенность частной жизни. На федеральных каналах в 2009-2013 гг. увеличилось количество передач, в которых предметом обсуждения стало именно качество жизни известных людей.

Ценности «Диалог со зрителем в передачах» и «Недопустимость кровопролития, мирное решение проблем» проявились в публикациях С. Тарошиной всего по два раза, но первая из них в 2010 г., а вторая – в 2012-м г., в начале февраля, когда в «повестке дня» СМИ фигурировали митинги оппозиции в Москве и других городах страны. Все больше ненависти становилось и на федеральных каналах. В то время телекритик, почувствовав угрозу агрессивного регулирования политической проблемы, призвала аудиторию (читатели «Новой газеты» и «Газеты.ру» следили за новостями с Болотной площади) к недопущению агрессии, желая все решить мирным путем: *«Раньше, полгода назад, эфир струил исключительно зефир, теперь – ненависть. Ее объемы неуклонно нарастают. “Ватников” натравливаются на “норки”, бездарных – на талантливых, этнических русских – на неэтнических русских, путинцев – на антипутинцев...*

Агрессия в кадре становится нормой. Хочется (пока) только одного: чтобы марш несогласных не превратился в фари несогласных», – писала она в январе 2012 г. [24].

Ценность «Диалог со зрителем в телепередачах» выявлена нами в статьях телекритика 2010 г. Мы выяснили, что всего два факта ее проявления – не повод говорить о том, что Тарошиной не важен равный доступ к телеэфире сторонников и оппонентов действующей власти. В отличие от ценности «Уважение мнения / позиции собеседника со стороны корреспондента / телеведущего», данная ценность не была вписана в политический контекст повествования, а представляла собой элемент профессионально-творческого дискурса. Здесь диалог с телезрителем (интерактивность) понимался как один из способов повышения эффективности передач, причем диалог обязательно должен был быть прямым, в форме звонков в студию и ответов экспертов на вопросы, а чаще заочным, интеллектуальным, когда телезритель соглашается / не соглашается с мнением автора телепроекта, принимает или отвергает его аргументы. К сожалению, увеличивающаяся политизированность эфира (телекритик сместила

акценты в сторону анализа приемов формирования параллельной реальности журналистами федеральных телеканалов) и ограниченное место на газетной полосе не позволили С. Тарощиной в дальнейшем актуализировать данный ценностный ориентир в информационном поле публикующих ее медиатексты изданий.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, наличие в каждой публикации телевизионного критика 1-3 ценностных ориентиров, на наш взгляд, говорит о том, что С. Тарощина считала и считает своей задачей не просто критику содержания основных федеральных телеканалов, а вместе с ней и посыл (пусть часто лексически камуфлированный) авторам телепередач и работающим в кадре персоналиям, как, на взгляд критика, им следует работать для повышения эффективности своего труда во взаимодействии с аудиторией и привлекательности передач перед рекламодателем. И пусть взгляд этот был субъективным, но всегда со стороны обычной аудитории, отстаивая ее право на получение качественной, полной и достоверной информации вне зависимости от темы. Мы считаем, что телевизионного критика С. Тарощину можно назвать общественным адвокатом телезрителей.

Во-вторых, несмотря на то, что С. Тарощина освещала в основном политическое направление федеральных каналов (политизированность контента видилась критику едва ли не в каждой передаче и поведении журналистов), большая часть сформированного нами «рейтинга» ее ценностных ориентаций была направлена на укрепление профессиональной составляющей работающих в кадре и за кадром людей. Она понимала, что не только тележурналисты должны регулярно обращать внимание на человека труда, это обязаны делать и телекритики. Ведь именно люди формируют и представляют зрителям картину дня и мира. Контент-анализ показал, что восемь из двенадцати выявленных нами ценностных ориентиров обозревателя написаны по фактам нарушения профессиональной этики телевизионных авторов и сформулированы в виде требований к исполнению. Судя по тому, что годы шли, а претензии критика к работникам телекомпаний практически не менялись, «репертуар» федеральных телекомпаний в целом оставался прежним. То есть можно сказать, что эффективность выступлений С. Тарощиной, на наш взгляд, была невысока.

В-третьих, на ценностные ориентиры в авторской позиции данного телекритика в определенной степени повлияла проводившаяся в стране избирательная кампания по выборам депутатов Госдумы РФ и президента страны. Кульминационным являлся 2010 г., за который в 64 статьях нами было выявлено 178 ценностных ориентиров (в среднем около трех в одной публикации). Весной того года телекритик поняла, что в России неофициально началась избирательная кампания, что немедленно (пусть и неявно пока) сказалось на эфире ведущих федеральных каналов. То, что в составленном нами «рейтинге» первые два места заняли ценностные ориентиры «Уважение мнения / позиции собеседника со стороны корреспондента / телеведущего» и «Честное, объективное информирование аудитории», на наш взгляд, говорит о сложившейся и конкретной позиции телевизионного критика, проявляющейся в необходимости равного представления в повестке дня телеканалов разных (не противоречащих закону) точек зрения, уважительного отношения коллег-журналистов к их носителям. Центральное место в системе ценностей С. Тарощиной занимало объективное информирование аудитории о происходящих в стране и мире событиях. Исследование показало, что обозреватель в своих публикациях не отстаивала традиционные общечеловеческие ценности (коллективизм, семья, трудолюбие, взаимовыручка и т. д.), а сосредоточилась почти на профессиональных качествах корреспондентов и телеведущих. Основываясь на формулировках ценностных ориентиров, можно сказать, что выступления С. Тарощиной обращены более к тележурналистам, чем к обычным читателям. По мнению автора публикаций, если они хотят популярности у телезрителей, им следует работать иначе: прежде всего обратить внимание на жизнь простых людей. Отметим проявляющуюся в использованных лексико-стилистических конструкциях и периодическим

наличием в текстах речевой агрессии бескомпромиссность телекритика в представлении многих выявленных ценностей. Считаем это положительной практикой, определяющей узнаваемый творческий почерк и позицию телекритика среди его аудитории (работники телевидения и обычные граждане, которые регулярно смотрят телевизор).

В-четвертых, в каждой статье С. Тарошина не только выявляла и формулировала те или иные тенденции вещания главных федеральных телеканалов, но и старалась объяснить аудитории, в чем они проявляются и каковы имеющиеся в «арсенале» журналистов конкретные манипулятивные приемы воздействия на общественное сознание при выполнении определенных политических заказов. Критик не уставала повторять, что используемые приемы формирования «телевизионной реальности», как правило, не несли в себе ничего положительного для аудитории. Мы полагаем, что тем самым в ее творчестве реализовывалась просветительская функция медийной критики, суть которой заключается в формировании *«эстетического опыта массовой аудитории, ее способности оценивать содержание и форму медийных произведений через призму требований эстетики»* [2].

Перспективным продолжением исследований в данной области может быть изучение ценностных ориентиров С. Тарошиной до 2009 г., а также определение их эволюции в условиях политического и социально-экономического дискурсов повествования и сравнение с ценностными ориентирами других российских телекритиков. Это может помочь в выявлении уровня эффективности воздействия на аудиторию со стороны каждого автора.

Список литературы

1. Баканов Р. П. Приемы подачи информации в творчестве телекритика Славы Тарошиной // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Выпуск 14. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2012. – № 12 (131). – С. 127 – 136.
2. Короченский А. П. «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. – Ростов-н/Д.: Международный институт журналистики и филологии, 2002. – Доступно также на: URL: <http://old.kpfu.ru/f13/rbakanov/index.php?id=5&idm=0&num=23> (дата обращения 26.02.2014 г.)
3. Федоров А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогических вузов. – М.: Изд-во ВПП ЮНЕСКО, 2007. – 616 с.
4. Муратов С. А. ТВ – эволюция нетерпимости (история и конфликты этических представлений). – М.: Логос, 2001. – 240 с.; Муратов С. А. Телевидение в поисках телевидения: Хроника авторских наблюдений. – М.: ИПК работников телевидения и радиовещания, Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. – 175 с.; Муратов С. А. Я думаю, ты думаешь. – М.: МедиаМир, 2012. – 176 с.
5. Российское телевидение: между спросом и предложением. – В 2 т. / Под ред. А. Г. Качкаевой, И. В. Кирия. – М.: Элиткомстар, 2007. – Т. 1. – 328 с.; Т. 2. – 152 с.
6. Садовников А. А. Литературная и телевизионная критика в Интернете: специфика, типология, принципы взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук; Ивановский гос. ун-т, 2011. – 17 с.
7. Чиненова О. С. История телекритики в России на фоне истории литературной критики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук; Саратовский гос. ун-т. – Саратов, 2006. – 22 с.
8. См., например: Шушарин Д. Апология ящика // Культура. – 2003. – Доступно на: URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=27879 (дата обращения 28.02.2014 г.); Цекало А. Открытое письмо-роман телекритикам // Комсомольская правда. – 2009. – 14 дек. – С. 22.
9. Тарошина С. Мутный плюрализм // Газета.ру. – 2011. – 15 марта. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/3555717.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)
10. Тарошина С. Баланс дуумвиров в эфире // Газета.ру. – 2011. – 22 марта. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/3562369.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)
11. Тарошина С. Телевидение счастья и амнезии // Газета.ру. – 2011. – 23 авг. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/3742693.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)
12. Тарошина С. Видимость важнее сущности // Новая газета. – 2013. – 29 мая. – С.24.

13. Тарошина С. Бабушка Шпет против дедушки Хасана // Газета.ру. – 2013. – 23 янв. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/4937349.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)
14. Тарошина С. Клуб верных и незатейливых // Газета.ру. – 2013. – 10 апр. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/taroschina/5249953.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)
15. Тарошина С. Копия дороже оригинала // Газета.ру. – 2013. – 5 июня. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/taroschina/5367921.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)
16. Тарошина С. Евангелие от блогосферы // Новая газета. – 2013. – 21 янв. – С.24.
17. Тарошина С. Анабиоз-ТВ // Газета.ру. – 2011. – 12 дек. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/3852374.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)
18. Тарошина С. Слобода слива вместо свободы слова // Новая газета. – 2013. – 5 фев. – С. 24.
19. Тарошина С. Право на шепот // Новая газета. – 2012. – 27 июля. – С.24.
20. Тарошина С. Звезды в шопе // Газета. – 2009. – 20 янв. – С.7.
21. Тарошина С. Танцуй, Россия, плачь, Европа // Новая газета. – 2013. – 9 янв. – С.24.
22. Сапжак В. Телевидение, 1960: из первых наблюдений // Новый мир. – 1960. – № 10. – С. 177 – 201.
23. Тарошина С. Апология Андреевой // Газета.ру. – 2009. – 25 авг. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/3240351.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)
24. Тарошина С. Верните Суркова // Газета.ру. – 2012. – 25 янв. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/3974073.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)
25. Тарошина С. Цветная революция – это бунт уставших от серого цвета // Новая газета. – 2012. – 24 янв. – С.24.
26. Тарошина С. Страна по имени никогда // Газета.ру. – 2012. – 3 окт. – Доступно на: URL: <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/4788162.shtml> (дата обращения 26.02.2014 г.)

VALUE MANIFESTATIONS IN THE WRITINGS OF TELEVISION CRITIC SLAVA TAROSCHINA

R. P. Bakanov

*Kazan (Volga river)
Federal University*

*e-mail
rbakanov@yandex.ru*

The article presents a study of values manifested in the works of Russian television critic Slava Taroshina. On the basis of stylistic and content analysis of its publications, studied for 4.5 years, we identified 12 different values manifestations, important, in the opinion of TV critic, in practice the functioning of modern media and above all the main Federal television companies. The most frequently occurring of them are: honest and objective informing the audience, respect for the views journalists adhere to their spikers, the need to prepare high-quality TV shows, as well as inadmissibility of political bias of the journalists.

Keywords: Slava Taroschina, TV, television critic, value, quality, objectivity, honesty, assessment, «Gazeta.ru», «Novaya Gazeta».

УДК 316.77:001.12/18

«СТРАТЕГИЯ ЦИФРЫ» И «СТРАТЕГИЯ БУМАГИ» В ЖУРНАЛЬНОМ БИЗНЕСЕ: КОРРЕЛЯЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ

Е. А. Зверева*Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина**e-mail:
Katyag_2001@mail.ru*

Автор ставит целью оценить существующую в отечественном журнальном сегменте ситуацию кастомизации медиаконтента в контексте совершенствования возможностей трансляции медийного продукта в бумажном или цифровом формате в постиндустриальном (информационном) обществе. Для определения степени эффективности новых медиаформатов в статье предметно анализируются мобильная и iPad-платформы, сайты и интернет-версии журнальных изданий, новые материалы и технологии печати бумажных журналов. В заключении делается вывод о том, что стратегия соперничества бумаги и цифры, когда усилия компаний направлены на развитие одного направления за счет сокращения другого, явно дает эффект «отрицательной корреляции», в то время как очевидная перспектива связана с дуальным развитием бизнеса (бумага+цифра), с установлением «положительной корреляции», при которой увеличение одной переменной связано с увеличением другой.

Ключевые слова: журнальные издания, стратегии, бизнес, медиаформат, цифровые платформы.

Введение

Различные концепции, описывающие контуры нынешнего этапа развития человеческой цивилизации, несмотря на их разнообразие, объединяются общим понятием – «информация». Наиболее отчетливо тезис о том, что информация — ключ к пониманию современного общественного устройства, развивается в теориях постиндустриального общества (Д. Белл, Р. Арон, У. Росту), информационного общества (Э. Тоффлер, Г. М. Маклюэн, М. Кастельс, А. Д. Урсул) и постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, И. П. Ильин). Именно в рамках постиндустриального общества формируется постмодернистское сознание, а сам феномен мультимедийной культуры постмодерна во многом определяется реалиями информационного общества. Согласно устоявшейся теории, постмодернизм определяется как «адекватное духу времени выражение и интеллектуального, и эмоционального восприятия эпохи» [6, с. 2] во всех сферах человеческой деятельности.

Постмодерн выдвигает на первый план личное мнение, значимость мировосприятие любого человека, возвеличивает субъективность и оригинальность. И. Г. Елинер подчеркивает, что «эгоцентризм, пронизывающий эпоху постмодернизма, во многом определяет направленность мультимедийной продукции на удовлетворение инстинктов, желаний, потребностей человека...» [4, с. 76].

Кастомизация медиаконтента и совершенствование возможностей трансляции медийного продукта в постиндустриальном (информационном) обществе трансформировали сущность аудитории потребителей: со-участие аудитории в создании контента СМИ позволяет констатировать сочетание в лице новых потребителей консьюмеров и социальных авторов одновременно – просьюмеров (от англ. Prosumer – professional либо producer + consumer). Слово введено Э. Тоффлером в книге *Третья волна*, где оно употребляется для обозначения новой прослойки населения – «потребителей», самостоятельно конструирующих нужную продукцию, создающих товары и услуги для себя.

По мнению М. Г. Шилиной, «характеристики «игровой» модели поведения, потребления и коммуницирования предполагают активную роль адресата, его высокую вовлеченность и несомненную эмоциональность» [11]. Есть множество вариантов «иг-

ры» с читателем, в ходе которой консьюмер обретает черты просьюмера и вовлекается в построение своего небольшого медиамира. Возникает объективная необходимость в использовании новых медиаформатов трансляции контента на различных платформах: интернет-порталы, социальные сети, мобильная, телевизионная и iPad-платформы. Новые форматы предполагают максимальное адаптирование медиапродукта под конкретного потребителя.

Особенный ракурс нашего исследования заключается в том, чтобы проанализировать имеющиеся на данный момент стратегии журнального бизнеса, применительно к цифровым или бумажным носителям контента.

Преимущества «стратегии цифры»:

многоканальность, интерактивность, сегментированность

«Стратегия цифры» работает в России весьма активно, большинство ведущих глянцевого издания имеет цифровые версии. Например, в 2011 году скачивание электронных версий российского издания *Men's Health* достигло 165 тыс., что составило 6,4 % от его общего тиража [7, с. 28]. Преимуществом «цифры» становится возможность использования сайта не только как платформы для электронной версии издания, но и как площадки для различных проектов. Так, в 2011 году журнал *Psychologies* (издатель **Hearst Shkulev Media**) открывает на своём сайте уникальный проект «Зеленая книга адресов». Цель проекта, разработанного при поддержке экологического сообщества **Ecowiki**, - отмечать все экологически полезные адреса и события Москвы. Как отмечают авторы проекта, «для осуществления добрых намерений нам часто не хватает какой-то мелочи. Например, адреса того места, куда можно сдать макулатуру или батарейки, телефона тех, кто весной приводит в порядок парки и организует посадку деревьев» [5]. *Psychologies* призывает всех, кто следует «зеленым» принципам, участвовать в развитии некоммерческого проекта, отправляя на сайт информацию о недостающих в этом справочнике адресах.

Площадка сайта может использоваться и для более меркантильных целей: проект собственного онлайн-магазина предложил своим читателям журнал *ELLE* (кстати, того же издателя **Hearst Shkulev Media**). Разбавлять чтение журнала можно покупками сразу в трех отделах: Concept Store (одежда и аксессуары молодых дизайнеров), *ELLE Jewelry* (ювелирные украшения), *lash Sales* (распродажи вещей известных марок прошлых коллекций)[13]. Руководство компании считает этот проект важным для распространения бренда *ELLE* и не скрывает, что рассчитывает на коммерческие предложения торговых марок, для которых есть очень «лакомый» кусочек — годами сформированная аудитория, доверяющая мнению журнала.

Несомненно, у цифровых СМИ гораздо больше шансов удержаться на плаву еще и за счет использования интерактивных форм привлечения аудитории и социальных сетей. Одним из первых уловил данную тенденцию журнал *Русский репортер* и обзавелся в июне 2008 г. не только собственным сайтом (сразу же более 2 млн. посетителей в месяц), но и страничкой в ЖЖ («сообщество журнала *Русский Репортер*»), ставшей дискуссионной площадкой, на которой можно «поднять любую актуальную тему и ожидать обратной реакции» [8]. У журнала есть своя страничка *ВКонтакте*, насчитывающая к 2012 г. более 50 тыс. подписчиков, которые получают новости, анонсы номеров «первого общественно-политического издания для активного среднего класса России». У пользователя есть возможность увидеть новый номер журнала, отследить текстовые и визуальные материалы, вызвавшие наибольший интерес.

Новые медиа привлекают не только в различными форумами, комментариями пользователей, «подталкивающими» потребителя к участию в формировании контента. Очень популярны блоги журналистов, которые содержат в себе необходимые характерные черты журналистики, поскольку статьи блогеров-профессионалов полностью отвечают требованиям журналистского текста. Так, на сайте *Русского репортера* в рубрике «Колонка» публикуют свои авторские «размышления на тему» корреспон-

денты отдела культуры Константин Мильчин, Евгений Гусятинский и Наталья Зайцева, корреспондент отдела спорта Вера Михайлова, редактор отдела науки Григорий Тарасевич, заместитель главного редактора Михаил Рогожников и др. На сайте журнала *Огонек* в специальной рубрике «Блог-пост» корреспондент журнала Анастасия Барышникова комментирует блоги о какой-либо одной новости (Огонек: <http://www.kommersant.ru/doc/1882940>). В специальной рубрике «Блог» корреспонденты издания представляют свои авторские блоги, открытые к комментариям и рейтинговым оценкам читателей. Все интерактивные проекты журнала имеют систему взаимных ссылок: так, прочитав на сайте интересный материал, пользователь может «поделиться» им с друзьями в социальных сетях, а так же традиционно оставить свой комментарий. На сайте работает форум *ИД Эксперт*, в котором любой желающий может запустить обсуждение актуальной для него «экспертной» темы.

Отражая общемировую тенденцию к сегментации СМИ, издатели начали формировать специализированные социальные сети для продвижения своих изданий в сообществах по интересам. Так, *ИД Sanoma Independent Media* совместно с мировой социальной сетью для предпринимателей и менеджеров *Viadeo* запустили проект ее российской версии. Комментируя это событие, генеральный директор *Sanoma Independent Media* Елена Мясникова отметила: «Этот альянс идеально соответствует стратегии роста *Sanoma Independent Media* в сфере интернета, стремящегося занять лидирующие позиции в сегменте профессиональных сообществ» [17]. Пример *SIM* – не исключение: действуя по этому же принципу, *ИД Компьютерра* запускает социальную сеть для бизнесменов под названием «Национальная деловая сеть». По словам владельца *ИД Компьютерра* Дмитрия Мендрелюка, «интернет-проект соберет аудиторию больше, чем любое деловое издание в России» [10] и объединит в себе блоги, соцсеть и СМИ для генерации специализированного делового контента.

«Планшетизация» журнальных изданий

С 2010 года процесс цифровизации вышел на качественно-новый виток благодаря новому гаджету - платформе iPad. Это явление, получившее название «планшетизация», порождено, в первую очередь, снижением интереса читателей к бумажным версиям изданий. Одними из самых первых в мире подготовили приложения для планшетов журналы *Wired*, *GQ*, *Vanity Fair*, *The New Yorker*. В России инноватором выступил *Cosmopolitan*, начавший выпускать специальное приложение для iPad, а затем к нему присоединились *Elle*, *Men`s Health*, *Здоровье*, *Худеем правильно*. Среди издательских домов наиболее активная работа по созданию iPad-версий журналов ведется *Sanoma Independent Media*.

Одной из самых популярных цифровых версий изданий становится приложение журнала *Афиша* для iPhone, запущенное в августе 2011 года. До этого, с сентября 2009 года, существовала цифровая версия *Афиши*, дублирующая содержание бумажной, а на сайте хранился оцифрованный архив номеров журнала. В ноябре 2010 года было заявлено о том, что версии по содержанию будут отличаться: «В электронную *Афишу* будут попадать некоторые статьи из *Афиши* бумажной, но остальной контент будет другим. В интернет-журнале будут представлены посты из афишных блогов и еще куча статей и фотографий, которые делаются специально для этого журнала. В отличие от бумажного издания, которое выходит раз в две недели, электронный журнал будет обновляться несколько раз в день» [1]. Новое приложение *Афиши* позволяет использовать возможности iOS: мультизадачность, просмотр трейлеров и списков пользователей, идущих на определенное мероприятие, автоматическое определение местоположения, написание рецензий, оценка событий и мест, авторизация через *Facebook*, *Twitter*, *Вконтакте*, покупка и бронирование мест и билетов [2].

Очевидны преимущества iPad-приложения: интерактивные возможности подачи материалов и «сканирования» аудиторных интересов при помощи опросов, дополнительные «приманки» - видеоинтервью и репортажи со съемочных площадок, музы-

кальные клипы и трейлеры. Кроме того, «трендовость» самого планшета делает информацию на iPad-платформе более привлекательной, провоцирует пользователя на потребление самого разнообразного lifestyle-контента. Существенное количественное и качественное развитие данной информационной платформы неизбежно побуждает к ее использованию в информационно-развлекательных целях и становится отправной точкой для презентации новых форм журнального контента.

Транслирование развлекательной информации в «глянцевых» приложениях для iPad обладает следующими основными преимуществами:

1. самораспространяемость – интересный контент, даже заведомо рекламный, замечают и делятся им, рекомендуя друзьям в социальных сетях;
2. многоформатность – для одного сообщения можно использовать текст, видео, аудио и компьютерную графику, что в принципе невозможно для модуля бумажного журнала и более сложно реализуется на сайте [9].

Даже издавая бумажные варианты, компании «обыгрывают» планшетную популярность: журнал *Glamour* (**ИД Condé Nast Россия**) с сентября 2011 года начал выходить сразу в двух форматах – классическом и новом, размером с iPad. Этот увеличенный вариант на 30 % больше обычного *Glamour*, идентичен размеру планшета и именуется *Glamour Pad* [15]. В Италии, Испании и Франции часть тиража уже выходит в новом формате, что позволяет выгодно представлять редакционный и иллюстративный материал, не теряя при этом портативности. Как отмечают в компании **Condé Nast Россия**, оба формата, классический карманный формат и Pad-формат, печатаются и выходят одновременно.

Однако, в 2011 году интерес издателей к «планшетизации» несколько уменьшился, что связано с объективной монетизированной реальностью: выручка от продаж электронного контента для iPad оказалась существенно ниже доходов от печатных версий изданий. В ноябре 2010 года американский *GQ* реализовал 11 000 iPad-копий, *Men's Health* – 2000, хотя их бумажных аналогов было продано 120 000 и 246 000 соответственно. Даже на iPad-версию журнала *Popular Science* к середине 2011 года подписалось всего 16 000 читателей против 1,2 млн подписчиков на его бумажный аналог [7, 29], при том, что аудитория этого издания состоит из технически продвинутых людей и подходит для iPad много больше, чем аудитория других журналов.

Теперь издатели активно уговаривают потенциальных подписчиков перейти в категорию «цифровых» читателей журналов, предлагая с этой целью как льготы на подписку бумажной версии, так и бесплатную цифровую версию при оформлении подписки на «бумагу» (например, в **ИД Conde Nast**). Но это лишь один из вариантов, единых подходов на рынке цифровой подписки не существует. Рынок планшетных компьютеров пока только формируется, поэтому нет единого мнения о том, как лучше монетизировать цифровой контент и способны ли цифровые журналы в принципе генерировать достаточный рекламный доход. По логике вещей, они должны делать главную ставку на онлайн-коммерцию, однако большинство издателей, выводя на рынок цифровые медиа, переносят в них свои старые бизнес-модели, основанные на доходах от рекламы и продаж журналов по подписке и в розницу.

Издатель журналов *Rolling Stone*, *Us Weekly* и *Men's Journal* Ян Веннер (Jann Wenner) несколько лет назад запустил кампанию «Сила печати» (Power Of Print), в рамках которой объединил самые разные журналы – от *More* и *Esquire* до *Time*. Цель кампании – доказать, что журналы по-прежнему остаются влиятельными, привлекательными как для читателей, так и для рекламодателей, и, несмотря на предсказания, веб-СМИ не удастся их вытеснить [12]. В интервью журналу *Advertising Age* Ян Веннер заявил, что миграция аудитории из печатных журналов в планшетные займет десятилетия: «Я считаю, что они (компании – Е. З.) спешат с реализацией этой идеи и к тому же демонстрируют низкий уровень доверия к своему реальному активу, которым являются сами их журналы. Планшетная версия это лишь небольшое дополнение, но никак не новый бизнес» [16]. Однако, издатель считает, что iPad-издания когда-

нибудь окончательно заменят бумажные СМИ, а издатели начнут получать основной доход от распространения цифровой периодики. Пока же большинство издателей не воспринимают iPad-дистрибуцию журналов как бизнес, поскольку продажи тысячи-двух копий в месяц им неинтересны. Кроме того, само создание iPad-журналов – занятие вовсе не дешевое, которое может себе позволить крупный международный издательский дом. Для малого бизнеса дополнительные несколько тысяч евро на создание цифровых версий изданий, не считая дополнительных расходов на вёрстку, дизайн и создание эксклюзивного контента, – весьма обременительны.

Таким образом, хотя запуск журнальных и газетных приложений для планшетных устройств пока не привёл к прорывным результатам позитивного свойства, в перспективе эта новинка может превратиться в серьёзную платформу для прессы и рекламодателей.

«Стратегия бумаги»: новые технологии и новые материалы

Многие издательские дома встали на путь активного запуска разнообразных приложений и специальных изданий прикладного свойства к своему основному бренду на бумажном носителе: подобная «стратегия бумаги» позволяет им лучше монетизировать существующую читательскую аудиторию.

Так сложилось, что инновации в издательском бизнесе в основном ассоциируются с цифровыми технологиями, iPad-приложениями, но в последнее время появилось много новых материалов и технологий печати бумажных журналов, позволяющих издателям создавать из них настоящие шедевры. По мнению директора английской компании *FusionMedia* Даррелла Кроули (Darrel Crowley), специализирующейся на разработке медиастратегий, наиболее интересными и перспективными из них являются [14]:

1. **Металлизированные чернила** позволяют выгодно акцентировать внимание читателя на логотипе или фотографии, улучшить визуальное восприятие издания и элементов его дизайна;

2. **Текстурирование УФ-лаком** позволяет сделать картинку шершавой на ощупь, или гладкой, как выделанная кожа, или блестящей;

3. **Металлизированная обложка** обеспечивает голографическое изображение обложки/страницы журнала;

4. **Аромачернила** используются рекламодателями в журналах для продвижения духов или лосьонов;

5. **Термочернила**, реагирующие на тепло человеческих рук, помогают привнести в журнал интерактивность: таким образом в издании может появиться спрятанная фотография или текст;

6. **Фотохромирование.** Применение чернил, невидимых при дневном свете или в лучах ультрафиолета. Напечатанные с их помощью изображения на солнечном свете постепенно исчезают, создавая красивый эффект;

7. **QR-код** позволяет дополнить контент бумажного издания ссылками на веб-ресурсы рекламодателей или самого издательского дома. Для перехода по ссылке пользователю понадобится планшетный компьютер или хотя бы смартфон с установленным программным обеспечением и выходом в интернет. Специализированное приложение считывает QR-код и подгружает заранее созданную страницу из Всемирной паутины. Популярность использования QR-кода в мире можно назвать взрывной. В США, например, в первом квартале 2011 года количество выданных QR-кодов увеличилось на 45-49% [7, с. 31] по сравнению с аналогичным периодом 2010-го.

Одно из последних новостей, иллюстрирующих применение QR-кода в прессе, связана с расширением возможностей быстрого получения дополнительного цифрового контента при помощи сотового телефона. Так, журнал *Glamour* (сентябрь, 2011) размещает в своей печатной версии около фотографии поп-звезды Рианы особый QR-код, сфотографировав который читатель мог получить возможность просмотра видео-

интервью певицы. Кроме того, журнал был насыщен и другими вставками с информацией от редакции и рекламодателей о скидках и спецпредложениях.

Из отечественной прессы технологию QR-кодов осваивают журналы *Сноб*, *Эсквайр*, *Русский репортер*, *Коммерсант-Власть*. Например, продвинутый читатель журнала *Эсквайр* (являющийся владельцем мобильного телефона с достойным программным обеспечением) вполне способен сканировать QR-код бумажного издания и переместиться на сайт журнала www.esquire.co.uk или на другие запрограммированные URL;

8. В декабрьском номере (2010) журнала *Vogue* впервые в России была использована рекламная **технология Video in Print** («Видео в печати») [3]. Журнал вышел с встроенным видеороликом «Martini Gold», в котором снялись Моника Белуччи, Доменико Дольче и Стефано Габбана. Как пишет *Лента.ру*, «ролик начинает транслироваться при открытии страницы журнала, в которую вмонтирован тонкий чип. Ширина страницы с чипом составляет около 2 миллиметров. Заряда батареи может хватить на 45 минут просмотра видео. Кроме того, устройство снабжено разъемом для зарядки mini-USB». Номер журнала *Vogue* с этой видеорекламой был отпечатан тиражом 7 тысяч экземпляров, причем все расходы на размещение видеоролика взял на себя рекламодатель. В мае 2011 года аналогичная видеореклама «Marlboro» появилась на страницах журнала *Playboy*, однако в целом дорогая технология Video in Print пока не слишком активно используется в российских СМИ.

Таким образом, разработки в этом направлении пока находятся в самом начале пути. Специалисты, однако, уверены, что в будущем печать небольших чипов, устройств для воспроизведения звука, flash-накопителей или анимированных ссылок непосредственно на бумаге станет реальностью, и таким образом любой лист бумаги имеет все шансы стать печатной платой, подобной используемым в электронных устройствах.

Заключение

Существенные перспективы именно за «открытыми» форматами, предоставляющими пользователям наборы инструментов для «сотворчества» по созданию прощьюмерского контента. Привлечение к сотрудничеству читателей, как в качестве уникальных источников информации, так и в качестве соавторов материалов, позволяет высказаться думающему читателю и наглядно показывает, что его мнение важно, весомо и услышано. Обогащение процесса чтения и приоритетное значение интерактивных материалов позволяет сделать качественный контент более близким аудитории, персонализировать его.

Персонализация контента массовых изданий связана в первую очередь с необходимостью учитывать возможность адаптации контента под запросы определенного потребителя. С этой целью журнальные издания прикладывают максимальные усилия по разнообразию форм «игры с читателем» с использованием новых медиаформатов. Приоритетом становится привлечение аудитории к изданию, предложение многообразия вариантов проведения «свободного времени» и, естественно, продвижение прямого и косвенного рекламирования набора lifestyle.

Думается, что стратегия соперничества бумаги и цифры, когда усилия компаний направлены на развитие одного направления за счет сокращения другого, явно дает эффект «отрицательной корреляции», при которой увеличение одной переменной связано с уменьшением другой. В то время как очевидная перспектива связана с дуальным развитием бизнеса (бумага+цифра), с установлением «положительной корреляции», при которой увеличение одной переменной связано с увеличением другой.

Список литературы

1. «Афиша» запустила новый онлайн-журнал // МедиаАтлас. - 2010. — 2 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://media-atlas.ru/news/?id=29025> (дата обращения: 8.05.2014).
2. Афиша для iOS // Афиша [Электронный ресурс]. URL: <http://www.afisha.ru/iphone/> (дата обращения: 8.05.2014).

3. В России вышел первый журнал с видеорекламой //Лента.ру. – 2010. – 25 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2010/11/25/martini/> (дата обращения: 3.03.2012).
4. Елинер И. Г. Феномен мультимедийной культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 321. – С. 75 – 79.
5. Зеленая книга адресов // Психология. Psychologies [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologies.ru/int/esomap/> (дата обращения: 8.05.2014).
6. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа: Монография. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
7. Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад/ Под общ. ред. В.В. Григорьева. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – М.: Типография «Наука», 2012. – 88 с.
8. Русский репортер [Электронный ресурс]. URL: <http://russianreporter.livejournal.com/> (дата обращения: 20.10.2013).
9. Упорова А. iPad: трансформация формата глянцевого рекламы // УралБизнесКонсалтинг. Информационно-аналитическое агентство. - 2011. - 30 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://urbc.ru/270815-ipad-transformaciya-formata-glyancevoj-reklamy.html> (дата обращения: 25.06.2013).
10. Фомичева А. Глава ИД «Компьютерра» Дмитрий Мендрелюк создает соцсеть для региональных бизнесменов // РБК daily. – 2011. – 29 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/media/562949981355365> (дата обращения: 8.05.2014).
11. Шилина М. Г. Медиакоммуникация: тенденции трансформации. Новые парадигмы исследований массовых коммуникаций // МедиаСкоп. – 2009. – Выпуск № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/> (дата обращения: 3.10. 2011).
12. Ян Веннер, издатель «Rolling Stone»: «Пока людям нужен журнал, мы будем печатать его для них» // Редакторский портал. – 2011. – 15 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.redactor.in.ua/personas/2297.htm> (дата обращения: 8.05.2014).
13. ELLE.ru начал торговать // МедиаАтлас. – 2011. – 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://media-atlas.ru/news/?id=29539> (дата обращения: 8.05.2014).
14. Crowley D. Innovation in print // InPublishing. – 2011. – July-August. – P. 12 – 14.
15. Glamour - самый глянцевый гаджет сезона // Condé Nast. Россия. – 2011. – 26 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.condenast.ru/news/magazine-glamour/1835/> (дата обращения: 8.05.2014).
16. Ives N. Jann Wenner: Magazines' Rush to iPad Is 'Sheer Insanity and Insecurity and Fear' // Advertising Age. - 2011. - 30 of May. - P. 9.
17. Sanoma Independent Media откроет Россию профессионалам // МедиаАтлас. – 2011. – 15 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://media-atlas.ru/news/?id=30942> (дата обращения: 8.05.2014).

«DIGITAL STRATEGY» AND «PAPER STRATEGY» IN THE MAGAZINE BUSINESS: CORRELATION OF POSITIVE AND NEGATIVE FEATURES

E. A. Zvereva

*Derzhavin Tambov State
University*

*e-mail:
Katya9_2001@mail.ru*

The author evaluates the present national magazine segment situation in terms of its media content and the improved capabilities of broadcast media product in paper or digital format in the post-industrial (information) society. To determine the effectiveness of new media formats, the article analyzes iPad-mobile platforms, websites and the online version magazine publications, new materials and printing technology of paper journals. In conclusion, it is concluded that the strategy paper and rivalry digits when companies' efforts aimed at the development a single direction by reducing the other, obviously has the effect of "negative correlation". The paper claims the dual business development (paper + digital) with the establishment of a "positive correlation", in which an increase in one variable is associated with an increase in the other.

Keywords: journal editions, strategy, business, media format, digital platforms.

УДК 070

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ НА СЛУЖБЕ ДЕМОКРАТИИ В АФРИКЕ*

А. Кастель Тремеса

*Автономный
университет
Барселона, Каталония*

*e-mail:
antoni.castel@uab.cat*

В статье характеризуется роль социальных сетей и других современных средств коммуникации в развитии гражданской журналистики и политической активности населения африканских стран, расположенных к югу от Сахары.

Ключевые слова: Африка, социальные сети, Интернет, мобильная телефония, гражданская журналистика.

Социальные сети сыграли важную роль в так называемых арабских революциях, которые покончили с режимами Зин Абидина Бен Али в Тунисе и Хосни Мубарака в Египте в 2011 г. [4]. Благодаря коммуникации через мобильные телефоны, интернет-порталы «Facebook», «YouTube» и блоги тунисцы и египтяне смогли мобилизоваться, чтобы покончить с авторитарными правителями, блокировавшими любые перемены. Тунисская и египетская революции оказали воздействие на другие арабские страны [3].

В странах Африки к югу от Сахары социальные сети задолго до арабских революций служили и для организации протестов, как это было в Мозамбике в 2010 г., и для критики властей, разоблачения нарушений, совершенных во время избирательных кампаний, предупреждения о политических преследованиях, как это было в Кении в 2007 г., когда использовалась платформа Ushahidi[†] [2].

Несмотря на низкую покупательную способность местных жителей, мобильные телефоны получили широкое распространение в странах Африки южнее Сахары. В июле 2013 г. здесь насчитывалось более 500 млн. линий [GSMA, 2013]. Пятнадцать лет назад, в 1998 г., на континенте существовало только 4 млн. линий мобильной телефонии. В последние пять лет здесь наблюдался впечатляющий рост на 18%, что превысило показатели других регионов мира [GSMA, 2013]. Мобильная телефония порождает существенный рост экономической активности: в этом секторе заняты 3,3 млн. сотрудников, а его доля в ВВП составляет 6 %.

Благодаря снижению стоимости телефонных аппаратов и тарифов мобильной связи Африка к югу от Сахары вошла в эру мобильной телефонии, миновав в большинстве случаев этап развития проводной телефонной связи. Проникновение проводной телефонии составляет в Африке 5 %, и этот показатель до сих пор не достигнут в Нигерии (1,25 %), в то время как в наиболее развитой стране континента – Южноафриканской республике – он достигает 28% [GSMA, 2013].

Мобильные телефоны демократизируют Африку южнее Сахары, так как пользование телефонией перестаёт быть эксклюзивной привилегией местных элит, существовавшей ранее. Как полагает Де Брюйин, мобильный телефон стал достоянием даже «маргинальных сообществ» в отдалённых районах, которые теперь имеют связь с миром [5]. Телефон служит африканцам для общения между собой, а словесное общение весьма значимо для них как представителей социума с преобладающей традицией оральной коммуникации. Он же позволяет крестьянам узнавать цены на отдалённых

* Перевод с испанского языка – проф. А.П. Короченский.

† Платформа Ushahidi, созданная африканцами, позволяет формировать на основе полученных данных цифровую карту, на которой регистрируются преследования или массовые убийства. Во время столкновений, последовавших за выборами в декабре 2007 г. в Кении, это позволило заблаговременно информировать людей о местах повышенного риска. См: <http://www.usahidi.com/>

рынках, чтобы затем выгоднее продавать посредникам произведенные ими сельхозпродукты – кукурузу, арахис и т. д.

В Мозамбике молодёжь, преимущественно столичная, вышла на улицы Мапуто в сентябре 2010 г., чтобы протестовать против повышения цен, объявленного правительством Армандо Гебусы. Протесты были организованы благодаря массовой рассылке SMS-сообщений через мобильные телефоны. Через несколько дней протестов, в ходе которых в результате действий полиции погибло 13 человек, правительство отменило повышение цен.

В Африке формы применения мобильной телефонии в повседневной жизни многочисленны. Благодаря ей можно производить небольшие денежные платежи, не прибегая к услугам банков (M-Pesa, в Кении), убедиться, не являются ли купленные лекарства фальсифицированными (Sprroxil, в Нигерии), зарегистрировать новорожденных (в Сенегале), получать извещения о грозящих природных катастрофах (JamiiX в Южной Африке). Как отмечает Рао, некоторые формы использования мобильной связи, возникшие в последние годы, задуманы для улучшения условий жизни африканцев [8].

Мобильные телефоны и Интернет

Разумеется, в Африке к югу от Сахары значительная часть мобильных телефонов не являются смартфонами, т. е. не имеют выхода в интернет. Согласно докладу GSMA за 2013 год, только 5 % имеющихся там телефонов являются смартфонами. Иначе говоря, 95 % телефонов относятся к первому поколению и используются в большинстве своём на условиях предоплаты, без контакта с компанией-оператором. На улицах африканских городов тысячи человек торгуют карточками предоплаты телефонной связи различных компаний-операторов. Чтобы преодолеть проблему количественного дефицита смартфонов, в Южной Африке получила развитие платформа ForgetMeNot [10], соединяющая мобильные телефоны с социальными сетями (Facebook, Twitter) посредством текстовых сообщений.

Цифровой разрыв между развитыми странами и Африкой по-прежнему остаётся огромным. Согласно данным Internet World Stats, Африка имеет самый низкий показатель проникновения Интернета – 15,6 % [11]. Этот показатель достигает в Азии 27,5 %, в это же время в Северной Америке – 78,6 %, а в Европе – 63,2 %. Общемировой уровень составляет 34,3%. Но цифровой разрыв сокращается, так как в Африке между 2000 и 2012 гг. отмечен самый существенный рост этого показателя – на 3.606,7 %. К примеру, в Европе увеличение проникновения Интернета в тот же период составило 393,4 %, а в Северной Америке – 153,3 %.

Среди стран региона Марокко имеет самый высокий показатель интернетизации (51 %). За ней следуют Тунис (39 %), Маврикий (35 %), Египет (35 %) и Кабо Верде (32%). Выявлено, что в этом отношении особо выделяются арабские страны на севере Африки. Контраст составляет Эфиопия, имеющая самую низкую степень проникновения Интернета – 1,1 %. Далее следуют Демократическая республика Конго (1,2%), Сомали (1,2 %), Гвинея (1,3 %) и Сьерра-Леоне (1,3 %). В Южной Африке степень проникновения Интернета превышает среднеафриканскую (17,4 %)

Если принять во внимание количество пользователей Интернетом, то в этом лидирует самая населенная страна континента – Нигерия, где всемирную сеть используют 48,4 млн. чел. Далее следуют Египет (29,8 млн.), Марокко (16,5 млн.), Кения (12 млн.) и Южная Африка (8,5 млн.).

IT на службе развитию

Африканцы используют новые информационные технологии (IT) в соответствии со своими потребностями, осуществляя при этом, как отметил Банда, своеобразную адаптацию, «африканизацию» этого инструмента, воспринимаемого как «западное изобретение» [1]. Таким образом, африканские сообщества не являются технофобскими [2]. Предшествующие примеры демонстрируют, что новые коммуникационные

средства могут служить обществам, находящимся в состоянии развития и с низким уровнем покупательной способности населения, наподобие африканцев. Кроме того, сообщества на континенте применяют некоторые варианты использования ИТ, которые могут быть применены и в других странах. Об этом свидетельствует пример Ushahidi.

По Греннему [6], социальные сети «информируют, мобилизуют, развлекают, создают сообщества, повышают прозрачность деятельности и ответственность властей». Это утверждение, сформулированное в книге об «арабской весне», верно также и для Африки к югу от Сахары. Действительно, социальные сети могут служить информированию, интерпретации, увеличить степень прозрачности и проверки действий власти.

Как распространители информации, социальные сети в Африке выполняют основополагающую роль в консолидации гражданской журналистики, готовой публиковать новости, игнорируемые большими массмедиа [1]. В социальных сетях циркулируют горизонтальные информационные потоки, которые организуются без посредников между источником и реципиентами, в качестве которых могут выступать как отдельные персоны, так и другие структуры гражданской журналистики, подпитываемые поступающими новостями.

В странах, где правительства контролируют средства массовой коммуникации, социальные сети позволяют распространять информацию, которая никогда не является составной частью информационной повестки дня подконтрольных СМИ. Например, в Анголе интернет-ресурс *MaKa Angola* [12], введенный в действие журналистом Рафаэлем Маркесом, публикует новости о коррупции в окружении президента страны Эдуарду Душ Сантуша. Такие новости не могут быть опубликованы в официальной прессе наподобие «*Jornal de Angola*» – газете, восхваляющей президентскую деятельность.

Способность превращаться в альтернативу источникам информации, контролируемым властью, составляет ценность социальных сетей. Но это не единственное их достоинство: сети могут становиться орудием мобилизации граждан, организации публичных протестов и контроля за властями.

Однако Интернет не является панацеей, поскольку правительства способны ограничить его использование техническими средствами [7]. Действительно, Интернет уязвим, поскольку действующее правительство способно в какой-либо момент ограничить доступ к информации, заблокировать определённые интернет-ресурсы, отслеживать передаваемые послания, закрывать некоторые службы. Это характерно не только для африканских правительств, что подтверждает информационная блокада, организованная частью китайских руководителей, которые блокируют сайты, затрагивающие чувствительные темы (например, сообщения о Тибете); закрытие социальной сети «Twitter» по решению турецкого премьер-министра Реджеба Тайипа Эрдогана [13], вторжение в электронную переписку со стороны Соединённых Штатов и Великобритании; ограничения на пользование Интернетом на Кубе и в Северной Корее. Как отмечается в докладе организации «Репортеры без границ», вмешательство в частную переписку своих граждан осуществляют также и правительства демократических стран [14].

Но, несмотря на уязвимость Интернета, социальные сети являются фундаментальным инструментом повышения влияния гражданских сообществ на власти – в особенности женщин [9]. Соцсети незаменимы для использования коммуникации в целях социальных перемен []*.

Когда граждане созывают протестные акции или контролируют правительство, они расширяют свои права и возможности, своё воздействие на власть. В Сенегале молодёжь, по преимуществу городская, использовала социальные сети (в особенности

* О коммуникации в целях социального развития см.: Gumucio Dagron, Alfonso y Tufte, Thomas (eds). *Communication for Social Change. Anthology: Historical and Contemporary Readings*. New Jersey: Communication for Social Change Consortium. 2006.

«Twitter»), чтобы предотвратить подтасовки на выборах 2012 г., направленные против кандидата Маки Салла. В Анголе гражданская группа Central7311 [15] через соцсети организовали протесты против режима Эдуарду Душ Сантуша. Назвав себя «централейрос», ангольские политические активисты известили о созыве манифестации за «свободу слова в Анголе» 2 апреля 2011 г. в ответ на действия сил госбезопасности во время предыдущего марша, состоявшегося 7 марта 2011 г.

В Нигерии сайт «Sahara Reporters» [16] развивает гражданскую журналистику, приглашая к сотрудничеству людей, которые могут присылать свои новости для размещения в Интернете. Другая нигерийская инициатива – «Хватит!», провозглашённая объединением «Nigeria Coalition», выступает в поддержку «культуры хорошего управления» [17].

Сенегал, Ангола и Нигерия являются странами, которые могут служить примером использования социальных сетей частью граждан для того, чтобы требовать «хорошего управления» и разоблачать эксцессы властей. На африканском континенте растёт число инициатив, которые публикуют критическую информацию о действующих властях, не опасаясь репрессий.

Руководство демонстрирует недовольство деятельностью социальных сетей, расширяющейся к югу от Сахары. Так, президент Мозамбика Армандо Кебуса квалифицировал «Facebook» и «Twitter» как «фабрику грёз». Угандийский лидер Йовери Мусевени пошёл дальше, заблокировав «Twitter» и «Facebook» в день, когда должен был состояться марш протеста. Тем не менее, другие лидеры оценили способность социальных сетей к незамедлительному информированию. Нигерийский президент Гудлак Джонатан периодически использует «Twitter» [18]. Президент Руанды Пауль Каваме, активно выступающий за IT как инструмент развития, имеет очень активный аккаунт на «Twitter» [19] и персональную страницу на «Facebook» [20], где пунктуально размещает информацию о своей деятельности как на английском языке, так и на киньярванда.

Список литературы

1. Banda, Jackson, *Citizen Journalism & Democracy in Africa*. Grahamstown: Highway Africa, 2008. Consultado en: www.highwayafrica.com
2. Castel, Antoni y Bajo Erro, Carlos. *Redes sociales para el cambio en África*. Madrid: Los libros de la catarata, 2013.
3. Castells, Manuel. *Redes de indignación y esperanza*. Madrid: Alianza Editorial, 2012.
4. Cottle, Simon. "Media and the Arab uprising of 2011: Research notes." *Journalism*, 12(5), 2011.
5. De Brujin, Mirjan, "Africa connects: Mobile communication and social change in the margins of African society. The example of the Bamenda Grassfields, Cameroon", IN3. Barcelona: UOC, 2009.
6. Ghannam, Jeffrey. *Social Media in the Arab World: Leading up to the Uprisings of 2011*, Washington: Center for International Media Assistance, 2011.
7. Morozov, Evgeni. *The Net Delusion*. Nueva York: Public Affairs, 2011.
8. Rao, Madanmohan. *Mobile Africa Report 2012*. Mobile Monday. 2012. www.mobilemonday.net
9. Sendín, José Carlos y Castel, Antoni (ed). *Esfera pública africana*. Madrid: Los libros de la catarata, 2010.
10. <http://www.forgetmenotafrika.com/>
11. A 30 de junio de 2012, Internet World Stats. www.internetworldstats.com
12. <http://makaangola.org/>
13. "Turkish Officials Block Twitter in Leak Inquiry", *The New York Times*, 20 de marzo de 2014.
14. Reporters without Borders. *Enemies of the Internet 2014*. 2014. <http://12mars.rsf.org/2014-en/>
15. <http://centralangola7311.net/>
16. <http://saharareporters.com/>
17. <http://eienigeria.org/>
18. Аккаунт нигерийского президента в «Twitter»: <https://twitter.com/JGoodlucktweets>
19. Аккаунт президента Руанды: <https://twitter.com/PaulKagame>

20. Страничка в «Facebook» президента Кагаме: <https://www.facebook.com/pages/Paul-Kagame/13731708643>

SOCIAL NETWORKS SERVING THE DEMOCRACY IN AFRICA

Antoni Castel Tremosa

*Autonomous University
of Barcelona*

*e-mail:
antoni.castel@uab.cat*

The article describes the contribution of social networks and another newest ways of communication to the development of citizen journalism and political actions of the population of sub-Saharan countries of Africa.

Keywords: Africa, social networks, internet, mobile phones, citizen journalism.

УДК 070

МЕНТАЛЬНЫЕ СЕМАНТИКО-РЕЧЕВЫЕ ОППОЗИЦИИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТОВОЙ РЕФЕРЕНТ-СИТУАЦИИ С КОНЦЕПТАМИ «РОССИЯ» И «БОЛЬШЕВИЗМ»

Т. И. Краснова*Санкт-Петербургский
Государственный
университет**e-mail:
taikrasnova@yandex.ru*

Статья посвящена вопросам анализа речевой структуры газетных текстов русского зарубежья, вопросам анализа текстовой модальности и референции. Синтагматически содержание эмигрантских газетных текстов структурируется семантико-речевыми оппозициями, репрезентирующими в русском сознании конфликтные реалии российской действительности. Различного рода смысловые «несоответствия» акцентируют в каждой описанной ситуации ее ненормальность и болезненность.

Ключевые слова: русское зарубежье, газетный дискурс, текст, ментальное, семантическая оппозиция, референция, ситуация, модальность, Россия, большевизм.

Статья посвящена структурному анализу оппозитивного газетного дискурса русского зарубежья периода Гражданской войны (1919 г.). В задачи анализа входит: а) выявление ментальных семантико-речевых оппозиций в рамках анализа текстовых ситуаций по *ключевым* концептам; б) представление названных семантических оппозиций в качестве отображающих *способ языковой формации* дискурса о России при всех конкретных различиях текстов, связанных с их содержанием, с субъективной модальностью, жанровыми и стилистическими особенностями.

Мы поддерживаем гипотезу, согласно которой можно выделить два этапа существования семантических противоположений в дискурсе: *дотекстовой* и *речевой*, воплощающий в «языковом» теле дискурса запланированный акт смыслового воздействия. Текстовую ситуацию, связанную с передачей фактов, мы называем далее референт-ситуацией* (РС). Ее границы в составе текстов относительно свободны: предложение, сверхфразовое единство, текст целиком. Референт-ситуация вычленяется как разновидность определенного д и с к у р с а и представляет собой определенную модель интерпретации действительности в «ментальном мире» говорящего†. В текстах РС отличается единством некоторого опорного концепта, вокруг которого формируется общий контекст с характерными элементами структуры (семантический фрейм, гештальты) и типовой идеологической интерпретацией. Конфликтная текстовая референт-ситуация вычленяется как одна из составляющих формации социального дискурса. В «ментальном мире» говорящего она представляет собой **модель оппозитивной интерпретации действительности**, основанной на соотношении базовых модальных понятий *Действительного*, *Возможного* и *Необходимого*.

Модальность мы понимаем широко. Это единая семантическая категория языка и речи, выступающая как совокупность модусов – способов представления сообщаемого с точки зрения лица говорящего (им может быть и лицо коллективное). Именно субъективно-модальное начало образует основное грамматическое значение предложения (высказывания), включающее значение предикативности. Так называемую «объективную позицию» следует понимать лишь как один из модусов изложения, в рамках которого выражение личностного начала сведено до

* Согласно существующим представлениям под *референцией* понимается «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» [10, с. 244], а под ситуацией «фрагмент действительности, вырезанный и обработанный мыслью» [1, с. 7].

† О дискурсе как о «тексте» и «языке» в рамках «особой социальной данности» [13, с. 35 – 73].

минимума [12, с. 680]. С другой стороны, выделяется идеологическая модальность [10, с. 16 – 17]. Мы исходим из того, что идеологический смысл модальности определяется «способом мысленного представления референта» [8, с. 47], связанным с политически ценностной основой сообщаемого.

С учетом разнообразия внутреннего содержания и форм модальности, она рассматривается в дискурсном анализе комплексно: как устанавливаемое субъектом предикативное отношение связи сообщаемого с действительностью, как выраженное тем самым психическое эмоционально-волевое отношение к сообщаемому, как социальная морально-ценностная оценка в модусе идеологического отношения к объекту сообщаемого. При этом «включение» модальности в диктум (согласно Ш. Балли) происходит на уровне языкового выражения. В процессе анализа мы используем буквенные сокращения видов модальности, традиционно используемых в описании [6]: это модальность *коммуникативная* (КМ), связанная с характеристикой предложения по цели высказывания и с ориентацией на адресата сообщения; м. *грамматическая* (ГМ), связанная с субъективными показателями реальности/ирреальности сообщаемого; м. *оценочная лексическая* (ЛМ) и м. *риторическая* (РМ), по характеристикам субъекта речи нередко представляемая в стилистике как тональность.

Текстовая референт-ситуация в составе дискурса о России отличается единством опорных концептов. Это ключевые по референции концепты «Россия» и «большевизм». Вокруг них складывается дискурс с характерными элементами структуры (семантический фрейм, гештальт) и типовой идеологической интерпретацией*. При этом весь достаточно обширный класс текстовых ситуаций может быть сведен к одной «семеме» *Р о с с и я*. В обобщенном структурно-семантическом понимании [7, с. 122] *семема* — это единица содержания, не зависящая от ее лексической оболочки (хотя она может подразумеваться) и не зависящая от ее контекстуального окружения в речи (она — категория более высокого порядка обобщений, категория концептуальная). Такую трактовку поддерживает мысль о сложности кодирования дискурса. Скажем, под *лексикализацией* «следует понимать превращение семемы не в лексему, а в то, что иногда называют «словом в контексте» [7, с. 163]. Тогда «подвергнутая анализу единица коммуникации содержит, с одной стороны, лексему, ядро которой пытаются выделить, а с другой стороны — класс текстов, совместимых с этой лексемой» [7, с. 165].

Ключевой концепт Россия. Содержание термина концепт имеет культурологическую основу: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. В отличие от понятий концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений [14, с. 40]. Именно так «мыслятся и переживаются» в эмигрантской печати периода Гражданской войны самые употребимые ключевые слова-концепты Россия и Большевизм.

Концепт *Россия, Русь* в культурно-исторической традиции связывается с тремя стратами значений: 1) этнос, народ = русские, 2) территория = русская земля, 3) государство = политическое образование [14, с. 493 и сл.]. Разумеется, в эмигрантских текстах концепт *Россия* включает все три значения, но особенно часто присутствует в форме прозрачных дескрипций — географических наименований русских городов, поселений Севера и Юга, Сибири и пр. Прагмасемантика этих наименований в составе текстовых референт-ситуаций имеет вполне определенную константу: подразумевается *пространство, где имеют место разрушение (беспорядок), насилие, голод, гибель*. Основной идеей на фоне осмысленного прошлого выступает идея **болезни** России большевизмом. Она определила

* Заметим: прикрепленность речевого высказывания к российской действительности создается не только референцией предметных термов (наименований российских городов, российских граждан, явлений новой власти в России), но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые соотносятся с фактами, событиями, ситуациями.

и характер референции в текстах. Причем в антибольшевистской печати преобладает понимание «русской болезни» как психического и умственного недуга, с которым связано стихийное, агрессивное поведение и беспорядочность, или нарушение логики действий*. Обратимся к текстам, выступающим в качестве показательных в нашем анализе.

1. Корреспонденция «Болезнь внутри» (Варшавская речь. Варшава. 1919, 28 авг.) представляет собой развитый в указанном отношении текст, повествующий о ситуациях насилия, с элементами сюжета, комментария, положения дел. Текст не содержит дескрипций, напрямую связанных с темой болезни России (кроме заголовка, имеющего такой подтекст при вторичном его осмыслении после прочтения корреспонденции). Однако речевая последовательность текста строится на логических несообразностях, которые должны болезнь символизировать. Модальности: грамматическая – реальная была=РС; коммуникативная – утверждение, недоумение, сострадание; риторическая – в форме субъективно-авторской речи, построенной на логической несообразности с включением сигналов чужой речи.

Идея болезни в тексте связана с оценкой поведения (образа действия и образа мыслей) субъектов действия (актантов) как нездорового. Как мы увидим, эта оценка реализуется в рамках концептуальных оппозиций, заданных в тексте благодаря приему алогизма, семантике насилия и существующим в сознании читателя нормативным представлениям: а) о должном в сфере умозрительных отношений в элементарной логике – логичное / нелогичное (понятное / непонятное); б) о позитивном в сфере человеческих (социальных) отношений в действительности – насилие / ненасилие, согласие / несогласие, конфронтация[†]. Заметим, что оппозиции из сферы умозрительного *логичное/нелогичное, понятное/непонятное* имеют отношение не только к рациональной, но и к эмоциональной оценке (то, что логично – принимается, нелогично – отрицается; то, что понятно – удовлетворяет, непонятно – удивляет, вызывает недоумение, интерес). Оппозиции из сферы реального (действительного) *насилие/ненасилие, согласие/несогласие (конфронтация)* имеют более сложную по прагматике семантику аксиологической оценки, которая зависит от точки зрения (этической, эстетической и пр. социальной). Осуждаться или поощряться может любой член диады. В данном тексте осуждается насилие и вызывает сочувствие конфронтация.

В тексте ниже логические несообразности передают оценочное понимание РС как ненормальной, вызывающей недоумение. Недоумение окрашено еще и сомнением. Выражается 1) знаками препинания (многоточие, тире, которые создают паузы растерянности и/или многозначительности в речи рассказчика; 2) средствами ЛМ: наречиями с семантикой неопределенного сомнительного знания (*по-видимому, почему-то*, предикатом той же модусной семантики *видно*). Обратимся

* В личностном и групповом поведении в ситуациях войны, затяжных конфликтов, бедствий, психиатры отмечают такие черты, как крайний эгоцентризм, морализаторство, обвинение окружающих, суженный аффективно-насыщенный смысл, агрессию как ведущий способ разрешения конфликтов [5]. Результатом расстройств психики считается не только «усиление чувств», их патологическая фиксация, но и, как следствие, развивающаяся тенденция к слабоумию, «поскольку страдание резко ограничивает возможности переработки информации и памяти» [3, с. 238].

[†] Оппозиция из сферы умозрительного *логичное / алогичное, понятное / непонятное* имеют отношение не только к рациональной, но и к эмоциональной оценке (то, что логично, принимается, нелогично – отрицается; то, что понятно, удовлетворяет, непонятно – удивляет, вызывает недоумение, интерес). Оппозиции из сферы реального (действительного) *насилие / ненасилие, согласие / несогласие (конфронтация)* имеют более сложную по прагматике семантику аксиологической оценки, которая зависит от точки зрения (этической, эстетической и пр. социальной). Осуждаться или поощряться может любой член диады. В данном тексте осуждается насилие и вызывает сочувствие конфронтация.

к тексту, где разграничительным знаком // передается логико-смысловое несоответствие фрагментов высказывания. В записи обозначена также логическая композиция текста, о которой ниже.

	(1) По последним сведениям, в С в я т о ш и н с к о м лагере под К и е в о м были интернированы... // красноармейцы [РМ : логич. несообр. ; КМ : недоумение ; сем.: Насилие].
семантическое следствие 1)	(2) Около 40 тысяч «своих» // убрано было в концентрационный лагерь. Все это – мобилизованные крестьяне. Повинны - // в контрреволюции. В действительности же // не желали воевать. [РМ : элем. несоб.-авт. речи, логич. несообр. ; КМ : недоумение].
семантическая причина	Отказ ехать на позиции // едва не закончился сражением, предупредить которое удалось чуть ли не хитростью. Разоружали верные латыши [элем. несоб.-авт. речи; РМ : логич. несообр. ; сем.: Насилие].
семантическое следствие 2)	(3) Этот // контрреволюционный корпус, ввиду приближения Дени с кина, выводился частями и размещен сейчас за М о с к в о й в нескольких лагерях. Следствие продолжается: были уже расстрелы [сем. Насилие].
семантическое тождество	(4) Другой лагерь находится у К о р о с т е н я. Там два полка. Им оружия не дали. Предупредили, что воевать не будут.
семантическое различие	И вот, чтобы избежать шумной процедуры разоружения, // согноли безоружных в глухую дыру под К о р о с т е н ь [РМ : элем. нес.-авт. речи; логич. несообр. ; сем. Насилие ; КМ - сострадание]. Конечно ведется следствие и были расстрелы. Но режим там, по-видимому, более мягкий, чем в С в я т о ш и н с к о м лагере: контрреволюционеры // пьянствуют, дуются в карты бесчинствуют и... // занимаются грабежом. [РМ : элем. несоб.- авт. речи; логич. несообр. ; сем.: Насилие ; КМ- сострадание]
семантическое следствие 1)	(5) Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрят снисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства [РМ: элем. несоб.-авт. речи; логич. несообр. сем.: Насилие].
семантическая причина	Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела [сем.: Голод].
семантическое следствие 2)	(6) Из разговоров с «интернированными», которые, кстати, // слоняются по всем окрестностям [РМ : логич. несообр. ; сем.: Насилие], видно, что и на С е в е р е тоже существуют концентрационные лагеря для «контрреволюционно» настроенных // красноармейцев [РМ : логич. несообр. ; сем.: Насилие]
семантическое тождество	(7) Только там дело с продовольствием обстоит – еще хуже. [сем.: Голод]

На уровне логической композиции текста (пометы слева) несообразность отсутствует. Как и положено, логические следствия вытекают из причин, а тождества и различия чередуются. Однако, с целью активизации оценочного восприятия, текст строится по принципу композиционной инверсии: речевой блок, выражающий семантическое следствие, предшествует речевому блоку, выражающему семантическую причину и т.д. Семантическое тождество фактообразующих ситуаций с разной пространственной референцией (*под Киевом, за Москвой, у Коростеня*) выражается в идентифицирующих повторах (*концентрационный лагерь, другой лагерь, разоружение, следствие, расстрелы*) и общим сюжетным сходством изложения фактов. Семантическое различие состоит во введении новой оценочной информации, связанной с парадоксальным образом поведения агентов – красноармейцев (*отказ ехать на позиции*), интернированных (*слоняются по всем окрестностям, дуются в карты, бесчинствуют и... занимаются грабежом*).

Как видно, идея болезни проводится в составе референт-ситуации и средствами риторической модальности, композицией точек зрения. Присутствует

субъективированная речь, включающая сигналы чужой (несобственно-авторской) речи. В результате выявляется соответствие двум точкам зрения: 1) сухой идеологизированной точке зрения большевиков, выступающих в роли агенса-насильника (в абз. 1-4 он подразумевается, а изложение идет в неопределенно-личной форме); 2) простонародной сострадательной точке зрения, принадлежащей невыявленному участнику в роли пациенса-наблюдателя сообщаемого (4, 5 абз.). Изобразительным является абз. 4, где алогизмы и повторы в логически неупорядоченной речи рассказчика имитируют взволнованность лица, сочувствующего пострадавшим. Сравните: *Им **оружия не дали...** // и вот **чтобы избежать шумной процедуры разоружения** // **согнали безоружных в глухую дыру под Коростень.***

Идея умственного и психического расстройства участников событий проводится последовательно и обнаруживается в структуре фактообразующих высказываний благодаря приему контраста, или синтагматического противопоставления. Семантика предиката, передающая образ действий или мыслей персонажей, входит в несоответствие с их наименованиями как лиц и групп, поведение которых определено идеологически (в пресуппозиции). В результате в тексте наблюдаются следующие «неформальные» отношения.

1) Наблюдается отношение логического несоответствия в образе действий и мыслей насильников (*большевики*):

а) *интернированы... // красноармейцы; убрano было в концентрационный лагерь // около 40 тысяч «своих».* Семантика дескрипций *красноармейцы*, «свои» затемнена (отсюда эффект первоначального недоумения), ведь языковая компетенция говорящего включает в трактовку значение слова *свои* с семой 'связанные близкими отношениями, совместной работой, общественными убеждениями' [15; см. 14, с. 473 и сл.].

б) *Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрят снисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства.* Ср. со следующей фразой комментария, где устанавливается отношение рационального соответствия между образом мыслей насильников и положением дел: *Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела;*

2) Наблюдается отношение логического (и идеологического) несоответствия в образе мыслей и действий **жертв насилия**, также ставших насильниками: *красноармейцы // не желали воевать;*

отказ ехать на позиции;

контрреволюционно настроенные;

контрреволюционеры // пьянствуют, дуются в карты, бесчинствуют и занимаются грабежом;

интернированные // слоняются по всем окрестностям.

Указанные несоответствия организуют понимание референт-ситуации как ненормальной, болезненной. Такое понимание может осуществляться только с помощью задействованных по смыслу текста целостных структур сознания: а) умозрительных - по оси концептов *истинное / ложное*, б) идеологических — по оси концептов *свои / чужие*.

Оппозиция *свои / чужие* реализуется в составе текста как алогизм несоответствия. Модализация подчеркивается в наименованиях кавычками: «свои» оказываются ложными своими, *красноармейцы* оказываются «контрреволюционно» настроенными, то есть ложными красноармейцами, вследствие чего *мобилизованные* оказываются *интернированными*. В результате противоположность *истинное / ложное* имеет отношение к пониманию проблемы большевизма в России как вопроса о соответствии / несоответствии, органичности / неорганичности этого явления (идеологии) народному укладу и сознанию.

В заключение можно добавить, что оценка референт-ситуации болезни реализуется как в части предикативной организации высказывания (рема), так и по линии предварительной его организации (идентификация, тема). Идея российской болезни усматривается не только в последовательном развертывании текста, но и в цепочке совокупного смыслового соответствия *беспорядок – насилие – голод*;

2. Информация «Вести из Петрограда» (Голос Родины. Берлин. 1919, 30 дек.) в отличие от предыдущего материала относится к группе текстов, в которых заголовок прозрачен по своей референции и тема болезни в нем отсутствует. Однако она вычитывается имплицитивно в содержании референт-ситуации.

Идея болезни и связанные с ней атрибутивные дескрипции с концептуальной семантикой **Беспорядочность, голод, гибель** выражены в составе текста структурами, обозначающими несоответствие: а) бытийное, средствами ГМ – Была=РС / Есть=РС, причем Была=РС выражается косвенно, через пресуппозиции высказываний (абз. 1-2); б) умозрительное, средствами РМ – ЛОГИЧНОЕ / АЛОГИЧНОЕ, выраженное через синтагматический контраст (абз. 2).

(1) Лицо, приехавшее недавно из П е т р о г р а д а в Гельсинфорс, сообщает о жизни бывшей столицы все такие же мрачные подробности, как и прежде. Голод и в особенности холод – главные язвы полувымершей и опустевшей Невской столицы [косв. Была=РС / Есть=РС; сем. Гибель];

(2) Несколько лучше обстоит дело по части «работы» Чрезвычайка [косв. Была=РС / Есть=РС; скр. сем. Гибель]. Расстрелы интеллигенции происходят редко. Беспощадно расстреливают только спекулянтов и дезертиров. Расстреляна недавно компания спекулянтов, продававшая совету народного хозяйства // принадлежащие ему же 4000 сепараторов. Расстреляна компания, занимавшаяся освобождением от воинской повинности // во главе с цыганкой Масальской, Грамматиковым и др. [ЛОГИЧНОЕ / АЛОГИЧНОЕ; сем. Гибель]

В оценочном отношении выразителен 1-й абзац. Благодаря введенным в текст наименованиям *Петроград – бывшая столица, Невская столица* – в смысловой объем текста включается экзистенциальная противоположность следующих референт-ситуаций:

реальная Была=РС (в пресуппозиции)		реальная Есть=РС (текстовая)
П е т р о г р а д /столица России, полная жизни /		<i>бывшая столица, полувымершая и опустевшая Невская столица</i>

Речевая противоположность временного плана, выраженная в составе **Есть=РС** обстоятельствами времени *недавно / прежде*, в контексте снимается: здесь доминирует качественное тождество *все такие же мрачные подробности, как и прежде*. Оценочный эпитет *мрачные подробности* выступает как ассоциированный с сем. **Болезнь, Гибель**: *Голод и в особенности холод – главные язвы полувымершей и опустевшей Невской столицы*. Слова, характеризующие **Есть=РС**, являются самой обобщенной и категоричной формой оценки: это существительные, объединенные по семе старинного русского слова *язва* – «болезнь, мор», а также «зло», «вред» [15]. Многозначны по комплексу ассоциированных идей оценочные адъективы *мрачные, полувымершая, опустевшая*. Они связаны общей идеей «гибели», «небытия», поддерживая сему «мор» соотношением *мрак – смерть – пустота*. Совокупная семантика дает текстовую парадигму *Петроград (Россия) – болезнь, гибель*. Вместе с тем эта схема РС имеет смысловую доминанту – концепт **БОЛЕЗНЬ**, что подчеркивается синтаксически, морфологически, интонационно (модусом утверждения).

Ключевой концепт Большевизм. В советской культурно-исторической традиции, по данным словарей, концепт Большевизм означает «то же, что ленинизм, т.е. марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» [15]*. Главная константа прагмасемантики этого слова в эмигрантских газетах выражается оценкой: Большевизм – *опасная болезнь, которая может распространяться на другие народы*. В основе оценки – онтологическая и гносеологическая идеи о нездоровой, антигуманной сущности большевизма. Большевизм понимается: 1) как агрессивное проявление доктрины недемократического, тоталитарного переустройства общества, соотносимого по результатам своего осуществления с низшими формами социальной жизни, а по методам – с формами болезненной и /или/ преступной жестокости; 2) как социальный и человеческий (на уровне индивидуума – психический и умственный) недуг, связанный с противоречивой судьбой великого и в то же время угнетенного и отсталого народа, в краткий срок претерпевающего величайшие исторические катаклизмы.

3. Интервью-корреспонденция «Керенский о большевизме» (Новости жизни. Харбин. 1919, 11 сент.) помещена под рубрикой «Вести и факты». Идея большевизма как русской болезни находит здесь самое открытое выражение, так как представляет собой мнение частного, хотя и авторитетного лица. Мы обратим внимание на концовку предпоследнего абзаца (1) и последний абзац (2).

(1) *...Пройдет еще одно лето, наступит новая зима, и народные массы достаточно ознакомятся с большевизмом, во всех его цветах и оттенках, разочаруются во всех видах террора, - // и тогда они снова будут просветлены и выдвинут из своей среды достойных вождей* [ГМ – реальные **Есть=РС** / **снова Будет=РС**, т.е. косв. **Была=РС**; сем. **Насилие, Болезнь**];

(2) *На вопрос корреспондента о том, что он думает об американских большевиках, Керенский, смеясь, сказал: «Вам нечего бояться большевизма в Соединенных Штатах. Большевизм не может нарастать в стране, где народные массы так хорошо питаются и живут, как в Соединенных Штатах. Большевизм -- болезнь усталых, истощенных народов, живущих под пятой в продолжении столетий. Вы вполне застрахованы от этой болезни в Америке, уверяю Вас»* [ГМ – реальная / ирреальная РС в рамках оппозиции Россия / США; сем. **Болезнь**].

В смысловой структуре 1-го абзаца присутствует экзистенциальная противоположность: подряд обозначены три ситуации-референта, связанные предикатами с наименованием *народные массы* (далее *народы*.) Это наименование вводит в текст, помимо характерных для духа того времени социальных коннотаций, важный количественный компонент смысла. Этот же семантический компонент содержится в идеологеме *большевизм*. Наименования не только характеризуют речь Керенского как выразителя авторитетного мнения в американской среде эмиграции. Эти наименования играют роль стержня, вокруг которого образуются идеологические концепты, связанные с судьбой России: **«действительность Р. / будущность Р.»**: они осмысливаются под знаком противоположения реальность / ирреальность. Реальная бытийная ситуация в пресуппозиции сообщаемого двойится и представлена как смутная **Есть=РС** и светлая **Была=РС**. Вместе с ирреальной = долженствующей = **снова Будет=РС** (текстовая **ситуация веры**) **Была=РС** составляет оппозицию реальности в настоящем. При этом **Есть=РС** выражается косвенно: она легко

* Ср. несколько иное определение большевизма в МАС: «Возникшее в начале 20 в. В России революционное, последовательно марксистское течение политической мысли в международном рабочем движении, получившее свое воплощение в пролетарской партии нового типа, в партии большевиков, созданной В. И. Лениным» (С л о в а р ь русского языка. Т. 1. М., 1981).

реконструируется как прагматическая пресуппозиция и смысловая противоположность сообщаемого.

Реальная ЕСТЬ=РС (в пресуппозиции)		Ирреальная, веры = должествующая снова БУДЕТ=РС , т.е. косв. БЫЛА=РС
--	--	---

(народные массы, недостаточно знакомые с большевизмом всех его цветах и оттенках, не разочарованные во всех видах террора, помраченные недостойными вождями)		<i>народные массы достаточно ознакомятся с большевизмом во всех его цветах и оттенках, разочаруются во всех видах террора, – и тогда они снова будут просветлены и выдвинут из своей среды достойных вождей.</i>
--	--	--

В данной противоположности идея **Болезни** как психического и социального недуга выражена имплицитно. Она усматривается в признаковых актуализаторах концепта **Большевизм**, в усилительных повторах: *большевизм во всех его цветах и оттенках, во всех видах террора; народные массы, помраченные недостойными вождями* в связи с предикатом *снова будут просветлены* (т.е. «как раньше»). Это означает наличие в настоящей России народного недуга (агрессия, помрачение сознания, суженный аффективно насыщенный смысл). Абзац (1) содержит не только отношение противоположности, но и отношение оценочного соответствия: **Большевизм – Болезнь** (террор, умопомрачение).

Семантическая оппозиция в последнем абзаце выражена нечетко, скорее подразумевается.

Б о л ь н а я Россия реальная ЕСТЬ=РС болезни большевизмом		З д о р о в а я Америка реальная НЕТ=РС болезни, ирреальная НЕ МОЖЕТ БЫТЬ=РС болезни большевизмом
---	--	---

(Страна, где есть) большевизм болезнь усталых, истощенных народов, живущих под пятой продолжение столетий.		<i>Большевизм не может нарастать в стране, где народные массы так хорошо питаются и живут, как в Соединенных Штатах. Вы вполне застрахованы от этой болезни в Америке, уверяю Вас.</i>
---	--	--

Как видно, в тексте реализуется скрытая оппозиция концептов *настоящее / прошлое* и *будущее* для России, *настоящее* и *будущее* для Америки. Она связана с мотивом опасности распространения большевизма и обозначена средствами КМ: а) вопросом к Керенскому и б) ответным отрицанием (заверением Керенского).

В общих чертах приведенный статье анализ текстов ориентирует на более дифференцированное и систематическое описание модусов, в рамках которых мы получаем в газете особое представление о действительности.

Экспликация ментальных и вычленение выявленных в текстах смысловых противоположений помогает представить совокупность знаний и мнений в виде моделей понимания субъектами картины действительности. В синтагматическом плане развертывание оппозитивных единств показало разнообразие вариантов пространственно-временной репрезентации картины мира в дискурсе.

Анализ текстов с точки зрения чередования линейных речевых последовательностей в высказываниях установил роль построений с актуализацией *логических несообразностей*. Их функция иконическая - символизировать «болезнь» России большевизмом. *Идея умственного и психического расстройства*, характеризующая участников многих событий, обнаруживается в структуре сообщений фактологического характера (заметка, корреспонденция) благодаря

лексико-синтаксическим контрастам, смысловым несоответствиям, разным видам синтагматического противоположения. При этом именно различного рода «несоответствия» акцентируют в описанной ситуации ее ненормальность и болезненность. Положение дел и оценки этого положения могут быть скрыто оппозитивными в пресуппозиции. Они подразумеваются или «вычитываются» дополнительно.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. М. : Наука. 1978.
2. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М. : Радуга. 1982.
3. Амосов Н. М. Моделирование мышления и психики / Н. М. Амосов. Киев. 1965.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. 2-е изд. стер. М. : Едиториал УРСС, 2011.
5. Братусь Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. М.: Мысль, 1988.
6. Гуревич В. В. О «субъективном» компоненте языковой семантики / В. В. Гуревич // Вопросы языкознания. 1998. – № 1. – С. 27 – 35.
7. Греймас А.-Ж. Структурная семантика : поиск метода / А.-Ж. Греймас. М. : Академ. Проект, 2004.
8. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997.
9. Краснова Т. И. Модализация и интенциональность в аспекте анализа идеологического дискурса / Т. И. Краснова // Слово. Словарь. Словесность. / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб : Изд-во «САГА», 2012. – С. 353 – 363.
10. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиаполитического текста (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Архангельск. 2013.
11. Падучева Е. В. Семантические исследования : семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е. В. Падучева. М. : Языки культуры, 1996.
12. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М. : Высш. шк. 1989.
13. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Причинность / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1995. – С. 35 – 73.
14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. М. : Языки русской культуры. 1997.
15. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М.: Сов. энцикл., 1935-1940.

MENTAL-VOICE OF THE OPPOSITION IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF A TEXT REFERENCE THE CONCEPTS OF "RUSSIA" AND "BOLSHEVISM"

T. I. Krasnova

*St. Petersburg
State University*

*e-mail:
taikrasnova@yandex.ru*

This article is devoted to analysis of the speech structure of the newspaper for the Russian diaspora, to analysis of text modality and references. Sintagmatically the sentences of the emigrant newspaper texts are structured by means of semantic-speech oppositions, thus representing the contradictions of Russian mentality. A different kind of meaning “irregularities” to accentuate each described her abnormality and pain.

Keywords: Russian diaspora, news text, discourse, mental, semantic opposition, reference, situation, modality, Russia, Bolshevism.

УДК 070:81'37

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ИНТЕРТЕКСТЕМ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ

А. А. Махова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
aulova_a@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается интертекстуальность в журналистском тексте. Исследуются типы интертекстем и их функциональные особенности.

Ключевые слова: интертекстуальность, актуальная интертекстема, культурологическая интертекстема, функции интертекстем.

В нашей статье мы обращаемся к исследованию интертекстуальности в журналистском тексте. По словам В. Е. Чернявской, слово «интертекстуальность» стало тем волшебным словом, которым пытаются открыть все двери, ведущие в «текстовый универсум» [9, с. 178]. Интертекстуальность объясняет взаимодействие текстов в самых разных проекциях, обращаясь к содержательно-смысловым единицам текста, структурно-композиционному построению текста, его семиотическим кодам. Интертекстуальность является онтологическим свойством медиатекстов, которые функционируют как интертексты и гипертексты, создавая свою «информационную реальность» [4, с. 46]. «...Постоянная и бесконечная ссылака текстов друг на друга и постоянное цитирование» делает эти тексты лишь звеном в передаче информации [2, с. 110].

В качестве объекта наблюдения мы выбрали журналистский текст, представляющий собой разновидность медиатекста. Исследование проводилось на материале общероссийских газет с целью выявления функциональных особенностей разнотипных интертекстем.

Журналистские тексты насыщены «чужими» голосами, т.е. интертекстемами, представляющими собой сигнал инотекстового присутствия или знак «чужого» голоса в смысловом пространстве нового текста. По нашим наблюдениям, в журналистских текстах представлены две группы интертекстем: *актуальные интертекстеми*, нацеленные на отображение действительности и социальных фактов, *культурологические интертекстеми*, формирующие в тексте экспрессивно-оценочный слой. Актуальные интертекстеми представляют собой цитаты из выступлений политиков, общественных деятелей, представителей шоу-бизнеса, произнесенных накануне, отсылают к мнениям экспертов, профессионалов, дают отсылки к источникам информации (*по словам, как считают, по мнению, говорят, как сообщают пресс-службы, влиятельный (некий) источник утверждает, по проверенным (непроверенным) источникам (слухам)* и т. п.). Одно из главных предназначений таких цитат – точное воспроизведение чьих-либо слов из устной речи или дословная выдержка из текстов в письменной форме с целью подтверждения каких-либо доводов или соображений и с уважением к источнику информации. Культурологические интертекстеми представляют собой разнородный материал из разных культурных пластов и разных эпох (художественная литература, искусство, исторические события и социальный опыт человечества), обладают различной степенью воспроизводимости и узнаваемости целевой аудиторией. Эти культурные знаки вводятся в журналистский текст разными способами: путем перифраз и скрытого цитирования, аллюзий и реминисценций, включения исторических лиц, персонажей, авторов и названий произведений, привлечения узнаваемых ситуативных коллизий.

Нами были выявлены смысловые роли, которые выполняют функционирующие интертексты обоих типов. Результаты наблюдения представлены в таблице.

Таблица

Функции актуальных и культурологических интертекстов

Функция	Актуальные интертексты	Культурологические интертексты
Информативная функция	+	+
Апеллятивная функция	+	+
Аргументативная функция	+	+
Метасобытийная функция	+	+
Функция акцентирования внимания	+	+
Экспрессивно-оценочная функция (экспрессивная функция, оценочная функция)	+	+
Лингвокреативная (развлекательная) функция	+	+
Парольная функция	-	+
Фатическая функция	-	+
Функция пиар-продвижения	+	-
Функция подмены ответственности	+	-

Сопоставление функционального диапазона актуальных и культурологических интертекстов показывает, что и те, и другие способны выполнять самые разные функции, начиная от информативной и заканчивая эстетической, игровой, развлекательной и т.п., и лишь отдельные функции закреплены за отдельным типом цитат.

Функции, которые выполняют лишь актуальные интертексты (функции пиар-продвижения и подмены ответственности).

Функция пиар-продвижения реализуется через тщательно отобранный цитатный материал, который в позитивном свете представляет государственные и коммерческие структуры, партии и общественные организации, политиков и руководителей организаций. Например, в публикации «С 2014 года дети будут болеть меньше» (Московский комсомолец, 15.05.2014) говорится о том, что с 2014 года детей будут вакцинировать против пневмококковой инфекции, представляющей серьезную угрозу для детей первых пяти лет жизни. В публикации прослеживается прагматическая направленность на формирование позитивного имиджа Владимира Потанина и его предприятия. Выпускать вакцину будет Российский производственный фармацевтический комплекс «НПО ПетроваксФарм» Владимира Потанина. В тексте создается положительное отношение не только и не столько к процедуре вакцинации, сколько к фирме, изготавливающей этот препарат, ее владельцу и руководителям: *Как сообщил Генеральный директор «НПО ПетроваксФарм» Аркадий Некрасов: «Наше предприятие является одним из первых российских предприятий, взявших на себя решение задачи такой категории сложности и меры ответственности. <...> Аналогичное производство вакцин такого класса на территории РФ в настоящее время отсутствует».*

Функция подмены ответственности соотнесена в нашей работе с особой ролью журналиста в тексте – ролью ретранслятора, при которой адресант, воспроизводя этически шокирующие смыслы или сниженные выражения, произнесенные политиками и др. известными людьми, как бы маскируется, защищается чужим именем, перекладывая ответственность на другой текст. Как справедливо отмечает Т.И. Сурикова, роль ретранслятора дает журналисту «наибольшую этическую свободу», поскольку он ру-

ководствуется принципом «из чужой песни слова не выкинешь, даже если оно не совсем приличное» [7, с. 208]. Актуальные интертексты, выполняющие функцию подмены ответственности, встречаются в массовых изданиях, «желтых» газетах и т.д.

Несомненно, эпатажирующий эффект могут произвести и культурологические интертексты, однако в этом случае работают, по-видимому, другие функции цитаты (экспрессивная, эмоционально-оценочная и др.).

Функции, которые выполняют лишь культурологические интертексты (парольная и фатическая функции).

Парольная и фатическая функции очень тесно связаны между собой, перетекают одна в другую, маркируя отношения «свой – чужой», устанавливая коммуникативное сотрудничество между создателем текста и его аудиторией.

Функция пароля особо заметно проявляет себя при знакомстве с текстами известных журналистов, использующих сложную систему намеков-аллюзий в расчете на высокий интеллектуальный уровень своей аудитории. В газете «Известия» опубликована статья публициста, писателя, главного редактора газеты «Завтра» Александра Проханова под заголовком «Русская мечта – Новороссия» (24.08.2014). В публикации проводится главная мысль автора – о генетическом родстве русских и украинцев, жителей юго-восточной Украины, чем обосновывается идея о необходимости воссоединения наших земель. Заголовок отсылает нас к известному выражению «американская мечта», за которым чаще всего стоит прагматический идеал жизни среднего американца, нацеленного на жизненный успех. Словосочетание «русская мечта» противопоставлено первоисточнику (*американская мечта*), поскольку содержание русской мечты сопрягается с идеальной сферой, с мессианской устремленностью русских *неустанно искать райские смыслы, низводить их с неба на землю, строить Царство Божие на земле*. Прохановская публикация опирается на мифологему «Святая Русь», суть которой в религиозной идее о святости Руси и в осознании русским народом своего особого духовного предназначения. Публикация выполнена по всем правилам мифологического текста: публицист смешивает реальность и символику, факты и догадки, логику и императивы. В одну рядку оказываются исторические и культовые события, прецедентные имена и атрибуты православия: *преподобный Сергий, Пересвет, рублевская Троица, Родина-мать на Мамаевом кургане; Барма и Постник, воздвигшие храм Василия Блаженного; Гоголь, Достоевский и Толстой; великий провидец и мистик Александр Блок* и др. Текст насыщен аллюзиями: *жуткая шахта в Алапавске; по разгромленным улицам Луганска и Донецка скачет алый конь; под развалинами Славянска и Шахтерска «в белом венчике из роз» ... идет Иисус*. Читатели текстов А. Проханова – это те, кто разделяет идею особого предназначения России и мессианства русского народа и поддерживает идею воссоединения славян: *Новороссия – это русская икона и русская мечта. Новороссия – наш храм и наше будущее. <...> Там, как прихожане единого храма, стоят Достоевский, Толстой и Гоголь, казак-ополченец в косматой папахе, бесстрашный боец Моторола, доброволец из Сербии, из Каталонии. Там, в этом храме, стоит бесподобный Стрелков – русский мечтатель и воин*.

Еще недавно считалось, что фатическая функция не свойственна медийной речи [1, с. 345; 3, с. 111], в настоящее же время исследователи не только признают наличие фатики в массмедиа, но и расширяют аспекты ее предназначения [5; 8]. Можно предположить, что свой набор прецедентных феноменов существует в молодежной прессе, оппозиционных и демократических изданиях, «желтых» газетах, глянцевого журналах. Так, в газете «Советская Россия» многие заголовки базируются на традиционных для советского периода прецедентных именах и фразах: *Островский и Корчагин* (25.09.2014); *Скорей возвращайся на вечную вахту, Аврора* (23.09.2014); *Вы не встречали Павку в Новороссии?* (23.09.2014); *Пули Каплан и кувалды бандеровцев* (25.02.2014); *Хотят ли русские войны?* (15.05.2014).

Отметим, непреодолимых преград между разнотипными интертекстами не существует, поскольку использование «чужих голосов» зависит в конечном счете от общих и частных коммуникативных стратегий. Немаловажным является и то,

что актуальные цитаты, обладающие афористичностью, экспрессивностью, парадоксальностью и технически поддерживаемые СМИ, легко сдвигаются в область воспроизводимых и узнаваемых текстов. Например, по-прежнему популярны т. н. «черномырдинки», речевые обороты российского политика и государственного деятеля В. С. Черномырдина, которые стали афоризмами: *Хотели как лучше..., Я далек от мысли; Лучше водки хуже нет; Учителя и врачи тоже хотят есть* и др.

Рассмотрим подробнее использование интертекстом с совпадающими функциями.

Информативная функция. Если рассмотреть цитатный материал на шкале частотности, то следует отметить, что информативная функция является одной из главных в предназначении актуальных интертекстов, в то же время реализация этой функции культурологическими интертекстами требует особых условий и не относится к основным.

Для актуальных цитат эта функция связана с оперированием информации, отражающей актуальные, злободневные события сегодняшнего дня, она нацелена на передачу достоверной информации. Маркерами интенции сообщения выступают глаголы *сказал, сообщил, дополнил, объяснил, пояснил, подтвердил* и т.п., а также логико-семантическое взаимодействие авторского и цитатного текста. Приведем пример. Публикация «В этом вся моя жизнь», освещающая диалог президента В. Путина с российской общественностью, насыщена актуальными интертекстами, выполняющими только информативную функцию. Здесь представлен объективированный стиль письма, в котором автор оказывается «над событием», фиксирует только лишь информацию: *«Коррупцию будем добивать, как и инфляцию, настолько, насколько возможно», – пообещал Путин; На вопрос Клейменова, значит ли это, что при прежнем главнокомандующем делу не давали хода, Путин ответил, что тогда не было отчета Счетной палаты, и этот отчет поступил, лишь когда он снова стал президентом; «Были коллеги, которые предлагали предать все это гласности, и я благодарен господу, что он меня уберег от этого шага», – сообщил Путин, отметив, что не стал отвечать на послание Березовского* (Российская газета, 26.05.2013).

Культурологические интертексты могут номинировать события – исторические, имевшие место, или современные, соответствующие текущему моменту, ср.: *Шалыпин, Бунин, Цветаева, Набоков* всей душой любили Россию, подыхали от ностальгии... (Московский комсомолец, 01.10.2014); *Первое, что бросилось в глаза, – восторженные строки... Вот последний куплет: «Имя Сталина в веках будет жить...»* (Московский комсомолец, 01.10.2014). Однако очень часто сообщение новых сведений, иллюстрирование мыслей, пояснение, дополнение или расширение тезисов через культурные знаки сопровождается различными коннотациями. Например: *Среда стала важным днем для советского интеллигента. По средам выходила «Литературка». Но... Пришли иные времена. Возили иные имена. И «Литературка» постепенно стала исчезать* (Московский комсомолец, 01.10.2014).

Апеллятивная функция, которая осуществляется через обращение к авторитетным источникам/авторам, представлена в пространстве как актуальных, так и культурологических интертекстов. И если техника предъявления авторитетных мнений в них совпадает, то разными оказываются сами источники. Актуальные цитаты-апеллятивы отсылают к реальным людям: представителям власти, экспертам, очевидцам, участникам событий и т.п. В публикации «Россия вводит предоплату за поставки газа на Украину» (Ведомости, 08.05.2014) используются ссылки на различные источники (Россия и Украина, министры энергетики России и Украины, «Газпром» и «Нафтогаз Украины») и решающее в конфликтной ситуации мнение Президента России (*Россия больше не может и не должна в одиночку нести бремя поддержки украинской экономики...*).

Культурологические цитаты-апеллятивы обращаются к высказываниям великих мыслителей, Библии, фольклору, народному эпосу, художественной литературе,

историческим событиям и др. Например: *И почему-то одолевают черные мысли... Как быть? Кто посоветует? А Пушкин на что? ... Открываю наугад, читаю: «Как мысли черные к тебе придут – Откупори шампанского бутылку Иль **перечти «Женитьбу Фигаро»!**»* (Московский комсомолец, 06.06.2014). Использование цитат как ссылки на авторитетное мнение одинаково востребовано в обоих типах интертекстем.

Аргументативная функция является одной из ведущих в составе всех типов интертекстем. Обосновывая свои тезисы, взгляды, оценки, журналисты нередко вводят в качестве доказательства актуальный и культурологический материал. Наиболее ярко эта функция предстает тогда, когда сталкиваются разные точки зрения и через комбинацию интертекстем они вступают в конфронтацию или, напротив, дополняют друг друга. Так, доказательная структура статьи «СУПЕРСТАР. Возрастная дискриминация становится социальной проблемой» (Российская газета, 14.05.2008) выстраивается с опорой на многочисленные «чужие голоса» и различные точки зрения: *На сайтах компаний и газетных полосах в разделе «Вакансии» то и дело можно прочесть: «Требуются специалисты, опыт работы от года, возраст от 20 до 25 лет»; По словам начальника Отдела информации Госслужбы занятости населения; Одной из причин негативного отношения к пожилым людям, убежден ... американский геронтолог Роберт Батлер, является неосознанный страх перед болезнями, старостью, беспомощностью и смертью; Проректор Высшей школы экономики Татьяна Четвернина убеждена, что в старшем поколении сконцентрирована значительная часть квалифицированной рабочей силы; говорит ведущий специалист Центра социально-трудовых прав Петр Бизюков; Юрий Иванович обратился в суд; Суд постановил взыскать с ответчика материальный вред; часть специалистов убеждена, что без повышения пенсионного возраста в России не обойтись; юристы рекомендуют записывать беседу с кадровиком на диктофон; в московской городской Думе готовится новый закон о занятости; На вопрос корреспондента, ответили...* Текст построен таким образом, что каждый новый абзац вводит нового персонажа или предлагает иной взгляд на проблему занятости старшего поколения через цитаты, каждая из которых либо противоречит предыдущей, либо служит аргументом для другой цитаты.

Действие аргументативной функции культурологических интертекстем мы связываем с усилением доказательной составляющей текста, с использованием контраргументов при столкновении мнений. Так, информационным поводом публикации «Визит на выходные к бабушке» (Известия, 03.07.2014) стало заявление Госдепартамента США о том, что «В заявлении УВКБ ООН не было сказано, что 110 тыс. украинских беженцев бежали с Украины в Россию. Там сказано, что это число людей, которые в какой-то момент пересекли границу. Может статься, что они навещают бабушку и едут обратно». Статья ставит целью опровергнуть заявление официальных инстанций США, для реализации которой автор прибегает к использованию культурологических интертекстем. Например, на аргумент Белого дома, что украинские беженцы – это туристы, автор публикации приводит свой контраргумент и предполагает, что вскоре Белый дом может объявить немецко-фашистское наступление летней миграцией: «Они доехали, а многие убиты. // По беженцам стреляли мессеримитты // И юнкеры бомбили поезда» – тоже было лишь идиллической поездкой к бабушке на пироги, а всякие выдумки – это советская пропаганда. Совесть хватит. Точнее – ее полного отсутствия.

Метасобытийная функция реализуется как в одном, так и в другом типе цитат, однако, по нашим наблюдениям, эта функция имеет больший вес и значимость в кругу актуальных интертекстем, так как резонансные события и тексты всегда находят своего комментатора и критика в лице журналиста. Информационным поводом публикации «Обама уличил Россию в «темной тактике» на востоке Украины» (Московский комсомолец, 04.06.2014) стало выступление Барака Обамы перед поляками на праздновании 25-летия со дня первых «полусвободных выборов» в социалистической Польше. Высказывание президента США «темная тактика» появ-

ляется в тексте дважды: в заголовке и в начале публикации: «После того, как было пролито столько крови, чтобы объединить Европу, как мы можем **позволить темной тактике XX века** устанавливаться в новом веке?» – заявил президент США Барак Обама. Выступление американского лидера вводится предикатами речи (заявив, вещал) и чувства (грозить), которые, с одной стороны, характеризуют отношение президента США к России, но, с другой стороны, формируют оценочное восприятие аудитории: *В очередной раз **заявив**, что Соединенные Штаты не приемлют присоединение Крыма к России, Обама **пригрозил** Москве: «Наши свободные нации будут едины, так что будущие российские провокации могут означать для России лишь еще большую изоляцию и потери»; «Большим странам не дозволено унижать маленькие или навязывать им свою волю под прицелом или при помощи людей в масках, захватывающих здания», – **вещал** Барак Обама, решивший, очевидно, не вспоминать, как его страна тоже навязывает свою волю другим суверенным государствам...».* Журналистский комментарий к речи президента США: «*Барак Обама, решивший, очевидно, не вспоминать, как его страна тоже навязывает свою волю другим суверенным государствам*» – позволяет автору выразить свое неприятие этого выступления и несогласие с ним.

В составе культурологических цитат метасобытийная функция начинает работать, когда журналист объясняет смыслы вовлеченных в текст интертекстем. Ср.: *Высоцкого теперь надо переводить на современный русский. Или точнее – для молодых русских. Объяснять, например, что такое «времена культа личности». Объяснять, что «отдыхал я в раю»! – это горькая ирония, и речь идет о ГУЛАГе – о каторге. Это там валили лес и теряли веру, что там глотали слезы, а если повезет – сырец (неочищенный спирт из опилок). «Получилось, я зря им клеймен» – надо ли переводить? «Зря» – это напрасно; всего лишь досадная ошибка. Но «клеймен» – такое сильное слово, что не допускает ласковых толкований... (Московский комсомолец, 01.10.2014).*

Функция акцентирования внимания имеет разный удельный вес в пространстве цитат: для культурологических интертекстем она является доминантной, поскольку интертекстуальные включения практически всегда привлекают к себе внимание аудитории. Например, *В строй идут одни «старики»* (Российская газета, 04.08.2014); *По ком звенит Капелло?* (Московский комсомолец, 30.07.2014); *Худой, еще худее* (Московский комсомолец, 27.06.2014); *Бонд. Евробонд* (Российская газета, 19.06.2014); *США не сдаются французский «Мистраль»* (Российская газета, 06.06.2014); *А я Мэрилин узнаю по походке* (Комсомольская правда, 31.05.2014).

Для актуальных интертекстем данная функция «заключается в фокусировке тех или иных высказываний, мнений, «вербальных» поступков политиков» [6: 67]. В отличие от сатирической или шутливой реплики, нацеленной на языковую игру, основная интенция подобной цитации – сообщить, вычленив из целого выступления какие-то ключевые фразы, обещающие общественный резонанс. Фраза Владимира Путина «Хочу пожелать им приятного аппетита», произнесенная им во время саммита G7, была растиражирована российскими изданиями. Ср.: *Владимир Путин с юмором отреагировал на вопрос журналистов о брюссельском саммите стран «большой семерки», на котором обсуждался кризис на Украине и возможность нового раунда санкций против России. – **Хочу пожелать им приятного аппетита**, – сказал Владимир Путин (Известия, 05.06.2014); «**Хочу пожелать им приятного аппетита**», – ответил Путин (Ведомости, 05.06.2014); «**Хочу пожелать им приятного аппетита**», – ответил Путин на вопрос журналистов о своем отношении к тому, что «большая семерка» обсуждает мировые проблемы без участия российского лидера (Российская газета, 05.06.2014); Отвечая на вопрос, что он думает по поводу того, что за общим столом не оказалось российского лидера, Путин, ехидно прищурившись, сказал: «**Хочу пожелать им приятного аппетита**» (Московский комсомолец, 05.06.2014) и др.*

Экспрессивно-оценочная функция является ведущей для культурных знаков, которые привносят в тексты различные эмотивные оттенки и оценки. В составе актуальных интертекстем мы посчитали возможным выделить экспрессивную и оценочную функции в самостоятельные позиции, поскольку цитаты включаются не только в эмоционально-оценочный контекст, но и в речевое окружение с рациональными оценками. Например, в особом жанре «Письма президенту», принадлежащем перу обозревателя «Московского комсомольца» Александра Минкина, предлагается развернутый комментарий к одной из пресс-конференций Владимира Путина. Журналист выделяет жирным шрифтом фрагменты выступления президента, которые привлекли его внимание, и затем вводит оценочный комментарий: **Ответ блестящий. Что тут возразишь? Ведь журналисты ничего не понимают в ирландских биржах и английском праве, сидят, кивают; Не слишком удачный ответ. Получается, что наши министры и депутаты совершенно не патриоты; Из ваших слов следует, будто вы находите министров на рынке труда...; Сказали вы и про оппозиционеров, которые пытаются «куснуть главного»; Ответ, г-н президент, тянет на целую диссертацию** и др. (Московский комсомолец, 19.12.2013).

Вместе с тем нельзя не признать, что оценочная функция интертекстемсопровождает многие другие функции, формируя с ними комплексную социальную оценку.

При характеристике актуальных интертекстем мы выделили **развлекательную функцию**, которая проявляется в языковой игре и представлена в «желтых изданиях», светских хрониках, развлекательных рубриках. Ср.: Александр Ширвиндт: «Перестав строить дома, моя жена стала строить меня»; Анджелина Джоли: «Я по-прежнему плохая девчонка. Озорница и шалунья!»; Жанна Эппле: «Я полюбила свой день рождения»; Наталья Воротникова: «Певица Ньюша выйдет замуж за продюсера»; Наталья Воротникова: «У Брандеса начался кризис среднего возраста» (из светской рубрики журнала «7 дней»).

Характеризуя культурологические интертекстемы, мы предпочитаем говорить о **лингвокреативной функции**, которая вбирает в себя игровую и развлекательную, но оказывается шире предыдущих ролей, поскольку может быть направлена на создание публицистических образов. Лингвокреативную функцию можно признать одной из главных в предназначении культурных знаков, теснейшим образом связанную с экспрессивно-оценочной. В заголовке «Кришито крыто» (Российская газета, 30.05.2012), напоминающим разговорное выражение *шито-крыто*, зашифрована фамилия защитника «Зенита» Доменико Кришито, которого обвинили в мошенничестве. В заголовке «Дечубайсизация» (Независимая газета, 21.03.2013) обыгрывается фамилия главы РАО ЕЭС по продуктивной словообразовательной модели.

Итак, даже при номинальном совпадении функций, они имеют разный удельный вес и значимость в кругу актуальных и культурологических интертекстем, обладают своей спецификой и отдельными нюансами. Ведущими для актуальных цитат следует признать информативную, апеллятивную, аргументативную, метаязыковую функции. В составе культурологических интертекстем доминантными являются апеллятивная, аргументативная, функция акцентирования внимания, экспрессивно-оценочная и лингвокреативная. При этом лидируют последние две смысловые роли. Парольная и фатическая функции более характерны для культурологических интертекстем, в то время как функции пиар-продвижения и подмены ответственности типичны для актуальных цитат.

Вместе с тем под пером известных журналистов и публицистов актуальные и культурологические цитаты могут полностью изменять описанные выше свойства. Решая творческие задачи, автор способен перемешать цитатный фонд, заставить современников заговорить словами былинных героев, художественных персонажей, и напротив, приписать современные высказывания историческим или мифическим героям. В одной из публикаций телеобозревателя Ирины Петровской обсуждается конфликт оппозиционного телеканала «Дождь» с арендодателем, который отказался

продлевать аренду и потребовал освободить занимаемые площади. Это противостояние представлено через сцену из культового кинофильма «Белое солнце пустыни», а противоборствующие стороны говорят голосами товарища Сухова и главаря басмачей Абдуллы: *А ведь и правда – редкой живучести оказался этот маленький, но гордый канал. «Тебя так убить, или желаешь помучиться?» – словно спрашивают «дождевики» сильные мира сего, изгаляясь, подобно главарю басмачей Абдулле из легендарного «Белого солнца пустыни». «Лучше, конечно, помучиться», – словно отвечают «дождевики», ухмыляясь, подобно красноармейцу Сухову. Сила, конечно, пока на стороне условного Абдуллы, обложившего условного товарища Сухова со всех сторон. Но как говаривали герои другого фильма: «В чем сила, брат? Сила – в правде». Ощущая за собой эту силу, вопреки всем сложившимся обстоятельствам, и живет «Дождь»* (Новая газета, 11.07.2014). Аргументом «живучести» опального телеканала выступает фраза из другого культового фильма «Брат 2»: *Сила – в правде.*

Подобные тексты доказывают, что в действительности цитатные пласты в журналистском тексте тесно взаимодействуют, пересекаются, налагаются друг на друга, выполняя одновременно множество функций. Поэтому интертекстемы любого типа – актуальные и культурологические – оказываются полифункциональным феноменом, подчиненным иерархии коммуникативных интенций в медиасфере.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник / И. В. Арнольд. – 7-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 384 с.
2. Артамонова Ю. Д. Герменевтический аспект языка СМИ / Ю. Д. Артамонова, В. Г. Кузнецов // Язык средств массовой информации: учеб пособие / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008.
3. Винокур Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий / Т. Г. Винокур. – 2-е изд. – М.: URSS, 2009. – 104 с.
4. Володина М. Н. Язык средств массовой коммуникации – особый язык социального воздействия // Язык средств массовой информации: учеб пособие / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.
5. Корнилова Н. А. Фатическая речь в массмедиа: композиционно-стилистические формы / Н. А. Корнилова: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013. – 229 с.
6. Негрышев А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ : учеб. пособие / А. А. Негрышев. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 144 с.
7. Сурикова Т. Г. Журналист, аудитория и власть: лингвоэтические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ / Т. Г. Сурикова // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – М.: Изд-во Московского ун-та; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – С. 199 – 246.
8. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышова. – 2-е изд., перераб. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 296 с.
9. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М., 2009. – 248 с.

TYPES AND FUNCTIONS OF INTERTEXT IN JOURNALISTIC TEXTS

A. A. Makhova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
aulova_a@bsu.edu.ru*

The article describes intertextuality in a journalistic text. The types of intertextemes and their functional features are examined in the paper.

Keywords: intertextuality, actual intertexteme, cultural intertexteme, intertextemic functions.

УДК 070

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ П. Н. ТКАЧЕВА

В. Ю. Меринов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается социально-историческая типология человека в творчестве Петра Никитича Ткачева, народника, видного деятеля революционного движения второй половины XIX века.

Ключевые слова: Ткачев, публицистика, политика, типология.

П. Н. Ткачев был видным деятелем революционного движения второй половины XIX века. Кроме того, его отличала большая творческая активность. Как публицист, он выступал в журналах «Дело», «Русское слово», «Библиотека для чтения», «Набат», «Живописное обозрение», «Время», «Эпоха» и др. Несмотря на весьма впечатляющее тематическое и жанровое разнообразие сочинений П. Н. Ткачева, исследователи делают вывод о «цельном характере мироощущения П. Н. Ткачева. Действительно, верность нравственным и политическим принципам – одно из важнейших качеств в оценке им человека.

Исходя из предположения о семантической и политической цельности творчества, мы проведем анализ подтверждающую эту мысль на формально-содержательном уровне. Для этого мы выделим сквозные тематические элементы и рассмотрим их структуру.

Основной структурно-семантической единицей в творчестве П. Н. Ткачева является пара противоположных элементов – бинарная конструкция. Оба элемента этой конструкции не просто противостоят друг другу, в аксиологическом (ценностно-нравственном) пространстве они разнесены на максимально возможное расстояние. Это довольно жесткая схема, не предполагающая срединных элементов (мостов, переходов).

Определяет всю цепь дальнейших размышлений и выстраивает под себя структурно-содержательные элементы всего творчества Ткачева, базовая биполярная схема – пара основополагающих темпорально-аксиологических концептов: Прошлое (отжившее, бесперспективное) – Будущее (живое, перспективное).

Кажется, что единственной точкой, соединяющей эти понятия – должна быть Современность. Однако это не так. И в Современности Прошлое и Будущее несоединимы, они разведены по разным полюсам. Борьба Прошлого с Будущим – составляет основу политического противостояния Современности. Таким образом, насыщая эти хронотопы аксиологическими характеристиками, П. Н. Ткачев переносит конфликт из сферы политики (с её возможностью договора, соглашения) в сферу с абсолютными нравственными значениями, в сферу борьбы Добра и Зла. Так, получается схема, имеющая вполне определенные черты религиозной системы, главное содержание которой составляет великая борьба Дьявола с Богом.

Общество, сформированное в прошлом, на основе прошлого миропонимания – это общество войны. В основу этого общества, по мнению П. Н. Ткачева, был положен «принцип войны». Это, по мнению П. Н. Ткачева, был «... весьма выгодный и полезный принцип для властей, потому они во все время исторического существования человечества не переставали изоощрять свое остроумие, выдумывая всевозможные средства, как бы подольше его сохранять и укреплять» [4, с. 120].

Как считал П. Н. Ткачев, средства эти были двух родов: физические и нравственные. К первым он отнес «рабство, оковы, плахи, пытки, тюрьмы и тому подобные способы и виды грубого материального насилия». Ко вторым – «нравственные пытки, суеверия и предрассудки, умышленно распространяемые и поддерживаемые в массах хитростью, лукавством или обманом». П. Н. Ткачев пишет: «Средства второго рода пускались обыкновенно в ход в тех случаях, когда ослабевали средства первого рода. А ослабевали они, разумеется, не по желанию и доброй воле победителей; победители бы, пожалуй, всегда рады видеть их укрепляющимися и совершенствующимися, но логика фактов, логическое развитие данных принципов экономического быта устраняли их, делали их неудобоприменяемыми и даже вредными. Рабов легко было держать в страхе и повиновении с помощью бичей, крестов, цепей и тому подобных укротительных мер; потому римские рабовладельцы любили и лелеяли рабство как самый лучший и драгоценный институт древнего мира. Однако в конце концов им пришлось от него отказаться» [4, с. 120].

При такой трактовке социального устройства общества Прошлого неудивительно, что акт расставания с ним имеет для П. Н. Ткачева едва ли не сакральный характер – расставания с Грехом, очищения. Его должна совершить Революция. Революция есть зона окончательного и бесповоротного разрыва между плохим и хорошим временами. Революция, как архангел Михаил, решительно и бесповоротно свергнет Прошлое – Сатану в историческое небытие.

Вопрос состоит в том, чтобы определить, а что, собственно, объявлено отжившим, и что предложено обществу как живое и перспективное. Темпорально-аксиологическая схема: «прошлое – будущее» пронизывает всё творчество П.Н. Ткачева. Постепенно она обрастает социологическими, антропологическими, политическими, нравственными, экономическими характеристиками (составляющими).

Антропологическая диада: «дикарь» – цивилизованный человек

В работах П. Н. Ткачева выстраивается четкая логическая линия представителей (людей), отношений, явлений Прошлого и Будущего. Основа человеческой жизни – мышление. На нем базируется способ познания мира. В своих моделях, как антропологических, так и социологических (человек и общество) П. Н. Ткачев, как правило, закладывает гносеологический принцип. Главенствующий тип мышления (способ познания мира) определяет и тип общества, и человеческую типологию.

В мире Будущего – мышление рационально. Поэтому его представитель – цивилизованный человек. Так, цивилизованный человек к явлениям общественной жизни должен относиться «критически»: «... единственно возможный метод изучения явлений социального быта – пишет П. Н. Ткачев, - это метод критический, причем, само собой разумеется, что эта критика должна быть толковой и всесторонней, не должна ограничиваться одной поверхностью дела, а должна стараться, разлагая явления аналитически, доискиваться основных причин, обуславливающих их возникновение и развитие. Такой разумный аналитико-критический метод не раз уже был применяем к изучению явлений социальной жизни и привел ко многим открытиям ...» [3, с. 99].

В мире Прошлого – правит образно-мистическое и нерациональное мышление. Его представитель – «дикарь». Дикарское первобытное мышление, по мнению П. Н. Ткачева, составляет некое типологическое единство с мистико-религиозным, художественно-поэтическим, философско-мистическим постижением мира.

На основе подобного понимания, в творчестве П. Н. Ткачева выстраивается и антропологическая типологическая лестница. На этой лестнице можно выделить несколько уровней: социально-исторический, эмоционально-волевой, политический. Все эти уровни подведены под одну нравственную основу. Именно она является последним и главным критерием оценки типов. Представители Прошлого – безнравственны, аморальны, порочны, подлы. Представители Будущего – благородны, великодушны и т. д.

Социально-историческая типология (в рамках антропологической диады «дикарь» - цивилизованный человек)

Если искать человека прошлого, так сказать, в чистом и незамутненном виде, то – это человек именно исторического прошлого: «дикарь» – первобытный человек. Он «мыслит» образами, у него практически отсутствует абстрактное мышление. В голове «дикаря» идеи влачили «бедное существование в угрюмой изолированности» [2, с. 538]. А вот «... чувственные образы вступали между собой в самые разнообразные отношения: обобщались, дифференцировались, видоизменялись и т. п. Отсюда то обилие образов и та бедность идей, которые поражают нас в миросозерцании дико-го; отсюда же богатство его символистики, политеистический характер его религии, разнообразие его мифологии» [2, с. 538].

Первобытному человеку противостоит человек цивилизованный. Его мышление рационально. Отсюда разница в самом характере памяти – основы мышления: «Если память человека цивилизованного состоит главным образом из «следов» ассоциаций мысли с мыслью, понятия с понятием, т. е. из следов деятельности по преимуществу мыслительных клеток, то память дикого состоит, напротив, главным образом из следов чувственных и мысле-чувственных ассоциаций. Вследствие этого дикий запоминает по преимуществу чувственный образ, чувственные восприятия...» [2, с. 538 – 539].

Дикий человек почти никогда не может запомнить чисто отвлеченных знаков, т. е. идей без образов « Он высказывает величайшую тупость ко всем абстрактным понятиям, потому что эти понятия слагаются из следов идейных ассоциаций, а их у него очень мало и они слишком непрочны, чтобы долго сохраниться в памяти» [2, с. 538 – 539].

Как считает П.Н. Ткачев, «... В течение многих веков своего исторического развития человеческому уму приходилось бороться с трудностями почти непреодолимыми; на каждом шагу его опутывали искусно сплетенными сетями отцовских предрассудков и дедовских глупостей; на каждом шагу его встречали новые капканы и новые преграды» [4, с. 119].

Несмотря на то, что абстрактное мышление завоевывает все большее антропологическое пространство, дикарская его часть всеми силами продолжает, по мнению П. Н. Ткачева, цепляться за Современность. Люди, не способные к адекватной интеллектуальной деятельности, нерационально мыслящие – не только существовали в прошлом, но и проникли в настоящее. Кто же эти люди?

Один из таких социально-исторических типов – человек религиозный. Он является естественным защитником иррационального типа мышления. Этот социально-исторический тип в свою очередь делится на два подтипа: церковник и простой верующий.

Церковник, сам, будучи носителем иррациональной мысли – веры, снижает уровень мышления в зоне своего влияния. «Железные оковы (рабства – М.В.) спадали с людей, нужно было заменить их чем-нибудь не менее действительным; явилась нужда в содействии черных ряс. И это содействие не заставило себя долго ждать. Черные рясы рады были оказать услугу, и услуга была как нельзя более кстати; кроме внутренних, экономических, изменений, потрясавших в самом принципе древнее общество римлян, нападения извне ослабили и окончательно расшатали весь этот мнимый порядок законного грабительства и юридического крючкотворства. Казалось, все готово было рухнуть, казалось, новая жизнь, новый свет готов был проникнуть в роковой сумрак хаотически бродящего общества. Тогда- то раздалось это ужасное слово: стой и не двигайся!

Крик этот был принят за благую весть; Рим сделал его своим девизом, и тысячи чернорясников напрягли все свои силы, чтобы призыв не остался без действия, чтобы все остановилось и не двигалось» [4, с. 122 – 124].

В средние века, считает П. Н. Ткачев, «... началось систематическое наступление и развращение человеческой мысли; ее пугали призраками и привидениями, ее опутывали топкой сетью самых грубых нелепостей и предрассудков. <...> Католичество царило везде и над всем единодержавно и безраздельно. Оно вполне гармонировало с потребностями тогдашнего общества; оно проникало во все, так сказать, поры общественной жизни, окрасило своим цветом все учреждения средневековой Европы. Корпорации, гильдии, феодальная система, монархия, даже народные обычаи и общественные удовольствия были взяты под опеку католичества, усвоили себе его мироозерцание, пропитались его тенденциями» [4, с. 122 – 123].

Именно религиозный человек несет основную ответственность за возрастающую динамику насилия в обществе. Жестокость и интенсивность преследований растет, по мнению П. Н. Ткачева, пропорционально с развитием догматической стороны религии: «В первом веке, когда догма еще не получила никакой определенной формы, когда почти не существовало никакой теологии, когда, следовательно, человеческая мысль и человеческие убеждения не подгонялись насильственно ни под какие внешние нормы, людям не из-за чего было ссориться и преследования были невозможны. Но по мере того как верования принимали характер замкнутой, вполне и до малейших подробностей определившейся догмы, уклонения и отступления от правoverия стали встречаться все чаще и чаще и вследствие этого все чаще и чаще представлялись поводы к гонению и преследованию. По мере того как догма становилась замкнутее и определеннее, ее притязания на абсолютную непогрешимость и всеобщую обязательность делались все неуступчивее и задорнее. В XII в. развитие догмы достигло своей кульминационной точки; потому нечего удивляться, что и преследования, начавшиеся с этого века, превзошли самые пламенные ожидания и желания святых отцов III и IV вв.» [4, с. 123].

Это общество отличает крайняя степень насилия. Важным инструментом и одновременно вдохновителем общества, основанном на насилии, является церковь. П. Н. Ткачев изображает церковников исключительно как карателей и изуверов. Так, «Августин и другие великие столбы христианской церкви» требовали «... обращения язычников в христианство во что бы то ни стало, оправдывали и освящали своим благословением всякие гонения и жестокости» [4, с. 124].

Во имя призрачных идей они устанавливают террористический режим и своей властью освящают его. «Тот, кто на земле много терпел и страдал, получал право на вознаграждение в небесах. Разумеется, при таком аскетическом воззрении на человеческую жизнь крест, плаха и костер считались ступенями к раю. В кодексе Феодосия насчитывалось 66 постановлений против еретиков кроме бесчисленного множества узаконений против язычников, евреев, апостатов и магиков. Кровь всех этих несчастных лилась неиссякаемыми потоками во все продолжение II, III, IV и отчасти V вв. И это чудовищное кровопускание не осталось без последствий. Грешник одумался и обратился на путь истины» [4, с. 124].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на основе специфического (бинарного) мироощущения, аксиологической разнесенности категорий Прошлого и Будущего, в творчестве П. Н. Ткачева выстраивается и антропологическая типологическая лестница. Социально-исторический типологический уровень представлен, по крайней мере, двумя типологическими парами: дикарь – цивилизованный человек и рационально мыслящий человек – человек религиозный.

Список литературы

1. Меринов В. Ю. Периодизация творчества, тематико-идеологические и жанровые особенности публицистики П. Н. Ткачева // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. – № 13 (184).

2. Ткачев П. Н. Идеализм и реализм в области права // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова. — М.: Мысль, 1975. — С. 529 – 558.

3. Ткачев П. Н. Рец. на кн.: Жуковский Ю. «Политические и общественные теории XVI века» и «Прудон и Луи Блан». (1865) // Ткачев П. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова. — М.: Мысль, 1975. — С. 99 – 109.

4. Ткачев П. Н. Очерки из истории рационализма. (1866) // Ткачев П. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова. — М.: Мысль, 1975. — С. 119 – 156.

A SOCIAL HISTORICAL TYPOLOGY OF MAN IN TKACHEV'S PUBLICISM

V. Y. Merinov

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

The article discusses a social historical typology of man in creativity of Pyotr Nikitich Tkachev who was one of the main members of narodniks revolutionary movement in the second half of the XIX-th century.

Keywords: Tkachev, publicism, policy, typology.

УДК 81'373.612.2

ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТОВ, РАЗВЕРНУТЫХ С ПОМОЩЬЮ МЕТАФОР

К. С. Филатов*Санкт-Петербургский
государственный
университет**e-mail:
farewell-arms@ya.ru*

Данная статья посвящена роли метафор в развертывании журналистского текста. Анализ показывает, что метафорическое развертывание осуществляется двумя способами. Первый – создание текста посредством нанизывания различных метафор, создающих единый в тексте образ. Второй способ – последовательное уточнение выбранной журналистом одной метафорической модели, то есть актуализация в ней релевантных описываемому объекту признаков. В обоих случаях первоочередной интенцией журналистского творчества является интенция оценки.

Ключевые слова: метафора, оценочная интенциональность журналиста, оценка ситуации, метафорическая модель, развертывание метафоры

В данной статье будет продемонстрировано, что в журналистских текстах метафоры, будучи интеллектуальным механизмом осмысления действительности (как это и утверждалось создателями когнитивной теории метафоры) и выступая индивидуальным способом смыслового развертывания текста, выполняют функцию оценочности, которая «является необходимой частью в формировании журналистской познавательно-ценностной конструкции действительности и выступает средством реализации творческого замысла журналиста – интенциональности» [1]. Метафоры особенно активны в выражении косвенной инвективной оценки, понимание которой требует дополнительных интерпретативных усилий читателя [2]. В нашей статье будут рассмотрены тексты, представляющие речевой жанр «Оценка ситуации» [3]. Его ведущая интенция – выразить неприятие объекта речи – мотивирует дополнительные: 1) привлечь внимание к ситуации, 2) выделить противоречия в ней; 3) подтвердить свое отрицательное отношение к существующему положению дел. Ситуация в этом случае – это длящееся на протяжении длительного отрезка времени положение дел. Все перечисленные интенции реализуются использованием метафор, помогающих подтвердить авторский скепсис по отношению к действительности. Соответствие употребления метафор общим тенденциям развертывания оценочности в журналистских текстах свидетельствует о том, что, хотя создание метафор является индивидуальным средством выражения оценки и их употребление свидетельствует об особой одаренности автора, однако в профессиональной речи действуют общие закономерности употребления этих языковых средств.

Наблюдения за сатирическими художественно-публицистическими текстами показывают, что по использованию метафор среди них выделяется два типа. Первый подтип отличается присутствием внутри текста нескольких метафорических моделей (поэтому назовем его многомодельным), которые, тесно взаимодействуя, формируют образную ткань текста и реализуют основную интенцию – дать сатирическую оценку общественной ситуации в стране.

Начнем с примера текста, в котором сразу укажем на коммуникативные действия речевого жанра, выражающие перечисленные интенции, и далее, в анализе, покажем роль метафор в них.

1) На развалинах цивилизации

Мы тешим себя тем, что мы – наследники Толстого и Чехова, но правда в том, что мы – наследники совка.

Бывали ли вы в Афинах?

Если бывали, то, конечно, помните эту картину: над городом парит Парфенон, а внизу, в буквальном смысле на другом уровне, обитают современные греки...

Это, как правило, милейшие люди, только они не имеют уже никакого отношения к тем, кто создавал Парфенон. Они просто живут на том же месте — ну, и генетически, с поправкой на три века под Османской империей, кое-как восходят к Аристотелю и его современникам...;

2) Но не генетика создает художественные стили и философские школы. Их **создает цивилизация.**

Русская цивилизация **достигла своей высшей точки** в XIX веке, с **захватом** начала XX. Вчерашние **азиатские задворки Европы** вдруг **выдали нагора** уникальную культуру: Толстой, Достоевский и Чайковский, Чехов и Рахманинов, Павлов, Менделеев, Шагал, Вернадский... Имена, без которых уже не может представить себя человечество. **Абсолютные вершины.**

Наш Парфенон.

Эти вершины выросли на исторически новом для России европейском самосознании, на преодолении всех этих уваровых-победоносцевых... **Так яхта, при правильно поставленных парусах, идет против ветра.**

Но слабость системы определяется, как известно, слабостью слабейшего звена...

Окаменевшая византийская политическая культура, трагическая неспособность к самоорганизации **швырнула** Россию **на камни ее XX века** — со всеми **прелестями тоталитаризма. Чеховские сестры** если и избежали изнасилования **революционными матросами, то только по возрасту;**

3) В воспоминаниях Нины Берберовой с аккуратным отчаянием зафиксированы судьбы тех, кто составлял просвещенный слой России, ее несбывшееся будущее: расстрелян, репрессирован, умер от тифа, пропал в лагерях, убит при попытке перехода границы... Сама она десятилетия напролет жила в изгнании на грани нищеты, голодал и ее муж, великий поэт Ходасевич, даром не нужный **свихнувшемуся времени.**

Те, кто остался, выжили в СССР, либо перерождались в нечто печально-советское, либо доживали жизнь маргиналами, благодарными судьбе за саму возможность сохранения этой жизни.

Новое Российское государство в 1991 году **сгоряча объявило** себя **наследником** той великой **цивилизации** и по инерции **продолжает сегодня делать вид**, что оно наследник и есть, **но** одного взгляда в биографии российских начальников достаточно, чтобы понять: **они наследники** тех, кто эту цивилизацию **угробил**. Выходцы из комсомола и Лубянки с важными ломброзианскими лицами рассуждают о патриотизме, но **песок — неважная замена овсу**, Путин — Столыпину, а Скойбеда — Анне Ахматовой. Дмитрий Рогозин, надо заметить, так и не поместился в бруслиловский окоп на западном направлении, и **братьев Турбиных трудно представить себе под командованием Шойгу...**

Не сростается картинка.

Государство, разумеется, **пускает на экспорт Наташу Ростову и русский Серебряный век**, но внутри давно **правят бал уцербные середняки** с навсегда погубленным сознанием.

Недавнее столетие со дня смерти Льва Толстого хозяева страны стыдливо **спустили на тормозах** и правильно сделали: **от Льва Николаевича им прилетает прямым в голову из каждого абзаца;** конечно, не стоило расстраивать россиян отношением Толстого к «патриотизму» и казенному православию.

А уж нынешней России, почти **пародийно совковой и сходящей с ума в военно-патриотическом угаре**, хоть запрещай Толстого вообще!

Парфенон великой русской культуры высится над нами как память о былом величии, к которому мы, здешние, уже не имеем почти никакого отноше-

ния. Кстати, и генетически тоже, потому что потомки тех, кто создавал этот **плодородный слой**, по преимуществу убиты или рассеяны по белу свету. Потомков убитых по понятным причинам осталось больше <...>».

Эта публикация Виктора Шендеровича появилась в 16-м номере от 19.05.2014 в «The New Times». Pamфлетное письмо в тексте создается довольно сложным взаимодействием нескольких метафор*. **Интенция привлечения внимания к объекту оценки** осуществляется уже в заглавии, в котором разворачивается метафора «цивилизация – это творение»: *На обломках цивилизации*, в котором выражена идея противопоставления величественной целостности творения (*цивилизация*) и жалких его остатков после разрушения (*обломки*). Из первых строк текста ясно, что основой разворачивания инвективы становится **противоречие** между тем, какое место российский народ в истории себе приписывает, и какого места, по мнению автора, заслуживает. Это противоречие – источник памфлетной идеи – выражено в метафоре «величие и падения – это духовные состояния нации»:

Мы тешим себя тем, что мы – наследники Толстого и Чехова, но правда в том, что мы – наследники совка.

Как видим, заостряет инвективу разворачивание метафоры противопоставления вершинным проявлениям нации в Толстом и Чехове жалкого – в совке. Это противопоставление далее развивается в метафорическом сравнении, где повторяется семантика противопоставления, уже пространственного, верх-низ. Вверху – над греческой столицей Афины парит Парфенон (и древние греки – его создатели), Аристотель и его современники – проявления великого состояния нации, современные же греки внизу: *на другом уровне, восходят*. Метафора усилена стилистическим противопоставлением высокой лексики – разговорности фразеологизма: Парфенон *парит*, греки – *милейшие люди*. Смысл метафоры отнесен и использованием противопоставлений: *...тешим, но правда в том..., отрицания не имеют отношение, литоты просто живут, с поправкой, кое-как восходят...*

Интенция выделения наиболее важных проявлений противоречия выражена дальнейшим разворачиванием метафор «цивилизация – это творение» (*художественные стили и философские школы создает цивилизация*), «величие и падения – это духовные состояния нации» (*русская цивилизация достигла своей высшей точки в XIX веке, с захватом начала XX. Вчерашние азиатские задворки Европы вдруг выдали на-гора уникальную культуру: Толстой, Достоевский и Чайковский, Чехов и Рахманинов, Павлов, Менделеев, Шагал, Вернадский... Имена, без которых уже не может представить себя человечество. Абсолютные вершины. Наши Парфенон. Эти вершины выросли...*). Величественность упомянутых фактов развития русской цивилизации подчеркнута торжественной интонацией, которая создается прежде всего номинативными предложениями и высокой лексикой.

Вместе с прямым указанием на условия возникновения великих творений (*исторически новое для России европейское самосознание, преодоление всех этих уваровых-победоносцевых...*), появляется косвенное, выраженное с помощью метафоры «яхта – это государство, система» (*Так яхта, при правильно поставленных парусах, идет против ветра*) указание на условие верного движения транспортного средства (т.е. государства) – правильно поставленные паруса. Эти новые метафориче-

* Стоит заметить, что проблема сочетаемости метафорических моделей была поднята уже в классической работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4], а на материале русской политической метафористики развита А. Н. Барановым [5] (Нужно оговорить, что А. Н. Баранов понимает метафорические модели не совсем так, как это принято в настоящей статье). Однако в обоих случаях исследование проводилось применительно к единичным метафорическим выражениям, реализующим более одной модели, а не к целым текстам, так что проблема принципов взаимодействия метафорических моделей на уровне целого текста, которая в рамках данной статьи может быть лишь поставлена, но не решена, еще ждет своего исследователя.

ские модели помогают выделить противоречия в общественной ситуации, демонстрируя слабости в современном государственном устройстве – неверно взятый курс на развитие. При отсутствии нужных условий величие в духовном состоянии нации сменяется падением. Как видим, общая линия противопоставления вершинного и низкого продолжает структурировать образную ткань публикации, составляя ее подтекст, а поддержать эту важнейшую смысловую линию помогает следующая метафора: «литературные герои (высокое) – реальность духовного состояния общества (низкое)» (*Чеховские сестры если и избежали изнасилования революционными матросами, то только по возрасту*).

Для раскрытия причин происходящего в духовном состоянии нации метафорическое изображение сменяется оценочным (*Но слабость системы определяется, как известно, слабостью **слабейшего** звена...*), оценка оттеняется использованием формы превосходной степени. Далее оценка закрепляется тезисом о причинах падений состояния государства, выраженным оценочными метафорами «камень – косность, неспособность к развитию» (***окаменевшая** византийская политическая культура, трагическая **неспособность** к самоорганизации швырнула Россию на камни ее XX века – со всеми прелестями тоталитаризма*). Следующая, центральная часть публикации посвящена подтверждению этих оценок.

Коммуникативное действие обоснования скептического отношения к ситуации осуществляется отсылками к опыту исторического и культурного развития страны, историческими аллюзиями, которые также строятся с помощью метафор. Отрицательная оценка современной России зиждется на сравнении ее нынешнего состояния с состоянием столетней давности. Здесь продолжает активно «работать» метафора литературных персонажей (*пускать на экспорт Наташу Ростову, братьев Турбиных трудно представить под командованием Шойгу*), которых даже невозможно поставить в один ряд с нашими современниками. В этой части публикации обращает на себя внимание повышено частотное употребление сниженно-разговорных слов и выражений, в том числе жаргонизмов (*уغربить, середняки, свихнувшись, прилетает прямым в голову*), которые характеризуют проявления низкого в нации. Завершается этот фрагмент печальной констатацией того, что современные россияне даже генетически не могут быть названы наследниками граждан прошлой России. Не то что метафорически.

Таким образом, мы видим, что использованные метафорические модели существуют в приведенном тексте не сами по себе, а как внутренне согласованная, неслучайная система: «цивилизация – это творение», «вершины и падения – это духовные состояния нации», «государство – это транспортное средство (судно)», «литературные факты – это реальность», «время – это человек», «культура – это природный объект». Внимательно глядя на этот неполный список, нетрудно заметить семантические переключки и даже повторы внутри него: среди левых членов (объектов метафоризации) повторяется «цивилизация» и присутствует слово из того же семантического поля «культура», «люди» переключаются с «литературными персонажами» и образуют «государство», существующее во «времени»; среди правых членов (источники метафоризации) дважды встречаются «природные объекты», дважды используется олицетворение, а «строение» и «транспортное средство» могут быть сопоставлены как созданные человеком, культурные. Создаваемые этими моделями подтекстовые смысловые течения и реализуют инвективную оценочность памфлета.

По терминологии, введенной в уже упомянутой статье А.Н. Баранова, в тексте присутствуют «денотативно связанные» метафорические модели, то есть одному понятию подбираются разные источники сравнения (цивилизация мыслится и как строение, и как одушевленное существо). Причем один источник метафоризации используется по отношению к нескольким явлениям (персонифицируются и время, и цивилизация). «Смысловая «техника» создания таких структур состоит в умении реализовать в одном образе отдельные самостоятельные парадигмы и одновременно – не менее убедительную естественную связь между их правыми элементами. Субъек-

тивное впечатление от такого образа основано на ощущении того, что что-то «получилось» (словно от картинки из кусочков, которая «получилась» или от пасьянса, который «вышел») [6, с. 238].

Все это создает неоднозначную, узорчатую картину смысла. Важные для автора смыслы (картины падения духовного состояния общества) повторяются в метафорической модели «литература – это реальность»*: «чеховские сестры избежали изнасилования», «братьев Турбиных трудно представить себе под командованием Шойгу», «пускает на экспорт Наташу Ростову», «от Льва Николаевича им прилетает прямым в голову из каждого абзаца». Вывод, к которому подводят нас рассуждения автора, может быть сформулирован следующим образом: культурное наследие реально, как сама жизнь, и последняя должна подчиняться идеалам первого.

Еще раз подчеркнем, что в памфлете оценка подтверждается метафорическим рассуждением, развертыванию которого способствует использование средств разных уровней языка: лексических, морфологических, синтаксических.

Развертывание текста осуществляется здесь при помощи нескольких метафорических моделей. По всей видимости, не существует никакой строгой грамматики их взаимодействия, которое, однако, подчиняется принципу создания содержательного и формального единства. В этом подтипе наблюдается тенденция к метафоризации заголовка, а также к удержанию живой образности во всем тексте. Однако механика текста и интенциональные предпосылки его создания здесь более сложны, чем в текстах, где доминирует одна метафорическая модель.

Наблюдения за журналистской практикой показывают, что в медиасфере чаще встречаются тексты, в которых метафорические элементы используются не спорадически, а системно и служат не средством создания единичного образа, а принимают на себя роль организующего всю текстовую конструкцию каркаса. Иными словами, речь идет о метафорическом текстопорождении. Базовую метафору, которая развертывается в тексте, мы будем называть текстовой метафорической моделью (ТММ). Такое словоупотребление представляется вполне закономерным, если учесть, что метафора является важным атрибутом мышления и средством познавательной деятельности человека [7]. «Метафора близка к понятию модели в своем общепознавательном смысле. Моделирование при этом понимается как сам процесс познания, ибо познать объект – значит создать его модель» [8, с. 138].

Обратимся к памфлету Виктора Шендеровича, опубликованному в интернет-СМИ «Ежедневный журнал» 18 июня 2014 года, который с точки зрения участия в тексте метафоры существенным образом отличается, например, от предыдущего из «The New Times», приведенного в начале. Памфлет также принадлежит к речевому жанру «Оценка ситуации», где средством передачи оценочности является развертывание метафоры. Соответственно, базовой интенцией для журналиста, создающего тексты на основе одной метафорической модели, также является интенция инвективной оценки. Напомним, выразить неприятие объекта речи помогает реализация дополнительных интенций: 1) привлечения внимания к объекту речи; 2) выделения противоречий в нем; 3) аргументации своего неприятия к существующему положению дел [3, с. 189]. Первая интенция выражена рекламным заголовком в вопросительной форме, эпатажностью содержащейся в нем метафоры, развертывание которой позволяет выразить последующие интенции речевого жанра:

1) По любви?

2) *Если попытаться одним словом определить то, что сделал с Россией Путин, это, наверное, будет слово «растление».*

* Повышенная частотность проявлений данной модели в тексте позволяет воспринимать ее как основную, что автоматически наводит на мысль об иерархической (в данном отношении) структуре текстов многомодельного подтипа.

Это ведь не было насилием, не правда ли? Он ведь только предложил ей, дурочке, а пошла она за ним, согласитесь, вполне добровольно. Он польстил ей, отметив ее красоту и величие, прельстил халявой, сыграл на чувстве ностальгии... Он хотел власти над ней, но ее готовность закрыть глаза, думаю, стала неожиданностью для него самого.

Все получилось довольно легко.

Эта легкость дала ему основания презирать ее, и не будем судить его за циничную усмешку, застывшую на лице, — это ведь так понятно! Он знает, что ей надо, а надо ей, дурочке, так немного... Когда-то, в демократической юности, у нее были какие-то смутные нравственные запросы, но теперь — теперь они уже слишком долго вместе на его условиях, чтобы менять правила.

3) Она — его, пока у него есть силы (она любит силу) и деньги на водку и побрякушки. Водку она любила всегда, а на побрякушки он ее подсадил. Она уже не представляет, как можно жить иначе.

«Если не он, то кто?» — спрашивает она себя между второй и третьей (инаугурацией) — и пьет до дна за то, чтобы не в последний... И идет к зеркалу любоваться на себя, потому что очень себе нравится!

Это немного удивительно окружающим, которые видят, во что она превратилась за эти годы. Но она смотрит на себя влюбленными глазами, не отвлекаясь от этого занятия даже во время законодательных актов. Хотя, казалось бы, могла бы уже почувствовать.

Ей хорошо, дурочке. И она готова и дальше отдавать ему себя и своих детей».

Итак, первое, что обращает на себя внимание в вышеприведенном памфлете, — это особая плотность текста, связность почти всех его элементов. Как известно, связность — это «семиологическая категория, представляющая собой основной текстообразующий фактор» [9, с. 376]. На материале политических текстов было показано, что «к числу обеспечивающих связность текста элементов языка во многих случаях относятся и система метафор <...> Организующим стержнем этой системы становится та или иная метафорическая модель» [10, с. 128]. Более того, применительно к текстам публицистического стиля доказано, что в них, помимо традиционных средств межфразовой связи используются «те средства, которые не только объединяют предложения, но и усиливают воздействующую сторону газетной речи, т.е. совмещают функцию связи и какую-либо стилистическую функцию (оценочную, характерологическую, подчеркивания отдельных элементов текста и т. д.)» [9, с. 379-380]. На примере текстов рассматриваемого типа особенно хорошо заметно совмещение текстообразующей и оценочной функций метафорической модели.

Инвективная семантика публикации прочитывается уже в вопросительной интонации заголовка, выражающей авторское сомнение в том, что единение российского народа и его руководителя имеет духовную основу. Все присущие речевому жанру «Оценка ситуации» интенции реализуются далее в тексте использованием двух образных метафор — России как молодой женщины и ее растлителя. Тем самым можно говорить о доминировании одной метафорической модели, из которой выводятся разнообразные следствия, конгруэнтные, с точки зрения автора, описываемому положению дел. Избранная модель как бы проверяется данным текстом на эвристичность. «Чем больше признаков входит в основание сравнения, тем выше моделирующее качество метафоры» [11, с. 213]. Эти признаки в поверхностной структуре текста представлены в виде набора метафорических пропозиций. В данном тексте такими пропозициями становятся: «Россия — это женщина», «Путин ведет себя как растлитель» и весь набор следствий из контаминации этих двух пропозиций («Путин польстил России», «Россия закрыла глаза», «Россия любит силу, водку и побрякушки», «Россия — дурочка», «Россия была юной», «Россия и Путин — любовная пара», «Россия любит себя», «Россия отдает Путину своих детей»).

Зачин, который представлен первым предложением текста, вводит метафорическую модель, содержащую стилистически маркированный элемент «растление», что задает инерцию оценки всему последующему тексту. Вторая часть статьи как будто бы исследует причины установившегося положения дел, однако аргументация авторской позиции здесь подменяется формами создания диалогичности: риторические вопрос и восклицание, прямое обращение к читателю («согласитесь»). Основной тип речи второй части – повествование, что вполне естественно. Необходимо только добавить, что цепочка глаголов прошедшего времени совершенного вида, столь характерная для данной речевой формы, целиком состоит из метафорических звеньев.

Третье коммуникативное действие жанровой модели – подтверждение инвективной оценки – в данной публикации метафорически описывает авторское видение современной внутрисполитической ситуации в России. Собственно метафорическая модель и является здесь основой оценки, несмотря на использование и других оценочных компонентов, например разговорного «дурочка». Памфлет построен на подтверждении инвективы эмоциональными аргументами, фактуальные аргументы в публикации отсутствуют. Степень доверия читателя к тому, о чем здесь говорится, по всей видимости, находится в прямой зависимости от удачности наложения (то есть от количества соответствий) выбранной метафорической модели на ситуацию, т.е. подтверждением оценки, выраженной метафорической моделью, является сама эта модель.

Любопытно отметить, что, согласно «теории ментальных моделей», читатель воспринимает любой текст посредством создания его модели. «На первой стадии поверхностное понимание (understanding) высказывания создает пропозициональную репрезентацию, которая близка к поверхностной форме предложения. <...> Вторая стадия понимания, которая является факультативной, использует пропозициональные репрезентации в качестве основы для построения ментальной модели, структура которой аналогична положению дел, описываемому дискурсом» [12, с. 235]. При понимании обычных текстов, согласно Джонсону-Лэрду, ментальные модели суть продукт активной интерпретативной деятельности читателя, направленной на конструирование и корректировку модели: «...ментальная модель есть единичный представительный образец из множества моделей, удовлетворяющих утверждению. При этом не предполагается, что множество моделей, удовлетворяющих тексту, уже построено, и из этого множества выбирается образец» [12, с. 254 – 255]. Можно сделать предположение, что при восприятии текстов, развернутых с помощью метафорической модели, эта последняя будет во многом совпадать с ментальной моделью текста, и, значит, она предзадана читателю, а не формируется его перцептивной активностью. Это позволяет сделать вывод о возможности таких текстов быть средством манипуляции.

Важно отметить, что эстетический и прагматический эффект от подобных текстов создается за счет постоянного переключения с прямого прочтения на метафорическое и наоборот, то есть за счет читательского осознания «семантической двуплановости» метафоры, которая является ее основополагающим свойством [13].

Чтобы полнее раскрыть особенности текстов, построенных на развертывании одной метафорической модели, рассмотрим фельетон Ольги Серебряной, опубликованный в 19-м номере журнала «Город 812» от 09.06. 2014.

«Лиса знает много вещей, а еж только одну, но большую

В последние недели стало ясно, что машина времени все-таки была изобретена – иначе как объяснить стремительное погружение Великой России в далекое прошлое? В Сети, например, сейчас только и разговоров что про школьную программу по литературе, Толстого, Солженицына и «Архипелаг ГУЛАГ».

<...>

Разгорелась дикая дискуссия, потому как знатоки сразу же вспомнили, что лет 150 назад современники предъявляли ту же претензию Толстому: в «Войне и мире», мол, сознательно искажены многие факты, поэтому читать роман нет

никакого смысла. Что же теперь – и Толстого не изучать? Да это же святотатство!

Труднее всего понять, почему фактографические огрехи Толстого оказались вдруг такой животрепещущей темой. Я, помню, читала подробный обзор документально-мемуарных опровержений разных реалий из толстовского романа в эссе Исайи Берлина «Еж и лиса» (1953). То есть в 1953 году все было уже давно упорядочено и выстроено в линейку. Но эссе мне это вспомнилось по другой причине. Берлин начинает свое исследование о Толстом с цитаты из Архилоха: «Лиса знает много вещей, а еж – только одну, но большую».

Похоже, **именно этот классификационный принцип**, который позволил Берлину объяснить кажущиеся противоречия толстовского мировоззрения, **полезен для понимания** текущего состояния российских умов. Дело в том, что **оппозиционная интеллигенция в России явно ежовая**. Единственная известная ей большая вещь – это школьная программа по литературе и место в ней Великого Писателя Земли Русской. Исходя из этой громадной вещи она готова объяснять **все подряд** – от политических процессов до сроков отключения горячей воды в летний период.

Беда только, что интеллигенции в России противостоят не такие же государственные ежи, знающие одну большую истину (например, про роль Сталина в истории), а форменные лисы. И вот пока ежики ломают друг другу иголки в спорах о Солже, государственные лисы занимаются зачисткой общественного поля от подобных себе, но оппозиционных лис. Например, публично выясняют степень плоскостопия, которым страдает соратник Навального Григорий Албуров. Албуров, как выясняется, не служил в армии по причине плоскостопия. Поэтому глава Союза ветеранов Афганистана, депутат от ЕР Франц Клинецвич обратился к военному комиссару Москвы с такими словами: «Плоскостопие господина Албунова – не такой серьезный диагноз, как помешавшие военной службе его руководителя 2-на Навального врожденные пороки развития органов и систем мозга. С диагнозом плоскостопие один из моих сослуживцев призывался в ВДВ, десантировался в экипаже боевой техники, участвовал в боевых операциях».

Мораль, в общем, ясна: хочешь быть оппозиционером в России – обсуждай место Солжа в школьной программе. А если тебя волнуют откаты, офшоры, проблемы ЖКХ и прочие мелкие истины, то имеется три опции: в тюрьму, под домашний арест или в войска ВДВ.

Ежам же из интеллигенции вроде бы и хочется обсудить эти мелкие темы, но они же ежи, и где хочется, там и колетса».

Фельетон можно отнести к речевому жанру «Оценка ситуации», поскольку его композицию составляет все та же последовательность коммуникативных действий: 1) привлечение внимания к объекту речи, 2) выделением противоречий в нем; 3) аргументацией своего неприятия к существующему положению дел. Фельетон построен так, что, отталкиваясь от конкретного случая, приходит к обобщающей характеристике общественной ситуации. Такому обобщению способствует аллегорическая форма письма. Первое коммуникативное действие выражено сообщением об интернет-дискуссии по поводу школьной программы по литературе, и здесь автором сразу же метафорически обозначены параметры общественной ситуации – Россия погружается в прошлое. Далее эта оценка подтверждается некоторыми историческими фактами. Центральная часть публикации, которая посвящена отражению положения дел в определенном общественном пространстве, показывает характер отношений между разными участниками ситуации. Оценка противоречий между ними в данной ситуации осуществляется введением метафорической модели, которая поднимает негативную оценку до уровня обобщения относительно современного общества, точнее «текущего состояния российских умов». Разъяснением метафоры «интеллигенция – ежи»

вскрывается, по существу, общественное противоречие («ежам» противостоят «лисы»), после чего описывается поведение «лис». Причины противоречий не вскрываются, хотя принимая во внимание отсылку к историческим фактам в виде аллюзий, можно сделать вывод о том, что такое положение дел имело место в России всегда. Не предлагается и возможного выхода из сложившейся ситуации, то есть оценка в этой статье, как и в предыдущей, носит окончательный и обличительный характер с налетом обреченности. Дополнительным средством выражения оценки выступает ирония, формирующаяся использованием гиперболы и литоты: «исходя из этой громадной вещи», «прочие мелкие истины».

Фельетон Ольги Серебряной заметно отличается от памфлета В. Шендеровича по занимаемому ключевой метафорой объему, однако тот факт, что реализации базовой метафорической модели занимают сильные позиции текста (заголовок и окончание), а также распределение смысловой нагрузки позволяют отнести статью к выделенному типу*. Поэтому мы с полным правом можем сопоставить две эти публикации.

Текст Ольги Серебряной написан в жанре фельетонного комментария, в то время как текст Виктора Шендеровича скорее можно отнести к памфлету. Тем самым высоковероятно, что техника развертывания метафоры не знает жанровых границ в журналистике. Многие композиционно-структурные различия материалов объясняются именно их разной жанровой природой, например в публикации «По любви?» метафорическая модель вводится первым предложением, что практически невозможно для комментария, в начале которого необходимо обрисовать комментируемую ситуацию. Фельетон Ольги Серебряной насыщен фоновой по отношению к основному смыслу, сосредоточенному в метафорической модели, информацией, рассуждение же Виктора Шендеровича направлено исключительно на осмысление одной проблемы в жестких рамках метафорической модели. Из этого можно сделать вывод, что метафорическая модель со своими следствиями может быть как единственным содержанием текста, так и его образным каркасом, к которому «прикрепляется» та или иная информация.

Основное отличие материала Серебряной заключается в типе базовой метафоры, и дело даже не в том, что здесь используется зооморфная метафора в противовес антропоморфной в первом случае. Иной сам характер метафоризации: основания сравнения не обнаруживаются в ходе развертывания текста, а задаются сразу же двойной отсылкой к Берлину и Архилоху, эти основания эксплицирующей. Следовательно, признаки, которые переносятся на объекты метафоризации (либералов и чиновников), не вычлениваются читателем из структуры метафорических концептов «еж» и «лиса», а указываются автором, как бы объясняющим смысл метафоры. Поэтому в тексте О. Серебряной метафорические пропозиции являются скорее эмоциональной иллюстрацией метафорической модели, а не ее прямыми следствиями. Однако их текстовая подчиненность этой модели, как и эмоциональный характер используемой аргументации, не вызывают сомнений.

Из неслучайных сходств также следует обратить внимание на то, что в обоих случаях заголовок антиципирует метафорическую модель, что является довольно важным показателем текстообразующей силы последней. Именно эта сила и позволяет выделить в медиасфере среди текстов, развернутых с помощью метафор, отдельный подтип, который условно можно назвать одномодельным.

В целом, можно согласиться с выводом, полученным на основе анализа политических текстов: «...развертывание в тексте метафорической модели (особенно при метафоричности заголовка) может быть важным средством создания образной когезии, отношений проспекции и ретроспекции, которые, в свою очередь, способствуют обеспечению связности политического текста и целостности его восприятия» [10, с. 131]. Однако

* Легко заметить, что невыделенные (неметафорические) фрагменты текста либо служат зачином для того, чтобы ввести метафорическую модель, либо поясняют ее.

стоит помнить о том, что развертывание метафорической модели (возможное, кстати, не только в политических текстах) задает тексту не только внутреннюю связность, но и особый характер всей текстовой конструкции, который необходимо учитывать.

Обобщая, можно отметить следующее. В журналистских текстах метафора может выступать средством развертывания текста, причем это развертывание подчиняется общим, присущим данной профессиональной сфере закономерностям развития идей.

Следует подчеркнуть, что такие тексты вызываются к жизни потребностью в ярко оценочном высказывании относительно каких-либо социальных явлений. Рассмотренные подтипы подобных текстов и их развертывания можно условно обозначить как многомодельный и одномодельный. В текстах первого подтипа происходит сложное взаимодействие метафор, рисующее особый смысловой узор. Тексты второго подтипа представляют собой совокупность следствий одной метафорической модели.

Все рассмотренные тексты, относясь к жанру «оценка ситуации», трансформируют выявленную жанровую схему за счет в первую очередь отсутствия фактуального подтверждения выносимой оценки. Используемая аргументация носит эмоциональный характер, поскольку в качестве аргументов активно использует аллегорические описание и повествование.

Список литературы

1. Стилистика русского языка и литературное редактирование / Под ред. Л. Р. Дускаевой (В печати).
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. — М.: Гнозис, 2006. — 376 с.
3. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. — СПб.: Изд. 2-е. — СПбГУ: Филол. факультет, 2012. — 247 с.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон — М.: ЛКИ, 2008. — 256 с.
5. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. — 2003. — № 2. — С. 73 — 94.
6. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. — М., 1995. — 491 с.
7. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // *Metaphor and thought*, ed. by Ortony A. — Cambridge, 1993. — P. 202 — 251.
8. Лапина Э. А. Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) // *Метафора в языке и тексте*. — М.: Наука, 1988. — С. 134 — 145.
9. Которова М. П. Связность речи (как текстовая категория) // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной*. — 2-е изд. — М. Флинта : Наука, 2006. — С. 376 — 381.
10. Шехтман Н. Г. Реализация текстообразующей функции концептуальной метафоры в политическом тексте // *Политическая лингвистика*. — 2008. — №3 (26). — С. 128 — 131
11. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во РГПУ, 2007. — 819 с.
12. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // *Новое в зарубежной лингвистике*. — М., 1988. — Вып. XXIII. — С. 234 — 257.
13. Скляревска, Г. Н. Метафора в системе языка. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

THE FEATURES OF JOURNALISTIC TEXTS EXPLICATED BY METAPHORS

K.S. Filatov

*Saint Petersburg
State University*

*e-mail:
farewell-arms@ya.ru*

This article analyses the ways of metaphorical texts explication. It is possible to speak about two the most stable types of texts in contemporary media sphere that marked by the way of metaphorical explication. The first type explicates several metaphorical models and the second type explicates one metaphorical model. These types are chosen by the journalist for assessment of different social phenomena.

Keywords: metaphor, journalist's assessment intention, assessment of the situation, metaphorical model, expansion of metaphor.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013.43-053.6:79

ОСОБЕННОСТИ АНИМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОДРОСТКАМИ: ПОИСК НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

П. А. Зверев

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Z-O-V-V@yandex.ru*

В статье рассмотрены особенности анимационной деятельности с подростками. Выделяются этапы организации подготовки и проведения мероприятий анимационного характера. Подчеркивается важность анимационной деятельности подростков в системе дополнительного образования. В статье предпринята попытка обоснования роли анимационной деятельности при работе с творческим подростковым коллективом.

Ключевые слова: анимационная деятельность, творчество, подростки, система дополнительного образования.

Введение

Система дополнительного образования в современных условиях представляет собой структурированное, необходимое педагогическое поле, направленное на развитие творческой деятельности учеников. Однако, как и любая другая система, дополнительное образование не должно стоять на месте, необходимо использовать инновационные подходы для выявления талантов детей, а также для пробуждения в них интереса к посещению кружков, секций, клубов и т. д.

Одним из таких инновационных подходов является внедрение анимационной деятельности в дополнительное образование. Анимационная деятельность рассматривается нами и как отдельная независимая деятельность, направленная на проведение и организацию мероприятий и праздников для детей, и как важное педагогическое средство, направленное на помощь в организации основных видов деятельности дополнительного образования: театрального, музыкального, хореографического и т. д. Анимационная деятельность на сегодняшний момент привлекает внимание многих педагогов, стремящихся улучшить и повысить уровень системы дополнительного образования.

Анимационная деятельность подростков как педагогическая проблема

Анимационная деятельность в образовательном процессе является относительно новой сферой. Её зарождение началось во Франции в начале XX века. Постепенно формировались различные концепции не только во Франции, но и в других странах Европы, в том числе и в отечественной педагогике. Наиболее значимыми концепциями, на наш взгляд, являются: социокультурная анимация как часть социально-культурной педагогики Н. Н. Ярошенко [9, с. 78]; концепция социологии досуга Ж. Дюмазедье; анимационная модель социально-культурной деятельности во Франции Е. Б. Мамбекова [3, с. 5] и др.

На сегодняшний момент вопросами развития анимационной деятельности в педагогике занимаются такие учёные как: В. Г. Бочарова, М. С. Петрова [5], В. С. Плотникова [6], М. Г. Тишковская [7], Е. Н. Фёдорова, И. И. Шульга и др.

На наш взгляд, анимационная деятельность является одним из средств совершенствования общего и дополнительного образования, но пока недостаточно изученного в педагогике.

В своих работах В. Г. Бочарова рассматривает анимацию как профессиональную деятельность, имеющую тесную взаимосвязь с организацией творческого поиска в досуговой деятельности, а также способную оказать помощь в развитии процесса формирования организованной группы и её членов на уровне общественных отношений и культурного формирования. Определение данное В. Г. Бочаровой достаточно полное, однако оно не раскрывает анимационную деятельность в контексте дополнительного образования, тем самым не выявляя полный спектр её возможностей.

Интересное определение анимационной деятельности даёт М. В. Никитский, который трактует её как часть культурной и воспитательной системы общества, как своеобразную социально-педагогическую деятельность, в которой ведущую роль играют аниматоры, профессиональные или добровольные, обладающие специальной подготовкой и использующие, как правило, методы активной педагогики [4, с. 10]. Мы разделяем точку зрения М. В. Никитского, акцентирующего внимание на работе аниматоров, имеющих профессиональную подготовку, однако хотим дополнить его определение и рассмотреть анимационную деятельность как проявление специфической потребности личности в культуре, творчестве, общении посредством организации и проведения мероприятий государственного и личного характера в рамках системы дополнительного образования.

В исследованиях И. И. Шульга понятие «педагогическая анимация» определяет как часть «культурной и воспитательной системы общества, которая закреплена в виде особой модели организации различных видов социально-одобряемого досуга разных возрастных, социальных и национальных групп» [8, с. 45]. Определение, данное И. И. Шульга, недостаточно, на наш взгляд, раскрывает патриотическую и этническую стороны анимации, не раскрывает анимацию, как творчество, а именно творческая деятельность является важной особенностью анимационной деятельности.

Ключевым моментом при изучении анимационной деятельности выступают работы выдающегося французского социолога и педагога Ж. Дюмазедье. Он одним из первых в начале XX в. изучал вопросы, связанные с анимацией и сделал акцент на следующих признаках анимационной деятельности [1, с. 31]:

1. Организация свободного времени, направленного на выражение собственного «я» личности с целью помощи себе и окружающим, проведение праздников и мероприятий, но отсутствие праздности;

2. Творчество в анимационной и любой другой деятельности есть самоотдача, а не потребительство и удовлетворение низменных пороков;

3. Установление равновесия между досуговыми запросами личности или коллектива и их социально-профессиональной деятельностью. Организация анимационной деятельности не должна мешать профессиональной и учебной деятельности школьников и педагогов;

4. Педагогический контроль, направленный на образование и самообразование личности школьника.

Ж. Дюмазедье акцентирует внимание на проведении праздников и мероприятий, при организации которых будет происходить опора на коллективную, групповую и индивидуальную форму работы, на различные виды мотивов (внешние мотивы, мотив саморазвития и др.). Также Дюмазедье подчёркивает осуществление особенностей анимационной деятельности только при трёх взаимосвязанных процессах: создание условий для раскрытия личности или группы; установление межличностных отношений; творчество как решение проблем в окружающем мире.

Учёт этих процессов поможет в развитии анимационной деятельности, так как раскрытие личности или группы позволит сплотить коллектив аниматоров, межличностные отношения укрепят взаимосвязи с педагогическим, родительским и админи-

стративным коллективом, а творчество позволит раскрыть мотивационную и коммуникативную стороны каждого аниматора [2, с. 127].

Мы полностью согласны с мнением французского педагога и социолога. Особенно хотим подчеркнуть его высказывания о творчестве как самоотдаче, отсутствии праздности при проведении мероприятий и ненавязчивом педагогическом контроле. Поскольку здесь видим ключевую и главную особенность анимации, заключающуюся в творческом росте своего «Я», победе над негативными сторонами личности и взаимодействии педагогов и воспитанников при организации праздников с целью развития этнических, коммуникативных и мотивационных сторон жизни коллектива.

Характерные особенности анимационной деятельности с подростками в системе дополнительного образования

На основе исследования работ в области анимации, изучения системы дополнительного образования, а также анализа собственной творческой деятельности попытаемся выделить некоторые особенности анимационной деятельности с подростками:

1. Анимационная деятельность является своеобразным педагогическим инструментом, ведущим к объединению членов коллектива. В процессе анимации проявляются такие внутренние состояния как сочувствие, альтруизм, смех, поддержка; анимация побуждает заниматься по-настоящему интересным, необычным видом деятельности; анимация помогает найти друзей благодаря открытой атмосфере общения, быстрому укреплению связей в момент организации творческой деятельности;

2. Анимация - уникальное поле, способное сочетать в себе различные виды искусства. В процессе анимационной деятельности подростки включаются в различные виды творчества: художественное, музыкальное, театральное; используют исторические, творческие, ораторские факты, необходимые при подготовке мероприятий; примеряют различные роли: от сценариста до аниматора. Благодаря этому подростки становятся «гибкими» в творческом плане, так как разнообразная деятельность формирует креативность и побуждает к творческому поиску;

3. Анимационная деятельность способна удовлетворить потребности аудитории релаксационного, профилактического, психотерапевтического характера. Анимация в играх, конкурсах и постановках может помочь физическому и духовному здоровью собравшихся. Все игры праздника должны быть полезными для физического здоровья (благодаря подвижным упражнениям), направить аудиторию на позитивный настрой (благодаря смеху) и помочь в устранении основных фобий участников (например, боязнь выступать публично в момент проведения конкурсов) с помощью положительной и доброй атмосферы, поддержке, советов, помощи;

4. Правильная организация анимационной деятельности способствует изучению фольклорных, этнических, религиозных особенностей нашей страны через демонстрацию праздников и мероприятий. Праздники и мероприятия в основе своей состоят из интересных заданий, творческих упражнений, подвижных игр и различных конкурсов. Также ни один из праздников не обходится без музыкального и танцевального сопровождения. Всё это является неотъемлемой частью народного славянского фольклора повествующего об особенностях нашей культуры. Помимо этого большинство праздников посвящены тому или иному историческому или религиозному событию, соответственно в них проявляются обряды и ритуалы нашего народа. Аниматоры, организующие праздники и мероприятия учитывают этнические, религиозные и исторические аспекты нашей культуры, стараясь раскрыть её в играх, упражнениях и конкурсах;

5. Анимационная деятельность организует свободное время подрастающего поколения, в частности подростков. На сегодняшний момент уровень развлечений достиг своего апогея: компьютерные игры, интернет, современный кинематограф. Всё это зачастую вредно, особенно для подростков. Анимационная деятельность благодаря разнообразию форм организации позволяет заполнить свободное время воспитанни-

ков и отойти от пагубных привычек. Анимация увлекает своей разносторонностью, позволяет разобраться во многих видах творческой деятельности, познакомиться с интересными людьми и при этом узнать много нового и интересного;

6. Анимационная деятельность способна повысить уровень системы дополнительного образования благодаря широкому спектру творческих возможностей. Наряду с дополнительным образованием конкурируют развлекательные центры и современные развлечения. Большинство детей стремится к лёгкому времяпрепровождению, рассматривая занятия в кружках и секциях как продолжение школьных уроков. Анимация позволяет избежать этого стереотипа и предоставляет широкий спектр различных творческих заданий, выражающихся в играх, конкурсах, создании декораций, открыток, плакатов, костюмов, написанию собственных сценариев, приглашению гостей и т.д. Анимационная деятельность видится подростками не как занятие, а как необычное времяпрепровождение. При помощи анимационной деятельности воспитанников можно заинтересовать в различных кружках: театральном, хореографическом, музыкальном и т.д.;

7. Анимационная деятельность положительно влияет на мотивационные стороны подростковой личности, сочетая в себе педагогические приёмы и элементы самоуправления школьников, а также организуя ситуации успеха в моменты подготовки и проведения мероприятий. Зачастую подростки не уверены в себе, критичны, стремятся к самобичеванию. Анимационная деятельность позволит поднять их уровень самооценки. Поскольку здесь любой промах и неудачу можно перевести в шутку или импровизацию. Благодаря тому, что праздник ведут сразу несколько аниматоров, даже если один находится на недостаточно высоком уровне, остальные его поддержат. В отличие от театральной деятельности, где каждый играет свою роль, здесь аниматоры играют общую роль (реплики не строго закреплены за каждым персонажем на празднике, поэтому, если один из аниматоров забывает слова, остальные говорят их, тем самым помогая, и поддерживая друг друга). Критичность к внешности и поведению нивелируется гримом и костюмами, а неуверенность постоянными публичными выступлениями.

Этапы технологии анимационной деятельности с подростками

В процессе поиска новых технологий анимационной деятельности необходимо рассмотреть её основные этапы:

1. Подготовительный: сплочение подросткового коллектива; преодоление фобий и устранение негативных качеств подростков; формирование гуманных качеств личности; обучение ораторским, риторическим, театральным и поэтическим приёмам декламации; изучение подростками психологических и педагогических приёмов и способов общения с аудиторией;

2. Аналитический: изучение истории анимации; изучение основных анимационных, творческих концепций; изучение классификации праздников и мероприятий государственного, этнического, личного характера; изучение структуры организации и проведения анимации; изучение наполнения анимационной деятельности: конкурсов, игр, произведений фольклора (частушки, прибаутки, загадки и т. д.).

На этом этапе педагог дополнительного образования готовит подростков к профессии аниматора: рассказывает о видах и классификациях мероприятий, воспитывает в подростках основные качества будущего аниматора, обучает тонкостям проведения игр и конкурсов;

3. Конструктивный: выбор темы мероприятия; написание сценария; выбор места и времени проведения; приглашение администрации, педагогов, родителей и детей; подбор реквизита; создание костюмов; подбор музыки и аппаратуры; создание и рассылка приглашений; совместное проведение репетиций.

На данном этапе педагог дополнительного образования проводит встречу с администрацией направленную на утверждение сценария и организацию мероприятия.

Осуществляется беседа с родителями и врачами, на которой выявляются особенности психологического и физиологического здоровья участников. Совместно с подростковым коллективом происходит организация мероприятия. Важной особенностью является самостоятельная подготовка подростков к празднику под руководством педагога дополнительного образования;

4. Организационный: проведение мероприятия; объяснение зрителям сюжета праздника; совместное участие подростков и аудитории в играх и конкурсах; проведение фотосессии; вручение призов и подарков участникам.

На этом этапе педагог дополнительного образования совместно с подростковым коллективом проводит мероприятия, то есть осуществляет анимационную деятельность, состоящую из приветствия, объяснения сюжета, участия зрителей в играх и конкурсах, посредством которых будут достигнуты цели праздника. В завершении анимации осуществляется фотосессия, вручение призов и прощание. Важными особенностями выступают: участие всех зрителей в празднике; сплочение всех участников в единый коллектив; улучшение физиологического, психологического, духовного состояния; знакомство зрителей через анимационную деятельность с этническими, культурными, творческими сторонами нашего общества и государства;

5. Рефлексивный: обсуждение с подростковым коллективом успехов и неудач проведённой анимационной деятельности; выдвижение предложений по устранению негативных ситуаций в ходе проведения анимационной деятельности, оценка и одобрение участников.

На данном этапе педагог акцентирует внимание подростков на различных сторонах проведённого мероприятия. Подчёркивает успехи и совместно с воспитанниками ищет пути решения из отрицательных событий праздника.

В ходе экспериментальной работы автор статьи, являясь педагогом дополнительного образования в Православной гимназии г. Белгорода, свою цель видит в объединении анимационной деятельности и поэтического искусства через организацию мероприятий и праздников различного характера в подростковом коллективе. При организации анимационной и поэтической деятельности решались следующие задачи:

1. Выработка постоянного устойчивого интереса к поэзии и анимации в процессе разбора стихотворений великих поэтов, публичной декламации произведений, организации и участия в поэтических вечерах и анимационных праздниках; постановка голоса и речи благодаря разнообразным дыхательным и речевым упражнениям, чтение пословиц, поговорок, тавтограмм;

2. Изучение истории поэзии, анимации, ораторства и риторики посредством проведения презентаций, ролевых игр, дискуссий, диалогов; формирование умения грамотно и красиво излагать свои мысли в поэтической и риторической форме, опираясь на опыт поэтов и ораторов, изучаемых в процессе занятий;

3. Формирование единого творческого коллектива благодаря совместной организации поэтических вечеров, проведению игр, совместных мероприятий и праздников;

4. Повышение состояния физиологического, психологического и духовного здоровья воспитанников на занятиях с помощью игр, бесед, праздников.

Для эффективности занятий, вызова интереса к поэзии и анимации, а также для развития творческой деятельности воспитанников на занятиях учитывались следующие организационно-педагогические требования:

1. Поэтические: чтение стихотворений с разным эмоциональным и голосовым оттенком; показ стихотворения с помощью пантомимы и рисунков; чтение стихотворений в различных местах: коридорах, рекреациях, площадках; чтение стихотворений в различном положении корпуса тела; совместное чтение поэтических произведений; чтение стихотворений с музыкальным сопровождением; организация и проведение поэтических вечеров;

2. Ораторские: вербальные, невербальные упражнения, упражнения на пластику, дыхательные упражнения; поэтические и ораторские «битвы» (поочерёдное из-

ложение текстов воспитанниками); чтение текста на публике; чтение текстов в различной атмосфере: при полном шуме, при полной тишине, в мельтешении коллектива, при очень громкой музыке;

3. Оформительские: примерка костюмов; создание и расположение декораций; проведение и участие в играх; совместное исполнение песенных композиций; организация и осуществление конкурсов; проведение репетиций различных праздников: национальных, школьных, религиозных, государственных;

4. Коммуникативные: ролевые игры («побудь поэтом», «я – оратор», «анимационная сказка» и т. д.); психологические беседы; тренинги; индивидуальная помощь каждому воспитаннику; проведение игр на сплочение коллектива («снежный ком», «свечка», «правда и ложь» и т. д.).

Вышеизложенные требования позволили сделать каждое занятие насыщенным, необычным, увлекательным. Включение поэзии в анимационную деятельность положительно влияет на организацию и проведение мероприятий. Сценарии, изложенные в стихотворной форме, быстро запоминаются и заставляют зрителей мыслить творчески и нестандартно. Большинство славянских игр и конкурсов, проводимых в процессе анимационной деятельности, излагаются в стихотворной форме – это благоприятно сказывается на участии всей аудитории в анимации. Благодаря поэзии зрители, присутствующие на мероприятии, лучше запоминают этнические, культурные, творческие стороны нашего общества. В процессе анимационной деятельности самыми распространёнными играми в поэтической форме стали: буриме, загадки, частушки, пословицы, поговорки, «продолжи стихотворение», «смешные рифмы», бесконечное стихотворение и т. д.

От педагога дополнительного образования требуются глубокие знания по русскому языку, литературе, риторике, педагогике и психологии. Подчеркнём – поэтическое искусство является специфическим и подходит не для каждого подростка и зрителя, поэтому некоторые конкурсы не всегда имеют должный успех. Это побуждает нас искать новые творческие пути, направленные на благоприятное взаимодействие анимационной деятельности и поэзии.

Заключение

В нашем обществе есть потребность в анимационной деятельности для детей, но на единой профессиональной основе, которую должны обеспечивать педагоги дополнительного образования. Поэтому мы стремимся не только к объединению подростков в коллектив, раскрытию их творческих способностей и талантов, но также к улучшению состояния физического и психологического здоровья через подвижные игры и смехотерапию. В момент обучения анимации и организации мероприятий подростки узнают этнические и творческие составляющие славянской культуры, знакомятся с поэтическими и ораторскими приёмами, учатся риторике. Прикасаются к трудам великих педагогов, психологов, поэтов.

Таким образом, анимационная деятельность, выступая средством дополнительного образования содержащая в себе элементы поэзии, благоприятно влияет на подростков при профессиональной подготовке педагога дополнительного образования. Школьники в период отрочества при подготовке мероприятия осваивают множество профессий: аниматор, сценарист, поэт, гримёр, костюмер, декоратор, оратор и многие другие. Вышеизложенное даёт нам право подчеркнуть важность анимационной деятельности в современном обществе и заявить о ней, как об актуальном средстве системы дополнительного образования.

Список литературы

1. Дуликов В. З. Социально-культурная работа за рубежом: Учебное пособие / В. З. Дуликов. – М.: МГУКИ, 2008. – С. 57.
2. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

3. Мамбеков Е. Б. Организация досуга во Франции: анимационная модель: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 1992.

4. Никитский М. В. Теоретические и исторические аспекты современной социокультурной анимационной деятельности / М. В. Никитский // Вестник ПСТГУ. Серия IV. Педагогика. Психология. – 2008. – № 3. – С. 28.

5. Петрова М. С. Анимационная деятельность как средство социального воспитания студентов вуза: диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02. – Кострома, 2007.

6. Плотникова В. С. Фёдорова Е. Н. Подготовка будущих педагогов-аниматоров в контексте ценностно-смыслового подхода / В. С. Плотникова, Е. Н. Фёдорова // Фундаментальные исследования. – № 3. – 2012.

7. Тишковская М. Г. Тенденции распространения социокультурной анимационной деятельности в муниципальных образованиях современной России. <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6038.pdf>

8. Шульга И. И. Развитие профессионального образования организаторов детского досуга в теории и практике педагогической анимации // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 1. – С. 44 – 51.

9. Ярошенко Н. Н. Социально-культурная анимация: Учебное пособие / Н. Н. Ярошенко Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва, 2004. – 108 с.

PECULIARITIES OF ENTERTAINMENT ACTIVITY WITH TEENAGERS: IN SEARCH FOR NEW TECHNOLOGIES

P. A. Zverev

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
Z-O-V-V@yandex.ru*

The article describes the features of entertainment activities with teenagers. The steps of organization and conduction of entertainment activities are distinguished in the article. This article emphasizes the importance of entertainment activity with teenagers in the system of additional education. It attempts to prove the role of entertainment activities when working with creative teenage team.

Keywords: entertainment activity, creativity, teenagers, system of additional education.

УДК 371:378

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В. Н. Кормакова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: kormakova@bsu.edu.ru

Статья посвящена проблеме педагогического сопровождения процесса профессионального самоопределения выпускников общеобразовательных организаций. Особый акцент в разрешении данной проблемы сделан на рассмотрение способов сопровождения, направленных на развитие самосознания самостоятельно определяющейся в будущей профессии личности обучающегося, запускающей механизмы самовоспитания, саморазвития, самоорганизации, самореализации. При этом происходит активизация сущностных сил, творческого потенциала личности.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, педагогическое сопровождение самоопределения, выпускники общеобразовательных организаций.

Введение

Обращение к проблеме педагогического сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников (ПСПС) обусловлено возрастающим вниманием общества, современного производства, педагогической науки и практики к общеобразовательной организации как основному социокультурному институту, способному оказать грамотное педагогическое сопровождение выпускника школы как будущего работника современного производства, осознанно и самостоятельно определяющего для себя сферу будущей профессиональной деятельности сообразно своим склонностям, интересам, возможностям [4]. В педагогической науке и в практике общеобразовательной организации зарождается и получает свое развитие новая культура – культура оказания поддержки и помощи, содействия самоопределению старшего школьника посредством организации его учебно-профессиональной деятельности. В контексте сказанного мы основываемся на мысли о том, что самоопределение старшеклассников из управляемого педагогами должно стать процессом самоуправляемого развития, в котором целенаправленно актуализируются и развиваются личностные качества и способности, необходимые в труде [5].

На протяжении многих лет учеными и практиками-педагогами культивировалась идея о необходимости направлять и управлять развитием ребенка, формировать личностные качества в соответствии с требованиями общества. Однако приходится констатировать, что подобная педагогическая практика, к сожалению, не имела своей целью актуализацию собственного потенциала развития и саморазвития личности ребенка, развития его природных задатков, удовлетворения его собственных интересов, потребностей и желаний [6]. При этом следует оговорить, что, несмотря на необходимость свободы самоопределения, будет скорее рискованно пустить этот процесс «на самотек». Поэтому совершенно необходимым для выпускников общеобразовательных организаций является педагогическое сопровождение данного процесса как наиболее адекватный способ педагогической деятельности.

Понятие педагогического сопровождения самоопределения личности

Исследование феномена педагогического сопровождения профессионального самоопределения (ПСПС) старшеклассников позволяет отразить его внешние отношения и свойства, являющиеся необходимым условием познания сущности изучаемого объекта. Успешность профессионального самоопределения старшеклассников может быть достигнута благодаря специально организованному педагогическому сопровождению этого процесса, и в этой связи следует определить его феноменологию [7].

В основе определения сущности понятия «педагогическое сопровождение» лежит словарное значение термина. Так, словарь русского языка С. И. Ожегова трактует сопровождение как «следование рядом, вместе с кем-нибудь, ведя куда-нибудь или идя за кем-нибудь» [10, с. 611]. При этом этимология понятия также предполагает взаимодействие и содействие всех субъектов данного процесса. Нам представляется, что понятие «сопровождение» включает условно следующие компоненты: субъектов процесса сопровождения и тот путь, который они должны пройти вместе за определенное время при определенном содержании взаимодействия [5].

Толковый словарь В. И. Даля трактует понятие «сопровождение» как действие по глаголу «сопровождать» - «провождать по пути, идти вместе с кем-либо» [3], а понятие «сопроводитель» - как того, кто сопровождает, где приставка «со» предполагает объединение усилий и действий субъектов сопровождения, т.е. взаимодействие сопровождающего и сопровождаемого, который является «путником», находящимся на перепутье [там же]. Отсюда можно сделать вывод о том, что подобная трактовка созвучна с задачами самоопределения личности старшего школьника, который стоит на пороге большого жизненного и профессионального пути, перед решением сложных жизненных задач: овладением культурой общества, культурой личности, культурой самоопределения, сферой будущей профессиональной деятельности. Старший школьный возраст - период, когда объективно увеличивается количество жизненных стратегий, тактик их проектирования, профессиональных планов, образовательных маршрутов, которые необходимо освоить и реализовать выпускнику школы. Совершенно очевидно, что на этом пути в непростых жизненных ситуациях самостоятельного определения себя (личностное самоопределение), определения профессионального пути (профессиональное самоопределение), в дальнейшей жизни с учетом собственных потребностей, интересов и склонностей школьнику нужен попутчик, проводник, друг. «Путь» трактуется в этом случае не просто как дорога, но и как процесс продвижения по ней, включая необходимое время, срок, технологию и средства реализации задач, направление движения. Эти основания дают нам возможность говорить о том, что имеется возможность педагогически обоснованного сопровождения процесса профессионального самоопределения старшеклассников.

Термин «сопровождение» в педагогике имеет толкования, нашедшие выражение в различных вариантах понятийного аппарата: «педагогическая поддержка» (О. С. Газман, Н. Б. Крылова, С. М. Юсфин и др.), «психологическая поддержка» (А. Г. Асмолов, Н. Н. Загрядская, В. И. Слободчиков и др.), «педагогическая помощь» (Н. М. Назарова, М. И. Никитина, С. Д. Поляков и др.), «психологическая помощь» (М. Р. Битянова, Т. Л. Гаврилова и др.), «педагогическое сопровождение» (Е. В. Бондаревская, С. Н. Чистякова, И. С. Якиманская и др.), «психологическое сопровождение» (Н. Г. Алексеева, Л. М. Митина и др.), «психолого-педагогическое сопровождение» (Е. А. Александрова, Н. М. Борытко и др.), «педагогическое взаимодействие» (Г. В. Сиимонова, М. В. Шакурова и др.).

Методологической основой развития теории педагогического сопровождения ребенка служат философские (Аристотель, Демокрит и др.) и педагогические (Я. А. Коменский, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстой и др.) труды, в которых культивируются идеи гуманного воспитания и отношения к ребенку, любовь к детям, развитие сущностных сил и природных задатков ребенка, тем самым заложены условия для самоопределения и гармоничного саморазвития личности.

Понятие «педагогическое сопровождение» прочно вошло в педагогический словарь терминов в последней четверти XX в. в результате становления и развития психологических и социальных служб в системе школьного образования, развития специальной психологии и коррекционной педагогики. Данное понятие легло в основу различных теорий гуманистической педагогики, в частности, оно является основополагающим в концепциях педагогической поддержки обучающихся, особенно в по-

следнее десятилетие (Е. А. Александрова, Ж. А. Захарова Н. Н. Лебедева, Т. Н. Сапожникова, А. Л. Уманский, М. В. Шакурова, В. А. Шишкина и др.).

В педагогических исследованиях понятие «педагогическое сопровождение» рассматривается с различных позиций: 1) как взаимодействие и его разновидность в целях успешного обучения детей, их адаптации к образовательной и социокультурной среде, проектирования жизненных стратегий и разрешения различных жизненных ситуаций (Л. В. Байбородова, М. В. Ермолаева, М. В. Шакурова и др.); 2) как разновидность управления образовательными системами, направленного на выявление и поддержку субъектного опыта обучающегося, построение индивидуальной траектории самоопределения и саморазвития посредством реализации индивидуальных образовательных программ (Т. М. Давыденко, В. И. Коваленко, В. А. Ситаров и др.); 3) как разновидность помощи и поддержки в сложных жизненных ситуациях (Ж. А. Захарова); направление деятельности педагога в сфере самоопределения молодежи (С. Н. Чистякова и др.). В контексте сказанного Э. М. Александровская, Г. Ф. Кумарина, Р. К. Махмутова и др. определяют сопровождение на основе гуманистического принципа «идти с ребенком» как движение рядом, иногда чуть впереди, в случае, когда имеется необходимость объяснить возможные пути. В этом случае педагог прислушивается к пожеланиям школьника как своего спутника, фиксирует его достижения и трудности, помогает советом, т.е. становится на позицию коуча, тем самым обеспечивая коуч-сопровождение.

Большинство исследователей склоняется к мысли о том, что работа со старшеклассниками должна быть организована таким образом, чтобы научить их брать ответственность за принятие решений самостоятельно, т.е. прийти к самостоятельности через взаимодействие, со-действие, со-путствие. По этому поводу О. С. Газман говорил, что самоопределение личности ребенка требует большого такта в педагогическом приближении к его душе [2]. Р. Вейес ввел понятие «соприкосновение с учеником», а М. Р. Битянова предлагает рассматривать сопровождение обучающегося как совместное с ним продвижение в опережающем режиме взаимодействия, помогая ему ориентироваться в жизненных ситуациях советом.

В зарубежной литературе используется понятие «школьное консультирование», которое в соответствии с многолетней культурно-исторической традицией рассматривается как «ведение, подталкивание вперед» школьника. В Англии и США консультирование рассматривается только в связи с возникшими у школьников жизненными проблемами [14; 15]. В современной трактовке под этим понимается педагогическая деятельность, направленная на индивидуальное развитие личности, что предполагает информирование, профессиональное ориентирование, совет, а также помощь, поддержку и заботу. В прошлом столетии в практике английских школ было введено понятие «пасторская забота», под которой понимается процесс содействия личностному самоопределению и саморазвитию обучающихся, организация службы мониторинга достижений в образовании. Такие подходы позволяют рассматривать педагогическое сопровождение как работу с детьми, ориентированную, в первую очередь, на профилактические мероприятия и предупреждение возможных затруднений в самоопределении. Нам близко мнение тех исследователей, которые термин «сопровождение» употребляют для оказания помощи самостоятельно определяющемуся в будущей профессии школьнику, направленной на развитие самосознания и самоосознания, запускающей механизмы самовоспитания, саморазвития, самоорганизации, самореализации.

В научной литературе достаточно представлены подходы и направления психологического сопровождения, которое рассматривается как один из видов деятельности школьного психолога, направленный на создание благоприятных психологических условий для успешного обучения и самоопределения личности школьника в ситуациях школьного взаимодействия (Н. В. Куренкова, И. Н. Садовникова). Рассмотренные в педагогической психологии подходы в определении сущности педагогического сопро-

вождения имеют в обосновании позиции, в соответствии с которыми в качестве цели психологического сопровождения выступает обеспечение целенаправленного взаимодействия субъектов процесса самоопределения. Эту цель, по нашему мнению, можно считать педагогически актуальной, однако, она не вполне отражает педагогическую составляющую сопровождения профессионального самоопределения.

Результаты анализа психолого-педагогической литературы свидетельствуют о том, что в трактовке понятия «сопровождение» в психологии и педагогике имеются отличия. Так, практическая педагогика своей задачей видит профилактику неблагоприятных состояний, факторов деформации развития личности. Психология же изначально видела своими задачами преодоление и снятие неблагоприятных личностных состояний. Впоследствии по мере своего развития практическая психология стала решать задачи оказания психологической помощи и профилактики деформаций и нарушений в поступках и поведении личности, т.е. произошло изменение характера оказания действенных мер по реабилитации личностных дисфункций в сторону большей продолжительности, процессуальности, комплексности психологической помощи, поддержки и коррекции [8]. На этом основании можно говорить о возможности психолого-педагогического сопровождения как новом направлении педагогической науки и практики, которое основывается на идее гуманизации по отношению к ребенку: «Успешно организованное психолого-педагогическое сопровождение открывает перспективы личностного роста, позволяет войти в ту «зону развития», которая еще не доступна» [12, с. 82].

И. И. Басхаева дает толкование психолого-педагогического сопровождения как целостного и непрерывного процесса изучения и создания условий для самореализации личности обучающегося в педагогической деятельности, его адаптации в социокультурной среде на этапах обучения в школе, осуществляемый субъектами воспитательного процесса в ситуациях взаимодействия. Однако в этом определении, как нам представляется, в перечислении всех процедур несколько теряется сущностный смысл понятия. Б. С. Братусь, Е. И. Казакова и Л. М. Шипицына рассматривают понятие «сопровождение» через призму психолого-педагогического консультирования ребенка и комплексной поддержки его развития, метода реализации процесса сопровождения. Анализ научной литературы позволил определить психолого-педагогическое сопровождение как «принятие, предоставление, охранение (чего-либо), совокупность методов, средств и мероприятий, направленных на что-либо» [8, с. 43].

Грамотное педагогическое сопровождение не предполагает обязательный путь рядом или впереди кого-то. В сопровождении могут возникать ситуации, когда сопровождающий идет вслед за старшеклассником как субъектом процесса и пространства самоопределения в сфере рабочих профессий. Смыслом педагогической деятельности в школе становится оказание помощи и содействия обучающемуся в его профессионально-личностном самоопределении. Мерой самоопределения школьника в этом случае становится мера качества педагогической деятельности.

Направлениями педагогического сопровождения считают: 1) аналитико-проектирующее, которое включает анализ образовательных запросов обучающихся и динамику их развития; проектирование ближних и дальних перспектив ситуаций взаимодействия; 2) консультирующее, в контексте которого моделируются ситуации формирования готовности к ответственному выбору, проводятся необходимые консультации школьников и их родителей; 3) координирующее, призванное содействовать построению в рамках образовательного процесса конструктивных взаимоотношений субъектов процесса сопровождения; 4) организационное, обеспечивающее организацию образовательного процесса [1].

Структурная и содержательная характеристики педагогического сопровождения профессионального самоопределения

Нами выявлено, что часто исследователи, характеризуя структуру и содержание понятия «сопровождение», включают поддержку, помощь, содействие, обеспечение. Такая позиция ученых может быть оправданной применительно к исследованию педагогического сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников (ПСПС). В этой связи необходимо обращение к более детальному рассмотрению обозначенных категорий как способов существования, служащих выражением ПСПС.

Более других изучено понятие «педагогическая поддержка». В толковом словаре В. И. Даля педагогическая поддержка рассматривается в связи со значениями глаголов «поддержать», «поддерживать», что означает «служить опорой, быть убежищем», т.е. быть поддержкой для всего того, что представляет собой укрепление, придание прочности чему-либо или кому-либо. Анализ семантики понятия «поддержка» позволяет говорить о наличии в нем педагогического смысла: укрепить веру в себя конкретной личности, помочь другому обрести уверенность, а также уберечь от всего того, что мешает самостоятельно определяться и развиваться [3]. Изначально педагогическая поддержка понималась в контексте сферы воспитания. Этим вопросом в школах до определенного времени занимались заместители директоров по воспитательной работе, классные руководители, освобожденные классные воспитатели (тьюторы), сегодня к ним добавились коучи. Однако употребление педагогической поддержки исключительно в контексте воспитательной деятельности означает сузить ее педагогический смысл; разграничение сфер обучения и воспитания нивелирует результаты педагогической деятельности.

В концепции О. С. Газмана понятие «педагогическая поддержка» понимается как особая область педагогической деятельности, направленная на стимулирование самоутверждения ребенка как индивидуальности, удовлетворение его базовых потребностей и первичных интересов, защиту от неблагоприятных факторов и негативного влияния социальной среды в условиях совместной деятельности ребенка и педагога. На основе исследования понятийного аппарата сопровождения ученый предложил триаду деятельности по педагогической поддержке школьника: «защита–помощь–поддержка», предметом которой он видит процесс совместного с ребенком выявления его интересов, возможностей, способов преодоления трудностей, явных и неявных проблем, которые затрудняют достижение позитивных результатов самоопределения, формирования «Образа Я», где технологическими этапами педагогической деятельности являются диагностический, поисковый, деятельностный, рефлексивный [2]. Рассматриваемый подход близок нам в том смысле, что он позволяет организовать педагогическую поддержку не только тех старшеклассников, которые имеют затруднения в профессионально-личностном самоопределении, но и организовать консультативную помощь и поддержку в качестве опережения профессионального самоопределения. Мы разделяем мнение Н. Н. Михайловой и С. М. Юсфина о том, что в той степени, в какой существующая или проектируемая воспитательная система ориентирована на реализацию культурологического подхода к взаимодействию педагогов и школьников, поддержка в ней обретает смысл принципа педагогической деятельности, становится педагогическим кредо.

Педагогическая поддержка ассоциируется большинством авторов как педагогическая помощь обучающимся, что подтверждает невозможность зачастую разграничить помощь и поддержку не только на практике, но и в теоретических изысканиях. Основываясь на мысли о том, что поддерживать можно лишь то, что имеется в наличии, однако в недостаточном количестве и качестве, педагогическая поддержка профессионального самоопределения старшеклассников рассматривается нами как педагогическая деятельность, способствующая развитию того индивидуального, уникального, что заложено в сущностных силах старшего школьника, что он приобрел в субъектном опыте и может использовать в будущей профессиональной деятельности.

Сущность педагогической поддержки заключается в раскрытии потенциальных возможностей личности старшего школьника в определенных условиях при осуществлении учебно-профессиональной деятельности. Педагогическая поддержка профессионального самоопределения включает в себя помощь старшему школьнику в преодолении проблем, затруднений, что способствует овладению им умениями самоопределения, самопознания, самоорганизации, самовоспитания, самореализации. Педагогическая поддержка выступает как непосредственный акт взаимодействия со школьником, направленный на создание предпосылок выхода личностью старшего школьника к имеющимся затруднениям через опыт самопознания, самоосознания. Работа педагога в режиме поддерживающей деятельности закономерно обеспечивает возрастание творческой активности и самостоятельности старшеклассников, когда в ситуациях самостоятельного разрешения возникшей личностной, профессионально ориентированной или жизненной проблемы она приводит к возникновению новых ситуаций и их решению.

Разработанный учениками О. С. Газмана механизм педагогической поддержки ребенка в решении жизненно важных проблем может служить основой взаимосвязанных действий педагога и старшеклассника в ситуациях профессионального самоопределения. Так, последовательность поддерживающей деятельности определена Т. В. Анохиной через педагогическую помощь. Диагностический этап - фиксация и диагностика факта проблемы; совместная оценка проблемы с точки зрения ее значимости для ученика; поисковый этап - организация совместно с обучающимся поиска причин возникновения проблемы, сторонний взгляд на ситуацию, лучше «глазами ребенка»; договорный этап - проектирование действий педагога и ребенка при разделении функций и ответственности по решению проблемы; деятельностный этап включает в себя мотивацию, самостоятельные действия ученика; самостоятельные действия педагога по координации действий школы и ее социальных партнеров, непосредственная помощь школьнику. На рефлексивном этапе осуществляется совместное с учеником обсуждение успехов и неудач предыдущих этапов деятельности, фиксация факта разрешения проблемы, осмысление обучающимся и педагогом нового опыта деятельности.

Выскажем некоторые соображения относительно взаимной обусловленности педагогической поддержки и педагогической помощи. Семантический анализ терминов, наш собственный педагогический опыт показали, что «педагогическая помощь» и «педагогическая поддержка» обозначают близкую, тем не менее, разную деятельность. При оказании помощи педагог, в первую очередь, обращает внимание на ситуацию, которую обучающийся не может разрешить самостоятельно. Здесь «задача учителя - помочь обучающимся сделать правильный выбор, осознать способность развиваться индивидуально» (Дж. К. Джонсон). В случае поддерживающей деятельности внимание педагога в первую очередь обращается на индивидуальные особенности личности школьника, на развитие смысловой и мотивационной сфер школьника, на умения старшеклассника, позволяющие ему самостоятельно решать свои профессионально ориентированные проблемы, что является необходимым при решении задач в ситуациях самоопределения.

Рядом исследователей отмечается, что педагогическая поддержка может быть реализована только путем непосредственного контакта сопровождающего и сопровождаемого, при этом внимание акцентируется на обеспечении внутренних условий (потребностей, установок, способностей) для самоопределения и дальнейшей самореализации в жизни и в профессии (О. С. Газман, Н. Б. Крылова и др.). Другие авторы подчеркивают необходимость внешних, социокультурных условий, связанных с формированием социокультурной среды, благоприятного микроклимата в образовательном учреждении, тесными связями с социальными партнерами школы (Т. В. Аникаева, И. А. Липский и др.). Несмотря на то, что авторы утверждают идею оказания педагогической поддержки без непосредственного взаимодействия субъектов, следует учи-

тывать тот факт, что любой вариант педагогического сопровождения, в том числе и педагогическая поддержка, всегда реализуется только совместными усилиями участников на основе сотрудничества. Ведь оказание помощи направлено, прежде всего, на стимулирование самостоятельного разрешения возникших или только наметившихся проблем. Поскольку движение в направлении самоопределения и творческой самореализации имеющихся потенциальных возможностей достигается за счет приобретения опыта проектирования жизненных стратегий, формирования собственной позиции по отношению к проблемам самоопределения, это позволяет решать задачи формирования личностных качеств, необходимых в труде, а также способов выполнения определенных действий и поведения в целом.

На основании вышеизложенного мы делаем вывод о том, что педагогическая поддержка как вид педагогической деятельности, обеспечивающий процесс индивидуализации личности старшеклассника, создает условия для ее самоопределения на основе собственных возможностей и включает помощь в разрешении личностных и профессионально ориентированных проблем. Таким образом, задачи педагогической поддержки профессионального самоопределения старшеклассников мы видим в организации педагогической деятельности, направленной на совместное с субъектами процесса сопровождения создание условий для понимания старшими школьниками смыслов самоопределения, на разработку и проектирование жизненных стратегий выпускников школ, прогнозирования результатов учебно-профессиональной деятельности, стратегий поведения, преодоления старшеклассником проблем в профессиональном самоопределении.

Суммируя приведенные представления, мы выделили основные функции поддерживающей деятельности: предупреждающая, консультационная, коррекционная. Предупреждающая функция направлена на предупреждение возможных личностных проблем, разработку рекомендаций по созданию условий для самоопределения личности; консультационная функция направлена на поддержку ученика во всех процессах «само-» (самоопределении, самопознании, самоосознании, самоорганизации, самовоспитании, самореализации), включающую формирование и развитие ценностно-мотивационной и деятельностно-рефлексивной сфер самоопределения, оказание помощи в преодолении сложных ситуаций самоопределения; коррекционная функция нацелена на взаимодействие со старшеклассником, направленное на формирование у него умений адекватной самооценки, оценки реальной производственной действительности, на гармонизацию отношений взаимодействия в процессе самоопределения. Содержание и методы педагогической поддержки определяются характером тех затруднений, которые испытывает старшеклассник в процессе самоопределения.

В педагогической литературе используется близкий к понятию педагогической поддержки термин «педагогическая помощь», сущность которой определяется как определенная система средств, обеспечивающих самоопределение личности в различных видах деятельности [11]. В их сопоставлении М. В. Шакуровой отмечаются различия в смысловой нагрузке: педагогическая помощь осуществляется при непосредственном контакте участников, в то время как педагогическая поддержка может иметь косвенный характер, в педагогике эти два понятия рассматриваются, в основном, как взаимозаменяемые [13].

Идея педагогической помощи стала ведущей в концепции социального воспитания А. В. Мудрика в конце XX века. В исследовании подчеркивается необходимость помощи в форме индивидуальных консультаций, поддержки в процессе стимулирования самоопределения, самоорганизации, самовоспитания: «... педагог должен помочь старшекласснику приобрести знания и умения для осознания индивидуальных и социокультурных ценностей, для самоосознания, удовлетворения потребностей своих и Других, развития процессов «само-» ...» [9, с. 34]. При этом ученый определяет необходимые условия для оказания успешной педагогической помощи: наличие установки у педагогов на необходимость оказания помощи; уровень психолого-педагогической

подготовки помогающих; доброжелательность в отношениях; использование личностного, индивидуального и дифференцированного подходов в воспитании» [9, с. 43]. Педагогическая помощь предполагает создание условий для принятия субъектом профессионального самоопределения оптимальных решений в различных ситуациях проектирования жизненных стратегий, личностного самоопределения, обеспечивающих самоопределение и самореализацию в учебно-профессиональной деятельности. Своевременно полученная педагогическая помощь позволяет обучающемуся принять самостоятельное решение о возможности и желании определить для себя сферу будущей профессиональной деятельности сообразно своим склонностям, интересам, возможностям на основе свободного выбора.

Педагогическое содействие тесно связано с понятием «педагогическое сопровождение», поскольку зачастую трактуется как процесс сопровождения самостроительства обучающихся, как условие повышения результативности самоопределения. В педагогике исследованы различные виды педагогического содействия: педагогическое, организационно-педагогическое, психологическое, социальное и др. Задачи педагога в оказании педагогического содействия старшеклассникам в их профессиональном самоопределении могут быть следующими: конкретизация целей; дифференциация педагогической поддержки школьников с разным уровнем самоопределения; обеспечение индивидуального подхода к личности каждого старшеклассника; обоснование выбора содержания, форм, средств и методов самоопределения; помощь в соотнесении промежуточного результата с первоначально зафиксированным, прогнозирование близких и отдаленных результатов профессионального самоопределения.

Педагогическое обеспечение определяется как совокупность последовательных действий, позволяющих субъекту определиться с принятием решения и нести ответственность за его реализацию (Е. И. Казакова). Педагогическое обеспечение включает различные виды методической помощи субъектам профессионального самоопределения (информирование, консультирование, разработка планов и программ, др.), эффективную организацию деятельности и управления. К функциям педагогического обеспечения относятся: опытно-экспериментальную (исследование состояния проблемы); продуктивную (обеспечение участников процесса необходимыми материалами); коррекционную (внесение изменений в процесс обеспечения); нормативную (фиксирование опыта в виде норм, правил, требований, положений); координирующую (координация действий всех субъектов педагогического сопровождения); информационную (предоставление информации, ее сбор и оформление). Таким образом, педагогическое обеспечение предполагает оснащение процесса педагогического сопровождения необходимыми ресурсами (техническими, кадровыми, технологическими и др.), способствующими успешному профессиональному самоопределению.

На основе теоретического анализа различных точек зрения на проблему педагогического сопровождения школьников определим сущность понятия педагогического сопровождения применительно к предмету нашего исследования. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения старшеклассников – это способ взаимосвязанной деятельности педагогов и старшеклассников, в процессе которой на основе оказания педагогической поддержки, помощи, содействия и обеспечения принятия ценностей профессий, формирования мотивации самоопределения, творческой активности и ситуаций успеха в учебно-профессиональной деятельности, рефлексии действий, поступков и поведения, осуществляется успешное профессиональное самоопределение старшеклассников.

Воспитательный потенциал педагогического сопровождения профессионального самоопределения старшеклассников

Использование термина «педагогическое сопровождение» применительно к процессу профессионального самоопределения старшеклассников диктуется необходимостью интеграции процессов поддержки, помощи, содействия и обеспечения само-

определения старших школьников в процессе их взаимодействия с другими субъектами, с социокультурной средой, а также необходимостью формирования и развития самостоятельности школьника как субъекта самоопределения. При этом важным обстоятельством субъектов ПСПС является умение «быть рядом», не навязывая своего присутствия, одновременно быть востребованным в нужный момент – в этом заключается тактическая позиция сопровождающего. При этом психологические приемы и средства применяются как дополнительные и используются в контексте педагогической деятельности.

Общеобразовательная организация, в условиях которой осуществляется ПСПС, является открытой педагогической системой и интегрирует воспитательный потенциал его субъектов, которые взаимодействуют на основе отношений социального партнерства: учителей, классных руководителей, классных воспитателей, тьюторов, руководителей общеобразовательных организаций, школы в целом, производственных предприятий, служб занятости населения, центров трудоустройства молодежи, профессиональных сообществ и организаций, самих старшеклассников, их родителей, других заинтересованных в правильном профессиональном самоопределении старшеклассников, лиц, создавая условия для успешного самоопределения старшеклассников. Их взаимосвязанная деятельность по реализации ПСПС старшеклассников включает следующие способы: поддержка, помощь, содействие и обеспечение. Интегрируясь, эти способы ПСПС наполняются новым содержанием. В рамках процесса сопровождения профессионального самоопределения они реализуются комплексно, с приоритетом одного из способов в зависимости от индивидуальных особенностей личности старшего школьника, конкретной, ориентированной на профессиональную сферу, ситуации, условий социокультурной среды. В зависимости от множества различных факторов: например, готовности личности старшего школьника к самостоятельному выполнению учебно-профессиональной деятельности, активности его жизненной позиции, наличия жизненных стратегий, готовности принимать самостоятельные ответственные решения в профессионально ориентированных ситуациях и др., педагоги получают «заказ» на оказание деятельности сопровождения. В соответствии с проведенной аналитической работой, в которой сопровождающий, анализируя ту или иную ситуацию самоопределения старшеклассника, проявляет определенную степень готовности к ее разрешению, педагог выбирает один из способов педагогического сопровождения: поддержку, помощь, содействие или обеспечение.

ПСПС на практике означает успешную реализацию педагогом следующих функций: ориентация старшеклассника на свободно добровольное определение для себя сферы будущей профессиональной деятельности; стимулирование активности в учебно-профессиональной деятельности; коррекция жизненных планов и жизненных стратегий в соответствии со склонностями, интересами и потребностями личности старшего школьника; организация учебно-профессиональной деятельности школьников; интеграция имеющихся и приобретаемых знаний и умений для приложения их в будущей профессии, культуротворчество как создание условий для овладения культурой самоопределения. Соответственно ПСПС старшеклассников включает следующие направления: предъявление школьнику ценностей профессии; нахождение и реализация форм социального партнерства, активизирующих учебно-профессиональную деятельность школьников; создание и использование проблемных профессионально ориентированных ситуаций и задач, диалоговых форм взаимодействия для досамоопределения и пересамоопределения; развитие умений проектировать жизненные стратегии, действия, поступки и поведение в контексте профессионального самоопределения. Таким образом, педагогическое сопровождение представляет собой деятельность педагогов в оказании поддержки, помощи, содействия и необходимого ресурсного обеспечения процесса профессионального самоопределения старшеклассников с целью успешного его осуществления.

Задачей формирования самостоятельной, ответственной, мобильной личности выпускника школы, способной к адекватному профессиональному самоопределению, адаптации на современном рынке труда, определяется использование в ходе педагогического сопровождения программы развития специальных умений, способности к самопознанию, самоосознанию, самовоспитанию, самоорганизации, саморазвитию выпускника школы. При таком подходе объектом сопровождения выступает учебно-профессиональная деятельность старшеклассника, предметом педагогической деятельности являются ситуации профессионального самоопределения как система отношений старшеклассника с миром профессий, с окружающей социокультурной средой, субъектами процесса сопровождения, с самим собой. Соответственно, ПСПС старшеклассника рассматривается нами как сопровождение его действий, поступков, поведения, отношений: их формирование, развитие, коррекция.

Целью педагогического сопровождения профессионального самоопределения старшеклассника является организация в учебно-профессиональной деятельности школьника педагогической поддержки, помощи, оказание содействия и ресурсного обеспечения, направленных на его эффективное профессиональное самоопределение. Вытекающими из цели задачами педагогического сопровождения являются: предупреждение возникновения проблем личностного и профессионального самоопределения; оказание поддержки, помощи, содействия и обеспечения в решении актуальных задач профессионального самоопределения: предупреждение трудностей в определении ценностных ориентиров, мотивов выбора сферы будущей профессиональной деятельности; осуществление учебно-профессиональной деятельности; проблемы, проектирование жизненных стратегий, выбор жизненных стратегий и профессионального маршрута, содействие адекватной самооценке, формирование и развитие рефлексивных умений и возможных нарушений эмоционально-волевой сферы; психолого-педагогическое обеспечение образовательных программ; формирование и развитие культуры профессионального самоопределения старшеклассников; совершенствование профессионально-педагогической культуры учителей, мастеров производственного обучения, педагогической культуры родителей.

К направлениям деятельности по педагогическому сопровождению профессионального самоопределения старшеклассников следует отнести скрининг-диагностику, консультирование, организацию учебно-профессиональной деятельности, обеспечение рефлексии, экспертизы (программ элективных курсов, учебных проектов, влияния социокультурной среды старшеклассника, качества педагогического сопровождения, успешности самоопределения старшеклассников).

Заключение

Таким образом, понятие «сопровождение» предполагает взаимодействие того, кого сопровождают (сопровождаемого) и того, кто сопровождает (сопровождающего). Это взаимодействие – со-действие направлено на решение проблем личностного и профессионального самоопределения обучающихся. Процесс профессионального самоопределения, который осуществляется как непрерывный во взаимодействии старшеклассника с окружающей социокультурной средой, с субъектами данного процесса, опирающийся на культурные традиции общества, ставит выпускника общеобразовательной организации перед фактами проектирования жизненных стратегий, сложностью жизненных и профессиональных задач, решение которых будет способствовать его успешному самоопределению, самоактуализации, самовоспитанию, самоорганизации и самореализации.

Список литературы

1. Александрова Е. А. Педагогическое сопровождение старшеклассников в процессе разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий. Автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. Тюмень, 2006. – 38 с.

2. Газман О. С. Воспитание и педагогическая поддержка детей: основные понятия. // Народное образование. – 1998. – № 6. – С. 108-111.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. Изд. 5-е. М., 1995.
4. Исаев И.Ф., Кормакова В.Н. Теоретико-методологические основы исследования профессионально-личностного самоопределения школьников // Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. – 2008. – №7(55). – С. 12-21.
5. Кормакова В.Н. Педагогическое сопровождение самоопределения старшеклассников в сфере рабочих профессий. // Воспитание школьников. – 2010. – №1. – С. 34-38.
6. Кормакова В.Н. Профессионально-личностное самоопределение как социокультурный феномен // Вестник МГУКИ. – 2008. – №6. – С. 121-124.
7. Кормакова В.Н. Профессиональное становление школьников как фактор жизненного самоопределения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. Т.11. – №1. – С. 91-98.
8. Лаптева Н.П. Психолого-педагогическое сопровождение педагогического процесса: дань моде или осознанная необходимость? // Начальная школа До и После. – 2005. – № 6. – С. 42-44.
9. Мудрик А.В. Индивидуальная помощь в социальном воспитании // Классный руководитель. – 2000. – № 3. – С. 34.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1989. – 750 с.
11. Сапожникова Т.Н. Педагогическое сопровождение жизненного самоопределения старшеклассников: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2010. – 42 с.
12. Симонова Г.И. Педагогическое сопровождение социальной адаптации учащихся образовательных учреждений: теория и практика: Автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. Киров, 2006. – 40 с.
13. Шакурова М.В. Педагогическое сопровождение становления и развития социокультурной идентичности школьников. Автореф. дис. ... д-ра. пед. наук, 2007. – 42 с.
14. Crites J.O. Vocational Psychology. McGraw-Hill. London. 1978. – 236 p.
15. Peel J., Spencer H. The evolution of a sociologist. New York, 1971. – 163 p.

PHENOMENOLOGY OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF GRADUATE STUDENTS' PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

V. N. Kormakova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
kormakova@bsu.edu.ru*

The article deals with pedagogical support of the process of professional self-determination of graduates of educational institutions. The particular emphasis in the solution of this problem is made to the methods of support which are aimed at the developing of self-awareness of independently determined student in future career, triggering the mechanisms of self - development, self - organization, self-realization. This is accompanied by the activation of intrinsic forces, the creative potential of the individual.

Keywords: professional self-determination, pedagogical support of self-determination, secondary school graduates.

УДК 378

РОЛЬ ТЕХНИЧЕСКОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ

Г.А. Краснова

*Центр экономики
непрерывного образования
Российской Академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
г. Москва*

*e-mail:
director_ido@mail.ru*

Статья посвящена опыту Финляндии по развитию системы технического профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональное и техническое образование, непрерывное образование, неформальное и информальное обучение, национальная система квалификации.

Введение

Система технического и профессионального образования (далее - ТПО) играет ключевую роль в экономической конкурентоспособности Финляндии. С 2008 года Правительство осуществляет стратегию, направленную на укрепление региональной сети ТПО провайдеров*.

Развитие ТПО направлено на потребности молодежи и уже работающих взрослых, а так же развитие малых и средних предприятий. Национальная политика в сфере ТПО разработана на основе количественных и качественных ожиданий, а именно, на количественных ожиданиях на долгосрочный спрос на рабочую силу и образовательных потребностей и на качественных ожиданиях конкретных профессиональных навыков у работников. Правительство проводит мониторинг о необходимых в будущем навыках и о необходимости в целом тех или иных квалифицированных специалистов, и способов удовлетворения этих потребностей с помощью образования и профессиональной подготовки, а так же для разработки национальной рамки квалификаций. Цель правительства заключается в том, чтобы сбалансировать количественный спрос и предложение рабочей силы в будущем.

Законодательная база технического и профессионального образования

• ТПО регулируется Законом профессионального образования и обучения № 630/1998 от 1 января 1999 года и Постановлением Правительства № 811 (1998 года). Закон и Постановление Правительства касаются начального ТПО для молодежи и взрослых, и направлена на повышение профессиональных навыков и компетенций, удовлетворение потребностей в профессиональных навыках за счет улучшения связей между образовательными учреждениями и работодателями;

• Закон о профессиональном образовании для взрослых № 631 (1998 года) и последующие поправки к нему посвящены профессиональным квалификациям в рамках среднего и высшего образования, повышению квалификации и специализированным профессиональным квалификациям, независимо от способа приобретения профессио-

* Статья подготовлена на основе отчета Финляндии по техническому и профессиональному образованию в 2013 году Нидерландов в Международный центр по техническому и профессиональному образованию и подготовке кадров UNEVOC ЮНЕСКО (Международный центр ЮНЕСКО-UNEVOC. Finland VET in Europe – Country report. Thessaloniki: CEDEFOP. EURYDICE (2013). Электронная версия отчета: <http://www.unevoc.unesco.org/go.php?q=World+TVET+Database&ct=FIN>

нальных навыков, а также предварительной подготовке к сдаче тестов на получение квалификации;

- Закон о либеральном образовании для взрослых № 632 (1998 года) регулирует функционирование институтов либерального образования взрослых: образовательные центры для взрослых, народные средние школы, учебные центры, образовательные центры физической культуры, летние университеты;

- Указ о квалификации работников образования № 986 (1998 года) определяет квалификационные требования для директоров и преподавателей ПТО;

- Декрет о профессиональном образовании и подготовке № 603 (2005 года) регулирует подтверждение неформального и информального ТПО;

- Порядок финансирования ТПО определен в Законе о финансировании предоставления образования и культуры №1705 (2009 года) [2].

Формы реализации технического и профессионального образования

ТПО доступно в рамках школьных программ, производственного обучения, политехнического образования, профессионально-технического специального образования и на основе профессионального повышения квалификации:

- *школьные программы и ученичество.* ТПО в Финляндии начинается в старших классах средней школы. Эти программы и обучение длятся в течении 3 лет и предполагают не менее полгода производственной практики. Предоставляются следующие программы обучения: предпрофессиональные программы (англ. – Pre-vocational programmes), программы профессиональных квалификаций школьного уровня (англ. – Programmes leading to upper secondary vocational qualifications), подготовительные программы для сдачи на квалификационный экзамен (англ. – Preparatory training for competence-based qualifications, а так же программы повышения квалификации, не ведущие к получению квалификации. Программы и обучение проходят, как в учебных заведениях, так и на производстве. Иногда используется онлайн обучение;

- *политехническое образование.* В систему высшего образования Финляндии входят: университеты и политехнические институты. Последние предлагают политехническое образование, ведущее к получению соответствующих бакалаврских и магистерских степеней и профессиональной специализации, образование для взрослых, открытое политехническое образование и профессиональную подготовку педагогов. Очное обучение в политехническом институте длится, как правило, 3,5 – 4 года. Для поступления в бакалавриат политехнического института кандидату необходимо иметь законченное среднее образование. А для поступления в магистратуру необходим диплом бакалавра и не менее трех лет опыта работы. Обучение в магистратуре политехнического института длится полтора года;

- *профессиональное специальное образование.* Учреждения профессионального специального образования предоставляют образовательные услуги для учащихся с тяжелыми формами инвалидности или хронических заболеваний. Обучение ведется в небольших группах и основной упор делается на практику, а не теорию. Учащимся также предлагаются индивидуальные рекомендации и поддержка в их обучении и повседневной жизни.

Система неформального и информального технического и профессионального образования направлена на признание профессиональных компетенций индивида независимо от того, как они были приобретены путем обучения, опыта работы или др. Индивидуумы могут получить подтверждение своей квалификации путем сдачи специальных тестов. К сдаче тестов можно подготовиться на специальных курсах, но это не является обязательным. Так же можно пройти обучение, но не сдавать тест на получение квалификации.

Система неформального и информального ТПО предлагает всем желающим индивидуальную траекторию, включающую три этапа: заявление на подготовку и приобретение необходимых профессиональных навыков, обучение и тест на квалифи-

кацию. При этом учитываются личные обстоятельства кандидатов, в том числе соответствующее обучение, приобретенное в результате неформального и информального обучения. За организацию обучения несут ответственность руководство кампании провайдера ТПО [3].

Управление техническим и профессиональным образованием

Законодательство по ТПО принимается парламентом Финляндии. Правительство определяет национальную политику в сфере ТПО, структуру квалификаций и основные задачи ТПО. Министерство образования и культуры ответственно за реализацию национальной политики в области ТПО, принимает решения о конкретных объемах квалификации и финансирования ТПО. Финский национальный совет по вопросам образования является экспертным органом, принимающим решения по национальным основным учебным программам и требованиями к ним, определяющим профессиональные требования к квалификациям и методам демонстрации компетентности. Кроме того, Совет координирует национальные проекты по развитию образования, профессиональной подготовки и обучения, проводит мониторинг результатов обучения и изменений в образовательных навыках и потребностей.

Национальные комитеты по образованию и обучению являются трехсторонними консультативными органами, назначаемые Министерством образования и культуры для обеспечения эффективных контактов между провайдерами ТПО и работодателями.

Квалификационные комитеты являются органами, назначенные Министерством образования и культуры реализовывать специальное профессиональное образование, включая, организацию и контроль проведения тестирования, мониторинг эффективности системы непрерывного профессионального образования, внесение предложений по развитию неформального и информального профессионального образования. Квалификационные комитеты обеспечивают качество квалификаций и присуждают сертификационные сертификаты. В Квалификационных комитетах готовятся договоры на организацию тестирования для различной квалификации с провайдерами. Провайдеры ТПО в своих регионах в рамках своих компетенций принимают решение самостоятельно по организации и методам обучения, но учебные планы готовят на основе национальных учебных программ. При планировании своей деятельности провайдеры ТПО обязаны учитывать образовательных потребностей населения региона в сфере труда. Региональные власти играют важную роль в продвижении ТПО в своих регионах на основе спроса. В их компетенции повышение квалификации преподавателей ТПО и выделение грантов профессионально-техническим учреждениям.

Финансирование.

ТПО в основном финансируется за счет бюджета Министерства образования и культуры, последнее направляет государственные средства в местные бюджеты. Министерство труда и экономики также финансирует ТПО в гимназиях, повышение квалификации или высшее образование. Финансирование ТПО основано из расчета за единицу и предоставляется непосредственно уполномоченным провайдерам ТПО. Ежегодное финансирование выделяется поставщикам ТПО с учетом количества обучающихся или других показателей финансовой деятельности.

Модель финансирования ТПО направлена на удовлетворение потребностей рынка труда, стоимость обучения определяется на основе запроса в квалифицированных специалистах и расходов на их обучение в различных областях. Модель финансирования учитывает образовательные потребности в областях экономики, где расходы на образование выше среднего, приоритетное значение отдельных отраслей национальной экономики.

Система финансирования оперативно реагирует на возникающие запросы в трудовых ресурсах, что предполагает мотивацию провайдеров ТПО на постоянное развитие и совершенствование их образовательной деятельности и качество обучения. Старшие классы средней школы совместно финансируются правительством (примерно

42% эксплуатационных расходов) и муниципалитетами (58 %). Объем финансирования, получаемый поставщиком ТПО, определяется на основе показателей, используемых для измерения ситуации с занятостью квалификационных специалистов, проведения исследований, с учетом отсева обучающихся, доли обучающихся, повышение квалификации преподавателей. Повышение квалификации в основном финансируется за счет государства. Часть обучения и подготовки может финансироваться студентами и работодателями, для которых устанавливается определенная оплата стоимости обучения [4].

Требования к квалификации преподавателей технического и профессионального образования

Преподаватели ТПО и тренеры автономны в преподавании, выборе методов и материалов обучения. Преподаватель ТПО должен иметь университетскую степень или степень политехнического института, не менее трех лет опыта работы в своей области или закончить программу подготовки преподавателей ТПО. Повышение квалификации преподавателей ТПО в рамках непрерывного обучения определяется частично в законодательстве и частично в коллективном договоре между профсоюзной организацией работников образования Финляндии и организации работодателей.

Повышение квалификации проводится бесплатно с сохранением заработной платы в период обучения, финансирование повышения квалификации осуществляется провайдерами ТПО и местными властями. Формальных требований к квалификации тренеров (практиков) ТПО нет. Их профессиональное развитие полностью зависит от них и их работодателей. Тренерами, как правило, становятся опытные бригадиры и квалифицированные рабочие. Они часто имеют профессиональное образование или профессиональную квалификацию, но не имеют педагогической квалификации. По данным региональных исследований, 75 % тренеров имеют опыт работы более 10 лет [4].

Квалификации и национальная рамка квалификаций.

Квалификационные требования составляются отдельно для каждой профессиональной квалификации. Квалификации основаны на компетенциях, необходимые для трудовой деятельности. В квалификационных требованиях определены: квалификационные единицы, любые возможные программы обучения или различные компетенции, состав квалификаций, профессиональных навыков, необходимых для каждого квалификационного блока, руководящие принципы для оценки (целей и критериев оценки), и методы демонстрации профессиональных навыков. Финские профессиональной квалификации включают:

- верхние средние профессиональные квалификации,
- специализированные квалификации,
- политехнические степени бакалавров и магистров.

В старших классах средней школы учащиеся приобретают средние профессиональные квалификации, а именно, приобретают и демонстрируют навыки и знания, необходимые для достижения профессионального мастерства и возможности найти работу в выбранной ими области при получении обширных основных навыков, необходимых в различных отраслях экономики. В 2010 году зафиксировано 52 полные средние профессионально-технические квалификации и в общей сложности 120 учебных программ для их получения.

Дальнейшая профилизация и специализированные квалификации состоят из обязательных или факультативных квалификационных единиц. Ключевые пожизненные навыки обучения включены в квалификационные модули в зависимости от той или иной квалификации. В 2010 г. были введены дополнительных 187 квалификаций и 129 специализированных квалификаций.

Политехнические степени доступны всем, имеющих среднее общее образование и профессиональные квалификации политехнических институтов и университетов. В

настоящее время большая часть абитуриентов поступают после общих гимназий. Система степеней была введена в 2005 году. Ежегодно политехнические институты выпускают более 20 000 бакалавров и 200 магистров, число магистров будет расти в ближайшие годы.

Национальная структура квалификаций

Законодательство о Национальной структуре квалификаций еще до конца не сформировано. Тем не менее, Министерством образования и науки уже определены национальные квалификации в соответствии с Европейской квалификационной структурой. В соответствии с Планом развития образования и научных исследований на 2011-2016 гг. Европейская система кредитов профессионального образования и обучения будет введена в действие в Финляндии в 2014 году.

Обеспечение качества.

Функционирование Национальной системы менеджмента качества ТПО ориентируется на рекомендации Европейского парламента и Совета по созданию европейского обеспечения качества профессионального образования и обучения. Финский Совет по оценке образования (англ. - *The Finnish Education Evaluation Council*) был создан с целью проведения внешней оценки образования. Совет по образованию проводит национальный мониторинг результатов обучения на основе. Решения по другим видам внешней оценки образования и обучения принимаются Министерством образования и культуры и осуществляются Финским Советом по оценке образования или аудиторами, назначенными Министерством. Провайдеры ТПО обязаны по закону проводить самооценку своей собственной деятельности и предоставлять публично ключевые результаты этой оценки. Качество предоставления ТПО также оценивается с помощью внешней оценки, на которую провайдеры ТПО дают свое согласие [5].

Текущие и продолжающиеся реформы, проекты и задачи.

ТПО непрерывно совершенствуется в Финляндии благодаря национальным проектам. В последние годы основные направления развития включают: удовлетворение изменяющихся потребностей в сфере труда, сотрудничество между поставщиками ТПО и работодателями, качество ТПО, признание предшествующего обучения, диверсификация условий обучения, повышение эффективности процедур подачи заявок, снижение отсева обучающихся, увеличение привлекательности и оценки ТПО. Число завершенных квалификаций регулярно увеличивается. В 2010 году значительная часть граждан Финляндии (14 000 человек) получили профессиональные квалификации среднего уровня на основе компетенций, 13 900 граждан продолжили обучение и 5300 человек получили высшую профессиональную квалификацию.

Список литературы

1. Finland VET in Europe – Country report. Thessaloniki: CEDEFOP. EURYDICE (2013). Электронная версия отчета: <http://www.unevoc.unesco.org/go.php?q=World+TVET+Database&ct=FIN>.
2. CEDEFOP ReferNet (2012). Finland VET in Europe – Country report. Thessaloniki: CEDEFOP. EURYDICE (2013). Finland Overview, European Encyclopedia on national education systems Brussels: EACEA. <https://webgate.ec.europa.eu/fpfis/mwikis/eurydice/index.php/Finland:Overview> last access on 25 July 2013. Finnish National Board of Education (2010). Vocational education and training in Finland; Vocational competence, knowledge and skills for working life and further studies. Helsinki: the Ministry of Education and Culture. UNESCO-IBE (2012). World Data on Education. Finland VII Edition 2010/11. Geneva: UNESCO-IBE.
3. CEDEFOP ReferNet (2012). Finland VET in Europe – Country report. Thessaloniki: CEDEFOP. Finnish Ministry of Education and Culture (MEC) (2013). Polytechnic education in Finland. Helsinki: MEC. <http://www.minedu.fi/OPM/Koulutus/ammattikorkeakoulutus/?lang=en> last access on 25 July 2013. Finnish National Board of Education (2010). Vocational education and training in Finland; Vocational competence, knowledge and skills for working life and further studies. Helsinki: the Ministry of Education and Culture. UNESCO-IBE (2012). World Data on Education. Finland VII Edition 2010/11. Geneva: UNESCO-IBE.

4. CEDEFOP ReferNet (2012). Finland VET in Europe – Country report. Thessaloniki: CEDEFOP. Finnish National Board of Education (2010). Vocational education and training in Finland; Vocational competence, knowledge and skills for working life and further studies. Helsinki: the Ministry of Education and Culture.

5. CEDEFOP ReferNet (2012). Finland VET in Europe – Country report. Thessaloniki: CEDEFOP. Finnish Ministry of Education and Culture (MEC) (2013). Polytechnic education in Finland. Helsinki: MEC. <http://www.minedu.fi/OPM/Koulutus/ammattikorkeakoulutus/?lang=en> last access on 25 July 2013. Finnish National Board of Education (2010). Vocational education and training in Finland; Vocational competence, knowledge and skills for working life and further studies. Helsinki: the Ministry of Education and Culture.

THE ROLE OF TECHNOLOGICAL AND NATIONAL EDUCATION IN THE ECONOMIC COMPETITIVENESS OF THE STATE: FINLAND EXPERIENCE

G. A. Krasnova

*Leading Researcher
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Moscow*

The article focuses on the experiences of Finland VET in Europe.

Keywords: Technical and Vocational Education, lifelong learning, non-formal and informal learning, the national qualifications system.

e-mail: director_ido@mail.ru

УДК 378.14

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

О. Е. Кучерова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

kucherovaz2005@yandex.ru

Статья рассматривает вопросы духовно-нравственной культуры учителя, его качественного воспитания на основе рецептивно-аксиологического подхода. Рецептивно-аксиологический подход подразумевает сохранение и приумножение историко-педагогического наследия, стимулирует выработку новых педагогических моделей формирования духовного мира учителя, системы взаимоотношений субъектов образовательного процесса. Автор статьи считает, что во все времена образование и воспитание должны идти рука об руку, а личность наставника, его душевные и духовные качества, его вера и убеждения помогут подрастающему поколению в определении своего предназначения. Учитель, обладающий духовной культурой, сам способен создать духовную атмосферу для воспитанников. Профессиональная нравственность и духовность, профессиональная этика, педагогический такт и совесть – вот основные составляющие духовного облика современного учителя.

Ключевые слова: учитель, духовность, духовный мир, профессиональная этика, педагогический такт, образование, воспитание, ученик, духовные качества, духовная культура.

Введение

Высокопрофессиональный педагог, обладающим творческим потенциалом, способный успешно работать в быстро меняющихся условиях социокультурной ситуации и жесткой конкуренции – таковы требования современной школьной политики к учителю.

Сегодня важна для учителя не только профессиональная компетентность, но и его моральный облик, его духовный мир, духовные качества. Ведь именно от них и зависит конечный результат воспитательного процесса. В данном контексте стоит акцентировать внимание на духовной составляющей культуры учителя, как важнейшем средстве гуманизации жизнедеятельности школьного коллектива.

Как определить наличие духовной составляющей культуры учителя? В значительной степени она определяется уровнем его общепедагогической подготовки, умением учиться (повышать квалификацию), стремлением к самосовершенствованию в условиях профессиональной деятельности. Многие ученые уделяли внимание проблеме профессиональной подготовки учителя: С.И. Архангельский, А.М. Арсеньев, В.Е. Гмурман, Ф.Ф. Королев и др. В трудах Е.В. Бондаревской, Ф.Н. Гоновой, Ю.Н. Кулюткина, В.А.Сластенина разработана профессиограмма учителя, которая определяет не только содержание, но и систему педагогических теоретических знаний, перечень общих и специальных педагогических умений и пр. исследуются проблемы личности учителя, пути ее формирования, связанные с особенностями и структурой профессиональной деятельности. Но среди множества научных работ, посвященных различным аспектам профессиональной и личностной позиции учителя, лишь малая толика их касается проблем духовного мира учителя. Е.И. Артамонова, М.М. Мукамбаева, Л.Н. Разуваева и др. предприняли анализ путей и средств формирования духовной культуры учителя, а в ряде исследований заявлено, что педагогические вузы, преследуя цель подготовки будущих учителей школ, стараются вооружить студентов лишь профессиональными знаниями, умениями и, как правило, почти не уделяют должного внимания формированию личностных, профессионально значимых качеств, в том числе и духовной составляющей педагогической профессии. Так, согласно данным опроса, проведенного нами среди студентов – будущих учителей иностранного языка 43,6% студентов не связывают свою будущую профессиональную

деятельность с работой в образовательных учреждениях. 39,8% опрошенных затруднились определить свой духовный идеал, знания и представления о внутреннем мире человека, его ценностях и идеалах оказались также весьма относительны. К тому же все вопросы, касавшиеся жизненных планов, перспектив, целей, показали, что такие важные аспекты человеческой жизнедеятельности, как труд, желание достичь профессионального совершенства, стремление к познанию, не занимают передовых позиций в сознании будущего учителя, да и вопросы формирования духовного мира учителя, его духовно-нравственной культуры не находят должного освещения в образовательном процессе вуза.

Необходимость формирования духовной составляющей в профессии учителя

Современная школа сегодня стоит на пороге обновления, и не все так однозначно в системе школьного образования. В одном из новых документов, в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (авторы - А.Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В.А. Тишков) - Федеральные Государственные Образовательные Стандарты второго поколения, говорится: «Духовно-нравственное развитие и воспитание гражданина России является ключевым фактором развития страны, обеспечения духовного единства народа и объединяющих его моральных ценностей, политической и экономической стабильности. Невозможно создать современную инновационную экономику, минуя человека, состояние и качество его внутренней жизни. Темпы и характер развития общества непосредственным образом зависят от гражданской позиции человека, его мотивационно-волевой сферы, жизненных приоритетов, нравственных убеждений, моральных норм и духовных ценностей.

Воспитание человека, формирование свойств духовно развитой личности, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться - есть важнейшее условие успешного развития России» [15].

Сказанное еще больше укрепляет нас в мысли о необходимости качественного воспитания будущего педагога, формировании у него духовно-нравственной культуры и организации учебно-воспитательного процесса в педагогическом вузе на основе рецептивно-аксиологического подхода.

Образование будущего педагога нацелено на его общекультурное и профессиональное развитие, предполагает процесс освоения будущим педагогом норм, образцов и правил деятельности, в том числе, выработанных педагогической наукой на различных этапах своего развития. Важным становится не просто присвоение новых знаний, целей, ценностей личностных смыслов, но и профессиональное самоопределение в них, раскрытие сущностных сил педагога, его нравственного и интеллектуального потенциала, мобильность в сложных социокультурных реалиях. Укорененность будущего педагога в традиционных педагогических ценностях позволит будущему педагогу осознать, что путь его воспитанников к овладению общечеловеческими ценностями лежит через конкретные формы их осуществления в национальной культуре, ведь через нее каждый воспитанник научится понимать и уважать все богатство мировой культуры.

Таким образом, образование будущего педагога должно быть нацелено на его общекультурное и профессиональное развитие, на освоение им средств построения и организации практики образования человека. И без аксиологической составляющей, которая определяет следующие культурно-гуманистические функции образования: развитие духовных сил, способностей и умений, позволяющие человеку успешно преодолевать жизненные препятствия; формирование моральной ответственности, обеспечение возможностей для профессионального роста и самореализации, овладение средствами для достижения интеллектуально-нравственной свободы, личной автономии и счастья, создание условий для саморазвития творческой индивидуальности личности и раскрытия ее духовных потенциалов, - здесь не обойтись [14].

Феномен рецепции в педагогической науке

Контекстный анализ понятия «рецепция», позволяет отметить, что различные области общественного сознания - физиология, астрология, философия, культурология, филология, юриспруденция и др. на протяжении достаточно долгого времени успешно оперируют им. Собственно сам термин «рецепция» означает «принятие», «усвоение» - такую трактовку мы находим в полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке [11].

Сегодня, при интенсивном развитии науки и научной терминологии, понятие «рецепция» значительно расширяется, важной признается так называемая «рецепционная установка», формируемая в сознании человека исторически всем его предыдущим социокультурным, эстетическим опытом, и которая обязательно прибавляется к непосредственному эмоциональному переживанию рецепиента. Таким образом, правомерным будет вывод о том, что рецепция – полидисциплинарное понятие, имеющее отношение к достаточно широкой научной сфере, в том числе и педагогике. А значит, рецепция может происходить в отношении каких-либо социальных, политических институтов, знаменательных событий, культурных или общечеловеческих ценностей, или всей эпохи в целом.

Воссоздавая образ прошлого как идеального отражения мира в сознании человека, мы стараемся тонко и органично вплести этого образ в современную культуру. Соответственно, в сфере педагогики наиболее близким становится понимание рецепции как восприятия, заимствования и приспособления определенных социальных и культурных форм, возникших в другой социокультурной среде (другая страна, другой исторический период).

В Толковом словаре 30-х г.ХХ в. под термином «рецепция» значится: «Усвоение и приспособление данным обществом социологических и культурных форм, возникших в другой общественной среде[12]. Взяв данную трактовку за основную, мы увидим, что данная дефиниция присутствует на всем полидисциплинарном пространстве гуманитарного знания, проявляясь в том числе и в педагогике, а преломляясь через призму педагогической аксиологии, как особой отрасли знания и одного из основных направлений педагогических исследований, она имеет право на существование.

На рубеже ХХ–ХХI вв. была осуществлена переоценка ценностей, в связи с чем огромное внимание уделяется историко-педагогическим аспектам, трудам педагогов-классиков (К.Д.Ушинского, М.И. Демкова, П.Ф. Каптерева, В.П. Вахтерова, К.Н. Вентцеля, В.А.Сухомлинского и др.), разработавшим ряд теоретических положений, содержащих характеристику духовного облика учителя и раскрывшим основные направления, средства и методы формирования его духовной культуры. Многие из того, что оказалось полузабытым, анализируется, подвергается перекодировке и анализируется с современных позиций. Интерес к историко-педагогическим аспектам продиктован стремлением взять самое ценное и адаптировать к современным реалиям. Обращение к классике стимулирует выработку новых педагогических моделей формирования духовного мира учителя, системы взаимоотношений субъектов образовательного процесса и т.д. Большое внимание к культурному и педагогическому наследию определяется рядом факторов: во-первых, классика - одна из констант в осуществляемой переоценке ценностей; во-вторых, благодаря такой переоценке вырабатываются новые формы мышления; в-третьих, обращение к классике помогает лучше понять современность и ее некоторые явления, а иногда происходит и спор с теми идеями, которые не прошли проверку временем.

Духовность педагога, множая воспитательную силу его общения с учениками, развивалась как традиция русской философии и педагогики во взглядах мыслителей первой половины ХХ века. «Все люди непрерывно воспитывают друг друга, – отмечал И. А. Ильин, – хотя бы они этого или не хотят, сознают они это или не сознают, умеют или не умеют, радеют или небрегут» [6, с. 60]. Люди воспитывают друг друга именно в общении, «всяким проявлением своим»: ответом и инициативой, улыбкой и ее отсут-

ствием, приходом и уходом, восклицанием и умолчанием, просьбой и требованием, обращением и бойкотом. «Люди воспитывают друг друга не столько деланием – уверенными ответными поступками, но и неделанием, – вялым, уклончивым, безвольным отсутствием ответного поступка», – считал философ и делал вывод: «От Бога и от природы устроено так, что люди «вливают» друг на друга не только преднамеренно, но и непреднамеренно; и избежать этого нельзя» [там же, с. 61].

В условиях смены культурно-исторической парадигмы педагогика так же претерпевает ряд изменений. Современные ученые стремятся к выработке новых моделей педагогического мышления и взаимодействия; во-вторых, девальвация прежних ценностей ставит задачу формирования новых.

Естественно, что на каждом витке своего развития, педагогика по-своему реализует рецептивную стратегию в освоении культурно-педагогического наследия.

Духовность педагога и ее составляющие

История постоянно доказывает нам, что образование и воспитание должны идти рука об руку. Жизненно необходимо, особенно в условиях сегодняшней нивелировки общечеловеческих ценностей, развивать в детях и подростках нравственное чувство, приверженность исконным духовным ценностям, любовь к Отечеству, его истории, культуре, языку, заботу о его будущем. Если школа не стремится помочь ребенку стать личностью: самостоятельной, одухотворенной, способной отдавать себя ближнему, нашему народу и нашему Отечеству, то значит, такая школа недолжна существовать.

Влияние учителя на личность растущего человека – поистине огромно. Оно может быть различным, да и оказано оно может быть в разной мере, и зависит оно от множества факторов, но главным всегда был и будет фактор личностный – личность наставника, его душевные и духовные качества, его вера и убеждения. Учитель, обладающий духовной культурой, сам способен создать духовную атмосферу для воспитанников. По мнению исследователя В.Н. Сагатовского «духовная атмосфера»: во-первых, это «сетка координат» взаимосвязанных духовных ценностей; во-вторых, это культуурообразующая среда как поле, эфир, в котором культура дышит, развивается, а вне ее – задыхается и выдыхается; в-третьих, это не только особое поле (тонкая энергия), это и «собственно дух», несводимый ни к материи, ни к форме, ни к энергии. И здесь уже возможно апеллировать к П.А.Флоренскому (пневмосфера), А.Леруа (духовный пласт), Григории Паламе (Фаворский свет божественной благодати), то есть, о чем-то столь же значимом, сколь и неуловимом.

Если говорить о конкретных духовных ценностях в профессиональной деятельности учителя, то, пожалуй, начать можно с такой ценности, как «Благо», ведь именно эта духовная ценность выступает и целью и средством развития духовной культуры учителя. Толковый словарь русского языка трактует понятие «благо» как универсальный стержень, на который «нанализывается», образуя цельность, множество понятий, характеризующих духовное.

Так что же такое духовность учителя? Это жизнь его по законам Истины, Добра и Красоты, образующая гармоническое сосуществование человека с миром. Бесспорно, что именно духовностью субъект обретает смысл жизни и достигает прогрессивных состояний, преображаясь сам, изменяет мир. Этот смысл центрирует сущность личности «собирая и проявляя» качественные образования ее ценностей. Это мера полноты, жизни учителя как выражение разумного, эстетически развитого, морально-правового, нравственного труда.

Правомерными здесь кажутся слова великого философа И.А. Ильина, отметившего, что учитель «должен сам твердо и ясно постигнуть, что есть духовное начало в человеке, как надлежит будить в детях, укреплять и развивать...» [7]. Особенность личности педагога заключается, таким образом, в органической связи духовности и профессионализма, в их причинно-следственной обусловленности, предопределяющей творческий потенциал личности, отмечает Н.Л. Шеховская [16].

Обладающий духовностью педагог способен преодолеть любые трудности: и профессиональные и социальные, такой человек – есть настоящая, надежная опора любви к детям, он исполняет свой нравственный долг, согласно канонам нравственности, не ради сиюминутного результата, а стараясь максимально приблизиться к педагогическому идеалу. И, наверное, очень хорошо, что наша школа пока еще соблюдает добрые традиции воспитания, которые верны истинной духовности как основы образования Человека. Это на самом деле очень важно, ведь сегодня все больше и больше людей готовы поклоняться «золотому тельцу», подчас забывая о самом главном – человечности, душевности и духовности. В этой связи хочется вспомнить слова Ф.М. Достоевского, сказавшего: «Учитель – это штука тонкая: народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. Деньгами вы, например, настроите школ, но учителей сейчас не наделаете».

Духовность педагога имеет ту особенность, что она придает новую, высокую качественность профессионализму, становится его эталоном. Глубокая причинно-следственная связь духовности и профессионализма позволила Б. З. Вульфовой говорить о профессиональной духовности педагога, утверждать что «вся педагогика – это сфера духовного, а учительская деятельность профессионально духовна по своей сути» [2, 48]. Специфическую функцию такой духовности ученый видит в профессиональной рефлексии, которая есть не что иное, как умение человеческими критериями «просветить» собственное профессиональное бытие, дать ему критическую оценку, преодолеть консерватизм, узость мышления, чтобы подняться к новым критериям в оценке своей деятельности, а следовательно, стимулировать движение вперед. Б. З. Вульфова определяет профессиональную духовность педагога как его очеловеченную компетентность, которая наращивается и неизменно направляется на благо детей. Профессиональная духовность педагога – «принципиально важное пространство его самореализации, показатель и средство гуманистического насыщения его образа жизни, трудное счастье бытия» [3, с. 80].

Еще одной составляющей духовности учителя, определяющей не только жизнь учителя в социуме, но и проявление его гражданской позиции, эстетических и профессиональных качеств (профессионализма), является совесть. Не случайно И.А. Ильин говорил о совести как «состоянии нравственной очевидности». С совестью связывают ответственность учителя за свой труд, поведение, мысли. Чтобы понять, как совершенствоваться, учителю важно научиться размышлять о себе. Причем, не столько о педагогической работе, сколько о себе в работе, о последствиях своего поступка для воспитанников, о значении собственных просчетов и недоработок, возможно, своей вины.

Профессиональная нравственность учителя имеет очень древние корни. Так, уже древние греки довольно четко представляли, каким должно быть поведение учителя, какими нравственными качествами он должен обладать. Учитель должен был уметь ясно излагать материал, строго контролировать свое поведение, быть справедливым: не раздавать легко ни наград, ни наказаний. Для современного учителя все вышесказанное по-прежнему актуально, с той лишь разницей, что его деятельность чрезмерно усложнилась, и вопросы нравственного воспитания, формирования системы ценностей воспитанников становятся слишком трудными для разрешения в современных реалиях. Тем не менее, в любой ситуации учитель должен держаться в рамках профессионально-педагогической культуры, владеть особым тактом, творчеством, выдержанностью и общей культурой. А специфика педагогической нравственности и педагогической этики обусловлена, прежде всего, тем, что учитель имеет дело с весьма хрупким «объектом воздействия». Главным в деятельности учителя должен быть принцип медицинской этики – «не навреди».

Безусловно, учителю не следует ограничиваться только лишь знанием нравственных норм и принципов, хотя именно они являются условием правильной ориентации в действительности; учитель должен иметь твёрдые идейно-нравственные

убеждения, являющиеся предпосылкой для активной сознательной деятельности по целенаправленному формированию личности воспитанника. Профессиональная педагогическая этика рассматривает нравственные чувства учителя как эмоциональную сторону его духовной деятельности, характеризует наряду с убеждениями субъективную моральную позицию по отношению к профессиональной деятельности и участникам воспитательного процесса. Нравственные чувства - это не просто средство формирования личности, это своеобразный показатель воспитанности человека. В педагогической профессии регуляторами отношения педагога к своей профессии выступают такие чувства как чувство профессионального долга, ответственности, самокритичность, гордость, честь и др. Все они определяют отношение учителя к себе как представителю педагогической профессии.

Стоит сказать и еще об одной составляющей профессиональной этики - педагогическом такте, который представляет собой форму реализации педагогической морали в деятельности учителя, в которой совпадают мысль и действие. То есть такт - это нравственное поведение, включающее предвидение всех объективных последствий поступка и субъективного его восприятия. Именно в такте проявляется поиск более лёгкого и менее болезненного пути к цели. Педагогический такт - это всегда творчество и поиск. В числе основных составляющих элементов педагогического такта учителя стоит назвать уважительное отношение к личности, высокую требовательность, умение заинтересованно слушать собеседника и сопереживать ему, уравновешенность и самообладание, деловой тон в отношениях, принципиальность без упрямства, внимательность и чуткость по отношению к людям и т.д.

Заключение

Выстраивая работу с будущими учителями на основе рецептивно-аксиологического подхода, важно помнить, что «мир ценностей объективен, это сама социокультурная реальность, жизнь человека и общества. Ценности жизни становятся содержанием воспитания; образно говоря, воспитание изучает подрастающее поколение и разрешает проблему "как жить" [5, 38-47].

Краткий экскурс в вопросы педагогической рецепции подвел нас к выводу о том, что несмотря на определенные сложности в осмыслении проблемы педагогической духовности, рецептивно-аксиологический подход, вобрав в себя лучшие достижения педагогической науки, даст возможность развиваться научной мысли с учетом современных требований. Думается, необходимо инициировать более полное применение основных положений рецептивно-аксиологического подхода, который может стать методологической основой в изучении феномена педагогической духовности, а своеобразным девизом в воспитании нового поколения учительства могут послужить слова И. Канта, отражающие, на наш взгляд кредо учителя, стремящегося к высотам своей духовности: «Звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Список литературы

1. Артамонова, Е. И. Философско-педагогические основы развития духовной культуры учителя / Е.И. Артамонова: Дис. д-ра пед. наук - М., 2000. - 450 с.
2. Вульф В.З. Учитель: профессиональная духовность // Педагогика. - 1995. - №2
3. Вульф В.З. Педагогика рефлексии / В.З. Вульф, В.Н. Харькин: Взгляд на профессиональную подготовку учителя - М.: ИЧП «Магистр», 1995., с. 80.
4. Введенский В.Н. Профессиональная компетентность педагога / В.Н. Введенский - Санкт-Петербург: Просвещение, 2004.- 158 с.
5. Голованова Н.Ф. Подходы к воспитанию в современной отечественной педагогике / Н.Ф. Голованова // Педагогика, 2007.- № 10. - С. 38-47.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя // http://www.kulichki.com/inkwell/text/hudlit/classic/ost/dnevnik/d_73.htm
7. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин. - Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. - М.: Русская книга, 1996. - С. 31-220.

8. Ильин, И. А. Кризис безбожия / И. А. Ильин. – Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1 – М.: Русская книга, 1996. – С. 333–358., с. 196.
9. Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по пед.спец./ И.Ф.Исаев.- 2-е изд.- М.: Академия, 2004.- 207 с.
10. Зарецкая И.И. Профессиональная культура педагога/ И.И. Зарецкая: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: АПКППРО, 2005.
11. Морева Н.А. Основы педагогического мастерства/ Н.А. Морева. – М.: Просвещение, 2006.
12. Попов М. Словарь иностранных слов/ М.Попов.- 1907.
13. Слостенин В.А., Чижаква Г.И. Введение в педагогическую аксиологию /Учебное пособие для студ. Высш пед учебн.заведени. М., 2003. 192 с.
14. Толковый словарь русского языка /под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс] URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=66359> (Дата обращения 11.05.2013)
15. ФГОС- второе поколение. А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России». – М. «Просвещение» 2009г.
16. Шеховская Н.Л. Духовность нравственного воспитания в русской философско-педагогической мысли конца XIX-нач. XX вв. Дисс.-ра пед.наук, Белгород, 2007.-360 с

SPIRITUAL AND MORAL CULTURE OF TEACHERS IN THE CONTEXT OF MODERNITY

O. E. Kucherova

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
kucherova2005@yandex.ru*

This article reviews the questions of the moral and spiritual culture of the teacher its high-quality of education is based on the receptive-axiological approach. The receptive-axiological approach involves the preservation and enhancement of historical and pedagogical heritage. It stimulates the framing of new pedagogical models of the formation of the teacher's spiritual world, the system of relations of subjects of the educational process. The author of the article supposes that in all times education and training must go hand in hand, and the mentor's personality and his mental and spiritual qualities, his faith and beliefs will help the young generation in determining its destiny. The teacher who possesses spiritual culture, he is able to create a spiritual atmosphere for the children. Professional morality and spirituality, professional ethics, pedagogical tact and conscience – these are the main components of the spiritual image of the modern teacher.

Keywords: teacher, spirituality, spiritual world, professional ethics, pedagogical tact, education, student, spiritual qualities, spiritual culture.

УДК 37.025.2:7.011

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Л. В. Лисунова

*Харьковский
национальный
педагогический
университет
им. Г.С. Сковороды*

*e-mail:
Voxhod2009@yandex.ru*

В статье рассматриваются проявления эстетического в основных сферах жизнедеятельности современного общества: природы, предметной среды, созданной человеком, явлений общественно-гуманитарного процесса, произведений искусства и влияние этих факторов на процесс формирования эстетического восприятия у будущих учителей изобразительного искусства в процессе профессиональной подготовки.

Ключевые слова: эстетическое восприятие, природа, искусство, предметная среда, явления общественно-гуманитарного процесса.

Введение

В начале XXI в. человечество балансирует на грани выживания: разум человека охвачен научно-техническими играми, потребительскими соблазнами, переживаниями ядерных конфликтов, экологических катастроф, страхом перед клонированием человека. На этой волне наблюдается угнетение моральных и духовных ценностей человека.

Погибает человеческая личность. Так что и в сфере художественного образования сегодняшний день представляет собой глобальную «реконструкцию» всей системы эстетического восприятия и сознания в целом. Особенно это проявляется в осмыслении эстетико-художественного образования учителя изобразительного искусства. Главное глобальное и национальное измерение учителем эстетического восприятия современного человечества и личности – это гуманизм – высшая цель и смысл жизни человека.

Демократизация, гуманизация, модернизация профессионального становления личности будущего учителя изобразительного искусства в высшем педагогическом учебном заведении на сегодняшний день вызывает целый ряд актуальных вопросов, а именно: недостаточную разработанность теоретических основ использования сфер проявлений эстетического в жизнедеятельности современного общества, как универсальной характеристики человеческого чувственно-эмоционального восприятия действительности, средств эстетического восприятия, методического обеспечения использования эстетического восприятия в высших учебных педагогических заведениях; низкой заинтересованности преподавателей, для которых эстетическое восприятие остается сферой больше практического поиска, чем систематического теоретического осмысления.

В процессе профессиональной подготовки наиболее важным для формирования эстетического восприятия у будущих учителей изобразительного искусства является использование основных сфер жизнедеятельности современного общества: природы, предметной среды, созданной человеком, явлений общественно-гуманитарного процесса, произведений искусства, что дает возможность выявить действие и влияние эстетического, его формы. Сферы проявлений эстетического в основном связаны с жизнедеятельностью и творчеством человека. Стержень эстетического – художественная культура общества, искусство. Но эстетическое охватывает и природу и мироустройство.

Учитель изобразительного искусства сегодня, по мнению Е. Антоновича [2] – это профессионал, который видит, воспринимает, понимает и создает красоту. Работать и творить по ее законам – один из главных критериев подготовки будущих педа-

гогов к профессиональной деятельности, в частности формировании у них эстетического восприятия.

Б. Ананьев, В. Сухомлинский, М. Каган, Л. Выготский, А. Леонтьев, П. Якобсон и другие определяли психолого-педагогические механизмы процесса эстетического восприятия сфер проявлений эстетического в жизнедеятельности современного общества через осмысление социальной самореализации. Психологические аспекты эстетического восприятия на уровне "Я-концепции", потребности к самопознанию, его содержание и структура подробно рассмотрены как этнографическое направление формирования эстетического восприятия в исследованиях Б. Ананьева [1].

Теоретические подходы к эстетическому восприятию, имеют глубокие исторические корни, привлекали внимание многих ученых. Впервые на предметно-смысловое поле проблемы эстетического восприятия сферы проявлений эстетического указал Аристотель [3], который толковал его как очищения души посредством сострадания.

С позиций философии и эстетики эстетическое восприятие сфер проявлений эстетического в жизнедеятельности современного общества исследовалось в работах Р. Арнхейма, Р. Ингардена, П. Мезенцева, С. Раппопорта, где в обобщающих подходах эстетическое восприятие мира понимается в срезе индивидуальной культурной идентификации. Феноменологический аспект этой проблемы исследовал П. Флоренский [16]; Вопросам художественной перцепции и герменевтики посвящены исследования Ю. Борева [5, с. 407].

Заметный толчок к решению проблем формирования эстетического восприятия в отдельных отраслях дали исследования и разработки таких отечественных специалистов: Т. Миховой (способы продуктивного формирования эстетического восприятия), О. Кайдановской (эмоциональный аспект формирования эстетического восприятия) и др. Имеем диссертационные исследования, акцентирующие внимание на эстетическое восприятие природы И. Яриты, языка И. Филатова, литературно-музыкального творчества К. Бабенко, где обращается внимание на необходимость проектировать альтернативные варианты его структурных компонентов, обладать стратегией создания идей и стилей его реализации.

Особенности проявлений эстетического в природе

Широкие возможности для формирования эстетического восприятия у будущих учителей изобразительного искусства имеют явления, процессы, конкретные предметы природы, потому что эстетическое восприятие характерно прежде всего для природы, космоса, на что указывается в диссертационных исследованиях, акцентирующих внимание на эстетическое восприятие природы. С давних времен люди в своей деятельности, художественном творчестве держались принципа обучения у природы. Природа, окружающая нас действительность есть самой широкой сферой проявлений эстетического в жизни человеческого общества. Эстетическое восприятие природы – один из примеров «присвоения» человеческой действительности [9]. А эстетическое наслаждение и эстетические эмоции и переживания есть характерным отражением явлений природы. Гармонию, красоту природы Робине понимал как полную согласованность между «добром» и «злом» и самая правильная идея о красоте природы состоит из двух понятий – добра и зла [11]. Исследование С. Рубинштейна позволяют понять, что принципы эстетического восприятия природы, масштабы природы, разнообразие ее форм и проявлений можно объяснить на основе возникновения и становления в процессе практической деятельности общества такой формы освоения действительности, которая называется эстетической. Он писал, что прекрасна природа, а не только переживания, восприятие человека, и вместе с тем, что это собственная, объективная черта природы, характеризующая ее в определенной системе связей и отношений той системы, в которую включен человек [12]. А. Дрогобицкий отмечает, что эстетические свойства природных объектов служат человеку своеобразным языком, чув-

ственным «обозначением степени его собственного прогресса в освоении природного материала» [6]. Природа, что очень важно для формирования эстетического восприятия у будущих учителей изобразительного искусства является высшим образцом. В своей деятельности человек стремится воплотить эти высокие образцы в своем творчестве. Примером гениальных достижений являются произведения Возрождения и Просвещения. Природу воспевают поэты, описывают писатели, есть отдельные жанры живописи и рисунка, посвященные природе. В декоративно-прикладном искусстве роль природы непревзойденная.

Значительное внимание уделено роли природы в эстетическом развитии личности в педагогическом наследии В. Сухомлинского, который отмечал, что азбукой познания искусства живописи является непосредственное созерцание природы. Уже в детские годы каждый должен учиться открывать красоту природы, чтобы духовная жизнь ребенка и жизнь природы интеллектуально, эмоционально, эстетически были взаимосвязаны между собой.

Поскольку эстетическое восприятие личности развивается в конкретно-исторических, географических условиях, оно приобретает этническую, народную, национальную специфику рядом с общечеловеческой. По мнению В. Лозовой, восприятие природы помогает будущим учителям глубже понять происхождение, характер и содержание графических и живописных полотен, декоративных форм в народном искусстве, раскрывает возможности и способы применения их в будущей творческой педагогической деятельности.

Учитывая важную роль природы в формировании эстетического восприятия у будущих учителей изобразительного искусства, надо отметить, что природа, включаясь в сложную структуру эстетического отражения действительности, проявляет при этом такие характерные стороны:

- источник добра, наслаждения, сочувствия, душевного благородства, является непримиримой к несправедливости и злу;
- развитие способности чувствовать, воспринимать тонкие оттенки вещей, явлений, движений сердца [13, с. 580];
- вдохновение к творчеству, развитие воображения, чувственно - эмоционального впечатления, образного восприятия;
- стимулирование художественной и эстетической творческой деятельности;
- выполняет функцию успокоения, способствует духовной гармонизации человека, утверждению человеческого достоинства, волнует дух человека;
- внушение того или иного настроения и ощущения, действуя на эмоции человека, на подсознание.

Особенности проявлений эстетического в созданной человеком предметной среде

Мощным источником формирования эстетического восприятия у будущих учителей изобразительного искусства, по мнению А. Н. Леонтьева, является созданная человеком материальная культура, куда входит предметная среда, выделенная человеком, осмысленная им, преобразованная, усовершенствованная, которая удовлетворяет потребности людей, имеет свои особые черты [8]. Прежде всего, эстетические ценности предметной среды, созданные трудом, являются средством очеловечивания и формирования эстетических чувств, красоты. Для того, чтобы сформировался эстетически воспринимающий глаз, потребовались тысячелетия, так же как и для формирования руки, которая смогла как будто волшебной силой, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Микельанжелло, музыку Паганини.

Мир предметной среды входит своими корнями в далекое прошлое и сохраняет эстетические качества. Психологические аспекты стороны проблемы рассматриваются в исследованиях А. Н. Леонтьева, который отмечает, что достижения в развитии психических способностей людей закреплялись и передавались от поколения к поколе-

нию в особой форме, а именно в форме внешне предметной, экзотерической, в форме внешних явлений, в форме явлений материальной и духовной культуры [8]. Эстетическое освоение и восприятие включает в себя такой момент как одухотворение мира вещей. Вещь, кроме того, что она выполняет свое практическое назначение согласно своей функции, является образом своего времени, эпохи. Вещи перестают быть «бездушными», вплетаются в живую атмосферу социального бытия, питаются вечным «древом жизни». Ярким примером этого является огромное количество вещей, начиная с далеких эпох зарождения человечества и заканчивая нашим временем в музеях и выставочных залах мира.

Как отметил Е. Кисимов, формирование эстетического восприятия у студентов художественно-графических факультетов педагогических вузов гораздо эффективнее проходит в контексте формирования личности учителя изобразительного искусства, когда будущие учителя изобразительного искусства имеют возможность детально изучать экспонаты музеев и фонды учебных заведений, археологические находки, предметы быта, образцы композиционных законов построения форм и декора вещи, понимание сути декоративности изделия, особенности форм изделий местных промыслов, силу эстетической выразительности. Необходимо обращаться к духовным корням старинных вещей, отслеживать их связь с природой, бытом, фольклором, традициями, национальной и мировой культурой. Современный исследователь проблемы эстетического восприятия предметной среды М. Федоров отмечал, чтобы сделать переход от общественно ценного, хорошего, приятного к прекрасному (красивому), необходимо ввести понятие «предметно-чувственной формы вещей» [14]. Для него эстетическая ценность предметной среды – общественная ценность вещи, выраженная через форму и доступна для восприятия. Ценный уровень изделий закрепляется в устойчивых информационно-знаковых элементах формы в композиционной структуре изделия [12, с.216]. Постоянное знакомство с разнообразным миром вещей является важной составляющей в формировании эстетического восприятия у будущих учителей изобразительного искусства. В структуре духовно-практического освоения мира предметно-практическая среда выявляет такие значимые стороны:

- развитие эстетических и художественных вкусов, потребностей, традиций мировой и национальной культуры;
- расширение взгляда на мир, на возможности человека в эстетическом освоении мира;
- углубление знаний о роли эстетического как ценности в историческом и национальном контексте для различных эпох и цивилизаций в зависимости от определенных изменений в структуре общественного сознания;
- развитие потребностей в творческой деятельности и как результат – чувство удовлетворения наслаждения красотой;
- функция носителя определенной информации, которая способствует обобществлению индивидуального опыта.

Особенности проявлений эстетического в социальных явлениях

Эстетическое восприятие социальных явлений, в которых проявляются формы человеческих взаимоотношений, связи различных слоев населения играет важную роль в эстетике духовной деятельности общества.

По мнению В. Бычкова, учитывая особенности психологии студенческого возраста, в пробуждении духовных, культурных интересов неocenенную роль в формировании эстетического восприятия играют церемонии, сопровождающие те или иные социальные действия, такие как национальные ярмарки, маскарад (маска как феномен игры и театральная маска), ритуальные переодевания, карнавал. Все эти социальные действия относятся к одной из древнейших форм эстетической деятельности, то есть не утилитарной, которая осуществляется для нее самой и которая приносит, как правило, ее участникам и зрителям эстетическое наслаждение, удовольствие, радость, а

именно игры. Игра – это культура, которая постигла свою глубину, эстетическую сущность. Основы карнавализации М. Бахтин усматривает в присущих культуре игры противоположных смыслов (жизнь – смерть, высокое – низкое, сакральное – профанное, прекрасное – безобразное, доброе – злое) [4]. Таким образом, можно отметить, что национальные ярмарки, маскарад, как художественные формы мировой и национальной культуры содержат в себе огромный чувственно-эстетический потенциал, механизмы реализации которого действуют как на чувственно-рациональном уровне эстетического восприятия, так на эмоционально-подсознательном уровне.

В сложной структуре социальных явлений, как духовно-эстетического отражения мира, необходимо отметить наиболее значимые стороны:

- развитие художественного вкуса, ценностных мировых и национальных культурных ориентаций, освященных идеями гуманизма;
- развитие эмоционального чувства к общечеловеческим и национальным мировоззренческим ценностям человека, идей, принципов, закономерностей;
- стимулирование социальной активности личности;
- формирование знаний и представлений, охват сущности современных и будущих явлений;
- фиксирование изменений в эмоциональных настроениях людей;
- формирование чувств и мыслей людей на основе исторического опыта;
- использование безграничного богатства жизненных ситуаций в отношениях между людьми для развития эмоциональной культуры [15].

Особенности проявлений эстетического в искусстве

В сферу духовной культуры входят также наука, образование, религия, искусство. Искусство – высшая степень духовной деятельности общества, направленная на эстетическое освоение действительности. И все особенности эстетического восприятия наиболее концентрированно проявляются в произведениях искусства. Искусство отличается тем, что исследует не одну какую-либо сторону общественной жизни, как это делают отдельные науки (политэкономия, право, мораль и т. д.), а всю совокупность общественных отношений в их единстве. Искусство не заменяет ни одной из форм деятельности человека, а специфически их воспроизводит и дублирует [15].

Эстетическое восприятие искусства наиболее мощный компонент (источник) окружающей действительности. К вопросам исследования эстетического восприятия искусства обращались О. Органова, С. Раппопорт, Р. Арнхейм, П. Якобсон, М. Каган, В. Сухомлинский и др. Искусство отражает действительность в художественных образах. Специфика искусства заключается в том, что художник результаты познания выражает в образной чувственно-воспринимающей форме, тогда как ученый выражает их в форме логических понятий, теорий, законов [10]. Предметом искусства является объективная действительность и только искусство воссоздает мир в эмоционально-чувственной форме. Наиболее важной чертой искусства является его способность эмоционально воздействовать, возбуждать чувство эстетического наслаждения у воспринимающего и эта черта настолько важна, что без нее, как заметил М. Каган, искусство оказывается совсем не нужным, несмотря на его познавательные и идейные достоинства [7]. Осваивая явления мира по «законам красоты», художник оценивает их с точки зрения значения для человечества. Общемировые ценности и национальная самобытность – условия общемирового значения произведения искусства. Нет безликого искусства самого в себе, которое не несет эстетику, мораль, дух народа, вечные его понятия о жизни и смерти, добре и зле, прошлом, настоящем и будущем, мире, космосе и т. д. Классические произведения графики и живописи яркий тому пример. Эстетическое восприятие народного декоративно-прикладного искусства приобщает будущих учителей к духовному наследию, к традициям народной культуры, возбуждает интерес к народному творчеству, формирует у них знания об источниках, художественных и исполнительских традициях народных мастеров.

Формируя эстетическое восприятие у будущих учителей изобразительного искусства, надо учитывать, что в искусстве наиболее концентрированно отражается духовно-практическая деятельность человека и включаясь в структуру эстетического восприятия действительности оно обнаруживает такие важные стороны:

- развитие вкусов, идеалов, стремлений, способностей и потребностей личности на основе гуманизма, как основном принципе искусства;
- осознание эстетической значимости окружающей действительности;
- пробуждение творческого духа человека, желание творить по законам красоты, стремление освободиться от серости повседневной жизни;
- содействие разносторонней гармонизации человека, привитие прогрессивных способов мышления и системы взглядов;
- наведения мостов к взаимопониманию людей разных стран;
- реагирование на изменения в обществе;
- активизирование стремления личности к самовоспитанию, к творческой самореализации;
- вовлечение человека в мир эмоций, переживаний, мобилизуя его возможности в эстетическом восприятии, творчестве, труде;
- способствование способности образно воспринимать мир;
- формирование таких черт характера личности как эстетизм, чувствительность, лиризм, напевность, мягкий юмор.

Таким образом, все компоненты эстетического восприятия объективной картины мира взаимосвязаны. Можно выделить следующие основные компоненты (источники) эстетического восприятия в широком его значении:

1. Эстетическое восприятие естественно-космической среды;
2. Эстетическое восприятие мира материальной культуры;
3. Эстетическое восприятие мира духовной культуры:
 - а) эстетическое восприятие явлений общественно-гуманитарного процесса;
 - б) эстетическое восприятие произведений искусства.

В процессе профессиональной подготовки на занятиях по рисунку, живописи, графики, композиции, ДПМ, школьного курса изобразительного искусства, школьного курса художественного труда, методики ДПМ в школе, пленэре главной является концепция эстетического восприятия искусства как наиболее мощного компонента (источника) окружающей действительности, и куда, воплощаясь в художественные образы произведений входят и мир природы, и мир явлений и вещей.

Формируя эстетическое восприятие у будущих учителей изобразительного искусства, надо учитывать, что в искусстве наиболее концентрированно отражается духовно-практическая деятельность человека и включаясь в структуру эстетического восприятия, оно (искусство) выявляет важные функции, которые важны и в дидактике:

1. Преобразовательная (искусство как деятельность);
2. Компенсаторная (искусство как утешение, как способ освобождения от однообразия повседневной жизни);
3. Познавательная-эвристическая (искусство как знание и образование);
4. Художественно-концептуальная (искусство как особый образ мира);
5. Предсказание (искусство как предсказание будущего);
6. Коммуникативная (искусство как средство общения);
7. Информационная (искусство как сообщение);
8. Воспитательная (искусство как катарсис влияет на ум и сердце, формирует целостную личность);
9. Вдохновляющая (вдохновляя, искусство возвышает человека, охватывает его эмоционально, создает настроение);
10. Эстетическая (искусство как средство формирования художественной оценки, ценностных культурных ориентаций);
11. Гедонизма (способность искусства приносить наслаждение).

Осваивая явления мира по законам «красоты», художник оценивает их с точки зрения значения для человечества

Заключение

Современная парадигма художественной культуры начала XXI в. – это всеобщность, т. е. создание общечеловеческой системы бытия людей (гуманная глобализация), которая охватывает всю жизнь. Всемирная глобализация допускает, что человек есть и патриот своего Отечества, и гражданин мира, который живет в системе «личность-народ-государство-человечество». Поэтому использование основных сфер жизнедеятельности современного общества – природы, предметной среды, созданной человеком, явлений общественно-гуманитарного процесса, произведений искусства – дает возможность выявить как действует эстетическое, в каких формах оно проявляется и влияет на формирование эстетического восприятия у будущих учителей изобразительного искусства.

Различные аспекты эстетического восприятия, как личностно-индивидуальные профессиональные качества учителя, в эпоху глобализации призваны раскрывать виды деятельности учителя-гуманиста, его духовное богатство и счастье как творца новой парадигмы художественного образования в XXI веке. Но в сочетании с глобализацией должен быть расцвет национального художественного образования, которое должно соответствовать адекватным национальным измерениям эстетического восприятия действительности учителем.

В статусе учителя художественного профиля эстетическое восприятие действительности выполняет одну из ведущих структурно-функциональных профессиональных ролей по принципу: «Какой внутренний мир имеет учитель изобразительного искусства, так он и рисует его». Для художественно-эстетического восприятия действительности педагогом-художником характерны такие аспекты системного видения:

- трансформация внешних признаков действительности через внутренний мир художника;
- видение окружающего пространства как организации цвета и формы, ритмов и профессиональных отношений;
- художественно-эмоциональное чувство гармонии;
- ассоциативность художественно-эмоциональных чувств, настроения с конкретными объектами и явлениями.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Общая психология / Б. Г. Ананьев. – М., 1970. – 222 с.
2. Антонович Е. А. Декоративно-прикладное искусство / Е. А. Антонович, Р. В. Захарчук-Чугай, М. Е. Станкевич. – Львов: Мир, 1992. – 272 с.
3. Аристотель. Об искусстве поэзии / Аристотель. – М., 1957. – С. 56 – 82.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. / М. М. Бахтин, – М., 1975. – 198 с.
5. Боров Ю. Б. Эстетика. / Ю. Б. Боров. – Ростов н/Дону: Феникс, 2004. – С. 407.
6. Дрогобицкий О. Г. Природа и границы сферы общественного быта человека. / О. Г. Дрогобицкий. // В кн.: Проблема человека и современной философии. – М., 1969. – 226 с.
7. Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике / М. С. Каган. – Л., 1971. – С. 290 – 291.
8. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М., 1965 – 399 с.
9. Лозовая В. И. Теоретические основы воспитания и обучения / В. И. Лозовая., Г. В. Троцко – Харьков «ОВС», 2002. – С. 91.
10. Лозовой В. О. Философия. Логика. Этика. Эстетика. Учебник / В. О. Лозовой, С. М. Пазинич, О. С. Пономарев. – Харьков: Право, 2009. – 547 с.
11. Робине Ж. Б. О природе / Ж. Б. Робине. – М., 1935. – С. 53.
12. Рубинштейн С. Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности / С. Л. Рубинштейн. // Психология личности. Хрестоматия – Самара: Издательский дом «БАХ-РАМ», 1999. – Т. 2 – С. 227 – 244.
13. Сухомлинский В. А. Рождение гражданина / В. А. Сухомлинский, – Киев: Радянська школа, 1980. – 540 с.

14. Федоров М. В. Эстетическая ценность предметной среды / М. В. Федоров // Вопросы технической эстетики. – М., 1970, – 214 с.

15. Феномен восприятия и поиск общефилософских положений/Ю.О. Пушонкова. // Вестник Черкасского университета, серия «Философия». – Черкасы, 2002 – № 40 – С. 65 – 72.

16. Флоренский П. А. Избранные труды по искусству / П. А. Флоренский. – М.: Изобраз. Искусство: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника П. А. Флоренского, 1996. – С. 118.

AESTHETIC FEATURES PRESENTATION IN THE LIFE OF MODERN SOCIETY AND ITS ROLE IN SHAPING AESTHETIC PERCEPTION OF FUTURE TEACHERS OF ARTS

L. V. Lisunova

*Kharkov
national
pedagogical
University
named after G. S. Skovoroda*

*e-mail:
Vocxod2009@yandex.ru*

The article discusses the aesthetic manifestations in major spheres of modern society: the nature of the subject environment created by man, the phenomena of social and humanitarian process, works of art and the influence of these factors on the process of aesthetic perception of future teachers in the process of fine art training.

Keywords: aesthetic perception, nature, art, subject environment, social and humanitarian conditions of the process.

УДК 929

О КРУПНОМ ДЕЯТЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮГА РОССИИ АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВИЧЕ КОМАРОВЕ (1842 – 1918)

В. М. Московкин

*Белгородский
государственный
университет
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
moskovkin@bsu.edu.ru*

Развитие и совершенствование профессиональной компетентности учителя-словесника полиэтнической школы – обязательное условие его эффективной деятельности. Обучение русскому языку многонационального контингента класса имеет свои особенности и требует от учителя специфического содержания конкретных (педагогической, этнокультурной и коммуникативной) компетенций. Выделенные критерии и уровни сформированности этих компетенции позволяют определить подходы и принципы к отбору содержания программ повышения квалификации и построить технологическую модель развития указанных компетенций учителя.

Ключевые слова: полиэтническая школа, многонациональный контингент, компетенции учителя, технологическая модель.

Введение

В истории развития Белгородского учительского института (БУИ) отсутствует имя третьего по счету его директора - Комарова Александра Федоровича (1842-1918), хотя он внес большой вклад в развитие народного образования Воронежской, Курской и Харьковской губерний, являлся активным популяризатором общепользных знаний, известным украинским публицистом (писал свои труды под псевдонимом О.Степовик) и общественным деятелем конца XIX – начала XX веков. Эти пробелы мы решили восполнить в этой статье, для чего привлекли в помощь ряд дореволюционных официальных документов, а так же воспользовались инструментами глубокого поиска в Google.

Результаты и обсуждения

Изучая историю создания и развития БУИ, мы обратились к первому основополагающему документу, опубликованному в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП) в 1877 г. «Об открытии учительского института в Белгороде» [1]. В нем указано, что учителем естественных наук и физики в этом институте был назначен г. Комаров, кандидат Императорского Харьковского университета (ИХУ). Отметим, что этот документ в 2002 г. изучался белгородским историком А. М. Болговой [2], но в ее статье закрались досадные ошибки, которые дезориентировали дальнейших исследователей. Действительно, учитель Комаров назван в этой статье, как Комар, а также даны ошибочные постраничные ссылки на ЖМНП, который вышел не в год основания БУИ (1876 г.), а на следующий год (1877 г.). Любопытно, что М.Комар являлся псевдонимом его брата Михаила Федоровича Комарова (1844 – 1913), известного библиографа, литературного критика, лексикографа, переводчика и общественного деятеля [3].

Узнав, что некто г. Комаров был выпускником ИХУ, мы обратились к спискам студентов и вольнослушателей этого университета, которые сейчас находятся в открытом доступе DSpace-ОА-репозитория ХНУ имени В. Н. Каразина в коллекции «Alma Mater». В результате нашего поиска выпускников по фамилии Комаров за 1860 – 1970-ые гг. XIX в. мы обнаружили, что Александр Комаров в 1868 – 1869 гг. являлся студентом 4 курса отделения естественных наук физико-математического факультета. Дополнительно, выяснилось, что он первоначальное воспитание и образование получил в родительском доме, и в ИХУ находился на содержании Педагогической стипендии Министерства народного просвещения. Социальный статус – из купцов, дата поступления в ИХУ – 8 сентября 1865 г.

Зная, что достаточно детальные сведения о директорах и преподавателях учебных заведений Российской империи публиковались в «Списках лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения» (или по учебным округам), мы изучили все такие издания, хранящиеся в библиотеках Харькова (ХГНБ им. В. Г. Короленко, ХНУ им. В. Н. Каразина). Только в одном из таких изданий за 1904 г. удалось найти сведения об А. Комарове [4]: Александр Федорович Комаров, директор Белгородского учительского института, действительный статский советник, православный, из купцов, родился в 1854 г., место воспитания – Императорский Харьковский университет, в службе и ведомстве – с 1870 г., в настоящем чине – с 1 января 1902 г., в настоящей должности – с 1 июля 1902 г., класс должности – V, последняя награда – 1 января 1902 г., чин действительного статского советника, женат, имеет двух дочерей 1870 и 1876 годов рождения, награжден орденами Св. Анны 2 ст., Св. Станислава 2 ст. и медалью в память царствования Имп. Александра III, жалование – 1200 р., столовые – 800 р., пенсия – 1080 р., всего 3080 р., проживает в казенной квартире.

Дополнительно, в августовском Циркуляре по Харьковскому учебному округу за 1902 г. мы обнаружили «Высочайший приказ по гражданскому ведомству» (от 1 июля 1902 г., № 56), в котором указано, что директор народных училищ Воронежской губернии, д.с.с. Комаров назначен директором БУИ, согласно прошению [5].

Сравнивая эти сведения с данными о студенте А. Комарове в списках студентов и вольнослушателей ИХУ за 1868 – 1869 гг. и упоминанием об учителе естественных наук и физики БУИ г. Комарове в ЖМНП за 1877 г., мы видим, что директор БУИ А. Ф. Комаров, студент ИХУ А. Комаров и преподаватель БУИ г. Комаров это одно и то же лицо.

Обращает на себя внимание ранний возраст поступления А. Ф. Комарова в ИХУ (11 лет) и вхождения его в трудовую деятельность в качестве преподавателя (16 лет), что говорит об ошибке в дате его рождения в рассмотренном официальном документе [4].

Из вышеизложенного следует довольно существенная ревизия исторической хронологии директоров БУИ.

Ранее, считалось, что директора БУИ Д. Н. Ларионова (1878 – 1906 гг.) сменил на его посту в 1906 г. А. К. Димитриу [2, 6, 7], но новые приведенные нами данные говорят о том, что директором БУИ в период с 1902 по 1906 год был А. Ф. Комаров. Более того, мы обнаружили, что согласно «Высочайшего приказа по гражданскому ведомству» (от 2 сентября 1906 г., № 68) директор БУИ Пактовский был назначен директором Харьковской второй гимназии [8]. Следовательно, в этом пятилетнем периоде работали два неизвестных историкам БУИ/БелГУ директора БУИ, причем Федор Евгеньевич Пактовский (1856 – 1922) являлся крупным деятелем народного образования и исследователем творчества А. К. Толстого, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Н. В. Гоголя, В. С. Гаршина и Л. Н. Толстого. В последнем можно убедиться, если просмотреть названия трудов Ф. Е. Пактовского в электронном каталоге РГБ.

Из РНБ (С. Петербург) нам удалось получить копию из «Списка лиц, служащих по Харьковскому учебному округу» за 1903 г. в отношении БУИ [9], в котором приведены все преподаватели этого института. С целью изучения профессионального окружения А. Ф. Комарова, мы приведем полные данные по преподавателям БУИ с сохранением всех сокращений и пунктуации (таблица).

Таблица

Штат БУИ, 1903 г.

Общие сведения	В службе и ведом- стве	В долж. и в завед. и класс должн.	В настоящ. чине	Последняя награда
Поч. поп. – поч. гр. Ал-др Ив. Иост Орд. Св. Ан. 3 ст.	13 окт. 1894 г.	27 дек. 1900 г., V	30 янв. 1808 г.	3 февр. 1895 г. Орд. Св. Ан. 3 ст.
Дир.- д. с. с. Ал-др Фед. Комаров, И.Х.У., канд. физ.-мат. ф., отд. ест.н. (он же предс. пед. сов. и непр. чл. попеч. сов. Белг. ж. гимн.), в пр. Орд.: Св. Ан. 2 ст. и Ст. 2 ст. Жалов. 1200 р., стол. 800 р., пенс. 1080 р. (с 26 мар. 1900 г. – 26 мар. 1905), итого 3080 р. и каз. кв.	26 марта 1870 г.	1 июля 1902 г., V	1 янв. 1902 г.	1 янв. 1902 г. ч. д. с. с.
Законоуч.-свящ. Евг. Нкл. Попов, М. Дух. Ак., канд. богосл. Имеет скуфию и набедр. Жалов. 650 р., стол. 550 р. и за соверш. Богосл. 120 р., итого 1320 р.	1 окт. 1895 г.	1 сент. 1900 г.	1 окт. 1895 г.	9 апр. 1900 г. скуфия
Русск. и церк. слав. яз. – с. с. Викент. Нкл. Шамраев, Н.Ф.И. кн. Безбор., по разр. рус. сл., с зв. уч. гимн. и прав. канд. ун. (он же преп. Белг. ж. гимн.), в пр. Орд.: Св. Ст. 2 ст. и Св. Ан. 3 ст. Жалов. 650 р., стол. 550 р., итого 1200 р.	1 июля 1880 г.	1 авг. 1902 г., VIII	1 июля 1892 г.	1 янв. 1900 г. Орд. Св. Ст. 2 ст.
Математ. – с. с. Ив. Дм. Штукарёв, И.Х.У., канд. физ.-мат. ф., отд. мат.н., в пр. Орд.: Св. Ст. 2 ст. и Св. Ан. 3 ст. Жалов. 650 р., стол. 550 р., итого 1200 р.	с 1 авг. 1878 г. по 31 дек. 1899 г. и с 15 июля 1900 г.	15 июля 1900 г., VIII	23 мая 1892 г.	1 янв. 1903 г. Орд. Св. Ст. 2 ст.
Ест. ист. и физ. – к. сов. Вас. Павл. Ильинский, И.Х.У., по физ.-мат. ф., отд. ест. н., дип. 1 ст. (он же секр. пед. сов. инст. и преп. м. и ж. гимн.), в пр. Орд. Св. Ст. 3 ст. Жа- лов. 650 р., стол. 550 р., итого 1200 р.	26 авг. 1894 г.	26 авг. 1894 г., VIII	26 авг. 1902 г.	1 янв. 1900 г. Орд. Св. Ст. 3 ст.
Ист. и геогр. – н. с. Дм. Ив. Войнилович, И.Х.У., ист.-фил. ф., по отд. ист. н., дипл. 1 ст. (он же библ. инст. и преп. Белг. ж. гимн.), в пр. Орд. Св. Ст. 3 ст. Жа- лов. 650 р., стол. 550 р., итого 1200 р.	21 сент. 1894 г.	3 окт. 1895 г., VIII	3 окт. 1899 г.	1 янв. 1900 г. Орд. Св. Ст. 3 ст.
Рис., черч. и чист. и об. – н. ч. Мих. Вас. Игумнов, Ак. худ., пед. кур., в пр. Жалов. 300 р., стол. 200 р. и за ур. чист. 500 р., итого 1000 р.	2 окт. 1902 г.	7 окт. 1902 г., VIII	-	-
Преподаватели по найму: Пения – свящ. Ал-др Мих. Нездоймишев, Ка- луж. дух. с. Имеет набедр. Жалов. 500 р. Врач – к. сов. Арк. Ив. Кравцов, И.Х.У., в пр. Жа- лов. 300 р.	28 февр. 1899 г. 22 апр. 1884 г.	1 окт. 1902 г., 18 сент. 1899 г., VIII	28 февр. 1899 г. 22 апр. 1895 г.	6 янв. 1900 г. набедрен. 10 июня 1894 г. Орд. Св. Ан. 3 ст.
Служащие по найму: Эконом. – н. ч. Вас. Фом. Гончаров, об. в Чугуев. воен. центр. уч., в пр. Золот. шейн. мед. на Алекс. л. Жалов. 400 р. Письмовод. и. д. – н. ч. Мих. Ив. Лебединский, об. в Рыльск. дух. уч., в пр. Жалов. 300 р.	12 янв. 1876 г. 29 янв. 1869 г.	1 авг. 1900 г. 1 авг. 1880 г.	- -	14 мая 1896 г. зол. шейн. мед. на Алекс. л. -

Как видим, большинство основных учебных дисциплин в БУИ вели выпускники Императорского Харьковского университета. Из первых преподавателей БУИ [1] через 27 лет не осталось ни одного, за исключением А. Ф. Комарова, который в 1902 г. был назначен директором БУИ [5]. Отметим, что в первом составе БУИ он проработал недолго, так как в ближайшем доступном для нас списке преподавателей БУИ 1886 г. его имя отсутствовало [10]. Наш анализ списка преподавателей БУИ за 1903 год показал, что наилучшую карьеру из них сделал В. Н. Шамраев, который 1 августа 1906 г. (высочайший приказ № 69 от 8 сентября 1906 г. по гражданскому ведомству) был назначен директором Омской учительской семинарии [11].

Теперь, изучим вопрос о том, какие труды после себя оставил А. Ф. Комаров. Наш интернет – мониторинг с помощью Google показал, что основным его трудом являлась книга «Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах», которая выдержала много изданий. Самое раннее – воронежское издание датировано 1885 г. [12]. В нем А.Ф. Комаров отмечен, как инспектор народных училищ Воронежской губернии. Отметим, что должности инспекторов и директоров народных училищ российских губерний введены в 1874 г.

В поиске через Google Books мы обнаружили следующую выдержку из ЖМНП (1904, Том 356, С. 171): «...книга – о народных училищах. Составил А.Ф. Комаров, директор Белгородского учительского института. Изд. 8-е. М. 1904, стр. 108+11, ц. 40 коп. Книжка расходуется довольно бойко: 1-е изд. ее появилось в 1889 г., а в 1904 г. понадобилось уже 8-е издание. Такой успех нельзя объяснить одним служебным положением автора, который был...».

Ссылки в сети Интернет на 3-е (1899) [13], 4-е (1906) [14] и 5-е (1914) [15] московские издания К.И. Тихомирова говорят о том, что эта книга переиздавалась в Москве двумя разными издательствами. Кроме того, экземпляр 2-го издания К. И. Тихомирова этой книги 1895 г. хранится в ХГНБ им. В. Г. Короленко [16]. Отметим, что многие современные авторы цитируют эту книгу неправильно, называя ее «Руководством для учащихся в начальных училищах».

Помимо воронежского и двух московских изданий этой книги, существовало и С.Петербургское издание 1906 г. [17].

Используя Google Books мы выяснили, что этот труд А. Ф. Комарова был известен и за рубежом. Три ссылки на этот труд (на стр. 18, 25 и 37) были сделаны в микрофишевой коллекции редких книг 19 – начала 20 века по российской истории и культуре библиотеки Хельсинского университета [18].

Основные ссылки современных отечественных авторов на труд А.Ф. Комарова «Народная школа» идут в контексте религиозного воспитания молодежи. Так, С. П. Синельников цитирует следующую мысль А. Ф. Комарова: «Главнейшими качествами, которыми должен обладать учитель вообще и законоучитель в частности, есть религиозность, честность, любовь к делу и детям, терпение, твердость воли и настойчивость, самообладание, бдительность, аккуратность, справедливость». И на первом месте далеко не случайно, отмечает С. П. Синельников, стоит религиозность [19, 20]. Этим же вопросам, со ссылками на вышеуказанный труд А. Ф. Комарова, посвящены кандидатские диссертации Р. В. Яценко «Развитие церковно-приходских школ России. Вторая половина XIX – начало XX века» [21], Р. Г. Прокопенко «Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX – начале XX века (на примере Ставропольской губернии)» [22], А. В. Суворова «Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях (начало XX в. – 1914 г.)» [23].

В то же время, исследователи творчества А. Ф. Комарова не обратили внимание на главы в его книге «Народная школа», посвященные методико-дидактическим аспектам преподавания математики в начальной школе. А это очень поучительные, на наш взгляд, главы. Этим вопросам посвящено также множество специальных учебных пособий, опубликованных А. Ф. Комаровым, которые мы идентифицировали с помо-

пью Google и Google Books. Так, в 1895 и 1899 гг. в Воронеже вышли два выпуска «Арифметического задачника для начальных городских и сельских школ» [24; 25].

Ранее, в Воронеже в 1889 г. вышло пособие А.Ф. Комарова «Методическое решение типических арифметических задач в начальных училищах» [26], а в 1893 г. – «Арифметический задачник для начальных городских и сельских училищ» [27]. В них А. Ф. Комаров подчеркивал, что лучше встречать однородные задачи в разное время курса. Отметим, что первое пособие, которое вышло в 7-м издании К.И.Тихомирова (Москва, 1902 г.), было рекомендовано Министерством народного просвещения для учительских библиотек низших учебных заведений в январе 1903 г. [28].

При поиске трудов А. Ф. Комарова через Google Books, мы также встретили краткое упоминание в журнале «Русская школа» за 1908 г. о пособии А. Ф. Комарова «Общепонятная арифметика для самообразования».

Наше прочтение арифметических разделов главного труда А. Ф. Комарова «Народная школа» [15], с учетом большого количества, опубликованных им пособий и задачников по арифметике, убеждает нас в том, что их автор относится к той плеяде российских педагогов, которые сформировали в дореволюционной России ту культуру устного счета и обращения с дробями, которую до сих пор у нас не удалось истребить неолиберальными реформами в образовании, и которая уже давно уничтожена во всем западном «цивилизованном» мире.

В августовском Циркуляре по Харьковскому учебному округу за 1903 г. нами было обнаружено, что книга «Комарова А. Графическая грамотность. Руководство для преподавателей и самообразования. СПб. 1902. стр.44. Цена 30 коп.» была рекомендована Министерством народного просвещения для учительских библиотек низших учебных заведений, а также для ученических библиотек учительских семинарий и бесплатных народных читален и библиотек [29].

Любопытно, что А. Ф. Комаров как выпускник отделения естественных наук физико-математического факультета ИХУ попробовал свои силы в изучении и популяризации растениеводческих практик, опубликовав в 1885 г. «Простые рассказы о садоводстве, огородничестве и полеводстве» [30]. Это было третье издание, которое вышло тиражом в 1500 экз. и продавалось по цене 45 коп.

При поиске через Google Books мы обнаружили, что А. Ф. Комаров во втором десятилетии 20 в. являлся председателем Общества попечения о нуждающихся учащихся в низших учебных заведениях. Эти сведения были опубликованы в Сборнике Харьковского историко-филологического общества за 1913 г. (Том 19). В Интернете мы обнаружили подборку перепечаток из харьковских газет «Утро» и «Южный Край» за 28 – 29 апреля 1908 г., в связи со смертью профессора ИХУ Е. К. Редина. В одной из них мы почерпнули следующее сообщение: «29 апреля после заупокойной литургии в университетской церкви состоялось погребение профессора историко-филологического факультета Е. К. Редина. Заупокойную литургию совершал приват-доцент университета о. Иоанн Филевский. На заупокойной литургии и панихиде присутствовали городской голова А. К. Погорелко, ..., председатель Общества попечения о нуждающихся учащихся в низших учебных заведениях А. Ф. Комаров, ...» Отсюда следует, что в 1908 г. А. Ф. Комаров уже работал в Харькове, хотя в Памятной книге Воронежа за этот же год мы обнаружили, что он состоял действительным членом Губернской ученой архивной комиссии. Таким образом, после ухода из Белгородского учительского института в 1906 г., А. Ф. Комаров был сильно интегрирован в общественную жизнь Харькова и Воронежа.

В отличие от профессиональной жизни А. Ф. Комарова, мы не обнаружили какие-либо подробности об его частной жизни. Исключения составляют две работы воронежских исследователей [31; 32]. В. И. Неелов [31] отмечает, что в воронежском доме Растроповичей по ул. Нееловской с 1899 по 1902 год квартировал известный украинский публицист Александр Федорович Комаров. Этот дом по ул. Пятницкая 54 (ранее Нееловская 3) сохранился до нашего времени.

Приведем теперь биографические данные о А. Ф. Комарове из статьи о нем, опубликованной в Воронежской историко-культурной энциклопедии [3]: «А. Ф. Комаров (псевдоним О. Степовик) родился в 1842 г. в с. Дмитровка Павлоградского уезда Екатеринославской губернии, умер в 1918 г. Являлся публицистом, педагогом и пропагандистом общепользных знаний. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета. Учителем в Ровно. С 1880-х гг. занимался педагогической деятельностью в Воронеже. Инспектор (с 1883 г.), директор (с 1898 по 1902 г.) народных училищ Воронежской губернии. Член ВГСК (Воронежский губернский статистический комитет, прим. автора статьи). С 1902 г. – директор Белгородского учительского института. Автор многих неоднократно переиздававшихся книг о садоводстве, огородничестве, полеводстве и т. п., школьных учебников по арифметике, различных учебных пособий».

Наш интернет – поиск показал, что А. Ф. Комаров возглавлял украинскую секцию Благотворительного общества по изданию общепользных и дешевых книг для народа, являлся членом ВГСК (Воронежский губернский статистический комитет), его «Арифметический задачник для начальной школы» (Харьков, 1918) относят к первым советским математическим пособиям на украинском языке, в украиноязычных статьях Википедии он представлен как основатель жанра украинской научно-художественной литературы (на наш взгляд, правильнее написать – научно-популярной литературы) и как видный деятель украинского либерально-демократического движения.

Очень часто в сети Интернет идут ссылки на его труд «Оповідання про комах...», изданный в 1882 г. в Воронеже объемом в 240 страниц. Полагаем, что вся научно-просветительная и общественная деятельность А.Ф.Комарова, направленная на развитие украинского просвещения и культуры, требует отдельного исследования.

На полученном нами объеме знаний о А. Ф. Комарове, мы можем предположить следующую схему профессиональной миграции А.Ф. Комарова: Харьков (обучение в ИХУ: 1865 – 1869; работа в Ровно: 1870 – 1876?) –> Белгород (работа учителем в БУИ: 1876 – 1883?) –> Воронеж (работа инспектором и директором народных училищ Воронежской губернии: 1883? –1902) –> Белгород (работа директором БУИ: 1902 – 1905?) –> Харьков (1905 – 1918?). Дальнейшие исследования помогут уточнить эту схему.

Заключение

Все выше изложенное говорит о том, что А. Ф. Комаров был очень заметной фигурой на поприще народного образования трех российских губерний – Харьковской, Курской и Воронежской в конце XIX – начале XX века, причем не только как администратор (директор БУИ), чиновник (инспектор и директор народных училищ Воронежской губернии) и общественный деятель (председатель Харьковского общества попечения о нуждающихся учащихся в низших учебных заведениях, действительный член Губернской ученой архивной комиссии в Воронеже и др.), но и как прекрасный педагог-методист и популяризатор знаний. Это убеждает нас в том, что имя А. Ф. Комарова должно быть увековечено в городах, где он активно работал – в Ровно, Воронеже, Белгороде и Харькове. Краеведы и местные власти этих городов могут внести достойный вклад в это дело.

Его имя необходимо увековечить в НИУ «БелГУ», как первого преподавателя естествознания и физики БУИ и третьего по счету директора этого института, внесшего весомый вклад в развитие народного образования юга России и просветительскую деятельность. Это можно сделать с помощью организации регулярных чтений, посвященных его памяти и открытия именной аудитории в Педагогическом институте НИУ «БелГУ». В случае, если встанет вопрос присвоения НИУ «БелГУ» имени какого-либо выдающегося деятеля народного образования, связанного с его становлением, то имя А.Ф. Комарова может рассматриваться как одним из первых.

Автор благодарит к. х. н., доцента Наталию Николаевну Скворцову из С.-Петербурга за оцифрованные в РНБ копии списков директоров и преподавателей БУИ за 1903, 1910 гг., к. и. н. Акинъшина Александра Николаевича из Воронежа за присланную статью О. Г. Ласунского из «Воронежской историко-культурной энциклопедии», к.и.н., директора музея НИУ «БелГУ» И. В. Денисову за ссылку на Ф. Е. Патковского, как директора БУИ.

Список литературы

1. Об открытии учительского института в Белгороде // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1877. – Часть 189, Отд. 4. – С. 65 – 67.
2. Болгова А. М. К истории учреждения Белгородского учительского института // Научные ведомости БелГУ. Сер. Педагогика. – 2002. – № 2 (17). – С. 239 – 249.
3. Ласунский О. Г. Комаровы, деятели украинской культуры и литературы / Воронежская историко-культурная энциклопедия. – 2 – е изд. – Воронеж, 2009. – С. 253.
4. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1904 год. – С.-Петербург, 1904. – С. 689.
5. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. – 1902. – № 8. – С. 17.
6. История вуза страницы листая... / Сост. Н. И. Руднева; отв. ред. Н. В. Камышанченко. – Изд-во БелГУ, 1999. – 246 с.
7. Нерубенко М. В учительстве всех начал: К 135-летию Белгородского учительского института // Наш Белгород. – 2011. – 10 дек.
8. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. – 1906. – № 10. – С. 8.
9. Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1903. Вып. 1. – Харьков: Тип. «Печатное дело», 1903. – С. 216 – 218.
10. Список чиновников и преподавателей Харьковского учебного округа. 1886. – Харьков: Университетская типография, 1886. – С. 321 – 325.
11. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. – 1906. – № 10. – С. 9.
12. Комаров А. Ф. Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах. – Воронеж, 1885.
13. Комаров А. Ф. Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах. – 3-е изд. – М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1899.
14. Комаров А.Ф. Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах. – 4-е изд. – М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1906.
15. Комаров А. Ф. Народная школа. Главнейшие педагогические, дидактические и методические основания школьного дела: Руководство для учащихся в начальных училищах. – 5-е изд. – М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1914. – 192 с.
16. Комаров А. Ф. Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах. – 2-е изд. – М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1895.
17. Комаров А. Ф. Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах. – СПб., 1906. – 192 с.
18. Russian History and Culture: A Microfiche Collection of Scarce Books on 19 th and Early 20 th Century Russia from the Helsinki University Library: a Cumulative Index to Units 1 (Vol. 3). – University Microfilms International, 1996.
19. Синельников С.П. Преподавание Закона Божия в учебных заведениях России до 1917 года (www.bogoslov.ru/text/453126.html (26 авг. 2009 г.)).
20. Синельников С.П. Роль законоучителя в религиозном образовании и воспитании детей в дореволюционной школе (по материалам журнальной периодики) // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 257 – 267.
21. Яценко Р. В. Развитие церковноприходских школ России: Вторая половина XIX - начало XX века. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования». Дис. ... на соиск. уч. ст. к.п.н., Волгоград, 2005. – 181 с.
22. Прокопенко Р. Г. Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX - начало XX века (на примере Ставропольской губернии). 07.00.02 «Отечественная история». Автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. к.и.н., Пятигорск, 2011. – 27 с.
23. Суворова А. В. Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях (начало XX в. – 1914 г.). 07.00.02 «Отечественная история». Автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. к.и.н., Челябинск, 2012. – 29 с.

24. Комаров А. Ф. Арифметический задачник: для начальных городских и сельских школ. – Воронеж, 1895. Вып. 1. – 118 с.
25. Комаров А. Ф. Арифметический задачник: для начальных городских и сельских школ. – Воронеж, 1899. Вып. 2. – 121 с.
26. Комаров А. Ф. Методическое решение типических арифметических задач в начальных училищах. – Воронеж, 1889.
27. Комаров А. Ф. Арифметический задачник для начальных городских и сельских училищ. – 2-е изд. – Воронеж, 1893.
28. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. – 1903. – № 1. – С. 41.
29. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. – 1903. – № 8. – С. 86.
30. Комаров А. Ф. Простые рассказы о садоводстве, огородничестве и полеводстве. – Воронеж, 1885.
31. Неелов В. И. Нееловщина. Том 1: Материалы к истории рода Нееловых. Часть 2. – Ярославль: ООО «Издательско-полиграфический комплекс «Индиго», 2013. – 600 с.
32. Акиншин А. Н. Воронежские корни Растроповичей (<http://www.main.vsu.ru/~cdh/Articles/02-06a.htm>).

ALEXANDER FEDOROVICH KOMAROV (1842-1918) AS AN OUTSTANDING FIGURE OF PUBLIC EDUCATION OF SOUTH OF RUSSIA

V. M. Moskovkin

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
moskovkin@bsu.edu.ru*

The role of Alexander Fedorovich Komarov in the development of education in southern Russia and the promotion of knowledge was presented. The evolution of his career and identification of his main works were shown. For the first time was found that A.F. Komarov was the first teacher of natural history and physics of Belgorod Teacher Institute and the third its director. The measures to perpetuate his name were proposed.

Keywords: Komarov A.F., public schools, public education, Public School, Belgorod Teacher Institute, Voronezh Province, Imperial Kharkov University, Google, Google Books.

УДК 378.016:81

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ МОНИТОРИНГА ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ

А. П. Пересыпкин¹⁾**Ю. Ю. Генкин**²⁾**В. А. Филоненко**

*1) Белгородский
государственный
университет
национальный
исследовательский
университет*

*2) Государственный
Морской
Университет
им. адмирала Ф. Ф. Ушакова,
г. Новороссийск*

*e-mail:
yuliana1970@yahoo.com*

Современные стандарты образования требуют пересмотра традиционных форм и методов промежуточного и итогового контроля качества через реализацию компетентностного подхода в процессе обучения. В статье обосновывается необходимость развития системы мониторинга компетенций в процессе обучения иностранному языку в условиях неязыкового вуза, рассматриваются основные направления его проектирования, прогнозируются перспективы развития.

Ключевые слова: проектирование, мониторинг, формирование компетенций, реализация образовательных программ, иноязычная подготовка, компетентностный подход.

В связи с новыми тенденциями в развитии и обновлении ВПО и в соответствии со «Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» реализована переориентация цели образования на формирование и развитие компетенций, что предопределило изменение не только системы образования, но и промежуточных и итоговых образовательных результатов, и технологий их оценки. «Первичная ответственность за гарантию качества высшего образования в соответствии с принципами институциональной автономии лежит непосредственно на каждом вузе... Учебные заведения должны разработать политику и связанные с ней процедуры гарантии качества и стандартов своих программ и сертификатов. Они также должны полностью посвятить себя развитию осознания важности качества и обеспечения качества в своей работе... Студенты должны оцениваться с помощью последовательно применяемых опубликованных критериев, положений и процедур» [1].

Традиционные формы и методы контроля не соответствуют современным стандартам образования, не отражают требования рынка труда, не обеспечивают подбор и реализацию соответствующих образовательных технологий, не формируют эффективную систему мониторинга образовательных результатов, а потому не являются адекватными заданной цели. Большинство из них направлены на выявление уровня развития знаний, умений и навыков в соответствии с прежними целями.

Таким образом, существует противоречие между объективной необходимостью формирования и развития компетенций будущих специалистов и недостаточным уровнем проработанности способов контроля, создания соответствующих измерительных «приборов» и процедур при диагностично поставленных целях, обеспечения гибкого механизма корректировки деятельности в соответствии с индикаторами ее результативности.

Для достижения качественной реализации поставленных задач необходимо обеспечить постоянный мониторинг продуктивности образовательного процесса, в том числе в ходе реализации образовательных программ отдельных дисциплин как отражение комплексной профессиональной подготовки. Майоров А.Н. отмечает: «В насто-

ящее время мониторинг является наиболее совершенным способом обеспечения своевременной и качественной информацией сферы управления различными видами деятельности» [2].

Мониторинг как научный метод изучения состояния педагогических объектов включает: выбор параметров и критерии их отбора; методы осуществления непрерывного слежения и его периодичность; способ использования полученных данных, их анализ для предупреждения нежелательных отклонений, принятия решений по ликвидации затруднений в педагогическом процессе; а как процесс – отслеживание и сравнение достигнутых результатов развития с запланированными результатами через организацию процедур контроля, сбора, обработки информации, представляющей собой совокупность критериев, показателей, признаков для анализа, прогноза и моделирования его эффективности.

Таким образом, обоснование и разработка системы мониторинга компетенций в процессе обучения иностранному языку в условиях неязыкового вуза создаст условия, позволяющие эффективно организовывать, сопровождать и корректировать реализацию системы компетенций, обозначенных в учебных планах и программах, обеспечить преемственность в проведении мониторинга качества освоения учебных дисциплин и профессиональных модулей, а также повышать качество подготовки студентов.

Содержание мониторинга должно отражать процесс формирования, степень освоения, развитие компетенций по специальности/профессии, отраженных в критериях. Базовыми критериями являются общие компетенции (ОК) и профессиональные (ПК) обозначенные в программах в соответствии со стандартом, уточненные в едином наборе конкретных характеристик, как измерительных индикаторов степени сформированности определенных компетенций.

Проектирование мониторинга должно разносторонне учитывать особенности преподавания дисциплин кафедрой иностранных языков в условиях морского университета. Обобщенный анализ организации образовательного процесса на кафедре определил необходимость реализации технологического подхода как проектного обновления инструментальных и технологических средств, при условии сохранения преемственности в развитии теории и практики профессиональной подготовки специалистов и бакалавров и совершенствовании отработанных кафедрой образовательных технологий. Специфической чертой, которых, являются: диагностично поставленные цели, ориентация всех учебных процедур на достижение учебных целей, постоянная обратная связь (текущая и итоговая), воспроизводимость обучающего цикла.

С одной стороны, технология обучения является совокупностью методов, форм, способов, средств и дидактических условий, необходимых для эффективной организации процесса обучения. С другой - представляет собой определённую последовательность способов воздействия преподавателя на учащегося в процессе обучения с использованием необходимых технических или информационных средств. Т. о. технология обучения это «...определённая последовательность операций и процедур, составляющих в совокупности целостную дидактическую систему, реализация которой в педагогической практике приводит к достижению конкретных целей обучения и воспитания» [3].

В современном понимании образовательных технологий выделяется ряд смысловых акцентов, среди которых возможность:

- прогнозируемого получения заданных свойств и изменений предмета педагогического труда;
- нормирования способов педагогической деятельности;
- обеспечения систематичности и цикличности педагогических действий;
- построения логической последовательности педагогических действий и операций, обеспечивающих продуктивность образовательного процесса;

- приведения профессиональных действий в соответствие с закономерностями развития человека и педагогических процессов;
- управления педагогическими процессами на основе программирования, алгоритмизации, теории информации;
- воспроизводимости профессиональных действий, позволяющей транслировать продуктивный опыт [4]

Разрабатываемая технология обеспечивает определение диагностичности, валидности показателей сформированности компетенций студентов. Предполагает разработку и реализацию методов, и систематизацию инструментария мониторинга, а также, своевременное выявление динамики и основных тенденций в формировании компетенций студентов по программам. Технологический подход создает условия, позволяющие эффективно организовывать и поддерживать процесс мониторинга, обеспечивать преемственность в его процедурах; предполагает разработку и использование программного обеспечения интерпретации результатов; создание банка оценочных материалов [5]. Эффективно используется разработанный ранее педагогический инструментарий определения уровня формирования профессиональной компетенции студента [6].

Таким образом, проектируем систему мониторинга сформированности компетенций в ходе профессиональной подготовки в условиях университета как монодидактическую технологию на основе эффективности организации и управления процессом обучения и как часть полидидактической технологии обучения иностранному языку в морском вузе в свете современных требований ФГОС ВПО.

Английский язык в вузе преподается на всех курсах очного и заочного отделений в системе дисциплин общей и специальной подготовки. Циклограмма мониторинга выстраивается по принципу оптимальности, а именно: «С одной стороны, частота измерений должна давать возможность своевременно принимать решения и производить в образовательном процессе корректирующие воздействия, направленные на получение качественного результата на его выходе. С другой стороны, необходимо понимать, что объектом мониторинга являются обучающиеся люди, проводить с которыми бесконечные контрольные манипуляции неправильно и вредно» [7]. Разработанная и отраженная в УП и УМКД система текущего и итогового контроля является основанием для разработки циклограммы мониторинга по всем факультетам, курсам и дисциплинам.

Технологический подход к организации мониторинга компетенций предопределяет, прежде всего, изучение всех элементов обучающей системы и проектирование этапов и направлений деятельности с их учетом и в соответствии с обозначенными целями и задачами.

Проектирование осуществляется на трех уровнях: концептуальном, технологическом и уровне реализации. На концептуальном уровне выявляется проблема, идет обоснование целей и задач, отработка исследовательского инструментария, планирование, анализ научной литературы по исследуемой проблеме, накопление научно-исследовательского и дидактического материала, осуществляется выбор параметров и критерии их отбора. На технологическом уровне выявляются педагогические условия и пути решения проблем образовательного процесса, содержание и динамические изменения важных элементов педагогической системы в соответствии с поставленными целями, определяются методы и средства, их функциональные особенности. На уровне реализации приводятся в соответствие все элементы системы, обрабатывается теоретическое обоснование и выполняется систематизация проекта по всей кафедре, идет планирование дальнейшей работы.

Эффективность результатов достигается при обеспечении реализации функций мониторинга:

– диагностической (отслеживание уровня сформированности компетенций, что создает условия для самоанализа образовательной деятельности всеми участниками образовательного процесса);

– прогностической (определение основных тенденций сформированности компетенций и составлении прогноза на перспективу);

– координации и коррекции (выявление и решение проблем в формировании компетенций);

– мотивационной (побуждение участников образовательного процесса к самосовершенствованию);

Должны учитываться принципы:

– социально-нормативной обусловленности (отражает качество реализации требований ФГОС ВПО и работодателей);

– научности (научных форм, методов и средств получения информации);

– непрерывности, целостности и преемственности (обеспечивают технологичность процесс мониторинга);

– коммуникативности (информация мониторинга является условием для общения между субъектами образовательного процесса);

– информативной интегративности (равнодоступность всех участников мониторинга к информации).

Методическое сопровождение мониторинга предусматривает обеспечение:

– комплекса административно-плановых, учебных и методических документов, необходимых для эффективного осуществления оценочных процедур процесса подготовки специалистов в соответствии с требованиями ФГОС ВПО.

– комплекса оценочных материалов качества подготовки студентов по основным профессиональным образовательным программам, который разрабатывается преподавателями, обсуждается и утверждается на секциях по профилям подготовки.

– основными компонентами методического комплекса по сопровождению мониторинга: УП, УМКД, циклограмма мониторинга дисциплины или профессионального модуля, модули учета успеваемости студентов по выполнению программы обучения, комплект контрольно-оценочных средств по учебным дисциплинам и профессиональным модулям; и др.

Связующим звеном являются дисциплины, имеющие непосредственный выход на формирование профессионального использования иностранного языка, обеспеченные деятельностью кафедры иностранных языков. За основу формирования иноязычной компоненты профессиональной компетенции берется не только языковой материал и виды речевой деятельности, но и предметный материал и моделируемые технологические процессы профессиональной деятельности будущего специалиста, где иноязычная речевая деятельность выступает в функции средства ее регуляции [8].

Перспективное развитие данного направления деятельности предполагает, что разработанный, апробированный и обоснованно включенный теоретический и практический материал может стать основой для разработки нового поколения контрольных заданий на междисциплинарной основе в ходе реализации компетентного подхода в условиях подготовки неязыковых специальностей в вузе и при отборе персонала работодателями. Теоретические положения и выводы, методические рекомендации и материалы могут быть использованы в системе подготовки и повышения квалификации специалистов различных направлений.

Список литературы

1. Процесс создания европейского образовательного пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rudn.ru/?pages=289> Проект рекомендаций Комитета Министров к странам-членам Совета Европы относительно среднего образования» (1998 г.) Доктрина «ключевых компетенций» для образования Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://charko.narod.ru/tekst/an8/1_5.html

2. Майоров А.Н. Мониторинг в образовании. Книга 1. – СПб: Издательство «Образование-Культура», 1998. – 344с. – С. 12
3. Педагогические технологии: Учебное пособие для студентов педагогических специальностей / Под общей редакцией В. С. Кукушина. – М.: ИКЦ «МарТ2», Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2006.
4. Колесникова И. А. Педагогическая праксеология: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений / И. А. Колесникова, Е. В. Титова. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.– С. 159 – 160.
5. Аванесова Т. П. О подходах к проектированию компьютерных технологий обучения / Т. П. Аванесова, А. Н. Шиков // Образовательные технологии и общество (международный электронный журнал) – 2013. – Том 16. – № 2. – С. 433 – 446 URL: <http://ifets.ieee.org/russian/periodical/journal.html>
6. Тенищева, В.Ф. Интегративно–контекстная модель формирования профессиональной компетенции: дисс... д-ра. пед. наук: 13.00.08 / Тенищева Вера Федоровна. – М., 2008
7. Мартыненко О. О., Садон Е. В. Мониторинг формирования компетенций как важнейший инструмент управления образовательным процессом вуза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/05/18/1214036929/2008-3-5.pdf>
8. Тенищева В. Ф., Цыганко, Е. Н., Кузнецова, Ю. С. Профессиональные контексты как средство формирования эмоционально–волевой устойчивости морских специалистов в иноязычной среде: монография / В. Ф.Тенищева, Е. Н.Цыганко, Ю. С. Кузнецова. – Новороссийск: ГМУ им. адм. Ф.Ф.Ушакова, 2013. – 122 с.

COMPETENCE BUILDING MONITORING TECHNOLOGY DESIGN OF THE FUTURE PROFESSIONALS WHILE IMPLEMENTING VARIOUS FOREIGN LANGUAGE TRAINING EDUCATIONAL PROGRAMS

A. P. Peresyphkin ¹⁾
Yu. Yu. Genkin ²⁾
V. A. Filonenko

*¹⁾ Belgorod State
Research University*

*²⁾ State Admiral F. F. Ushakov's
Marine University,
Novorossiisk*

*e-mail:
yuliana1970@yahoo.com*

Modern educational standards require revision of the traditional forms and methods in intermediate and final knowledge control through realization of competence-based approach in the educational process. The article is dedicated to the justification of necessity for the competence monitoring development in the process of learning a foreign language in other than linguistics oriented universities and colleges. Main directions of its design and projected prospects are the core matters.

Keywords: educational standard, monitoring, competence development, knowledge control, competence-based approach, monitoring design.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.015.3

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Н. Н. Доронина
В. Н. Ткачев

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
doronina@bsu.edu.ru
tkachev@bsu.edu.ru*

В данной статье представлен теоретический обзор проблемы учебной мотивации, а также представлены результаты исследования учебной мотивации студентов различных специальностей. В качестве базовых компонентов учебной мотивации используются мотивационно-смысловые образования личности.

Ключевые слова: учебная мотивация, студенты вуза, учебно-профессиональная деятельность, мотивационно-смысловые образования личности, мотив достижения, мотив познания, мотив аффилиации, мотив доминирования.

В настоящее время подготовке студентов вуза отводится все больше внимания. И эта работа не сводится к решению только одной важной задачи – усвоения профессиональных знаний, умений и навыков. Организация учебной деятельности студентов является одной из основных психолого-педагогических проблем высшей школы. В этой связи одним из важных направлений оптимизации учебно-профессиональной деятельности студентов является изучение вопросов, связанных с учебной мотивацией. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в системе «обучающий – обучаемый» студент является не только объектом, но и субъектом деятельности. Мотивация является одной из фундаментальных проблем в отечественной и зарубежной психологии. В общепсихологическом контексте мотивация представляет собой совокупность, систему психологически разнородных факторов, детерминирующих поведение и деятельность человека (Л. И. Божович, И. А. Зимняя, А. К. Маркова и др.). Мотивационные процессы относятся к регулятивным компонентам психического функционирования, которые придают ему внутреннюю, субъективную окраску. Эти процессы связаны с формированием и реализацией мотивов (устремления, действия по реализации потребности или осознанного внутреннего побуждения к активности) и обладают побудительными функциями.

Частным видом мотивации, включенным в определенную деятельность, в данном случае учебную, является учебная мотивация. Изучению различных аспектов данной проблемы посвящены работы Л.И. Божович, Л.С. Выготского, Е.И. Ильина, А.К. Марковой, Л.М. Митиной, А.А. Реана, П.М. Якобсона и др. Среди зарубежных авторов необходимо отметить труды Дж. Аткинсона, А. Маслоу, Х. Мюррея, Х. Хекхаузена и др.

Рассматривая сущность понятия «учебной мотивации», необходимо отметить позиции следующих ученых. И.А. Зимняя отмечает, что учебная мотивация определяется, во первых, самой образовательной системой, образовательным учреждением, где

осуществляется учебная деятельность; во-вторых, организацией образовательного процесса; в-третьих, субъектными особенностями учащегося; в-четвертых, субъектными особенностями педагога и прежде всего системой его отношений к ученику и к делу; в-пятых, спецификой учебного предмета. При личностно-деятельностном, субъектном рассмотрении учения на первое место выходит изучение различных составляющих потребностно-мотивационной сферы будущего специалиста [10].

Учебная мотивация, как и любой другой вид мотивации, системна, характеризуется направленностью, устойчивостью и динамичностью. При этом на разных этапах учения происходит развитие соотношения взаимодействующих потребностей и мотивов, изменение ведущих доминирующих потребностей и их иерархизация. В ходе смены видов учебной деятельности студента (от учебно-познавательной через учебно-исследовательскую к учебно-профессиональной) меняются ее предмет и мотивы. По мере развития учебной деятельности ее смысл становится «психологически решающим» и приобретает функцию побуждения. Мотив становится личностным образованием, а не «преходящим, случайным внешним стимулом», выражается в принятии студентом целей и задач обучения как личностно значимых и необходимых [6].

В последние годы усилилось понимание психологами и педагогами роли положительной мотивации к учению, обеспечения успешного овладения знаниями и умениями (Е.П. Ильин, Л.М. Митина и др.). При этом выявлено, что высокая позитивная мотивация может играть роль компенсирующего фактора в случае недостаточно высоких способностей; однако в обратном направлении этот фактор не срабатывает – никакой высокий уровень способностей не может компенсировать отсутствие учебного мотива или низкую его выраженность, не может привести к значительным успехам в учебе [8].

Уровень мотивации к деятельности зависит от характера мотивирования субъекта, т. е. побуждения человека к выполнению трудовых задач путем активизации его потребностно-волевой сферы. По мнению Е.П. Ильина, в качестве мотиваторов – психологических факторов, участвующих в конкретном мотивационном процессе и определяющих принятие человеком решения на то или иное поведение, могут выступать:

- нравственный контроль;
- предпочтение, интересы, склонности;
- внешняя ситуация;
- собственные возможности, желания и состояние;
- условия достижения цели, последствия своего поступка [8].

В исследовании В.А. Бардыниной представлена взаимосвязь мотивации учебной деятельности и уровня субъектности личности [2]. Т.А. Дворниковой выявлена взаимозависимость учебной мотивации и характеристики, отражающими способность студентов к самоорганизации своей деятельности [6].

Исследователи учебно-профессиональной мотивации (А.А. Реан, В.А. Якунин и др.) выделяют в ее структуре семь основных мотивов: коммуникативные (чтобы завести знакомства и общаться с интересными людьми и др.), мотивы избегания (чтобы не отставать от друзей, чтобы избежать осуждения и наказания за плохую учебу и др.), мотивы престижа (чтобы быть в числе лучших студентов и др.), профессиональные (учусь, потому что мне нравится избранная профессия и др.), мотивы творческой самореализации (чтобы узнавать новое, заниматься творческой деятельностью и др.), учебно-познавательные (чтобы приобрести глубокие и прочные знания и др.), социальные (потому что полученные знания позволят добиться всего необходимого и др.) [3; 17].

В.А. Гордашников, А.Я. Осин в своей монографии представляют выявленную закономерность: «сильные» студенты отличаются друг от друга, но не по уровню интеллекта, а по силе, качеству и типу мотивации. Для сильных студентов характерна внутренняя мотивация — освоение профессии на высоком уровне и ориентация на получение прочных ЗУН, а для слабых студентов — внешняя мотивация — избегание

осуждения и наказания за плохую учебу. Высокая позитивная мотивация может восполнять недостаток специальных способностей и недостаточный запас ЗУН и играет роль компенсаторного фактора. Этот компенсаторный механизм в обратном направлении не срабатывает: каким бы способным и эрудированным не был учащийся, без желания и толчка к учебе он не добьется успехов [5].

Следовательно, по мнению авторов, от силы и структуры мотивации зависят как учебная активность учащихся, так и их успеваемость. При достаточно высоком уровне развития учебной мотивации она может восполнять недостаток специальных способностей или недостаточного запаса ЗУН у учащихся.

В.А. Якунин отмечает, что сама структура учебной мотивации многозначна по содержанию и различным формам. Студенты педагогических вузов могут лучше или хуже учиться, потому что хотят или не хотят получить профессию (профессиональная мотивация); приобрести новые знания и получить удовлетворение от самого процесса познания (познавательные мотивы); иметь более высокий заработок (прагматические мотивы); принести пользу обществу (широкие социальные мотивы); утвердить себя и занять в будущем определенное положение в обществе в целом и в определенном ближайшем социальном окружении (мотивы социального и личного престижа) и т.п. Каждая из названных разновидностей учебной мотивации может иметь в ее общей структуре доминирующее или подчиненное значение и тем самым определять тот или другой уровень индивидуальных достижений в учении, а вместе с ними обуславливать и степень приближения к конечным целям обучения [17].

Перейдем к вопросу о характере мотивации. Под характером мотивации учения А.С. Герасимова понимает уровень ее развития. В основу выделения уровней положены два основных критерия: характер направленности спектра ведущих мотивов (только на достижение результата – желаемой оценки или к тому же и на саморазвитие) и меру их действенности (выполняют ли они роль только знаемых или также и действующих мотивов). Высокий уровень сформированности учебной мотивации характеризуется наличием действующих ведущих мотивов и широким спектром их направленности (и на оценку, и на саморазвитие). Средним уровнем сформированности мотивационного компонента обладают учащиеся с узким типом направленности спектра ведущих мотивов (только на достижение результата – желаемой оценки), функционирующих на уровне действующих.

Низкий уровень сформированности мотивационного компонента учебной деятельности характеризуется наличием широкой или узкой направленности спектра ведущих мотивов, выполняющих функцию знаемых, либо неустойчивой ситуативной мотивационной направленностью студентов [4].

Динамика учебных мотивов студентов, по мнению В.А. Карнаухова, обусловлена их вхождением в новую социальную ситуацию развития: изменением места в системе общественных отношений, характеризуется объективной необходимостью освоения специфики вуза и основ будущей профессии в процессе осуществления различных форм новой ведущей учебно-профессиональной деятельности, включением в новые формы общения [11].

Т.И. Ильина при изучении учебной мотивации предлагает определять выраженность следующих параметров [8]:

- мотив получения знаний, интерес к научным проблемам (познавательный мотив);
- мотив овладения профессией (узкопрофессиональная направленность) интерес к профессии;
- мотив получение диплома, престижность высшего образования.

Характер мотивации (конкретные мотивы и цели, направленность, широта и интенсивность) обуславливается особенностями этапов профессионального становления субъекта – выбора профессии, реализации деятельности, профессиональной переориентации и переподготовки. Мотивационная сфера личности объединяет все побу-

дительные источники активности и включает в себя потребности личности, ее интересы, влечения, стремления, убеждения, идеалы, установки, намерения, а также стереотипы поведения, социальные роли, социальные нормы и правила, жизненные цели и ценности и мировоззренческие ориентации в целом. Поэтому, анализируя учебную деятельность студентов вуза, необходимо обращать внимание не только на «технология» учебного процесса, но и на характер учебной мотивации обучающегося, которая, на наш взгляд, моделируется мотивационно-смысловыми образованиями достижения, познания, аффилиации и доминирования.

В нашем исследовании в качестве базовых компонентов учебной мотивации используются четыре известных «потребности», которые довольно часто применяются как в отечественной, так и зарубежной психологии: познание, достижение, доминирование и аффилиации (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, С.В. Дроздов, Ю.М. Орлов, Б.А. Сосновский и др.). А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь и др. к смысловым образованиям относят смыслообразующие мотивы, личностные смыслы и смысловые установки. Анализ работ различных ученых позволяет объединить мотивы и смыслы в единую мотивационно-смысловую сферу и рассматривать ее как целостное, динамическое, иерархизированное образование личности, детерминирующее поведение и отношение человека к миру. С.В. Дроздов мотивационно-смысловые образования направленности личности понимает как «некие личностные мотивационно-смысловые структуры (конструкты, образования) человека во всей их комплексности, многоплановости, целостности и динамичности. Это сложно структурированные факторы, ансамбли устремлений, переживаний, отношений, ценностей, смыслов и т.д.» [7].

Помимо указанных потребностей важно проанализировать степень их удовлетворения. Деятельность, которая наступает после достижения цели, представляет собой технику удовлетворения потребности, т. е. совокупность скоординированных действий, исполнение которых производит насыщение потребности, устраняет ее напряжение и вызывает ее успокоение. Потребность утолена, активность на время снижается, или на смену одной потребности приходят другие [5].

Мотивационно-смысловой подход предполагает изучение не объективных и абстрактных потребностей и мотивов, а неких отраженных мотивационно-смысловых личностных образований, которые, на наш взгляд, позволят гораздо детальнее анализировать психологически богатые феномены мотивации, не сводя их к одному лишь гипотетическому побуждению к деятельности (Ю.М. Забродин, В.А. Карнаухов, Б.А. Сосновский, Ю.М. Орлов и др.). Одним из признанных выражений психологической субъективности и субъектности, по мнению Б.А. Сосновского, выступают комплексные мотивационно-смысловые образования как некие целостные, личностные психологические объединения субъективных потребностных состояний (принятие собственной «нужды»), внутренних мотивов личности («что нужно?») и субъективных смыслов («зачем?») [16]. По представлениям Н.Н. Акимовой, смыслообразование осуществляет не мотив, а субъект посредством всей структуры направленности личности, которая соотносится как с внешними, так и с внутренними условиями и факторами [1, с. 9]. Смысл и мотив в их психологической слитности – это не только и не просто деятельностные, но и личностные образования. Б.А. Сосновский отмечает, что они являются важной составляющей структуры направленности [16].

Рассмотрим характеристику указанных мотивов:

1. Мотив достижения. Как специфическое мотивационное понятие потребность в достижении была выделена и описана в работах Г. Мюррея (1938). Д. МакКлелландом и Дж. Аткинсоном впервые был разработан «ТАТ» для измерения этой потребности. В отечественной психологии потребность в достижении исследована достаточно активно Р.С. Вайсманом, А.Б. Орловым, Ю.М. Орловым, Н.М. Пейсаховым, В.И. Шкуркиным и др. Под потребностью в достижении понимают стремление личности улучшить результаты своей деятельности (соревнование с самим собой), получить уникальные результаты или быть включенным в достижение далеких целей. Согласно

различным исследованиям, это стремление достичь целевого состояния, переживания успеха, устранение рассогласования между уже достигнутым уровнем и целевым.

Ю.М. Орлов так определяет психологическую структуру потребности в достижении: а) перспективная готовность к различению имеющегося и ожидаемого уровня исполнения деятельности, наличие образных эталонов успеха в различных видах деятельности человека; б) предвосхищение удовольствия от удовлетворения потребности, закрепленном в прошлом опыте; в) нешаблонные способы достижения успеха, в котором происходит самовыражение индивидуальности; г) длительная включенность в достижение целей; д) включение образов достижения в «Я-концепцию». Экспериментальные исследования связывают потребность в достижении с такими качествами личности, как целеустремленность, настойчивость, высокий адекватный уровень притязаний, ценностное отношение к самому себе, работоспособность, способность найти себя в любом деле, которое обеспечивается высоким уровнем способности к целеполаганию.

2. Познание как мотив заключается в следующем. Познавательная потребность как предмет самостоятельного исследования выделилась достаточно поздно, и в разных мотивационных теориях были отражены лишь некоторые ее свойства. Р. Кеттел, выделяя шесть мотивационных диспозиций, в качестве одной из них назвал «исследование» и связанную с ним эмоцию – «любопытство». Инстинктивному наполнению этой потребности Мак-Дауголл нашел название «любопытательность», а связанную с ней эмоцию назвал удивлением.

Ряд исследователей выявили, что информационный голод не компенсируется ничем другим, что существует оптимальный уровень новизны, который стимулирует познавательную активность. Ю.М. Орлов определяет потребность в познании как стремление к расширению опыта, увеличению знаний и их упорядочиванию. Быть компетентными, приобрести навык свободного оперирования фактами, что проявляется в повышенном интересе к любой информации, в чувствительности к новизне и необычности объектов и ситуаций [15].

3. Аффiliation. В последние годы в психологии заметно возрос интерес к разным сторонам психологии общения. Само общение понимается как единство трех его сторон: восприятие, межличностное взаимодействие и обмен информацией. Аффiliation-ативные тенденции личности понимаются как потребность человека в установлении, сохранении и упрочении эмоционально положительных, дружеских отношений с окружающими людьми, которые проявляются в стремлении быть в обществе других людей, взаимодействовать с окружающими, оказывать кому-либо помощь и поддержку и принимать ее от других, стремление к личному, эмоциональному сближению с людьми. В одном смысловом ряду с аффiliationацией находятся такие понятия, как эмпатия, способность человека к сочувствию и сопереживанию другим людям, к пониманию их состояний, готовность оказать им посильную помощь. По своему содержанию аффiliationация относится к просоциальным мотивам, то есть тем, которые проявляются в стремлении делать людям добро [9].

Ю.М. Орлов выделяет следующие элементы потребности в аффiliationации: предвосхищение положительных аффективных состояний, связанных с образом человека, восприятие которых дает удовлетворение; наличие некоторой способности к эмпатии, дающей возможность участвовать в положительно эмоционально насыщенном межличностном взаимодействии; известный уровень техники общения; общение ради самого общения, включающее удовлетворение других потребностей: в доминировании, в престиже, в самоуправлении и т.д.; наличие положительно эмоционально окрашенной готовности к восприятию другого человека; обусловленное этими факторами, желание быть включенным в межличностное взаимодействие [102, 103].

4. Доминирование – в переводе с английского имеет два значения: властвовать, действовать деспотически, господствовать, повелевать и преобладать, вести себя высокомерно. Первое значение психологически обозначает стремление вступать в лидер-

ские отношения с людьми, контролировать социальную ситуацию, влиять, воспитывать других людей, занимать более высокий социометрический статус, ожидание послушания и подчинения от других. Основная психологическая техника доминирования – влияние на других людей. Влияние понимается как процесс и результат изменения индивидом поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок в ходе взаимодействия с ним. При недостаточно развитых организаторских способностях доминирование трансформируется в манипулятивную форму общения. В одном семантическом ряду с доминированием стоит авторитарность. Другое значение доминирования связано со стремлением превосходства над другими людьми, стремлением производить впечатление артистичностью, экзальтированностью. В концепции А. Адлера эти две тенденции обозначены как стремление к власти и к превосходству.

В исследованиях С.В. Дроздова, Ю.М. Орлова, Б.А. Сосновского потребность в доминировании определяется как стремление влиять на других, контролировать их поведение, навязывать свои взгляды, отношения, вкусы, стиль, способы решения проблемы в совместной деятельности, убеждать других, быть авторитетным, вступать в споры и дискуссии не ради истины, а ради обнаружения своего превосходства и правоты, поучать, поощрять и порицать других, склонность быть первым, превосходить других в практической и интеллектуальной деятельности [7, 14, 16].

Целью нашего исследования является проведение сравнительного анализа выраженности учебных мотивов у студентов вуза. В качестве гипотезы выступает предположение о том, что существуют значимые различия в выраженности учебных мотивов у студентов различных специальностей.

Методологическую основу разработки и реализации исследовательской программы составили системный подход (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов), а также мотивационно-смысловой подход к исследованию мотивации, обоснованный в трудах Ю.М. Забродина, Ю.М. Орлова, Б.А. Сосновского и др.

В эксперименте участвовали 60 студентов 5 курса Белгородского государственного национального исследовательского университета. Из них 30 студентов факультета бизнеса и сервиса (ФБС), специальность «Экономика и управление на предприятии сферы обслуживания» и 30 студентов педагогического факультета (ПФ) специальность «Педагогика и методика начального образования». Возраст испытуемых составляет от 20 до 22 лет. Именно пятый курс является завершающим этапом обучения в вузе и все чаще совпадает с началом профессиональной деятельности специалиста. Выбор данных факультетов является не случайным. Для нас явилось интересным провести сравнительный анализ мотивации учения студентов педагогической и непедагогической специальностей. В последнее время особое внимание уделяется престижности вуза, факультета и профессии. В связи со снижением престижа педагогических специальностей с каждым годом сокращается набор студентов на данные факультеты. В свою очередь растет число желающих поступить на факультеты, связанные с управлением, экономикой, сервисом. Поэтому важно выяснить особенности учебной мотивации студентов различных факультетов. Но, кроме того, необходимо отметить, что обе овладеваемые студентами профессии (менеджер и учитель) относятся к одному типу «человек-человек» [12].

С целью исследования учебных мотивов использовалась методика Ю.М. Орлова и Б.А. Сосновского «Мотивационно-смысловые образования личности». Методика представляет собой тест, состоящий из 128 предложений-утверждений, на каждое из которых необходимо было дать ответ «да» при согласии с этим утверждением или ответ «нет» – при несогласии [11]. Второй методикой нами был выбран тест-опросник Т.И. Ильиной «Мотивация учебной деятельности» [8]. Следовательно, параметрами изучения учебной мотивации явились мотивы достижения, познания, аффилиации, доминирования, а также степени удовлетворения этих потребностей (мотивов); эмоциональное отношение к учебной деятельности и уровень экзаменационной тревож-

ности, мотивы получения диплома и овладения профессией. Данное исследование дало возможность описать в мотивационно-смысловых образованиях характеристику силы мотивации и их значимость для личности; позволило оценить состояние учебной мотивации студентов, выделить мотивы (потребности), по которым установлены значимые различия между группами студентов различных специальностей.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что для студентов обоих факультетов шкала достижения выражена одинаково, в среднем – 9,03 балла. Удовлетворенность достижения для ФБС составляет в среднем 5,97 баллов, а для ПФ – 4,77. Значение шкалы познания ниже предыдущей и составляет для ФБС – 7,93 балла, для ПФ – 8,77, удовлетворенность познанием для ФБС – 5,07, для ПФ – 4,43. Высокие результаты получены на обоих факультетах по мотиву аффилиации: для ФБС средний балл составил 10,5 баллов, а для ПФ – 12,27. Удовлетворенность аффилиацией для ФБС составляет 5,5 баллов, для ПФ – 6,67. Шкала доминирования у студентов ФБС в среднем составила 9 баллов, для ПФ – 7,8 баллов. Удовлетворенность доминированием на ФБС составила 4,1 балл, на ПФ – 3,67 баллов.

Отношение к учебе у студентов обоих факультетов примерно одинаково: для студентов ФБС средний балл составил 9,27, а для ПФ – 8,53. Экзаменационная тревожность у студентов ФБС выражена достаточно высоко, средний балл составил 7,97 баллов, у студентов ПФ – 4,93. Направленность на овладение профессией у студентов педагогического факультета составляет 4,96, а у студентов факультета бизнеса и сервиса – 5,05. Средний балл направленности на получение диплома у будущих учителей составил 7,86, а у будущих менеджеров – 7,6. Такой высокий балл (из 10 возможных) свидетельствует о высокой мотивации приобрести диплом о высшем образовании. Эти данные дают некоторое обобщенное представление о степени выраженности у студентов изучаемых психологических и мотивационно-смысловых образований и структур.

Для выявления особенности учебных мотивов студентов, обусловленные характером приобретаемой специальности, была проведена статистическая обработка данных с помощью *t*-критерия Стьюдента. Значимые различия в средних значениях переменных обнаружены по шкалам: удовлетворенность достижением ($t=2,5$; $p<0,05$), данная шкала выше представлена у студентов факультета бизнеса сервиса.

На высоком уровне значимости представлены различия по шкалам аффилиация ($t=3,5$; $p<0,01$) и удовлетворенность аффилиацией ($t=3,2$; $p<0,01$). В данном случае, как было сказано выше, значение данных мотивов преобладает на ПФ. Значимые различия выявлены и по шкале доминирования ($t=2,2$; $p<0,05$). Данный мотив наиболее выражен у студентов ФБС, что, вероятно, обусловлено спецификой приобретаемой профессии – менеджера. Важно обратить внимание и на тот факт, что статистически значимые различия наблюдаются в выраженности экзаменационной тревожности. У студентов ФБС эта шкала представлена более высоко ($t=3,5$; $p<0,01$).

Мотивационно-смысловые конструкты достижения и познания, а также отношение к учебе, направленность на получение диплома и овладение профессией представлено у студентов исследуемых факультетов примерно в равной степени. Данное обстоятельство побудило нас сделать вывод о том, что престиж факультета не влияет на учебную мотивацию и отношение к учебному процессу в целом.

Таким образом, были определены психологические особенности учебной мотивации студентов педагогической и непедagogической специальностей. Значимые различия были выявлены по двум шкалам: для будущих менеджеров наиболее выраженным оказался мотив доминирования, а для студентов педагогического факультета – мотив аффилиации. Тем не менее, сравнивая средние значения по всем шкалам в каждой отдельной выборке, мы пришли к выводу, что преобладающим является мотив аффилиации, т.е. у студентов обоих факультетов наиболее высока склонность к общению, готовность к оказанию помощи другим людям, стремление к пониманию окружающих и сочувствие им, что является характерной особенностью профессий типа «человек-человек».

Список литературы

1. Акимова Н.Н. Мотивационно-смысловые образования личности студентов вуза / Н.Н. Акимова // Сибирский психологический журнал. – 2010. – №35. – С. 14-17.
2. Бардынина В.А. Психолого-педагогические условия развития субъектности студентов-психологов в учебно-профессиональной деятельности / В.А. Бардынина // Высшее образование сегодня, 2008. – №3. – С. 39-41.
3. Бордовская Н.В. Педагогика: учебник для вузов / Н.В. Бордовская, А.А. Реан – СПб: Питер, 2000. – 304 с.
4. Герасимова А.С. Психолого-педагогические условия становления и развития учебной мотивации студентов / А.С. Герасимова // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – №4. – С. 224-230.
5. Гордашников В.А. Образование и здоровье студентов медицинского колледжа / В.А. Гордашников, А.Я. Осин : монография. – М.: Академия естествознания, 2009.
6. Дворникова Т.А. Мотивация учебной деятельности и саморегуляция студента // Вестник СПбГУ. – Сер. 12. – 2011. – Вып. 3. – С. 79-84.
7. Дроздов С.В. Динамика мотивационно-смысловых образований личности студентов в процессе адаптации к учебе: Дисс. ... канд. пед. наук / С.В. Дроздов – М., 2000. – 184 с.
8. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин – СПб. : Питер, 2004. – 508 с.
9. Забродин Ю.М. Мотивационно-смысловые связи в структуре направленности человека / Ю.М.Забродин, Б.А. Сосновский // Вопросы психологии. – 1989. – №6.
10. Зимняя И.А. Педагогическая психология / И.А. Зимняя – М.: Логос, 2004. – 384 с.
11. Карнаухова В.А. Мотивационно-смысловые образования в структуре направленности личности / В.А. Карнаухова – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 71 с.
12. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов – М.: Академия, 2004. – 303 с.
13. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя / Л.М. Митина. – М.: Изд-во «Флинта», 1998. – 208 с.
14. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики / А.Б. Орлов. – М., 1995.
15. Орлов Ю.М. Самопознание и самовоспитание характера: Беседы психолога со старшеклассниками: Кн. для учащихся / Ю.М. Орлов – М.: Просвещение, 1987. – 224 с.
16. Сосновский Б.А. Мотив и смысл: психолого-педагогическое исследование / Б.А. Сосновский – М.: Прометей, 1993. – 200 с.
17. Якунин В.А. Психология учебной деятельности студентов / В.А. Якунин. – М.: Логос, 1994. – 156 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF EDUCATIONAL MOTIVATION OF UNIVERSITY STUDENTS

N. N. Doronina
V. N. Tkachev

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
doronina@bsu.edu.ru
tkachev@bsu.edu.ru*

This article presents a theoretical overview of the problem of educational motivation, and the results of the research of students' educational motivation of different specialties. Motivational and significant formations of personality are used as a basic component of educational motivation.

Key words: educational motivation, students of the University, teaching and professional activity, motivational and significant formations of personality, motive of achievements, motive of knowledge, motive of affiliation, motive of domination.

УДК 37.015.3

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА АУДИТОРНОГО ЗАНЯТИЯ

Н. И. Смаковская

*Нижегородский
государственный
технический
университет
им. П. Е. Алексеева*

*e-mail:
smakovska@mail.ru*

В статье автор сосредотачивается на изучении когнитивного компонента психологической культуры преподавателя технического университета. Представлена методика психолого-педагогического анализа аудиторного занятия, определены показатели и уровни развития когнитивного компонента, обобщены результаты диагностики.

Ключевые слова: психологическая культура преподавателя технического вуза, когнитивный компонент, психолого-педагогический анализ занятия.

Введение

Совершенствование психологической культуры преподавателем высшей школы является профессиональной и личностной необходимостью в современной образовательной ситуации [2; 4]. Признание того, что личность преподавателя и его профессионально-педагогическая деятельность является ключевым условием успешности инновационных преобразований в высшей школе, выдвигает определенные требования к содержательным психолого-педагогическим аспектам его подготовки [1; 3]. В связи с этим, мы понимаем психологическую культуру преподавателя высшей профессиональной школы (технической, в том числе) как соединение актуальных психологических знаний (в ракурсе необходимых аспектов преподавания своего предмета – психодиактических знаний), возможностей осуществления продуктивного профессионально – личностного общения со студентами, а также в наличии осознанной потребности в совершенствовании своего профессионализма [6; 7].

Методы и процедура исследования

С целью диагностики когнитивного компонента психологической культуры преподавателя технического вуза нами была разработана *методика «Психолого – педагогический анализ аудиторного занятия в техническом вузе»* [8]. Предлагаемая нами методика эффективна в условиях самоанализа преподавателем своей деятельности, также очевидны ее возможности применения для анализа содержательных аспектов педагогического опыта коллег (например, при взаимопосещении занятий, в процессе повышения профессиональной квалификации преподавателей), нами апробирована ее целесообразность при просмотре видеозаписи занятия и последующей его рефлексии преподавателем.

В процессе осуществления диагностики все преподаватели получили инструкцию, в которой предлагалось оценить им самим степень соответствия данных показателей в представленной далее модели со степенью их выраженности у них, поставить баллы: от нуля до трех баллов. Три балла преподаватель мог поставить себе, если характеристики показателя соответствовали их наличию у него в профессионально-педагогической деятельности стабильно и постоянно. Два балла преподаватель мог обозначить при условии достаточно высоких показателей, но проявляемых фрагментарно, ситуативно. Один балл соответствовал степени выраженности того или иного показателя в случае наличия лишь необходимых, базовых характеристик в профессионально-педагогической деятельности, наконец, оценить свою педагогическую деятельность «0 баллов» преподаватель мог, если степень выраженности показателя соответствовала уровню ниже минимального, т. е. несоответствующего принятым функциональным нормам и обязанностям.

Психолого-педагогический анализ аудиторного занятия оптимально осуществлять в единстве его *содержательных компонентов* (психодидактического, социально-психологического, эмоционально-диагностического) профессиональной педагогической деятельности и соответствии с ее ключевыми этапами (целеполагания, процессуального, рефлексии). Для создания максимально комфортных условий процедуры диагностики нами была разработана карта-алгоритм, в которой представлены характеристики показателей в соответствии с их уровнем развития (см. табл. 1).

Таблица 1

**Карта психолого-педагогического анализа учебного занятия
в техническом вузе**

Показатель	Уровни развития			
	максимальный	средний	низкий	критический
1	2	3	4	5
Психодидактический контекст				
<i>Этап целеполагания</i>				
<i>Комплекс целей при активном интегрировании инновационных образовательных технологий</i>	Гармоничное сочетание комплекса целей при приоритетности профессионально-личностных через глубоко осознанное внедрение образовательных инноваций	Предметные цели выделяются как приоритетные, профессиональная ориентированность осознается как вторичная, внедрение образовательных инноваций осознается как необходимый аспект педагогической деятельности, однако внедряется фрагментарно	Целеполагание на основе предметной подготовки студентов, отсутствует понимание предмета в единой системе профессиональной подготовки и внедрение в практику инноваций происходит формально, через внешний стимул	Постановка дидактических целей осуществляется фрагментарно, внедрение инноваций отторгается
<i>Адекватность образовательных технологий и формы занятия особенностям учебной группы</i>	Содержание дисциплины адаптировано к целям профессиональной подготовки, уровню группы, особенностям восприятия материала студентами. Активная обратная связь преподаватель-студент обеспечивает реализацию профессионального и личностного развития	Адаптация содержания происходит преимущественно с учетом подготовки группы и особенностям восприятия материала студентами. В меньшей степени содержание адаптируется к задачам профессионально-личностного развития студентов. Важность активного педагогического взаимодействия осознается, но применение затруднено	Возможность профессионального развития на предметном материале не рассматривается. Фрагментарно устанавливается обратная связь со студентами, практически не учитывает цели занятия и уровень развития учебной группы	Происходит только в логике освоения дисциплины. Проектирование технологий и форм учебного взаимодействия не учитывает цели занятия и уровень развития учебной группы

Продолжение табл.1

1	2	3	4	5
<i>Процессуальный этап</i>				
<i>Прогнозирование потенциального уровня развития профессиональных и личностных компетенций студентов</i>	Прогнозирование уровня и диагностирование развитость профессиональных и личностных компетенций в условия предмета через систему признаков	Определение ожидаемого уровня и признаков усвоения предметного содержания. Отдельные представления о предполагаемом уровне и признаках профессиональной подготовки	Возможно определение ожидаемого уровня и признаков усвоения предметного содержания	Предполагается возможность обозначения отдельных признаков усвоения предмета
<i>Степень осознания мотивационной программы преподавателем</i>	Ориентированность системы мотивации на особенности студенческой группы и их профессиональную деятельность	Преобладает учебная мотивация, профессиональная используется частично, однако значимость осознается	Используется только учебная мотивация. Возможно отсутствие мотивирующих действий. Уровень готовности группы не учитывается	Используется только учебная мотивация
<i>Готовность преподавателя к решению нестандартных ситуаций, импровизационность</i>	Осознанная открытая позиция к педагогической импровизации для решения целей профессионального развития студентов. Диапазон импровизаций: от подготовленных до создания нового в данной ситуации	Открытость к педагогической импровизации подчинено решению предметных целей. Как правило, импровизационность связана с подготовленными «сценариями» с элементами обновления	Педагогическая импровизация включена в сценарий занятия эпизодически, может быть формальна, вне связей с профессионально-личностным развитием студентов	«Ригидная» позиция к включению педагогической импровизации в «сценарий» занятия, отсутствие новизны в проведении занятий при их предметной направленности
<i>Возможности преподавателя в создании комплекса дидактических инструментов коррекции качества обучения</i>	Контроль осуществляется комплексно, гармонично сочетая потенциал дидактических и развивающих целей и задач предметной и профессиональной подготовки	Контроль осуществляется преимущественно с позиций качества предметной подготовки. Показатели личностно-профессионального развития отслеживаются частично	Контроль строится в логике «знаниевой» модели обучения. Преобладая репродуктивных форм контроля. Показатели личностно-профессионального развития не отслеживаются	Происходит только в логике освоения дисциплины без выявления личностно-профессионального развития студентов
<i>Этап профессионально-личностной рефлексии</i>				
<i>Понимание необходимости профессионально-личностной рефлексии</i>	Наличие четкого алгоритма профессиональной рефлексии. Представление о специфике и результатах профессиональной деятельности полные, структурированные, адекватные	Проводится рефлексия на основе неполного алгоритма. Однако преподаватель может себя адекватно оценить	Рефлексия осуществляется бессистемно. Представление о специфике профессиональной деятельности носит эмоциональный характер. Адекватный анализ своей деятельности затруднен	Отсутствует алгоритм профессионально-личностной рефлексии

Продолжение табл.1

1	2	3	4	5
<i>Система критериев профессионально-личностной рефлексии</i>	Рефлексия проводится на основе анализа собственных профессиональных действий, направленных на освоение студентами предметного содержания и совершенствования профессиональной подготовки студентов в период обучения в вузе	Рефлексия проводится на основе анализа собственных профессиональных действий, направленных на освоение студентами предметного содержания. Действия по совершенствованию профессиональной подготовки студентов в период обучения в вузе оцениваются частично	Рефлексия проводится на основе анализа собственных профессиональных действий, направленных на освоение студентами предметного содержания. Действия по совершенствованию профессиональной подготовки студентов в период обучения в вузе могут декларироваться	Рефлексия проводится на основе анализа собственных профессиональных действий, направленных на освоение студентами предметного содержания
<i>Особенности программы профессионально-личностного самосовершенствования преподавателя</i>	Наличие обоснованной программы саморазвития по всем блокам (научно-исследовательская деятельность, предметное и психодидактическое совершенствование) для оптимального личностного и профессионального развития студентов	В программе доминируют вопросы совершенствования в области преподавания своей дисциплины и научно-исследовательской деятельности. Психодидактическое саморазвитие реализуется фрагментарно, однако необходимость его осознается	Программа саморазвития представлена в направлении совершенствования в области преподаваемой дисциплины или научно-исследовательской сферы. Значимость психодидактического совершенствования не осознается	Целостная программа саморазвития отсутствует, хотя ее значимость может декларироваться
Социально-психологический контекст занятия				
<i>Доминирующий стиль педагогического взаимодействия</i>	Интерактивный характер педагогического взаимодействия, позиции преподавателя «внутри и рядом». Позиция студентов «внутри и вместе», субъектная	Характер взаимодействия либерально-демократический. Позиция преподавателя «внутри и под». Позиция студентов: «внутри и над», субъектно-объектная	Характер взаимодействия попустительский. Позиция преподавателя «вне и под». Позиция студентов «вне и над», объектная, эпизодически субъектная	Характер взаимодействия авторитарный. Позиция преподавателя «вне и над». Позиция студентов «вне и под», студент – объект воздействия
<i>Осознанная реализация субъект-субъектного вербального и невербального педагогического взаимодействия</i>	Отмечаются достижения конкретного студента, приемы активного слушания, доминирование диалого-полилогического взаимодействия, ориентированного на личностное развитие студента	Оценки достижений студентов дифференцированные, диалог и полилог во взаимодействии фрагментарны, хотя их значимость в личностно-ориентированном развитии студента осознается	Преимущественно монологическое изложение, хотя не отрицает и осознает важность субъект-субъектных педагогических коммуникаций	Исключительно монологически отстраненное изложение материала преподавателем

Окончание табл.1

1	2	3	4	5
<i>Наличие оптимальных форм организации учебного пространства</i>	«Нелинейные» формы организации учебного взаимодействия, содержание которых реализует комплекс целей занятия	Стремление к «нелинейности» в организации форм учебного взаимодействия при доминировании предметных целей занятия	Преимущественно формы учебного взаимодействия в традиции «знаниевой» модели, содержание взаимодействия отражает предметные цели	Организация учебного взаимодействия исключительно в с позиции «знаниевой» модели
Эмоционально-диагностический контекст занятия				
<i>Характеристики эмоционально комфортного состояния педагогического взаимодействия для реализации комплекса целей</i>	У преподавателя осознанная позиция эмоциональной поддержки, доверия при активном взаимодействии с ним студентов, и их – друг с другом	Важность создания ситуации эмоционального комфорта преподавателем осознается, но организуется эпизодически	Возможно понимание важности создания эмоционально комфортного состояния между субъектами педагогического взаимодействия при отсутствии его организации	Понимания необходимости состояния эмоционального комфорта в учебном взаимодействии отсутствует
<i>Психологические условия и механизмы управления психоэмоциональным состоянием студентов</i>	Максимальная реализация индивидуальных психолого-физиологических особенностей студентов. Активное создание ситуации успеха	По-возможности, учитывает индивидуальные возможности студентов. Частично реализуется ситуация успеха	Практически отсутствует ситуация успеха, доминируют отрицательные оценки учебной деятельности студентов	Отсутствие ситуации успеха, любой оценки преподавателем деятельности студентов
<i>Оперативная самодиагностика и коррекция преподавателем собственного актуального эмоционального состояния</i>	Создает эмоционально-позитивный фон, испытывает радость от процесса обучения при высокой активности студентов	Преобладает ровный, спокойный фон, высокая активность студентов	Состояние скуки, «интеллектуальной лени» при низкой продуктивности студентов	Стимулирует активность студентов, используя негативные эмоции

Обсуждение результатов диагностики

В процессе изучения психологической культуры нами была выявлена, к сожалению, ситуация, достаточно типичная для преподавательской среды: существует различное отношение к культивированию в профессионально-педагогической деятельности преподавателя высшей технической школы психологических знаний, концепций, образовательных технологий и форм проведения аудиторных занятий, профессионально-личностной рефлексии, а также социально-психологических приемов и технологий диагностики психоэмоционального состояния субъектов образовательной среды. Так, 43,56 % (при n=124 - число преподавателей, участвовавших в исследовании) преподавателей продемонстрировали позицию понимания важности внедрения психолого-педагогических знаний в свою профессионально-педагогическую практику; у 56,44 % преподавателей выявлено минимальное проявление данных параметров как важнейших в успешной деятельности преподавателя как профессионала или, в единичных случаях, полное отсутствие таковых [8].

подавляющее большинство преподавателей продемонстрировало исходный средний (39,51 %) и минимальный (50,80 %) уровни развития всех показателей. На практике это выражалось в том, что интеграция всех обозначенных ранее содержа-

тельных параметров в «сценарии» занятия на разных его этапах, как правило, происходила ситуативно, не в полном объеме, при приоритетности целей предметной подготовки.

На *этапе постановки целей* это означало, что преподаватели не осознавали возможность внедрения своего предмета в общую систему профессионально-личностного развития будущего инженера; они не склонны были ориентироваться в проектировании образовательных технологий и форм проведения занятия на актуальный уровень развития учебной группы и ее особенности. Преподаватели могли затрудняться в определении ожидаемого уровня развития и признаков усвоения предметного содержания студентами «своего» предмета, а также признаков их профессионального и личностного развития на основе «своей» предметной дисциплины.

На *процессуальном этапе занятия* по всем показателям было выявлено преобладание среднего и низкого уровни развития. Большая часть преподавателей в выборе инструментов мотивации студентов, в готовности к решению нестандартных педагогических ситуаций и включению элементов импровизационности в педагогическое взаимодействие, в разработке оценочных заданий ориентировалась преимущественно на задачи освоения содержания предмета. Особую трудность из обозначенных показателей испытывали преподаватели при разработке контрольных задач, имеющих личностный смысл и ориентированных на будущую профессиональную деятельность, причем, часто преподаватели были «озадачены» нестандартной педагогической ситуацией, не предполагая возможность ее возникновения в сценарном плане учебного занятия.

Данные анализа *рефлексивного этапа* деятельности преподавателя соотносимы с результатами анализа предыдущих этапов. Общая тенденция заключается в том, что, как правило, все испытуемые не могли выстроить свою деятельность в соответствии с ключевой целью – профессионально-личностное становление будущего инженера. Отметим, что у преподавателей при понимании необходимости профессионально-личностной рефлексии она не всегда осуществляется на основе ее полного алгоритма; преподавателям было свойственно наличие достаточно продуманной программы самосовершенствования в области своих предметно-профессиональных интересов, в научно-исследовательской деятельности и в разработке для студента индивидуального маршрута его профессионального становления как инженера.

Анализ *социально-психологического контекста* занятия показал, что по всем показателям лишь у незначительной части преподавателей, участвовавших в исследовании, был выявлен исходный максимальный уровень развития. Все-таки самой распространенной была ситуация, в которой преподаватели при развитой интерактивной позиции не всегда могли организовать форму и пространство педагогического взаимодействия, адекватные целям профессионально-личностного развития студентов, причем не все студенты проявляли личную заинтересованную позицию как субъекта учебно-профессиональной деятельности.

Изучение *эмоционально-диагностического параметра* занятия позволило нам выявить, что у преподавателей отмечаются достаточно высокие значения по показателю «характеристики эмоционально комфортного состояния педагогического взаимодействия»; наибольшие сложности преподаватели испытали при обозначении психологических приемов и методов, адекватных задачам профессионально-личностного развития студентов. Также преподаватели порой затруднялись в выявлении психологических механизмов, препятствовавших успешной реализации комплекса целей занятия, причиной которых является сам преподаватель, его индивидуальные психоэмоциональные и личностные особенности.

Заключение

Представленные результаты подтверждают существующее мнение, которое можно обозначить как отставание сложившейся ситуации в образовательной практике в высшей профессиональной школе от существующих данных научных психолого-

педагогических исследований [2]. Следует отметить, что определить в полном объеме весь комплекс показателей когнитивного компонента в структуре психологической культуры преподавателя технического вуза на основе анализа занятия невозможно. *Психологическая культура, являясь многомерной характеристикой преподавателя как личности и субъекта деятельности* [5], нуждается в постоянном исследовании на основе разработки диагностического инструментария для психолого-педагогического мониторинга профессионально-педагогической деятельности преподавателей на базе создания экспериментально-диагностической лаборатории в системе внутривузовского и внутрикафедрального повышения квалификации в техническом университете.

Список литературы

1. Вербицкий А. А. Инварианты профессионализма: проблемы формирования: монография / А. А. Вербицкий, М. Д. Ильясова – М.: Логос, 2011. – 288 с.
2. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя / И. Ф. Исаев – М., 2002. – 202 с. [Электронный ресурс]. <http://txtb.ru/81/index.html>. (дата обращения: 22.12.2013).
3. Методика оценки уровня квалификации педагогических работников / под ред. В. Д. Шадрикова, И. В. Кузнецовой – М., 2010. – 174 с. [Электронный ресурс]. http://dsburatino5.ucoz.ru/kab_metodista/metodika_ocenki.pdf (дата обращения: 04.04.2014).
4. Попков В. А. Теория и практика высшего профессионального образования: учебное пособие для системы дополнительного педагогического образования / В. А. Попков, А. В. Коржуев – М.: Академический проект, 2010. – 403 с.
5. Семикин В. В. Психологическая культура в образовании человека: монография / В. В. Семикин – СПб., 2002. – 174 с.
6. Смаковская Н. И. Готовность к восприятию психологических знаний у преподавателей высшей технической школы как основа совершенствования их психологической культуры // В мире научных открытий. – 2013. – № 11.4(47). – С. 353 – 362.
7. Смаковская Н. И. Психологическая осведомленность в структуре психологической культуры преподавателя высшей технической школы // Нижегородское образование. – 2014. – № 1. – С. 40 – 44.
8. Смаковская Н. И. Изучение когнитивного компонента психологической культуры преподавателя технического вуза / Н. И. Смаковская, Т. М. Сорокина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/118-14076> (дата обращения: 25.07.2014).

PSYCHOLOGICAL CULTURE OF THE TECHNICAL UNIVERSITY PROFESSOR (THE CASE OF A CLASS EXERCISE)

N. I. Smakovskaya

*Alexeev Nizhny Novgorod
State Technical University*

*e-mail:
smakovska@mail.ru*

The paper discusses the cognitive component of the psychological culture of technical university professors. It presents the methods for psychological and pedagogical analysis of the class exercise and the indicators and levels for cognitive component development.

Keywords: psychological culture of technical university professors, cognitive component, psychological and pedagogical analysis of the class exercise.

УДК 159.9:316.37

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ С ПРОЦЕССОМ ПРИНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ РОДИТЕЛЕЙ НА ЭТАПЕ БЕРЕМЕННОСТИ И ТРЕХ МЕСЯЦЕВ РЕБЕНКА*

**А. В. Темерева
И. А. Симоненко**

*Курский
государственный
медицинский
университет*

*e-mail:
phycologist@mail.ru
irinalik2004@mail.ru*

Статья посвящена изучению взаимосвязи межличностных отношений супругов с процессом принятия социальной роли родителей в период беременности и трех месяцев ребенка. Анализируется характер межличностных отношений в супружеской паре, а также особенности принятия социальной роли родителей, и их взаимосвязь на этапе беременности и на этапе трех месяцев ребенка. Представлены результаты исследования 40 супружеских пар (среди которых 20 супружеских пар на этапе беременности, 20 супружеских пар на этапе трех месяцев ребенка), подтверждающие взаимосвязь межличностных отношений супругов с процессом принятия социальной роли родителей на этапе беременности и трех месяцев ребенка.

Ключевые слова: межличностные отношения, социальная роль, процесс принятия социальной роли родителя, родительство.

Введение

В психологической науке вопрос изучения семьи и особенностей ее функционирования является одним из приоритетных для современных исследований. Такое внимание к семье обусловлено, прежде всего, тем, что семья, являясь социальным институтом, рассматривается как одна из наиболее значимых сфер развития общества. В основе семьи лежат в первую очередь супружеские отношения, характер межличностных отношений которых сказывается на благополучном развитии семьи в целом и на возможности супругов преодолевать кризисные периоды семьи, в том числе кризисные периоды, связанные с родительством. Рождение первого ребенка приводит к значительным переменам стиля жизни семьи, что в свою очередь не может не сказаться на характере межличностных отношений супругов. Данные перемены связаны с необходимостью и особенностями принятия и овладения новой социальной роли родителей. В этот период молодая семья может быть наиболее уязвима к нарушению межличностных отношений в супружеской паре и требует внимания со стороны психологической науки относительно вопросов по разрешению кризиса супружеских отношений, связанных с освоением новой социальной роли родителей.

Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, В. Сатир, А. Варга указывают на системную организацию семьи, все компоненты которой тесно взаимосвязаны друг с другом. Системная организация семьи включает в себя следующие подсистемы: супружеская, детско-родительская и расширенная подсистема, в состав которой входят все члены семьи. В свою очередь супружеская подсистема представлена взаимоотношениями супругов, которые определяются тем, насколько брак позволяет удовлетворять потребности и цели каждого супруга [3; 4]. Одной из важных потребностей и целей, удовлетворяющихся в браке, по мнению Л.А. Коростылевой является коммуникативная потребность, то есть потребность в общении, в теплых и сердечных межличностных отношениях [6]. А сами межличностные отношения Г.М. Андреева, Н.Н. Обозов, В.Н. Мясичев, Н.Ф. Федотова рассматривают как отношения, которые реализуются в деятельности конкретных личностей, в актах их общения и взаимодействия, на основе определенных чувств, которые рождаются по отношению друг к другу. По данным Л.А.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Качество раннего контакта матери и ребенка в системе психосоматических факторов, как условие сохранения здоровья» проект № 14-06-00085.

Коростылевой, коммуникативная потребность, выражающаяся в межличностных отношениях супругов, связана с чувством опоры, поддержки членами семьи друг друга, избавления от одиночества и ощущением счастья материнства и отцовства [1; 6; 8].

Семья, как отмечают А. Н. Волкова, Т. Андреева, Д. Леви, в своем развитии проходит жизненный цикл. Жизненный цикл семьи подразумевает последовательность смены событий и стадий, которые переживаются как кризисные периоды и предполагают качественные изменения в семейной системе. Эти качественные изменения в семейной системе связаны с функциональным развитием семьи, когда меняются отношения членов семьи вместе с изменением ее структуры [3]. Ю.Е. Алешина, Т. А. Гурко, Г. Г. Филиппова, Р. В. Овчарова указывают, что появление ребенка в семье является значимым событием в развитии и функционировании семьи, которое требует появления новых социальных ролей, согласования ролевых ожиданий и притязаний, а также изменения характера межличностных отношений внутри семьи. Данные аспекты сказываются на общем уровне удовлетворенности браком [5; 12; 13]. Родительство, по мнению Р. В. Овчаровой, представляет собой интегральное психологическое образование личности (матери и/или отца), которое включает в себя совокупность компонентов родительства - ценностные ориентации родителя, установки и ожидания, родительские чувства, отношения и позиции, родительскую ответственность и стиль семейного воспитания, каждый из которых осуществляется через взаимообусловленность когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов, являющихся психологическими формами проявления родительства. Автор указывает, что формирование когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов родительства начинается еще на уровне добрачного периода в результате влияния макроуровня, мезоуровня и особенностей личности, но дальнейшее его развитие происходит в результате согласования представлений о родительстве обоими супругами и реализации родительской роли на практике во взаимодействии с ребенком [9]. Сама же реализация данной роли осуществляется благодаря процессу принятия и овладения социальной роли родителя. Опираясь на ролевые концепции Е. В. Андриенко, Г. М. Андреевой, Д. А. Леонтьева, И. С. Кона, Р. Мокшанцева, А. Мокшанцевой, Р. Линтона, Т. Шибутани, Т. Парсона и др., социальную роль в своем исследовании мы рассматриваем как способ поведения, выполнения социальных функций, выражающийся на когнитивном, эмоциональном, поведенческом и ценностном уровнях, и возникающий в рамках совместной деятельности и социально-ролевых отношениях, отвечающих существованию и функционированию той или иной социальной группы [1; 2; 7]. Таким образом, мы можем заключить, что событие рождения ребенка и формирование родительства сопровождается структурными и функциональными изменениями семьи, появлением новых социальных ролей, функций в рамках совместной деятельности (родительства), что не может не сказаться на межличностных отношениях супругов, которые реализуются в этой деятельности, в актах общения и взаимодействия, на основе определенных чувств по отношению друг к другу.

Основная часть

Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что межличностные отношения супругов взаимосвязаны с процессом принятия социальной роли родителей на этапе беременности и трех месяцев ребенка.

Цель нашего исследования – выявить взаимосвязь межличностных отношений супругов с процессом принятия социальной роли родителей на этапе беременности и трех месяцев ребенка.

Задачи исследования:

1. Изучить взаимосвязь межличностных отношений супругов с процессом принятия социальной роли родителей на этапе беременности;
2. Изучить взаимосвязь межличностных отношений супругов с процессом принятия социальной роли родителей на этапе трех месяцев ребенка.

В исследовании приняло участие 40 супружеских пар (среди которых 20 супружеских пар на этапе беременности первым ребенком, 20 супружеских пар на этапе трех месяцев первого ребенка) в возрасте от 18-32 лет. Исследование проводилось на базе ОБУЗ «Курского городского клинического перинатального центра» № 2.

В психодиагностический пакет исследования вошли: тест «Методика диагностики супружеских отношений В.П. Левкович [10], О.Э. Зуськова, методика «Сознательное родительство» Р. В. Овчарова [9], опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волкова, цветовой тест отношений (ЦТО) Эткинда [11]. Достоверность и надежность полученных результатов обеспечивается репрезентативностью выборки испытуемых, соответствующим выбором методов и методик, адекватных целям и задачам исследования; количественным и качественным анализом экспериментальных данных с использованием метода математической статистики (коэффициент ранговой корреляции R Спирмена).

Результаты исследования

В результате проведения исследования взаимосвязи межличностных отношений в супружеских парах и овладением социальной роли родителей на этапе беременности, используя метод математической статистики (коэффициент ранговой корреляции R Спирмена), мы обнаружили значимые корреляции между показателями, приведенными в табл. 1.

Таблица 1

Взаимосвязь показателей межличностных отношений супругов и показателей овладения социальной роли родителей на этапе беременности супружеской пары

Параметр межличностных отношений в супружеских парах и параметр овладения социальной роли родителей	R Spearman	p-level
Оценка партнера и Родительские чувства	-0,503166	0,000935
Хозяйственно-бытовая и Родительская ответственность	-0,326690	0,039640
Родительско-воспитательная и Родительское отношение	0,430161	0,005598
Внешней привлекательности и Семейные ценности	0,328924	0,038229
Внешней привлекательности и Стилль семейного воспитания	0,339210	0,032253
Интимно-сексуальная и Отношение к супругу(ге)	0,313934	0,048527
Социальной активности и Отношение к ребенку	-0,325095	0,040672
Социальной активности & Отношение к супругу(ге)	-0,337197	0,033358
Социальной активности и Актуальное эмоциональное состояние (уровень тревожности)	-0,529208	0,000446

Анализ значимых положительных корреляционных данных по показателям (при $p \leq 0,05$) свидетельствует о том, что на этапе беременности, чем больше значения супруги придают роли матери (отца) и считают родительство основной ценностью, концентрирующей вокруг себя жизнь семьи, тем больше у них сформировано родительское отношение, которое проявляется в представлениях, суждениях, оценках относительно форм и способов взаимодействия с ребенком на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Кроме того, обнаружена взаимосвязь значимости ин-

тимно-сексуальной функции в браке с уровнем тревожности в отношении супруга(и), что объясняется вступлением супругов в период кризиса, связанного с ожиданием будущего ребенка и невозможности реализации прежней близости между супругами.

Мы также обнаружили сложную для объяснения взаимосвязь такого показателя межличностных отношений в браке, как значимость внешней привлекательности супругов с показателями семейных ценностей и стилем семейного воспитания. Данная взаимосвязь свидетельствует о том, что установка на собственную привлекательность, желание иметь внешне привлекательного партнера и ориентация на современные образцы внешнего облика супругов положительно коррелирует с наличием эмоций, чувств, убеждений, поведенческих проявлений, направленных на реализацию ценностных ориентаций относительно семьи, а также с направленностью родителей на образ будущего ребенка, возможные способы взаимодействия с ним, стилями воспитания и распределения ответственности, ролей в семье. Мы думаем, что данная взаимосвязь требует дальнейшего изучения и прояснения.

Анализ значимых отрицательных корреляционных данных по показателям (при $p \leq 0,05$) свидетельствует о том, что на этапе беременности высокая концентрация внимания супругов на ощущениях и благополучии партнера в отношении удовлетворенности браком сказывается на снижении выраженности родительских чувств в отношении будущего ребенка, проявляющихся в эмоциональной близости, эмоциональной оценке образа будущего ребенка и себя как родителя. Кроме того, мы обнаружили, что ориентация супругов на активное решение бытовых вопросов в браке также сказывается на снижении распределения ответственности перед собой, семьей и социумом в отношении родительства. Таким образом, данные результаты демонстрируют, что ориентация супругов на этапе беременности на межличностные отношения в браке мешает формированию и овладению социальной роли родителей.

Нами также были обнаружены данные о том, что на этапе беременности значимость внешней социальной активности (профессиональной, общественной) для стабильности брачно-семейных отношений, проявляющаяся в выраженности собственных профессиональных потребностей супругов и ориентации на то, что брачный партнер должен иметь серьезные профессиональные интересы, играть активную общественную роль отрицательно коррелирует с уровнем тревожности супругов по отношению к будущему ребенку, супругу(е) и уровнем тревожности в актуальном состоянии. Таким образом, значимость внешней социальной активности супругов и возможность ее реализации сказывается на стабильности эмоционального состояния супругов на этапе формирования социальной роли родителей.

В результате проведения исследования взаимосвязи межличностных отношений в супружеских парах и овладением социальной роли родителей в период трех месяцев ребенка, используя метод математической статистики (коэффициент ранговой корреляции R Спирмена), мы обнаружили значимые корреляции между показателями, приведенными в табл. 2. Следует отметить, что корреляций на этапе трех месяцев ребенка нами было обнаружено значительно больше, чем на этапе беременности.

Анализ значимых положительных корреляционных данных по показателям (при $p \leq 0,05$) свидетельствует о том, что на этапе трех месяцев ребенка соответствие ориентации жены (мужа) на личное выполнение хозяйственно-бытовой, эмоционально-психотерапевтической, родительско-воспитательной функций и внешней привлекательности с установками брачного партнера на активную роль в реализации данных сфер супружеских отношений (ролевая адекватность) играет важную роль в формировании и овладении социальной роли родителей.

Таблица 2

Взаимосвязь показателей межличностных отношений супругов и показателей овладения социальной роли родителей в период трех месяцев ребенка

Параметр межличностных отношений в супружеских парах & параметр овладения социальной роли родителей	Spearman	p-level
Хозяйственно-бытовая и Стиль семейного воспитания	0,535561	0,000369
Хозяйственно-бытовая и Общий балл	0,348627	0,027477
Родительско-воспитательная & Родительская ответственность	-0,482663	0,001609
Внешней привлекательности и Родительские чувства	0,514114	0,000690
Хозяйственно-бытовая и Отношение к рождению ребенка	-0,334825	0,039900
Эмоционально-психотерапевтическая и Отношение к маме/теще	0,415119	0,009553
Родительско-воспитательная и Родительские позиции	-0,390673	0,012688
Социальной активности и Семейные ценности	-0,390928	0,012625
Эмоционально-психотерапевтическая и Родительская ответственность	0,313249	0,049047
Интимно-сексуальная и Отношение к рождению ребенка	0,504376	0,001243
Личностной идентификации и Отношение к маме/теще	-0,447320	0,004866
Хозяйственно-бытовая и Отношение к рождению ребенка	0,387752	0,016156
Внешней привлекательности и Отношение к маме/теще	-0,351352	0,030540

Рассмотрим немного подробнее:

А именно, мы обнаружили, чем выше ориентация супруга(и) на личное выполнение хозяйственно-бытовой функции, которая соответствует установкам брачного партнера относительно выполнения партнером этой функции в браке, тем больше направленность супругов на образ ребенка, возможные способы взаимодействия с ним, стили воспитания, влияния эмоционального отношения членов семьи на процесс воспитания, распределения ответственности и ролей в семье. А также, тем выше общий балл сознательного родительства в супружеской паре, который проявляется в родительском отношении, родительских чувствах, родительской ответственности, родительских установках и ожиданиях, стиле семейного воспитания, семейных ценностях и родительской позиции в отношении к ребенку и родительству в целом, и тем ниже уровень тревожности супругов относительно события рождения ребенка. Мы можем объяснить полученные результаты тем, что согласованность относительно выполнения супругами хозяйственно-бытовой функции на этапе 3х месяцев ребенка сопровождается низким уровнем тревожности относительно рождения ребенка и ведет к тому, что у супругов появляется время и желание задумываться об особенностях проявления родительства, а также реализовывать социальную роль родителя на практике.

Кроме того, в этот период соответствие ориентации супруга(и) на значимость внешней привлекательности, которая соответствует установкам брачного партнера относительно значимости внешнего облика и его соответствия стандартам современной моды, положительно коррелирует с показателем родительских чувств в отношении ребенка, проявляющийся в эмоциональной близости, эмоциональной оценке образа ребенка и себя как родителя. Мы можем объяснить данную взаимосвязь тем, что в ситуации эмоциональной незабоченности и наличия согласованности относительно внеш-

него облика партнера в браке на этапе трех месяцев ребенка, супруги концентрируют свое внимание на эмоциональной близости и чувствах, которые возникают в отношении ребенка.

Ролевая адекватность относительно эмоционально-психотерапевтической функции брака положительно коррелирует с уровнем тревожности супругов в отношении мамы/тещи. Мы можем объяснить полученные результаты тем, что в ситуации согласованности супругов относительно выполнения эмоционально-психотерапевтической функции в браке на этапе трех месяцев ребенка, они меньше нуждаются в эмоциональной и моральной поддержке со стороны мамы (тещи). Следовательно, поведенческие реакции мамы (тещи), связанные с выполнением ею моральной и эмоциональной поддержки в браке вызывают тревожное состояние у каждого из супругов. В то же время мы обнаружили, чем выше значимость для супругов наличия взаимной моральной и эмоциональной поддержки членов семьи, а также ориентация на брак как среду, способствующую психологической разрядке и стабилизации, тем больше внимания супруги отводят распределению ответственности перед собой, членами семьи и социумом в отношении родительства. То есть формирование и проявление родительской ответственности положительно коррелирует с наличием взаимной моральной и эмоциональной поддержки супругами друг друга.

Ролевая адекватность относительно родительско-воспитательной функции брака отрицательно коррелирует с показателями родительской ответственности. Данная связь указывает на то, что чем выше ориентация супруга(и) на личное выполнение родительско-воспитательной функции в браке, которая соответствует установкам брачного партнера относительно выполнения супругом(ой) этой функции в браке, тем меньше внимания супруги отводят распределению ответственности перед собой, членами семьи и социумом в отношении родительства. Мы предполагаем, что это объясняется наличием эгоцентрической установки, направленной на взаимодействие с ребенком, а следовательно, и отсутствием желания распределения ответственности относительно родительства между супругами.

В ходе анализа полученных данных мы выявили, что тревожность супругов относительно события рождения ребенка положительно коррелирует с такими сферами реализации супружеских отношений как хозяйственно-бытовая организация семьи в браке и интимно-сексуальная сфера. Данные свидетельствуют о значимости бытовой организации семьи в ситуации рождения ребенка, а также объясняются нахождением супругов в периоде кризиса, связанного с рождением ребенка и невозможности реализации прежней близости между супругами.

Анализ значимых отрицательных корреляционных данных по показателям (при $p \leq 0,05$) свидетельствует о том, что на этапе трех месяцев ребенка, чем выше значимость родительско-воспитательной функции в браке, которая проявляется в придании большого значения супругами роли матери (отца) и мнению о родительстве как основной ценности, концентрирующей вокруг себя жизнь семьи, тем ниже реальная направленность супругов на взаимодействие с ребенком, в основе которой лежит сознательная или бессознательная оценка ребенка, реальный образ ребенка, оценка своих родительских позиций во взаимодействии с ребенком на настоящий момент времени и в дальнейшем. Мы предполагаем, полученные результаты могут быть связаны с тем, что чрезмерное придание значимости родительства на этапе трех месяцев ребенка может привести к концентрации внимания супругов на внешней стороне родительства и желании соответствовать заданным обществом стандартам и представлениям относительно того, какой должен быть родитель и родительство в целом. В то время как формирование внутренней оценки реальной позиции себя как родителя и готовность взаимодействовать с ребенком, может отходить на второй план.

Кроме того, на этапе трех месяцев ребенка, чем выше значимость внешней социальной активности (профессиональной, общественной) для стабильности брачно-семейных отношений, что проявляется в выраженности собственных профессиональ-

ных потребностей супругов и в установке на то, что брачный партнер должен иметь серьезные профессиональные интересы, играть активную общественную роль, тем меньше у супругов эмоций, чувств, убеждений и поведенческих проявлений, направленных на реализацию ценностных ориентаций относительно семьи.

Нами также была обнаружена связь межличностных отношений супругов с отношением к маме/теще. Чем выше установка супругов на личностную идентификацию друг с другом, что проявляется в ожидании общности интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения, тем ниже уровень тревожности по отношению к маме/теще. Мама (теща) в период рождения первого ребенка играет значительную роль в оказании помощи и поддержке супруги (дочери) на этапе реального взаимодействия с ребенком и овладения роли матери. А в парах, где уровень личностной идентификации между супругами высок, потребность супруги в маме в этот период улавливается и разделяется самим супругом. Что и объясняет низкий уровень тревожности в отношении мамы (тещи).

Также интересной для нас оказалась связь значимости внешней привлекательности супругов с отношением к маме/теще. А именно, чем выше значимость внешнего облика супругов, что проявляется в установке на собственную привлекательность и желании иметь внешне привлекательного партнера, а также в ориентации супругов на современные образцы внешнего облика, тем ниже уровень тревожности супругов по отношению к маме/теще. Данная связь может объясняться тем, что у супружеских пар, которые демонстрируют значимость внешнего облика, присутствие и помощь мамы (тещи) в уходе за ребенком дает реальную возможность уделить время и внимание собственной внешности. Что и объясняет снижение уровня тревожности в отношении мамы (тещи). Стоит отметить, что на этапе беременности связь межличностных отношений супругов с отношениями к маме/теще обнаружены не были. А появились лишь на этапе реального взаимодействия с ребенком и в ходе овладения социальной роли родителей на практике.

Заключение

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы:

1. Результаты представленного исследования показывают, что существует взаимосвязь между показателями межличностных отношений супругов с процессом принятия социальной роли родителей на этапе беременности.

Результаты представленного исследования показывают, что существует взаимосвязь между показателями межличностных отношений супругов с процессом принятия социальной роли родителей на этапе трех месяцев ребенка. Причем эта взаимосвязь обнаруживается значительно больше, чем на этапе беременности.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология - М.: Аспект Пресс, 2009. – 363 с.
2. Андреева Г. М., Богомолова Н.Н. Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия (теоретические подходы) - М.: Аспект Пресс, 2001. – 286 с.
3. Андреева Т. Семейная психология - СПб.: Речь, 2004. – 244 с.
4. Варга А. Я., Драбкина Т.С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс - СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
5. Захарова Е. И. Личностные изменения, связанные с появлением ребенка // Журнал практической психологии, 2003. – № 4 – 5. – С. 38 – 45.
6. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений - СПб.: Питер, 2013. – 576 с.
7. Мокшанцев А., Мокшанцева Р. Социальная психология - М.: Инфра-М, 2001. – 401 с.
8. Обозов Н. Н. Межличностные отношения - Л.: ЛГУ, 1979. – 149 с.
9. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие / Р.В. Овчарова - М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
10. Райгородский Д. Я. Диагностика семьи: методики и тесты – Самара, 2004. – 736 с.

11. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика: методики и тесты – Самара, 2001. – 664 с.
12. Филиппова Г. Г. Перинатальная психология и психология родительства – новая область исследования в психологии // Журнал практической психологии, 2003. – № 4 – 5. – С. 3 – 21.
13. Филиппова Г. Г. Психология материнства – М.: Издательство института психотерапии, 2002. – 240 с.

CORRELATION OF INTERPERSONAL RELATIONS OF SPOUSES AND THE PROCESSES OF SOCIAL PARENTAL ROLE ADMISSION DURING PREGNANCY AND 3-MONTHS CHILD'S LIFE

A. V. Temereva
I. A. Simonenko

*Kursk State
Medical University*

*e-mail:
phyicologist@mail.ru
irinalik2004@mail.ru*

The author discusses the results of the study of 40 couples (among whom there are 20 couples on the stage of pregnancy and 20 couples with a 3-month aged child). The results confirm the correlation of interpersonal relationships of spouses with the process of the social parental role admission during pregnancy and 3-months child's life.

Key words: interpersonal relations, social role, social parental role admission, parenthood.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдель Вахед Э. А. М.** – доцент кафедры моды и технологий Казанского научно-исследовательского технологического университета, кандидат филологических наук
- Багана Ж.** – профессор кафедры французского языка факультета иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Баканов Р. П.** – доцент кафедры журналистики Института массовых коммуникаций и социальных наук Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат филологических наук
- Богданова Ю. С.** – ассистент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ван Синсинь** – аспирант кафедры филологии историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Гайдукова Н. И.** – доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации факультета иностранных языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Генкин Ю. Ю.** – доцент кафедры иностранных языков Государственного Морского Университета им. адмирала Ф. Ф. Ушакова (г. Новороссийск), кандидат филологических наук
- Доронина Н. Н.** – доцент кафедры технологии продуктов питания и сферы услуг факультета бизнеса и сервиса института экономики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук, доцент
- Зверев П. А.** – аспирант кафедры педагогики педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Зверева Е. А.** – заведующая кафедрой журналистики и издательского дела Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, кандидат филологических наук, доцент
- Антони Кастель Тремаса** – профессор Автономного университета Барселоны, Каталония
- Киреева Ю. Н.** – аспирант кафедры филологии историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Козырева Н. В.** – старший преподаватель кафедры английского языка № 4 Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России
- Кормакова В. Н.** – заведующая кафедрой педагогики педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук, доцент
- Кравченко О. Н.** – доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук

- Краснова Т. И.** – доцент кафедры речевой коммуникации Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук
- Краснова Г. А.** – ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва), доктор философских наук, профессор
- Кучерова О. Е.** – доцент кафедры педагогики педагогического института Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Лукьянова Е. В.** – ассистент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Лисунова Л. В.** – старший преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства и графики Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды
- Махова А.А.** – аспирант кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Меринев В. Ю.** – доцент кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Московкин В. М.** – профессор кафедры экономики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор географических наук, профессор
- Нагорный И. А.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Озерова Е. Г.** – профессор кафедры филологии историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, доцент
- Пересыткин А. П.** – доцент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Плотникова Л. И.** – профессор кафедры филологии историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Присная Л. Л.** – доцент кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Рукавицына О. Н.** – старший преподаватель кафедры русского языка Военно-морской академии (г. Санкт-Петербург), кандидат педагогических наук

- Симоненко И. А.** – доцент кафедры общей и клинической психологии Курского государственного медицинского университета, кандидат психологических наук
- Смаковская Н. И.** – доцент кафедры общественных наук Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева, кандидат психологических наук
- Субботина И. М.** – старший преподаватель русского языка и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Темерева А. В.** – ассистент кафедры общей и клинической психологии факультета психологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, аспирант Курского государственного медицинского университета
- Ткачев В. Н.** – профессор кафедры психологии факультета дошкольного, начального и специального образования педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат философских наук, доцент
- Федотова О. В.** – доцент кафедры делового иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Федюнина И. Э.** – доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Филатов К. С.** – аспирант Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета
- Филоненко В. А.** – доцент кафедры иностранных языков Государственного Морского Университета им. адмирала Ф. Ф. Ушакова (г. Новороссийск), кандидат филологических наук
- Харченко В. К.** – заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

1) по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

2) по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagorny@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» – korochnensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – grebneva@bsu.edu.ru (Гребнева Валентина Викторовна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – vedomosti@nm.ru (Карпенко Ирина Ивановна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлекцией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлекцией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

- 1) УДК научной статьи;
- 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
- 3) ключевые слова;
- 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);
- 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
- 6) текст статьи;
- 7) ссылки.

*на русском
и английском
языках*

*на русском
языке*

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в MicrosoftWord 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.

5. Ссылки:

- номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);

- нумерация – автоматическая, сквозная;

- текст сноски внизу каждой страницы;

- размер шрифта – **10 пт.**

6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт).**

7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.

8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 808.2-318+802.0-318

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ
ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹**

Н. Ф. Алефиренко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS

N. F. Alefirenko

*Belgorod National
Research University*

e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Keywords: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алефиренко Н.Ф.

– профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999г.	2000г.	2001г.	2002 г.	2003 г.	2004г.	В среднем за	
							1999-2001гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999г.	2000г.	2001г.	2002 г.	2003г.	2004г.	В среднем за	
							1999-2001гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999г.	2000г.	2001г.	2002г.	2003г.	2004г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение той же таблицы, расположенной на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и подрисуночную подпись, расположенные ниже рисунка и отцентрированные.

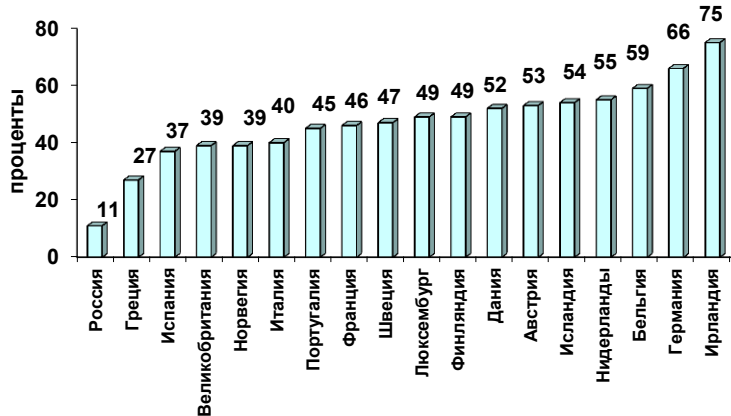

Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

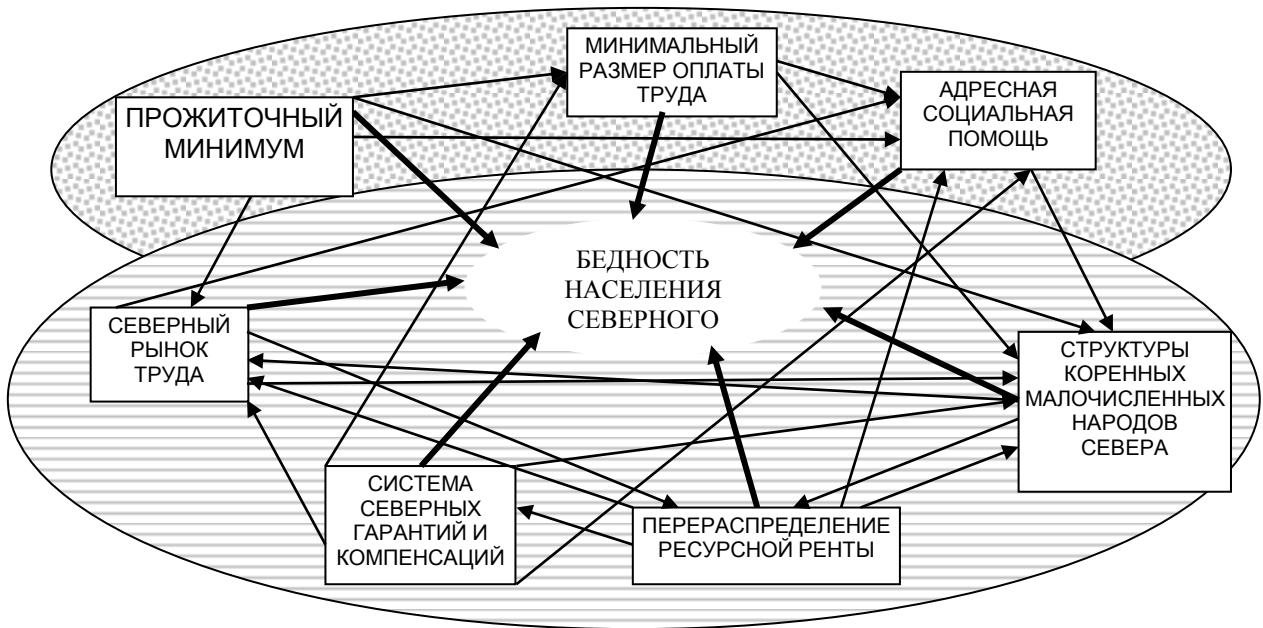

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.